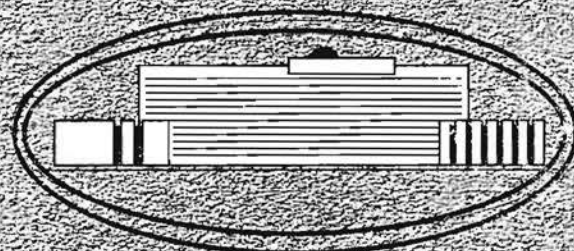

ISSN 2075-1613

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Том 12

Витебск 2011

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2011 • Том 12

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 7 от 22.12.2011 г.

Редакционная коллегия:

А.П. Солодков (главный редактор),
И.М. Прищепа (зам. главного редактора),
Л.М. Вардомацкий, С.В. Голубев, И.Л. Лапин, И.В. Мандрик, В.А. Маслова,
А.М. Мезенко, С.А. Моторов, А.А. Нестеренко, В.И. Нестерович, В.Н. Поклонская,
Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, М.А. Слемнев, А.С. Табачков, В.М. Шорец

Секретариат:

Г.В. Разбоева, В.Л. Пугач, Л.В. Моложавая, Т.Е. Сафранкова

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011. – Т. 12. – 224 с.
В54

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бел-4Вит)6я54

© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011

Оглавление

История

<i>Ворон В.П.</i> Политика российского самодержавия в сфере высшего аграрного образования на Беларуси в середине XIX – начале XX ст.	5
<i>Игнатовец Л.М.</i> Белорусский учебный округ: система управления	12
<i>Калиновская М.М.</i> Становление и развитие социальной инфраструктуры института охраны материнства и детства в БССР в 1920-е – 1930-е гг.	21
<i>Косов А.П.</i> Израиль во внешней политике СССР	29
<i>Ливицкий А.Г.</i> Создание системы органов политической работы в Красной Армии (1918–1921 гг.)	39
<i>Мандрык И.В., Акуневич В.В.</i> Переход к рыночной экономике в Республике Беларусь: проблемы формирования социально ориентированного государства (1991–2010 гг.)	49
<i>Марцынкевич І.А.</i> Фарміраванне сістэмы пратэзавання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе	63
<i>Сімакова І.М.</i> Захаванне і папулярызацыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны этнаграфічнымі музеямі Беларусі (1991–2010 гг.)	69
<i>Стрэнкоўскі С.П.</i> Рэформы гарадскога самакіравання Беларусі ў 90-я гады XVIII стагоддзя	75
<i>Тимофеев Р.В.</i> Совершенствование материальной базы белорусских транспортных предприятий в 1943–1991 гг.	85
<i>Уваров И.Ю.</i> Вопросы государственного строительства Великого княжества Литовского в постановлениях вальных сеймов 60-х гг. XVI в.	109

Философия

<i>Бородич В.М.</i> О «большом стиле» и романтизме	117
--	-----

Contents

History

<i>Voron V.P.</i> The Russian autocracy policy in the sphere of the higher agricultural education in Belarus in the mid XIX – early XX centuries	5
<i>Ignatovets L.M.</i> Belarusian educational district: administrative system	12
<i>Kalinouskaya M.M.</i> Setting up and development of the social infrastructure of the institute of maternity and childhood protection in the BSSR in 1920-ies – 1930-ies	21
<i>Kosov A.P.</i> Israel in foreign policy of the USSR	29
<i>Livitskiy A.G.</i> Setting up the system of bodies of political work in Red Army (1918–1921)	39
<i>Mandryk I.V., Akunevich V.V.</i> Transition to Market Economy in the Republic of Belarus: difficulties of the Social-oriented State Development (1991–2010)	49
<i>Martsynkevich I.A.</i> Setting up the system of prosthetic appliance provision for Great Patriotic War invalids in the first post-war decade	63
<i>Simakova I.N.</i> Maintenance and popularization of non-material cultural heritage by ethnographic museums of Belarus (1991–2010)	69
<i>Strenkovsky S.P.</i> Self-government reforms in Belarusian cities in the 90-s of XVIII century	75
<i>Timofeev R.V.</i> Perfection of material base byelorussian the transport enterprises in 1943–1991 years	85
<i>Uvarov I.Y.</i> Issues of state building of Grand Duchy of Lithuania in the decrees of volny sejms in the 60-ies of the XVI century	109

Philosophy

<i>Borodich V.M.</i> On “big style” and romanticism	117
---	-----

Булыко И.П. Учение об обитании святого духа в человеке в богословии кардинала Ива Конгара и его оценка с точки зрения православного богословия 126

Голубев С.В. Генезис государства как проблема социальной науки и философии 135

Демидов А.Б. Основной вопрос философии и проблема самоидентификации 143

Ростовская О.М. Историческая память: проблема образа 152

Филология

Архіпавы Н.К. Словаўтваральнае значэнне і словаўтваральная катэгорыя як адзінкі класіфікацыі матываванай лексікі (на матэрыяле адсубстантыўных найменняў асобы) 159

Губская В.М. Поліфанічная прырода рамана М. Гарэцкага “Віленскія камунары” (1931–1932) 166

Забогонская И.Л. Генезис семантических вариантов мотива странствия в английской поэтической традиции (до эпохи романтизма) 174

Калесніківа А.А. Ключавыя сацыяльныя паняцці “дом”, “сям’я”, “радзіма” ў канцэптасферы носбітаў беларускай мовы (на матэрыяле парэміялагічных адзінак) 181

Куліковіч У.І. Уплыў сучаснай арфаграфіі на арфаэпію дыктараў і карэспандэнтаў беларускага тэлебачання 189

Ма Лун. Типы фразеологических единиц в русском и китайском языках 198

Навасельцава Г.В. Мастацкае ўвасабленне мінулага ў творчасці рускамоўных пісьменнікаў Беларусі апошняй трэці XX стагоддзя 205

Трацяк З.І. Мірная і ваенная рэчаіснасць у зборніку Э. Хемінгуэя “Першыя сорок дзесяць апавяданняў”: узаемапрапранікненне і проціпастаўленне 211

Bulyko I.P. The doctrine on the habitation of the Holy Spirit in the human in the theology of cardinal Yves Congers and its evaluation by Orthodox theology 126

Golubev S.V. Genesis of the state as a problem of social science and philosophy 135

Demidov A.B. The basic question of philosophy and self-identification problem 143

Rastouskaya O.M. Historical memory: problem of an image 152

Philology

Arkipava N.K. Word building meaning and word building category as units of classification of motivated vocabulary (on the material of adsubstantive proper names) 159

Gubskaya V.M. The polyphonic nature of the novel by M. Goretski “Vilenskiya Communary” (1931–1932) 166

Zabohonskaya I.L. Genesis of “wandering” motif semantic variants in English poetical tradition (till romanticism) 174

Kalesnikava A.A. Key social notions of “home”, “family”, “Motherland” in the concept sphere of Belarusian native speakers (on the basis of paremiological units) 181

Kulikovich U.I. Impact of modern orthography on the orthoepy of Belarusian TV presenters and reporters 189

Ma Long. Types of phraseological units in the Russian and Chinese languages 198

Navaseltsava G.V. Artistic display of the past in the works of russian writers of Belarus in the last third of the twentieth century 205

Tratsiak Z.I. Peace and war reality in “First forty nine stories” by E. Hemingway: interpenetration and opposition 211

ИСТОРИЯ

УДК 947.6

Политика российского самодержавия в сфере высшего аграрного образования на Беларуси в середине XIX – начале XX ст.

© Ворон В.П.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка», Минск

В статье рассматриваются основные направления политики российского самодержавия в области высшего аграрного образования на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века. В основе исследования лежат неопубликованные материалы Национального исторического архива Беларуси, законодательство Российской империи в области высшего аграрного образования, а также труды современных белорусских и российских историков. В статье уделяется внимание исследованию процессов системного реформирования Горы-Горецкого земледельческого института в 1848–1863 гг. по следующим направлениям: материальное обеспечение, научно-педагогический потенциал и система обучения. Кроме того, анализируется сущность политики самодержавия в отношении высшего аграрного образования в период с 1863 по 1917 г. В этом аспекте, проводится анализ позиции Министерства Государственных Имуществ, царского правительства, администрации и общественности белорусского региона по вопросу целесообразности создания специализированного сельскохозяйственного вуза либо иной высшей школы.

Ключевые слова: аграрное образование, высшее образование, Горы-Горецкий земледельческий институт, Министерство Государственных Имуществ.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 5–11)

The Russian autocracy policy in the sphere of the higher agricultural education in Belarus in the mid XIX – early XX centuries

© Voron V.P.

Educational establishment “Belarusian State M. Tank Pedagogical University”, Minsk

The article considers basic directions of the Russian autocracy policy in the sphere of higher agricultural education in Belarus in the mid XIX – early XX centuries. The basis of the research is materials of the National historic archive of Belarus, which were not published earlier, Russian Empire legislation in the field of higher agricultural education as well as works by modern Belarusian and Russian historians. The article pays attention to the research in the process of systematic reforming of Gory-Goretsky Agricultural Institute in 1848–1863 according to the following directions: material provision, scientific and pedagogical potential and the system of education. Besides, there is the analyses of the essence of the policy of Russian autocracy attitude to the higher agricultural education during 1863–1917. In this article you can also find the analysis of the attitude of the Ministry of State Property, Tsar Government, the administration and the community of the Belorussian Region to the question of creation specialized agricultural higher educational establishment or another higher school.

Key words: agricultural education, higher education, Gory-Gorytsky agricultural institute, the Ministry of State Assets.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 5–11)

Адрес для корреспонденции: e-mail: luidaignatovets@rambler.ru – В.П. Ворон

Раскрытие проблематики развития высшего аграрного образования позволяет внести большую ясность в изучение процессов интенсификации сельскохозяйственного сектора в исследуемый период на территории пяти белорусских губерний, кроме того, обобщение исторического опыта в данной области представляет научный интерес для понимания и дальнейшей корректировки процессов модернизации аграрного образования на современном этапе. Необходимо отметить, что при высокой степени актуальности указанной темы исследования в данном направлении затрагивают лишь ряд отдельных вопросов. Так, А.В. Ефременко в контексте изучения проблемы становления аграрного образования в Российской империи уделяет внимание исследованию формирования системы обучения Горы-Горецкого земледельческого института [4]. Развитию сети сельскохозяйственных учебных заведений в XIX – начале XX ст. посвящены работы Н.Е. Новик, в рамках которых рассматривается и процесс создания первого в пяти западных губерниях аграрного вуза [8]. И.С. Серяков и А.В. Могильный занимаются изучением истории научных исследований в области животноводства в Горецком институте [12]. Л.И. Кухаревой и А.Д. Степенковой выявлены особенности пополнения фондов библиотеки института с момента его основания до конца XX в. [7]. Анализ проектов создания во второй половине XIX ст. вуза на территории Беларуси – предмет научного интереса А.Г. Зельского [6].

Таким образом, актуальность исследуемой проблемы, а также отсутствие по ней специальных работ, представляется необходимым основанием для ее изучения. Целью данной работы является обнаружение и исследование основных особенностей политики российского самодержавия в сфере высшего аграрного образования на Беларуси в середине XIX – начале XX ст.

Материал и методы. Источниковедческой базой исследования явилась научная литература, представленная работами современных российских и белорус-

ских историков, законодательство Российской империи в области высшего аграрного образования, а также неопубликованные материалы Национального исторического архива Беларуси. Методологической основой исследования являются научные принципы историзма, объективности и системности в изучении исторических материалов, которые основаны на приоритете документальных фактов и отказе от политической ангажированности.

Результаты и их обсуждение. Кризис сельскохозяйственного производства, основанного на крепостном праве и принудительном труде, в первой половине XIX ст. вынуждал российское самодержавие искать пути выхода из сложившегося положения. Одним из таких решений, направленных на повышение уровня интенсификации аграрного сектора и улучшение его кадрового обеспечения, стало создание в 1848 г. Горы-Горецкого земледельческого института. Поскольку существующие на то время высшие аграрные учебные заведения в империи, в особенности, Новоалександрьевский институт сельского хозяйства (Польша, Мармонт 1816 г.), Константиновский межевой институт (Москва 1835 г.), а также ветеринарные отделения Санкт-Петербургской медико-хирургической академии (1808 г.) и Харьковского университета (1805 г.) не могли в достаточной мере удовлетворить запросы сельского хозяйства [4, с. 70].

Активному развитию Горы-Горецкого земледельческого института способствовало несколько обстоятельств. Во-первых, благодаря содействию Министерства Государственных Имуществ (далее – МГИ), была создана необходимая для успешной работы вуза инфраструктура, включающая почтовую и метеорологическую станцию, аптеку, чугунолитейный завод, ветеринарную клинику, мастерскую по ремонту сельскохозяйственных машин [8, с.

44]. Во-вторых, в условиях крайнего дефицита преподавательских кадров в империи, а также значительной удаленности г. Горки от образовательных и культурных центров страны, могли возникнуть серьезные затруднения, связанные с организацией научно-педагогической работы. Данная проблема была решена путем привлечения к преподавательской деятельности в земледельческом институте выпускников Дерптского университета [4, с. 53–54].

Кроме того, налаживанию необходимого и своевременного информирования Горьковского сельскохозяйственного вуза о последних достижениях агрономии в ведущих, главным образом западноевропейских исследовательских и учебных, учреждениях в значительной мере благоприятствовал свободный доступ к научным зарубежным печатным изданиям. Так, по «Положению о Горьковском Земледельческом Институте» от 30 июня 1848 г. данному заведению разрешалось беспоглобно выписывать из-за границы книги, таблицы, географические карты и машины [9]. Следствием этого стало быстрое пополнение фондов институтской библиотеки новейшей литературой, в частности, ежегодно поступало 300–400 новых экземпляров журналов, монографий с преобладанием среди них европейских. В то же время, в учреждениях, подведомственных МГИ, книгоиздание агрономической литературы не соответствовало научным и образовательным запросам. Результатом этого явился низкий уровень комплектации российскими сельскохозяйственными изданиями библиотечных фондов Горьковского института, где были представлены главным образом номера «Земледельческой газеты» [7, с. 201].

Значительные проблемы возникали и при издании «Записок Горьковского земледельческого института». В 1856 г. подводя итоги пятилетнего выпуска ежегодника, Ученый комитет МГИ отмечал, что ввиду чрезвычайной перегруженности занятиями, преподаватели не имеют достаточно времени

для подготовки материалов, подходящих для публикации в журнале, поэтому редакция прибегала к пополнению «Записок» студенческими работами, как правило, не имеющими серьезного научного значения. Кроме того, было отмечено отсутствие спроса на издание среди населения, а вынужденные меры по его бесплатному распространению, при больших финансовых издержках (400 руб. стоимость одной серии), ставили под сомнение целесообразность дальнейшего выпуска «Записок Горьковского земледельческого института» [10].

В подобных условиях доступ к научным и образовательным инновациям в сфере агрономии во многом зависел от степени развития сотрудничества института с различными сельскохозяйственными учреждениями Российской империи на уровне обмена опытом. Необходимо отметить, что МГИ предпринимало определенные меры, способствующие этому. Например, в 1856 г. Департаментом Земледелия в Горьковский вуз было направлено двое студентов Новоалександрийского института сельского хозяйства и лесоводства для прохождения полного курса по мелиорации и луговодству [1]. В свою очередь организовывались командировки и для сотрудников Горьковской высшей школы. В том же 1856 г. И.А. Стебут был отправлен в Остзейский край с целью ознакомления с достижениями образцовых хозяйств. Огромное значение имело участие Горьковского института в работе сельскохозяйственных съездов и выставок, согласно «Положениям о Горьковском Земледельческом Институте» 30 июня 1848 г. и 8 декабря 1859 г. их проведение разрешалось также и в указанном вузе. В этом отношении хрестоматийным примером является съезд с одновременно проводимой выставкой в 1857 г., функционирование которых основывалось на «Правилах для

сельско-хозяйственных съездов при Горы-Горецком земледельческом институте» (1857 г.). Данным нормативным актом определялась главная цель указанных мероприятий, а именно: это сбор и анализ институтом научных сведений, касающихся сельского хозяйства Могилевской, Витебской, Смоленской, Минской и Гродненской губерний [2; 12, с. 162].

На протяжении существования Горы-Горецкого земледельческого института в Могилевской губернии (1848–1863 гг.) МГИ корректировало работу данного учреждения. Центральное место в реорганизации института занимало реформирование работы вуза на основе нового «Положения о Горы-Горецком Земледельческом Институте» от 8 декабря 1859 г. В соответствии с указанным законодательством значительно было увеличено (в 1,5 ра-за) финансовое обеспечение заведения, с 38580 руб. в 1848 г. до 60400 руб. в 1859 г., признанное до этого МГИ «слишком ограниченным» [9; 11].

Однако наиболее глубокие изменения произошли в организации учебного процесса, на необходимость оптимизации которого в институте еще в 1855 г. указывалось инспектором классов в докладной записке, направленной в Совет института. В частности, отмечалось, что обучение в вузе носит излишне теоретический, лекционный характер, в силу чего предлагалось ввести более разнообразные формы работы, такие, как чтение агрономической литературы, беседы студентов с преподавателями и работниками сельского хозяйства и т.д. Сделанные выводы подтвердились в ходе изучения Департаментом сельского хозяйства на протяжении 1857–1858 гг. эффективности образовательной работы в Горы-Горецком институте. Так, в выписке из отчета по итогам проведенной проверки говорилось о необходимости резкого увеличения числа практических занятий, упрощения экзаменационной системы, качественного изменения программ ряда предметов: ботаники, физики, химии с учетом аграрной специфики вуза, внедрения из-за

недостаточности одного немецкого дополнительного курса иностранных языков – французского или английского. Примечательно, что для выработки окончательного решения по проблеме модернизации образовательной модели земледельческого института, министр государственных имуществ М.Н. Муравьев (1857–1861 гг.) специально запросил мнение совета данного учреждения. В результате обсуждения практически все выдвинутые Департаментом сельского хозяйства предложения с некоторыми оговорками Совет института одобрил, за исключением проекта увеличения объема практических занятий, что было признано нецелесообразным ввиду возможной обременительности ими учебного процесса [3].

Таким образом, во второй половине 1850-х гг. возникла крайняя необходимость реорганизации системы обучения в Горы-Горецком земледельческом институте. Выходом из сложившейся ситуации и стало создание, на основе предложенных проектов, нового более прогрессивного «Положения о Горы-Горецком Земледельческом Институте», регламентирующего образовательную работу в вузе, официально опубликованного 8 декабря 1859 г. В соответствии с данным нормативным правовым актом предполагалось введение дополнительного иностранного языка, разрешалось чтение публичных лекций. Совету института предоставлялось право переводить способных студентов, обучающихся на платной основе (своекоштных), в разряд казеннокоштных, что означало постепенный рост доступности и демократизации аграрного образования. Однако наиболее важные преобразования затронули организацию практических занятий, если ранее по «Положению» 30 июня 1848 г. они проводились главным образом в период летних вакансий с 15 июня по 15 августа, то по новому закону сельскохозяйственная

практика охватывала не только время летних каникул, но и весь 4 курс [9, 11]. Вместе с тем, подобный исключительно прагматический подход МГИ к проблеме оптимизации баланса практического и теоретического обучения привел к чрезмерному сокращению последнего, что отрицательно сказалось на качестве аграрного образования. По этой причине МГИ в дальнейшем было вынуждено отказаться от такого решения.

Об этом свидетельствует история Санкт-Петербургского лесного института – вуза-преемника Горы-Горецкого института, после перевода его в 1863 г. в корпус Лесной академии Санкт-Петербургского земледельческого института (с 1877 г. – Санкт-Петербургский лесной институт). Так, в соответствии с «Положением о Санкт-Петербургском лесном институте» от 8 апреля 1902 г., проведение лекций и студенческая практика равномерно распределялись в течение всего учебного года. Принципы организации практической подготовки, характерные для Горыцкого института, после введения 8 декабря 1859 г. соответствующего «Положения» иными аграрными вузами империи оказались также не востребованы.

Впоследствии было выбрано два более оптимальных варианта ее организации. Первый, воспринятый в Новоалександрийском институте сельского хозяйства и лесоводства и Петровской земледельческой и лесной академии (осн. в 1865 г.), сводился к проведению ежегодной летней практики. Второй вариант базировался на принципах, указанных в «Положении о Санкт-Петербургском лесном институте» 8 апреля 1902 г., составлял основу образовательной стратегии также и Московского сельскохозяйственного института (осн. в 1894 г.) [4, с. 56].

Закрытие в 1863 г., в связи с восстанием 1863–1864 гг., аграрного вуза в Горках на длительное время, вплоть до 1919 г., приостановило развитие на территории Беларуси системы высшего сельскохозяйственного образования.

Необходимо отметить, что принятие такого радикального решения было обусловлено обстоятельствами не только политического характера. В частности, на протяжении всего периода существования института в Могилевской губернии в 1848–1863 гг. вопрос о его закрытии, по причинам высоких издержек на содержание отмеченного заведения, относительной экономической и культурной неразвитости данного региона, неоднократно поднимался в ведомстве МГИ [8, с. 44]. После перевода Горы-Горецкого института в Санкт-Петербург ситуация в сфере аграрного образования в пяти западных губерниях еще более усложнялась отсутствием какой-либо высшей школы.

Открытие любого вуза, даже негосударственного, например, Высших Женских Курсов, могло бы в какой-то мере заменить соответствующее аграрное образовательное заведение, поскольку система обучения большинства вузов включала в себя предметы, составляющие основу сельскохозяйственного образования: органическую химию, ботанику, зоологию, механику и т.д. Однако в Беларуси после 1863 г. возникла достаточно парадоксальная ситуация. Администрация региона осознавала необходимость учреждения высшей школы и разрабатывала проекты по ее созданию. В этом отношении получили широкую известность идеи виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева (1863–1865 гг.) и попечителя виленского учебного округа П.Н. Батюшкова (1868–1869 гг.). После экономического подъема 1890 гг. отсутствие аграрного вуза стало наиболее серьезной проблемой сельскохозяйственных производителей Беларуси. Для ее преодоления в 1902 г. Гродненское и Виленское общества сельского хозяйства начали совместную кампанию сбора денежных средств для учреждения в Вильно соответствующего учебного заведения.

Вместе с тем, правительство так и не поддержало данную инициативу вследствие опасений роста польского сепаратизма и белорусского возрождения [6, с. 23; 5].

Заключение. Таким образом, комплексный анализ источников, освещающих отдельные вопросы указанной проблематики, позволил нам сделать вывод о том, что в политике российского самодержавия в сфере высшего аграрного образования на Беларуси следует выделить два этапа. Первый (1848–1863 гг.) характеризуется созданием первого в пяти западных губерниях сельскохозяйственного вуза – Горы-Горецкого земледельческого института, с последующим активным реформированием указанного заведения. Соответствие осуществляемых в данный период преобразований образовательным нуждам института было обусловлено предварительным всесторонним анализом его работы и учетом мнения преподавательского состава института. Тем не менее, излишне прагматическое понимание МГИ сущности аграрного образования, ориентир на получение сиюминутных результатов и выгод, что нашло отражение при разработке нового «Положения», утвержденного 8 декабря 1859 г. в дальнейшем неизбежно привело к снижению уровня теоретического обучения в Горках и, как следствие, к понижению качества всего образовательного процесса.

Второй этап (1863–1917 гг.) связан с усилением консервативного курса российского самодержавия, исключающего возможность финансирования и дальнейшего развития системы высшего аграрного образования вопреки экономическим нуждам региона. Стремление чиновников к получению мгновенных экономических результатов при одновременном свертывании минимально необходимой финансовой поддержки привело к закрытию Горы-Горецкого института и, фактически, к ликвидации высшего аграрного образования на территории Беларуси.

Содержащиеся в статье данные и сделанные выводы могут быть исполь-

зованы соответствующими сельскохозяйственными образовательными структурами Республики Беларусь для оптимизации существующей системы подготовки специалистов-аграриев, а также для решения проблем интенсификации сельского хозяйства.

Литература

1. Дело о введении курса лекций и практических занятий по осушению болот // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2259. – Оп. 1. – Д. 1347. – Л. 205.
2. Дело о проведении при институте сельскохозяйственного съезда. Правила для сельскохозяйственных съездов // НИАБ. – Фонд 2259. – Оп. 1. – Д. 1492. – Л. 6.
3. Дело об изменении учебных курсов института с целью увеличения практических занятий // НИАБ. – Фонд 2259. – Оп. 1. – Д. 1495. – Л. 1, 5, 6, 18, 20.
4. Ефременко, А.В. Земская агрономия и ее роль в эволюции крестьянской общины / А.В. Ефременко. – Ярославль: ЯСХА, 2002. – 458 с.
5. Заявление вице-председателя Виленского общества сельского хозяйства И.К. Гочевича // Журнал общественного собрания Гродненского общества сельского хозяйства. – 1902. – № 2. – С. 8, 9.
6. Зельскі, А.Г. Пляны і спробы стварэння ўніверсітэта ў Беларусі (першая палова XIX ст. – 1918 г.) / А.Г. Зельскі // Беларус. гіст. час. – 2009. – № 2 (55). – С. 22–29.
7. Кухарева, Л.И. Первая сельскохозяйственная библиотека в стране / Л.И. Кухарева, А.Д. Степенкова // Вестн. белорус. гос. сельскохозяй. акад. – 2010. – № 1. – С. 201–204.
8. Новік, Н.Я. Сельскагаспадарчая адукацыя як фактар аграрнай мадэрнізацыі Беларусі ў XIX – пачатку XX ст. / Н.Я. Новік // Беларус. гіст. час. – 2009. – № 11(123). – С. 43–48.
9. Положение о Горы-Горецком земледельческом институте и состоящих при нем земледельческом училище и учебной ферме, 30 июня 1848 г., № 22414 // Полн. собр. зак. Рос. имп. – 1848. – Т. 23. – Ст. 81, 18, 11.
10. Переписка с департаментом сельского

- хозяйства об издании VI книжки записок института // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 2259. – Оп. 1. – Д. 1488. – Л. 2, 3.
11. Положение о Горы-Горецком земледельческом институте и состоящих при нем земледельческом училище и учебной ферме, 8 декабря 1859 г., № 35220 // Полн. собр. зак. Рос. имп. – 1859. – Т. 34. – Ст. 18, 7, 23, 10.
12. Серяков, И.С. Начало научных исследований в области животноводства в Беларуси / И.С. Серяков, А.В. Могильный // Вестн. белорус. гос. сельскохозяйств. акад. – 2010. – № 3. – С. 161–166.

Поступила в редакцию 21.09.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 37(476)(091)

Белорусский учебный округ: система управления

© Игнатовец Л.М.

Белорусский государственный университет, Минск

В статье рассматривается вопрос об организации системы управления Белорусским учебным округом, существовавшим в период с 1829 по 1850 г. Эта система управления имела особенности, отличавшие ее от той, что действовала в остальных учебных округах Российской империи. В связи с отсутствием университета, а следовательно и коллегиального органа управления системой просвещения округа (Совета университета), в первые годы существования Белорусского учебного округа все организационные и управленческие функции были возложены на попечителя, которым был назначен Г.И. Карташевский. Единоличное управление округом, первоначально состоявшим из двух губерний (Витебской и Могилевской), оказалось достаточно продуктивным благодаря, в первую очередь, самоотверженной службе попечителя. Но последующее расширение округа за счет включения в его состав губерний Минской, Гродненской, Виленской и области Белостокской сделали единоличное управление округом объективно невозможным, что послужило поводом для изменения существующей системы управления. Выразилось оно в создании подчиненного попечителю совещательного органа – Правления округа. Созданная в Белорусском учебном округе система управления, сочетавшая в себе единоначалие и коллегиальность, сохраняла, тем не менее, единоличную ответственность попечителя за состояние дел в округе и проведение определенной правительственной политики в области народного просвещения. Эффективность такого устройства системы управления учебным округом была признана на правительственном уровне, и это устройство приобрело вскоре нормативный статус согласно «Положению об учебных округах Министерства народного просвещения», принятому в 1835 г. и распространенному на все учебные округа Российской империи.

Ключевые слова: учебный округ, система управления учебным округом, попечитель, Совет попечителя, университет, гимназия.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 12–20)

Belarusian educational district: administrative system

© Ignatovets L.M.

Belarusian State University, Minsk

The article deals with the structure of administrative system of a Belarusian school district, which existed from 1829 to 1850. Under the local circumstances this system had the features which differed it from the administrative system of other school districts of the Russian empire. The lack of a university (which normally managed the educational system in a school district) became the reason of another structure of administrative system in the Belarusian school district. All administrative functions were focused in the hands of a curator. The first curator was G.I. Kartashevskii. The management of the school district (which at first consisted of Vitebsk and Mogilev regions) was quite effective due to the service of the curator. However, one person management of the extended district after including Minsk, Grodno, Vilnius and Belostok regions became impossible. The necessity of changing was obvious, and the curator proposed the project of a new administrative system, which turned out very effective in existing circumstances. A subordinate to the curator body, Area management, was set up. Thus the system of management of a Belarusian school district, which combined both single person management and collective management, still preserved personal responsibility and certain government policy in public education. This project was taken as the example for amendment drafting of the "Provision about school district of Ministry of education". The Provision was accepted in 1835 and was spread for all other school districts of the Russian empire.

Key words: school district, administrative system of school district, curator, Council of curator, university, gymnasium.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 12–20)

Адрес для корреспонденции: ул. Харьковская, 74–18, г. Минск,
e-mail: luidaignatovets@rambler.ru – Л.М. Игнатовец

История Белорусского учебного округа (в дальнейшем – БУО) до настоящего времени мало изучена – ей посвящены только отдельные публикации [1]. Одной из неизвестных страниц отечественной историографии по этой теме является вопрос о системе управления БУО. Данная статья устраняет этот пробел в истории образования Беларуси. Целью статьи является изучение и оценка эффективности системы управления БУО, существовавшего в период с 1829 по 1850 г.

Материал и методы. В основу исследования положены архивные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, Государственном историческом архиве Литвы, впервые введенные автором в научный оборот, а также опубликованные документы Министерства народного просвещения Российской империи. Были использованы общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция) и специально-исторические методы (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный).

Результаты и их обсуждение. В силу местных обстоятельств система управления БУО имела некоторые специфические особенности, и чтобы оценить ее в полной мере, необходимо хотя бы кратко описать нормативную систему управления учебными заведениями в Российской империи накануне создания этого округа.

В соответствии с принятым в начале XIX в. законодательством в Российской империи устанавливался следующий порядок управления системой народного просвещения. Учебные заведения нескольких соседних губерний, «сходствующих между собою в местных обстоятельствах», объединялись в учебный округ, которых было учреждено шесть – по числу существовавших (в Москве, Вильне и Дерпте) и предполагавшихся к открытию (в Харькове, Казани и Санкт-Петербурге) университетов. Все учебные заведения определенного округа

находились в ведении назначаемого императором попечителя, который являлся одновременно членом Главного училищ правления. Попечитель зависел непосредственно от Министра народного просвещения, перед которым отвечал за благоустройство всех учебных заведений вверенного ему округа, а в случае отсутствия университета до его учреждения исполнял обязанности по управлению ими [2, с. 15–16].

Управленческие функции в университете распределялись между Советом университета, в который входили все профессора, Правлением, в которое входили все деканы факультетов, и Училищным комитетом, состоящим из шести специально назначаемых профессоров. Совет университета решал все вопросы, связанные с обеспечением учебного процесса: избрание и представление попечителю для утверждения министром директоров гимназий; назначение смотрителей уездных училищ и учителей всех училищ учебного округа; обеспечение училищ учебными пособиями; контроль за соблюдением законодательства; составление сводных итоговых и промежуточных отчетов о деятельности учебных заведений округа; усовершенствование методики преподавания [2, с. 305]. Правление университета решало вопросы финансово-хозяйственной деятельности учебных заведений округа. В обязанности Училищного комитета входило утверждение учебных планов частных учебных заведений и утверждение в должности их учителей; рассмотрение отчетов губернских директоров училищ и, в свою очередь, представление Совету университета ежегодного отчета о состоянии народного просвещения в округе с указанием недостатков и способов их устранения. Кроме того, с целью более эффективного контроля деятельности учебных заведений Училищный комитет определял визитаторов, каждый из которых ежегодно производил ревизию учебных заведений одной или двух губерний округа.

Замечания визитаторов, рассмотренные Училищным комитетом, также препровождались в Совет университета, а оттуда – попечителю [2, с. 326–328].

Следующим за университетом нижестоящим звеном управления являлся губернский директор училищ, занимавший одновременно и должность директора гимназии. В обязанности губернского директора входило ведение гимназией и другими учебными заведениями губернского города, а также управление всеми уездными и приходскими училищами губернии через их смотрителей. В своей деятельности директор зависел непосредственно от университета: принимал от него поручения и представлял отчеты по учебной и хозяйственной части учебных заведений губернии. Губернский директор училищ представлял учителей для утверждения их Советом университета [2, с. 348].

Губернский директор училищ представлял на утверждение университета смотрителей уездных училищ, каждый из которых имел в непосредственном ведении уездные и приходские училища города, а через начальство приходских сельских училищ управлял ими в своем уезде. Смотритель получал от учителей уездных училищ и начальства приходских сельских училищ полугодовые ведомости по учебной и хозяйственной части и с приложением своей сводной ведомости по уезду отправлял их губернскому директору училищ [2, с. 356–357].

Смотритель уездных училищ через директора представлял на утверждение университета в качестве начальства казенного приходского училища священника и одного из почетных жителей определенной местности. В помещичьих селениях приходское училище находилось в ведении помещика или его доверенного лица. В делах по учебной и хозяйственной части начальство казенного приходского училища относилось к смотрителю. Приходское же училище в помещичьем селении в отношении учебного процесса

находилось под непосредственным руководством смотрителя, а за хозяйственную часть отвечал помещик [2, с. 359].

Таким образом, определяемая уставом 1804 г. система управления учебным округом обеспечивала решение всех управленческих функций по отношению к учебным заведениям округа. Ключевым элементом этой управленческой пирамиды являлся университет, который координировал систему образования в округе и наполнял ее содержанием. Попечитель выполнял функции опеки и контроля учебных заведений своего округа и отчитывался перед Министром народного просвещения за их состояние.

Вместе с тем, в этой системе уже изначально были заложены определенные недостатки. Во-первых, на университеты были возложены административно-распорядительные функции, не свойственные высшим учебным заведениям. Во-вторых, к обеспечению деятельности училищ и ее контролю фактически не привлекались члены местных представительных органов.

В некоторой степени эти недостатки были устранены Уставом 1828 г. [3, с. 200–257]. Этот устав в определенной степени перераспределил управленческие функции между университетом и губернской гимназией (разрешив, в принципе, существование в губернском городе нескольких гимназий, только одна из которых имела статус губернской) и учредив институт почетных представителей местного населения (почетные попечители губернских гимназий, почетные смотрители уездных училищ, благочинные и помещики в приходских училищах). Устав 1828 г. четко определял функции этих почетных представителей и систему их взаимоотношений с училищным начальством. Основной обязанностью этих должностных лиц было нахождение средств к улучшению благосостояния опекаемых ими учебных заведений. Заметив какие-либо

несоответствия уставу, смотрители обязаны были обратить на них внимание начальства учебного заведения, а в случае неприятия последним исправительных мер, сообщить в вышестоящую инстанцию. В свою очередь, в обязанность начальства приходских и уездных училищ и гимназий входило информирование соответствующего почетного смотрителя обо всех мерах, принятых в их учебном заведении по учебной и хозяйственной части. Фактически они (почетные смотрители) выполняли по отношению к опекаемым ими учебным заведениям ту же функцию, какую выполнял попечитель по отношению ко всему учебному округу, но не имели права делать какие-либо распоряжения в подопечных учебных заведениях и официально не подчинялись училищному начальству. Почетные смотрители уездных училищ назначались университетами и утверждались Министром народного просвещения, а почетные попечители гимназий по представлению министра утверждались императором [3, с. 205, 223–224].

Сохранив за университетом обязанность назначать и представлять на утверждение министра директоров губернских гимназий и утверждать уездных смотрителей, его (университет) освободили от функции назначения учителей приходских училищ и усовершенствования методики преподавания предметов в гимназиях, уездных и приходских училищах. Последняя функция была возложена на Советы губернских гимназий. Советы гимназий должны были также принимать экзамены у кандидатов на должность учителя уездного училища, осуществлять контроль расходования выделенных учебным заведениям финансовых средств. Два раза в год на Совете гимназии заслушивались отчеты дирекции по управлению ею и другими учебными заведениями [3, с. 237–239].

Перенесение некоторых управленческих функций на уровень гимназии

являлось положительным моментом, так как позволяло лучше ориентироваться в принятии распорядительных мер по учебным заведениям определенной губернии и более эффективно контролировать их выполнение.

Вместе с тем, за университетом был сохранен ряд административно-распорядительных и контрольных функций, что, конечно же, было им не свойственно (отвлекало профессуру от выполнения их прямых обязанностей, замедляло и делало многоступенчатым процесс принятия решений, сводило функции попечителя только к надзору за выполнением распоряжений министра народного просвещения) и ставило в трудное положение попечителей тех учебных округов, в которых не было университета – у них фактически отсутствовал штат для выполнения этих функций.

Согласно Указу 17 января 1829 г. Витебская и Могилевская губернии были изъяты из Санкт-Петербургского учебного округа и для управления ими назначался особый попечитель, непосредственно зависевший от Министра народного просвещения и имевший постоянное место-пребывание в одной из белорусских губерний [3, с. 271–273]. Следует отметить, что в этом указе не был зафиксирован факт создания отдельного учебного округа, но все последующие документы, в которых используется название «Белорусский учебный округ», ссылаются именно на этот указ.

Указом от 3 августа 1829 г. попечителем Белорусского учебного округа был назначен статский советник Г.И. Карташевский, занимавший до этого должность директора департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий, а его место-пребыванием определен г. Витебск, как наиболее удобный по расположению [4, л. 14]. Г.И. Карташевский приступил к исполнению своих обязанностей спустя год после формального образования округа, в январе 1830 г. (до этого времени учебные заведения Витебской и

Могилевской губерний все еще находились в ведении Санкт-Петербургского университета) [5, л. 5]. Перед попечителем была поставлена задача преобразовать систему просвещения в БУО в соответствии с уставом 1828 г., приняв во внимание местные обстоятельства. Одним из таких обстоятельств было отсутствие в округе университета, что являлось весьма неординарной с точки зрения принятой системы управления образованием ситуацией. В этих условиях попечитель округа должен был взять на себя не только функции, предписываемые ему его должностью, но и функции, традиционно возлагаемые на университет. Решение Комитета устройства учебных заведений об открытии в белорусских губерниях лицей, который должен был бы выполнять и управленческие функции университета, так и не было исполнено, хотя Г.И. Карташевский прилагал немало усилий для его создания.

В соответствии с действующими положениями в случае отсутствия в учебном округе университета его функции должен был исполнять попечитель. И на первых порах месторасположение резиденции попечителя и не очень большой по размерам округ позволяли Г.И. Карташевскому успешно справляться со своими обязанностями.

Ситуация кардинально изменилась с присоединением к округу в январе 1831 г. Минской, а в мае 1832 г. – Виленской и Гродненской губерний и Белостокской области: единоличное управление стало трудноосуществимо. Понимая это, Г.И. Карташевский обратился к Министру народного просвещения с просьбой создать какой-нибудь управленческий орган учебного округа. В ответ на это обращение министр переподчинил попечителю Временный училищный комитет, который был создан из профессоров бывшего Виленского университета после его ликвидации для управления учебными заведениями, присоединенных к БУО губерний. В функции этого комитета входило решение вопросов, относящихся

ранее к компетенции Правления Виленского университета, т.е. вопросов текущей деятельности учебных заведений. О всех принятых решениях комитет обязан был доводить до сведения попечителя БУО посредством еженедельных отчетов. Вместе с тем, все вопросы, касавшиеся изменения порядка, существовавшего на вновь присоединенных территориях, входили в компетенцию попечителя БУО [6, л. 1–3].

Ограниченность функций Временного училищного комитета не позволяла Г.И. Карташевскому эффективно исполнять свои обязанности, и он в октябре 1832 г. снова ходатайствовал перед министром об учреждении вместо Временного училищного комитета в Вильне Правления округа в Витебске [7, л. 11–12]. В ответ на это обращение министр поручил попечителю разработать проект устройства Правления, который и был представлен на утверждение министра в декабре 1832 г. Согласно предложениям Г.И. Карташевского, Правление под председательством попечителя, состояло из двух отделений: по учебной и по хозяйственной частям. В круг полномочий Правления входили все дела, касавшиеся учебных заведений округа, за исключением секретных поручений и особо важных случаев, дела о которых производились в канцелярии попечителя. Никакие решения и постановления Правления без согласия попечителя не могли быть приводимы в исполнение. Все документы, представляемые министру, составлялись от имени попечителя. В члены Правления Г.И. Карташевский предложил директоров училищ Гродненской и Витебской губерний Суходольского и Гаретовского – иных кадров, по его (Карташевского) мнению, способных к исполнению функций членов Правления, он не видел [8, л. 26–27].

Правление БУО, по проекту Г.И. Карташевского, представляло собой совещательный и исполнительный орган при попечителе и выполняло те

управленческие функции, которые возлагались на Совет университета и Училищный комитет, находившиеся под председательством ректора. Высочайшее соизволение на учреждение Правления было получено в январе 1833 г. Состав членов Правления пополнился в июне 1833 г. Ветринским, назначенным на должность визитатора, и в декабре 1833 г. – Э.А. Грубером, бывшим директором закавказских училищ, специально приглашенным Г.И. Карташевским. Правление начало свою деятельность в январе 1834 г. в Витебске [9, л. 10–10 об.].

Таким образом, с начала 1834 г. в помощь попечителю БУО существовало два коллегиальных органа: Временный училищный комитет в Вильне, в компетенции которого входила текущая деятельность учебных заведений Виленской, Гродненской, Минской губерний и Белостокской области, и Правление БУО в Витебске, которое занималось вопросами преобразования и управления системой просвещения на всей территории округа.

После увольнения Г.И. Карташевского в марте 1835 г. Министр народного просвещения поручил Правлению БУО под председательством старшего члена Правления Э.А. Грубера «впредь до распоряжения заведывать делами округа». Вместе с тем Правление не было уполномочено действовать на правах попечителя, и ему вменялось в обязанность согласовывать с министром те действия, которые входили в круг полномочий попечителя и тем более те, которые превышали его власть [8, л. 55, 78–81 об.]. Более того, до июля 1836 г. курирование БУО осуществлял исполнявший должность товарища Министра народного просвещения граф Протасов, который по итогам обзора учебных заведений БУО в 1835 г. дал хорошую оценку состоянию системы просвещения, что, несомненно, являлось заслугой

Г.И. Карташевского [3, с. 1014–1024].

Таким образом, БУО, не имевший высшего учебного заведения как управляющего органа, лишился в марте 1835 г. и попечителя. В БУО образовалась своеобразная система управления: с одной стороны, округ возглавляло Правление, которое выполняло с ведома Министра народного просвещения организационно-распорядительные функции, а с другой стороны, округом «заведывал» чиновник Министерства народного просвещения, который находился в Санкт-Петербурге и осуществлял в основном контрольные функции. Ни Правление, ни куратор от министерства не имели той полноты власти, которой обладал попечитель, а вакантная должность попечителя БУО свидетельствовала об отсутствии подходящей кандидатуры, которой правительство могло бы доверить безболезненное проведение столь важного процесса деполонизации Северо-Западного края. Положение осложнялось еще и существованием двух не подчиненных друг другу и территориально разнесенных распорядительных органов: Правления в Витебске и Временного училищного комитета в Вильне.

Существовавшая в БУО до 1835 г. система управления, в которой все управленческие функции концентрировались в руках попечителя, оказалась на тот момент наиболее эффективной в силу единства власти и ответственности попечителя за состояние системы просвещения в округе. Целесообразность такого устройства системы управления в учебном округе была признана на правительственном уровне, и это устройство приобрело вскоре нормативный статус.

В июле 1835 г. было Высочайше утверждено разработанное Комитетом устройства учебных заведений «Положение об учебных округах Министерства народного просвещения» [3, с. 955–961], которое трансформировало систему управления в округе по примеру, существовавшему в БУО в 1834–1835 гг. Как было сказано в докладе Комитета,

тридцатилетний опыт управления учебными заведениями посредством университетов доказал неэффективность существовавшей системы управления, так как профессор не могли уделять должного внимания прочим учебным заведениям в силу занятости по университетским делам. По этой причине член комитета Сперанский предложил «надзор за учебными заведениями вверить попечителю с прибавлением ему нужного числа помощников по пространству округа». Преимущества такого устройства состояли: во-первых, в единстве власти и ответственности; во-вторых, в простоте и достоверности управления; в-третьих, в возможности чаще и с большей пользой обзирать учебные заведения. В указе об утверждении положения было сказано, что университеты освобождались от управления гимназиями и другими учебными заведениями округа. Согласно положению управление округом, который составляли лицеи, гимназии и училища определенного числа губерний, всецело переходило к попечителю. Примечательно, что университет номинально оказывался вне округа. Обязанности Совета университета в отношении дел округа состояли в представлении по требованию попечителя мнения об усовершенствовании преподавания предметов, решении вопросов о введении дополнительных дисциплин и принятии в руководство книг и других учебных пособий [3, с. 955–956].

Согласно положению в обязанности попечителя входило: разрешение наиболее важных вопросов по управлению лицеями, гимназиями и училищами округа или же представление на утверждение Министра народного просвещения своего заключения по вопросам, выходящим за его (попечителя) компетенцию; личный осмотр учебных заведений округа и уведомление министра о результатах осмотра; консультация у Совета университета по училищным вопросам,

требующим научного мнения; избрание и увольнение директоров (с последующим утверждением министром) и инспекторов гимназий, назначение и увольнение штатных смотрителей уездных училищ, учителей гимназий и уездных училищ (по представлению директоров), определение почетных смотрителей (с согласия министра). Попечитель имел право утверждать контракты на подряды и поставки на сумму до 10000 рублей ассигнациями и разрешать выдачу на нужды учебного заведения единовременной суммы до 1000 рублей ассигнациями [3, с. 957–959].

Для содействия попечителю в исполнении столь обширного круга обязанностей были введены должности помощника попечителя, которому попечитель мог вверить часть управления, и инспектора казенных училищ. Кроме того, учреждался Совет попечителя под его председательством, куда входили: помощник попечителя, ректор университета, инспектор казенных училищ и два директора гимназии. По усмотрению попечителя округа на заседания Совета могли приглашаться почетные попечители, директора гимназий и инспектора частных училищ и пансионов. Вопросы, предлагаемые на обсуждение Совета, определялись попечителем. Совет не имел права вести с кем-либо переписку – исполнение его решений производилось от имени попечителя, однако в случае несогласия более половины членов Совета с мнением попечителя никакое дело не получало дальнейшего хода без утверждения министра [3, с. 959–960].

На обсуждение Совета выносились следующие вопросы:

- 1) внесение изменений в документы, касавшиеся учебной части;
- 2) открытие гимназий и уездных училищ;
- 3) рассмотрение годовых отчетов и отчетов по обозрению учебных заведений округа;
- 4) открытие и закрытие частных учебных заведений и пансионов;
- 5) рассмотрение полугодичных отчетов о состоянии частных учебных заведений;

6) рассмотрение дел о нарушениях и злоупотреблениях училищных чиновников и учителей; 7) расследование дел о незаконном расходовании государственных средств и производство дел по взысканию материальных средств с частных лиц; 8) рассмотрение требований частных лиц, предъявляемых на государственное имущество; 9) покупка, постройка и аренда зданий для учебных заведений; 10) продажа зданий учебных заведений и любой их собственности; 11) приобретение для учебных заведений учебных пособий на сумму свыше 1000 рублей;

12) утверждение контрактов на подряды и поставки по запланированным расходам на сумму свыше 10000 рублей [3, с. 961].

Согласно Положению 1835 г., в БУО вместо Совета попечителя продолжало действовать Правление, круг полномочий которого в условиях вакантной должности попечителя был несколько шире того, что был определен для Совета попечителя [3, с. 960].

Ввиду того, что управляющий БУО граф Протасов был определен на другую должность, а также с целью приведения системы управления в БУО в соответствие с общими нормами, Министр народного просвещения в июле 1836 г. предложил преобразовать Правление БУО согласно действовавшему Положению об учебных округах 1835 г. Согласно Указу от 6 июля 1836 г. вместо Правления БУО был учрежден Совет попечителя из помощника попечителя, инспектора казенных училищ и директоров двух гимназий. Местопребыванием попечителя (который так и не был определен), помощника попечителя (которым был назначен

Э.А. Грубер) и Совета попечителя был определен г. Вильня. Устройство в этом городе управления округом, по мнению министра, было необходимо в силу его местоположения в отношении губерний, составлявших БУО, нахождения там главного местного начальства четырех западных губерний и большого, в

сравнении с прочими губерниями, числа учебных заведений, за которыми необходимо было иметь самый строгий контроль. Вследствие переноса центра управления округом из Витебска в Вильню, Временный училищный комитет был закрыт в октябре 1836 г. [3, с. 1154–1156].

В декабре 1841 г. Э.А. Грубер был назначен попечителем БУО [10, с. 17], в должности которого он прослужил до упразднения БУО в 1850 г. Согласно указу от 2 мая 1850 г. Виленская, Гродненская, Минская и Ковенская губернии снова образовали Виленский учебный округ, управление которым, на правах попечителя, было возложено на Виленского генерал-губернатора Бибикова. Витебская и Могилевская губернии, учебный процесс в которых к тому времени был полностью деполонизирован, вошли в состав Санкт-Петербургского учебного округа [11, с. 988–989].

Заключение. Таким образом, система управления учебным округом, созданная Г.И. Карташевским и распространенная в последующем на остальные учебные округа Российской империи, обладала следующими свойствами, делавшими ее эффективной: сочетание единоначалия и коллегиальности в управлении округом (все важнейшие вопросы обсуждались и решались на Советах попечителя, но вводились в действие только распоряжением попечителя); единоличная ответственность попечителя за положение дел в округе; возможность распределения управленческих функций и обязанностей между попечителем, его помощником и иными членами Совета попечителя; освобождение членов Совета попечителя от всех обязанностей, кроме тех, что связаны с исполняемой ими должностью (в отличие от профессоров университетов, основными для которых были обязанности, связанные с их педагогической деятельностью); расположение резиденции попечителя в учебном округе, что способствовало значительному ускорению решения всех

вопросов деятельности его (округа) учебных заведений.

Литература

1. Латушка, І.П. З мінулага Беларускай навучальнай акругі / І.П. Латушка // Адукацыя і выхаванне. – 1997. – № 2. – С. 100–104; Кузнецова, А.В. Создание Белорусского учебного округа / А.В. Кузнецова // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. / рэдкал. У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2007. – Вып. 2. – С. 135–139; Игнатовец, Л.М. Из истории образования Белорусского учебного округа / Л.М. Игнатовец // Народная асвета. – 2011. – № 2. – С. 79–82.
2. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1875. – Т. 1: 1802–1825.
3. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1875. – Т. 2: 1825–1855. – Отделение первое: 1825–1839.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 733. – Оп. 66. – Д. 11. Дело о службе попечителя БУО Г.И. Карташевского.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 3157. – Оп. 1. – Д. 9. Переписка с министерством просвещения, Виленской и Могилевской дирекциями училищ о закрытии духовных и учреждении светских училищ, назначении учителей в учебные заведения округа.
6. Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ). – Фонд 567. – Оп. 2. – Д. 2930. Дело канцелярии куратора БУО об учреждении временного школьного комитета в Вильне.
7. ГИАЛ. – Фонд 567. – Оп. 2. – Д. 2454. Дело об учреждении канцелярии куратора и правления Белорусского учебного округа и о перемещении правления в Вильно.
8. РГИА. – Фонд 733. – Оп. 66. – Д. 47. Дело об увольнении попечителя БУО Г.И. Карташевского.
9. РГИА. – Фонд 733. – Оп. 66. – Д. 98. Дело о назначении помощником попечителя округа старшего члена бывшего правления учебного округа Э.А. Грубера.
10. Журнал Министерства народного просвещения. – 1842. – № 1.
11. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – СПб., 1875. – Т. 2: 1825–1855. – Отделение второе: 1840–1855.

Поступила в редакцию 21.09.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 94(476):316.356.2–055.26

Становление и развитие социальной инфраструктуры института охраны материнства и детства в БССР в 1920-е – 1930-е гг.

© Калиновская М.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В исследовании анализируется процесс становления и развития социальной инфраструктуры по охране института материнства и детства в БССР в 1920-е – 1930-е годы, приводятся сведения о мерах, предпринимаемых государством по социальной защите женщин, в том числе и матерей-одиночек. Автор отмечает, что в БССР в исследуемый период государство развернуло активную деятельность по социальному обеспечению вышеуказанных категорий населения. Были созданы специальные учреждения профильного типа (женские и детские консультации, детские диспансеры, ясли, детские сады и площадки). Увеличилось число ранее существовавших медицинских учреждений (домов матери и ребенка, больниц, фельдшерско-акушерских пунктов). Проводилась подготовка соответствующего медперсонала. Специфика развития данного направления здравоохранения заключалась в том, что наряду с непосредственно медицинскими, оно выполняло и некоторые важные социальные функции. Однако недостаточное финансирование системы здравоохранения со стороны государства, отсутствие опыта организации социальной инфраструктуры по обеспечению материнства и детства не позволили в исследуемый период полностью решить поставленные в этой области задачи.

Ключевые слова: социальное обеспечение, социальная инфраструктура, институт материнства и детства, БССР, система здравоохранения, учреждения здравоохранения.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 21–28)

Setting up and development of the social infrastructure of the institute of maternity and childhood protection in the BSSR in 1920-ies – 1930-ies

© Kalinouskaya M.M.

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

This research analyzes the process of setting up social infrastructure of the institute of maternity and childhood protection in the BSSR (Byelorussia) in 1920-ies – 1930-ies.

It also provides information on the measures taken by the state for social protection of women, including the unemployed and single mothers. The author notes that in the BSSR in the studied period the state launched a vigorous activity on logistical and personnel support of maternity and childhood. Special institutions of profiled type (maternity and children's welfare centers, nurseries, kindergartens and playgrounds) were set up. The number of medical institutions (mother and child homes, maternity hospitals, medical obstetric stations) increased. The training of corresponding medical staff was carried out. The specific character of the development of this sphere of the public health care system was that parallel with medical functions it also fulfilled some important social functions. However, insufficient financing of the public health care system from the state, lack of experience in organizing social infrastructure of maternity and childhood didn't allow to cope with all the problems and tasks in this field during the studied period.

Key words: social maintenance, social infrastructure, institute of maternity and childhood, BSSR, public health care system, medical institutions.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 21–28)

Адрес для корреспонденции: ул. Белобородова, д. 1/2, кв. 54, 210024, г. Витебск,
e-mail: maricha84if@mail.ru – **М.М. Калиновская**

Актуальность исследования определяется стремительно возросшим в последние годы интересом к вопросам положения женщины в советском обществе и защите института материнства и детства. Это связано как с глубиной, так и с характером изменений, происходящих в данной сфере в настоящее время, а также с потребностью в теоретическом осмыслении и обобщении опыта по организации социальной инфраструктуры института охраны материнства и детства в 1920-е – 1930-е гг. с последующим его использованием в работе современных государственных структур. Целью работы является изучение и анализ деятельности государства по развитию социальной инфраструктуры института охраны материнства и детства в БССР в 1920-е – 1930-е годы. В отечественной исторической науке данная проблема комплексно и многопланово не исследовалась, проводился лишь обзорный анализ развития системы охраны материнства и детства в работах Д.П. Беляцкого [1], О.П. Ногиной [8], Е.И. Шишко [11]. В исследовании В. Навицкого наряду с изучением проблем, связанных с положением женщины в советском обществе, был затронут вопрос о социальном обеспечении женщин-матерей [7].

Материал и методы. В основу исследования положены архивные материалы, находящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, впервые введенные нами в научный оборот, а также опубликованная в исторической литературе статистическая информация. Методологической основой работы являются такие общенаучные принципы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, хронологический и логический методы исследования, системный подход. Также использовались специально-исторические методы: историко-генетический и историко-сравнительный.

Результаты и их обсуждение. Социальное неблагополучие в области охраны материнства и детства и правовой защиты женщины мы определяем как устойчивую, длительно действующую совокупность материальных, социальных, правовых факторов, не обеспечивающих условий для нормального существования указанных категорий граждан и реализации их жизненно важных потребностей. Именно такая ситуация была характерна для БССР в начале 1920-х годов. Военные и революционные потрясения оказали крайне отрицательное влияние на демографические процессы. Потери на фронтах, гибель мирного населения, эпидемии и болезни в условиях развала системы здравоохранения и голода пагубно сказывались на положении населения. Кризисная демографическая ситуация обусловила необходимость принятия мер по защите материнства и детства, улучшению правового положения женщины в обществе. Данные меры включали в себя принятие нормативно-правовых актов и совокупность практических мероприятий, проводимых государственными органами, партийными и общественными организациями с целью качественного улучшения положения данных категорий населения.

Советское государство, заботясь о демографической безопасности общества, с первых дней своего существования признавало социальное обеспечение института материнства и детства приоритетным направлением в своей деятельности. Одной из областей ее реализации стала организация системы медицинского обслуживания и сети лечебно-профилактических учреждений профильного типа для охраны здоровья женщин и детей, необходимость в которых остро ощущалась еще накануне Первой мировой войны. В 1913 г. в Беларуси на 10 тысяч населения приходилось немногим более 9 больничных коек и один врач. Женские и детские консультации отсутствовали. Для беременных и

роженцев в больницах имелось всего 274 койки. Высокая была детская смертность: в Минске в 1912 г. из 1000 родившихся умерли в возрасте до одного года 265 детей. В Беларуси в 1911–1913 гг. рождаемость на 1000 населения составляла 39 детей, а детская смертность на 1000 родившихся – 185 [12, с. 47].

С началом 20-х годов XX века в Беларуси начался новый период в осуществлении социальной политики. Были изданы акты, которые ликвидировали старые нормы, ставившие женщину в неравное, по сравнению с мужчиной, положение, закреплялось ее политическое равенство: право выбирать и быть избранной. Не меньшее значение имело провозглашение социально-экономического равенства: восьмичасовой рабочий день для всех рабочих и работниц, равная оплата труда, обязательное создание системы охраны здоровья матери и ребенка, формирование в общественном сознании отношения к женщине как к равноправному и полноценному члену общества.

Принимались меры по социальной защите женщины. Государство активно боролось за преодоление женской безработицы, принимало меры по улучшению материального положения безработных женщин: их освобождали от платы за коммунальные услуги, выдавали денежную помощь по линии социального страхования, дешевые либо бесплатные обеды в столовых. Такие столовые были открыты в октябре 1920 года в Минске, Гомеле, Витебске, Могилеве, Борисове, Орше, Слуцке и других городах.

Особое внимание уделялось защите безработных матерей-одиночек. Помощь оказывалась как матерям-одиночкам, так и их детям и выражалась в предоставлении яслей для ребенка, общежития (при отсутствии у женщины своего жилья), устройстве на работу (постоянную или временную), помещении детей в дом ребенка или под

патронаж других семей, выдаче питания детям и пайков их матерям, денежной помощи, снабжении одеждой, правовых консультациях и отправке на родину (при желании женщины) [3, л. 51]. Однако такую помощь могли получить не все в ней нуждающиеся, так как не существовало единого по республике учета матерей-одиночек, отсутствовало постоянное финансирование этой области со стороны государства. Поэтому на конец 1926 г. в БССР помощь в том или ином виде получили лишь 1200 матерей-одиночек [3, л. 51].

Одновременно в БССР начался процесс создания института охраны материнства и детства. Перед государством стояла задача обеспечения нормативно-правовой базы по защите данных категорий населения, организации лечебных и профилактических медицинских учреждений профильного типа с целью снижения детской и материнской смертности, решения демографической проблемы.

Согласно декрету СНК «О страховании в случае болезни», женщина освобождалась от работы на 8 недель до родов и после с сохранением полного заработка на все это время. Однако этими льготами пользовались преимущественно жительницы города [7, с. 102]. В 1921 г. было принято постановление СТО «Об отпусках рабочим и служащим», согласно которому трудящиеся, проработавшие не меньше 6 месяцев без перерыва в течение года, получали двухнедельный отпуск с сохранением всех видов содержания и заработной платы. В результате средняя продолжительность отпусков рабочих увеличилась с 5,8 в 1920 г. до 14,1 дня в 1926 г. (для трудящихся на вредных производствах продолжительность отпусков была выше средней). Для женщин-работниц были установлены дополнительные отпуска до и после родов и дополнительные перерывы для кормления ребенка [12, с. 140].

В то же время необходимо было принять неотложные меры по развитию инфраструктуры сети лечебных учреж-

дений и их кадровому обеспечению. Согласно данным лечебно-статистических учреждений, ситуация в этой сфере на начало 1920 г. была критической, о чем свидетельствуют цифры табл. 1.

Исходя из данных таблицы, видно, что население испытывало острую необходимость в увеличении числа медицинских учреждений и соответствующего медперсонала. Не каждый ФАП был укомплектован специалистами: врачами, акушерками, фельдшерами. В Минске на одну больницу и одного врача приходилось соответственно 9643 и 1985 жителей, на одну акушерку – 8438 жителей. О состоянии акушерской помощи в Минске в 1920 г. свидетельствует докладная записка одного из столичных врачей (А.И. Ланда), в которой говорилось о необходимости расширения сети бесплатных родильных приютов, чтобы на каждую тысячу населения приходилось хотя бы 0,5–0,7 койки, это позволило бы около 50% рожаящих женщин получить необходимую акушерскую помощь, что было особенно

актуально после ряда военных лет и приобретало характер не только частной, но и государственной важности. Доктор называл Минскую губернию «акушерской пустыней» – в смысле организации акушерской помощи и охраны материнства и младенчества. В городе имелись всего две бесплатные палаты максимум на 35 коек, тогда как городской родильный приют был рассчитан на 20–23 койки, в еврейском родильном приюте находилось 10–12 коек. В записке также отмечалось, что только 5 женщин из 100 пользуются акушерской помощью, остальные прибегают к услугам повитух. В заключение врач обращал внимание на необходимость организации консультаций для беременных и еще одного бесплатного родильного дома на 15–20 мест, т.к. большинство семей «истощены войной» и не могут себе позволить помощь частной акушерки или врача на дому [6, л. 1–1 об].

Следует отметить, что в организации акушерской помощи в начале 1920-х годов

Таблица 1. Соотношение населения к количеству лечебных учреждений и медработников [10, л. 18]

Населенный пункт	1 больница	1 ФАП	1 врач	1 фельдшер	1 акушерка
Минск	9643	-	1985	4500	8438
Минский уезд	32222	6789	32250	4161	16125
Бобруйск	50000	-	5555	7143	25000
Бобруйский уезд	61800	10300	25750	5830	30900
Борисов	11000	-	4400	3142	11000
Борисовский уезд	33429	7800	46800	5086	16714
Игумен	5000	-	1250	1666	1667
Игуменский уезд	44667	7243	38285	5622	14889
Мозырь	6500	-	3250	2166	4334
Мозырский уезд	49750	9476	49750	6030	28429
Слуцк	13000	-	2600	1444	3250
Слуцкий уезд	44750	29833	179000	12785	44750

не предусматривалось создание отдельных родильных приютов для общезаразных рожениц и рожениц с венерическими заболеваниями. Такие женщины рожали в общих родильных комнатах либо в «изоляционной комнате, тесно связанной с общими палатами», что часто приводило к случаям массового заражения здоровых

родильниц и даже персонала больниц [6, л. 5–5 об].

Положение имеющихся на 1920 г. родильных приютов также было сложным. Комиссия, осматривавшая существующие в Минске два родильных приюта и одно родильное отделение при бывшей еврейской больнице, отметила множество санитарно-гигиенических

нарушений. Например, в самом образцовом из данных учреждений (1-ом городском Советском родильном приюте) отсутствовали сушилки для белья, требовался ремонт кухни и ванной комнаты, в «изоляционную» комнату не было отдельного входа. Во втором родильном приюте отсутствовали «изоляционная» комната, водопровод в родильной, а в родильном отделении при 1-ой городской Советской больнице срочно требовалось провести ремонт (протекали потолки, не работал туалет), не было кровати «специально» для родов [6,

л. 11]. Как отмечали заведующие родильных приютов, для оказания акушерской помощи не хватало самых элементарных вещей: мыла, пеленок для кроватей, щеток для рук, перевязочного материала, марли и ваты [6, л. 12]. Таким образом, материально-техническое обеспечение родильных отделений в начале 1920-х годов находилось на низком уровне ввиду отсутствия достаточного финансирования.

В данный период остро ощущалась нехватка детских учреждений. На Втором съезде Уздравов и Горздрава республики в Минске 21–22 ноября 1922 г. отмечалось, что в Борисовском уезде с детскими учреждениями положение критическое, не открыты детские ясли, негде разместить консультацию, в Слуцком уезде консультации не обеспечены самым необходимым, в Минском уезде нет летних яслей, необходимо открытие постоянных яслей и консультаций в наиболее густо населенных пунктах. Отмечалось, что наряду с переходом к плановой организации системы здравоохранения и несомненных успехах в этой области по всей Беларуси наблюдалось значительное ухудшение в организации акушерской помощи по сравнению с довоенным периодом. Степень обеспеченности акушерской помощью в 1913 г. составляла 25% от настоящей потребности, а к 1923 г. – только 5% [9, л. 72]. Кроме того, для всей республики была характерна проблема нехватки медицинских кадров (как врачей, так и

среднего медицинского персонала), особенно в сельской местности, где требовались не только специалисты, оказывающие практическую помощь, но и медперсонал, способный вести санитарно-просветительскую работу в области охраны материнства и детства [9, л. 87]. Делегаты съезда приняли решение активизировать работу по охране материнства и младенчества и добиться увеличения финансирования этих сфер здравоохранения [9, л. 36].

В последующие годы в БССР в результате принятых государством мер по охране женского здоровья, материнства и младенчества ситуация в сфере развития соответствующей социальной инфраструктуры постепенно улучшалась: открывались женские и детские консультации, дома матери и ребенка, дома ребенка, ясли, увеличивалось число врачей и среднего медперсонала. Так, если на 01.01.1922 г. в БССР насчитывалось 3 консультации для детей и беременных, 2 яслей, 6 домов матери и ребенка и домов ребенка, то в 1925 г. соответственно 38 консультаций, 17 яслей, 17 домов матери и ребенка и домов ребенка. С 1922 по 1925 год количество врачей увеличилось на 667 человек, а акушеров – на 284 человека [5, с. 104–105].

Росли затраты на здравоохранение: с 1734 тыс. рублей в 1923–1924 годах до 4776,4 тыс. рублей в 1925–1926 годах. На 1 января 1925 г. насчитывалось 196 врачебных участков, 148 фельдшерско-акушерских пунктов [5, с. 104]. Уделялось внимание строительству районных консультаций и деревенских летних яслей. Проводился ремонт больниц и других медицинских учреждений. За 1922–1929 гг. количество больниц увеличилось с 42 до 173 [12, с. 144]. Положительные изменения в обозначенный период наблюдались и в кадровом обеспечении: к 1929 г. число врачей общей практики в БССР увеличилось до 1657 человек. Однако данное количество медперсонала все же не могло полностью удовлетворить существующую у населения потребность в специалистах.

Расширение сети медицинских и детских учреждений интенсивнее всего проходило в Минске. Здесь в 1923 г. работали 140 врачей, что в два раза больше, чем в 1914 г. Появилась сеть детских учреждений – садов, яслей, детских площадок, создавались женские и детские консультации. В 1924 г. в городе работало 25 детских домов, в которых находилось 1740 детей. Для оказания помощи беспризорным детям было создано общество «Друг детей» [4, с. 303–304]. В 1930 г. в столице работали 491 врач и 599 медицинских работников средней квалификации. К концу 1932 года в городе было 5 женских и 3 детские консультации. На фабриках и заводах, при некоторых учреждениях были открыты детские сады и ясли. В 1932 г. в Минске насчитывалось 68 детских садов. В организации детских учреждений активно участвовала общественность столицы БССР [4, с. 342–343].

Положительная динамика в части роста числа специальных учреждений по охране материнства и младенчества, детских учреждений происходила благодаря увеличению государственных расходов на здравоохранение. Однако о недостатках социальной политики государства в этой области говорит преимущественное расположение обозначенных учреждений в городах, в то время когда в сельской местности ощущалась их нехватка (табл. 2).

Результатом проведенной работы стало уменьшение заболеваемости среди детей, сокращение детской смертности:

если в 1913 г. она составляла 185 детей на 1000 родившихся, в 1924 г. – 100 детей на 1000 родившихся, то в 1931 г. – 82,4 ребенка на 1000 родившихся [2, с. 44]. Тем не менее, следует отметить, что процент детской смертности оставался высоким, и, несмотря на определенные успехи в развитии здравоохранения, снижался довольно медленно.

Однако в сельской местности по-прежнему ощущался недостаток в первичной амбулаторной помощи, т.к. основная часть медицинских учреждений находилась в городах (табл. 2), а в большинстве деревень беременные женщины не освобождались от работы и продолжали оставаться на своих рабочих местах.

Во второй половине 1930-х годов продолжалась работа по развитию инфраструктуры института охраны материнства и детства. К 1939 г. в республике действовало 514 больничных учреждений (без госпиталей), в которых насчитывалось 29,6 тыс. коек. Наблюдалось улучшение в организации медицинской помощи в сельской местности, в исследуемый период здесь насчитывалось 8 тыс. медицинских пунктов и амбулаторий, более 700 врачебных участков. В конце 1940 г. в городских и сельских медицинских учреждениях работало 5214 врачей и около 18 тыс. человек среднего медперсонала. Количество женских и детских консультаций в Беларуси выросло до 226 к 1940 г. За два года третьей пятилетки

Таблица 2. Сеть учреждений здравоохранения и детских учреждений по состоянию на 1.01.1927 г. и 1.07.1932 г. [2, с. 120–121]:

Название учреждения	1927 г.	1932 г.
Детские диспансеры	5	9
Консультации охр. материнства и младенчества, в том числе в городах	51 30	112 43
Фельдшерские пункты	151	189
Лагеря юных пионеров	-	46
Постоянные ясли, в том числе в городах, коек в яслях, в том числе в городах	23 22 815 795	559 70 17738 4483

Сезонные ясли, в них коек	180 4500	2188 58683
Детские дома, в них коек	15 739	11 557

многодетным матерям было выплачено пособий на сумму свыше 134 млн рублей. В городах и сельской местности насчитывалось 497 яслей на 20,1 тыс. детей. Кроме того, на летний период в колхозах республики были открыты сезонные ясли на 154,4 тыс. детей. Более 37 тыс. детей рабочих и служащих находились в детских садах. Дети могли круглогодично отдыхать и лечиться в санаториях. На государственном содержании состоял 181 детский дом, где воспитывалось 14,8 тыс. детей. Благодаря принятым мерам смертность среди взрослого населения республики по сравнению с 1914 г. сократилась на 36%, а среди детей – более чем в два раза [12, с. 279–280].

Одной из попыток улучшения демографической ситуации в стране было принятие 27 июня 1936 г. декрета о запрете аборт. О борьбе с абортами говорилось еще на Втором съезде Уздравов и Горздрава республики в 1922 г., когда было принято решение о даче разрешения на аборт только Здравоотделами совместно с женотделами с процедурой обязательного выяснения причин операции у поступающей женщины, а при наличии повреждений и кровотечения по вине женщины – предавать суду потерпевшую [9, л. 36]. В связи с выходом в 1936 г. декрета о запрете аборт предусматривалось увеличение числа женских консультаций. В 1940 г. их количество достигло 226. Предпринимались меры по увеличению числа коек (врачебных и акушерских) для беременных женщин. В 1931 г. их было 887, в 1935 г. – 1271, а в 1940 г. – 5374 койки [7, с. 102]. Но все же данный декрет не смог существенно повлиять на улучшение демографической ситуации, более того, вызвал увеличение числа криминальных аборт.

Заключение. Таким образом, в БССР на протяжении 1920-х – 1930-х гг. в рамках советской системы здравоохранения, последователем которой

является существующая сейчас система охраны здоровья населения, появилось и получило свое развитие такое направление здравоохранения, как охрана материнства и детства. Специфика его развития состояла в том, что наряду с непосредственно медицинскими, данное направление выполняло и некоторые важные социальные функции и фактически являлось элементом социально-демографической политики, играло положительную роль, что способствовало прогрессивному развитию общества. В рамках данной области здравоохранения государство в исследуемый период развернуло активную деятельность по развитию социальной инфраструктуры по охране института материнства и детства. Впервые для этого были созданы специальные учреждения профильного типа: женские и детские консультации, детские диспансеры, ясли, детские сады, детские площадки. Увеличилось количество ранее существовавших медицинских учреждений: больниц, домов матери и ребенка (родильных домов), фельдшерско-акушерских пунктов, амбулаторий. Государство уделяло значительное внимание кадровому обеспечению учреждений охраны материнства и детства, благодаря чему наблюдалась положительная динамика в этой сфере. Однако все вышеперечисленные меры, хотя и были прогрессивными, не смогли окончательно решить демографическую проблему. Недостаточное финансирование системы здравоохранения со стороны государства, отсутствие опыта в организации социальной инфраструктуры по охране института материнства и детства не позволили полностью справиться с поставленными в этой области задачами. Уровень рождаемости в республике по-прежнему оставался невысоким. Прирост составил 11,8% (это был один из самых низких показателей

среди всех союзных республик). Если в 1924 г. количество рожденных на 1000 человек составляло 39,0, то в 1940 г. этот показатель сократился до 26,8. За период с 1926 по 1939 год население БССР выросло только на 585,7 тыс. человек.

Литература

1. Беляцкий, Д.П. Охрана материнства и детства в Советской Белоруссии / Д.П. Беляцкий. – Минск: Общество по распространению политических и научных знаний, 1957. – 34 с.
2. БССР в 1922–1932: статистычны зборнік. – Минск: Палесдрук, 1933. – С. 44, 120–121.
3. Выписки из протоколов заседаний президиума ЦИК, Центрального комитета по улучшению жизни детей, ЦИК БССР, переписка с исполкомами союза и др. учреждениями о подготовке к конгрессу социальной помощи 15.10.1926 – 03.12.1927 гг. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 42. – Оп. 1. – Д. 1788.
4. Гісторыя Мінска / Ю. Бярозкін, А. Казявін, А. Крушынскі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1967. – 688 с.
5. Итоги десятилетия советской власти в цифрах 1917–1927. – Москва: Центральное статистическое управление, б.г. – С. 104–105.
6. Материалы о состоянии акушерской помощи в Белоруссии (протоколы, докладные записки, ведомственная переписка) // НАРБ. – Фонд 46. – Оп. 1а. – Д. 69.
7. Навіцкі, У. Жанчына ў савецкім грамадстве: новы погляд на праблему / У. Навіцкі // Штогоднік Інстытута гісторыі Беларусі. – Мінск, 1999. – С. 93–103.
8. Ногина, О.П. Забота о здоровье матери и ребенка в Советском Союзе / О.П. Ногина. – Минск: Гос. издательство БССР, 1963. – 27 с.
9. Приказы по личному составу и протоколы заседаний Минского медико-санитарного отдела 1919–1923 гг. // НАРБ. – Фонд 46. – Оп. 1а. – Д. 14.
10. Протоколы совещания главврачей лечебных учреждений г. Минска о сокращении числа коек и медперсонала в больницах города в связи с продовольственным и топливным кризисом и эвакуацией красноармейцев 1920–1921 гг. // НАРБ. – Фонд 46. – Оп. 1а. – Д. 37.
11. Шишко, Е.И. История развития охраны материнства и детства / Е.И. Шишко. – Минск: Изд-во Минского гос. мединститута, 1974. – 20 с.
12. Экономика Советской Белоруссии 1927–1967 гг. / редкол.: Ф. Мартинкевич [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1967. – 368 с.

Поступила в редакцию 25.05.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 327

Израиль во внешней политике СССР

© Косов А.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В данной статье рассматривается внешняя политика Советского Союза в отношении движения сионизма и Израиля с момента образования этого государства и до распада СССР. На основе официальных документов и других источников автор обращает пристальное внимание на существовавшие условия и основные мотивы, которыми руководствовались советское правительство в отношениях с организациями сионистов и Государством Израиль. Рассматриваются основные причины, повлиявшие вначале на признание советским руководством еврейского государства и оказание всесторонней помощи в первые годы его существования, а затем приведшие к разрыву дипломатических отношений между двумя странами. В статье дается также краткая характеристика этапа улучшения советско-израильских отношений во второй половине 1980-х годов.

Ключевые слова: Израиль, СССР, ООН, Палестина, Ближний Восток, внешняя политика, дипломатия, советско-израильские отношения, сионизм, антисемитизм, арабо-израильский конфликт.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 29–38)

Israel in foreign policy of the USSR

© Kosov A.P.

*Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masherov", Vitebsk*

The article considers foreign policy of the USSR towards the movement of Zionism and Israel from the constitution of this state and to the disintegration of the USSR. On the basis of official records and others sources the author pays in detail attention to been in existence conditions and basic motives which Soviet government was following in relations with the organizations of Zionism and the State of Israel. It pays attention to basic reasons which influenced the recognition of the State of Israel by Soviet government and overall assistance in first years of its existence yet then resulting in breaking-off diplomatic relations between the two states. This article gives a brief characteristic of the stage of improvement of Soviet-Israeli relations in the second half of the 1980-ies.

Key words: Israel, the USSR, UNO, Palestine, the Middle East, foreign policy, diplomacy, Soviet-Israeli relations, Zionism, anti-Semitism, Arab-Israeli conflict.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 29–38)

О тношение руководства СССР к еврейскому народу и Государству Израиль на протяжении всего существования Советского Союза было витиеватым и неоднозначным. Такая позиция руководителей СССР объяснялась целым рядом факторов, обусловленных национально-историческими, идеологическими, геополитическими и этнокультурными причинами.

Исследование проблем советско-израильских отношений нашло свое отражение в мировой историографии. Особенно пристальное внимание данной проблематике уделено со стороны советских/российских и израильских авторов. Среди ведущих исследователей, занимающихся изучением советско-израильских отношений, можно назвать А. Бовина, И. Гинор, И. Говрина, М. Зака,

И. Звягельскую, А. Крамера, А. Локшина, М. Наринского, И. Паппе, М. Попова, Г. Прозорову, А. Протопопова, Я. Роя, И. Рыжова, Г. Сакера, Е. Сатановского, А. Хазанова, Л. Черкасского, С. Шварца, А. Эпштейна и др.

Цель данной статьи – изучение эволюции внешнеполитической линии Москвы в отношении Израиля. Для этого необходимо решить следующие задачи:

- проследить отношение советского руководства к еврейским организациям в межвоенный период и период Второй мировой войны;

- проанализировать роль СССР в процессе провозглашения Государства Израиль;

- рассмотреть политику Советского Союза в первые годы существования суверенного еврейского государства;

- выяснить причины ухудшения советско-израильских отношений;

- определить условия, приведшие к нормализации двусторонних отношений между СССР и Израилем.

Материал и методы. Данная статья основывается на материалах, почерпнутых из исследований советских, российских и израильских авторов. В ходе ее написания были проанализированы различные концепции и подходы к освещению советско-израильских отношений. Особый интерес был проявлен к изучению документов. Автор статьи использовали как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнение, обобщение), так и специально-исторические методы исследования (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический), которые позволили раскрыть сущность политики Советского Союза в отношении Израиля в рассматриваемый период.

Результаты и их обсуждение. В 1920-е – 1940-е гг. в Советском Союзе проживала самая крупная в мире еврейская диаспора. Среди советских евреев немало было и сторонников сионизма, в стране даже существовали подпольные сионистские организации.

Советская власть деятельность сионистов не поощряла, более того, пресекала, как и любое инакомыслие. Большевики считали, что решение еврейского вопроса в стране Советов – это их ассимиляция [9, с. 29]. Что касается сионизма за пределами СССР, то отношение руководителей страны к нему долгие годы было довольно безразличным. Равнодушно в Советском Союзе наблюдали и за событиями в далекой Палестине. Правда, в какой-то момент в СССР заинтересовались Палестиной: а нельзя ли и здесь поднять революцию? [9, с. 37]. Однако, в первую очередь, ставка была сделана на арабов, поскольку среди руководства СССР все же преобладало мнение, что сионизм являлся проводником британских интересов на Ближнем Востоке [11, кн. 1, с. 77]. Когда в 1929 г. начались анти-еврейские волнения в Палестине, в Коминтерне их оценили как начало буржуазно-демократической революции [9, с. 51].

Существенные изменения в подходе СССР к еврейскому народу и сионизму произошли в связи с началом мировой войны. Дело в том, что Вторая мировая война значительно сблизила советское руководство и представителей мирового еврейства, среди которых было немало сторонников сионизма. Появился общий враг и идеологические разногласия большевизма и сионизма отошли на второй план. Так, 25 августа 1941 г. было опубликовано обращение группы советских деятелей науки и культуры еврейской национальности «Братья евреи во всем мире», получившее широкий отклик во всем мире. В свою очередь, в 1942 г. в Палестине среди еврейских поселенцев была создана «Лига в защиту Советской России» («Лига V»), объединившая вокруг себя около 2,5 тыс. человек и ставившая целью развитие и укрепление отношений между СССР и еврейским населением Палестины [5]. Данная организация устраивала сбор средств, проводила митинги и выставки, распространяла в Палестине полученные

из СССР брошюры, плакаты и другие материалы о борьбе с фашизмом. Ее усилиями удалось наладить регулярную демонстрацию советской кино-хроники. На средства, собранные «Лигой V» в дар Красной Армии были переданы санитарные машины для оказания неотложной помощи раненым.

Советское руководство во главе со Сталиным также пришло к пониманию того, что поддержка идеи создания государства для евреев в Палестине во время войны будет иметь важное политическое значение и способствовать укреплению позиций СССР на Ближнем Востоке. 9 октября 1941 г. в Великобритании прошли неформальные переговоры между одним из лидеров сионистского движения Д. Бен-Гурионом и послом Советского Союза в Лондоне И.М. Майским, в ходе которых поднимался вопрос создания еврейского национального государства и позиции СССР по этому вопросу [11, кн. 1, с. 24].

В августе 1942 г. советские дипломаты С.С. Михайлов и Н.А. Петренко с разрешения британских властей посетили Палестину и провели предварительные консультации с сионистскими деятелями. Они показали советским представителям кибуцы и рассказали об основных принципах создания нового государства, обратив внимание на сложность отношений между евреями и арабами [11, кн. 1, с. 53]. Таким образом, уже в годы войны Советский Союз все чаще стал бросать свой взор на этот регион мира. Известно, что в июле 1945 г. М.М. Литвинов, занимавший должность председателя комиссии по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, рекомендовал советскому руководству взяться за разрешение палестинской проблемы, что дало бы ему право, по крайней мере, сделать заявку на предоставление ему временной опеки над Палестиной до более радикального разрешения проблемы [11, кн. 1, с. 121].

Следует сказать несколько слов и о позиции Запада в отношении планов

создания независимого еврейского государства. Бесспорно, что многие европейцы и американцы сочувствовали евреям, особенно после того, как узнали о геноциде еврейского народа в годы Второй мировой войны. Однако абсолютное большинство англо-американских политиков вначале возражало против появления независимого Израиля [9, с. 14]. Многие из них считали, что это только помешает нефтяным компаниям вести дела с арабами. Хотя еще после Первой мировой войны абсолютное большинство европейских стран, США и Лига Наций безоговорочно поддерживали идею возрождения еврейского государства в Палестине [9, с. 23]. В этой ситуации иную позицию выказал Советский Союз, для которого главная задача состояла в том, чтобы заставить Великобританию уйти из Палестины. Именно эта позиция побудила руководство СССР выступить за создание еврейского государства, поскольку палестинские евреи были настроены антибритански и фактически вели войну против англичан [9, с. 106]. При этом в Москве решили действовать не напрямую, а через ООН. Например, об этом свидетельствует записка заместителя заведующего ближневосточным отделом НКВД СССР М.А. Максимова от 6 сентября 1946 г., где содержались рекомендации: добиваться прекращения британского мандата на Палестину, полного вывода британских войск, а также создавать «независимую Палестину на демократической основе» через ООН [11, кн. 1, с. 164]. Дело в том, что в это время И.В. Сталин продолжал считать Великобританию главным соперником Советского Союза в зоне Ближнего и Среднего Востока. Идентичные соображения были характерны и для многих советских дипломатов, о чем свидетельствует, например, письмо посланника СССР в Ливане Д.С. Солода заведующему ближневосточным отделом НКВД СССР И.В. Самыловскому от 3 января 1946 г.: «Сама Палестина находится не только

на британских имперских коммуникациях, но также и на советских линиях морской связи с различными портами нашей собственной страны» [11, кн. 1, с. 139–141]. Таким образом, политика СССР в отношении Палестины характеризовалась прагматизмом. Идеологическая линия в советской политике стала достаточно ясно просматриваться уже после создания государства Израиль. Оставаясь идеологически враждебными сионистам и нещадно преследуя в своей стране людей, разделявших сионистские убеждения, советские руководители все же рассматривали в тот период сионистское руководство как второстепенный фактор в контексте сделанного стратегического выбора. Сионистов, в отличие от опиравшихся на Англию арабских режимов, можно было использовать в интересах послевоенного укрепления международных позиций СССР. Единственное, что мешало союзу между сионистами и Советским Союзом, – это высказывания о положении евреев в СССР [9, с. 110]. Советская политика в отношении Палестины приходила во все большее противоречие с внутренней политикой по отношению к евреям.

Тем временем 18 февраля 1947 г. Лондон заявил о намерении отказаться от мандата на Палестину, а в апреле того же года палестинский вопрос был передан британским правительством на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН.

В 1947 г. Ближневосточный отдел МИД СССР предложил создание арабо-еврейского государства на территории Палестины. ООН должна была «разработать статут единой независимой демократической Палестины с обеспечением равных национальных и демократических прав народам, ее населяющим» [11, кн. 1, с. 173]. 14 мая 1947 г. на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о Палестине постоянный представитель СССР при ООН А.А. Громыко обосновал право евреев на

создание своего государства в Палестине [9, с. 116]. В своей речи он критически отозвался о политике Великобритании в Палестине, подчеркнув также все беды, перенесенные еврейским народом. Закончил советский представитель при ООН свою речь репликой о том, что «законные интересы еврейского, как и арабского, народов Палестины могут быть защищены должным образом только при создании независимого двуединого демократического арабо-еврейского государства» [11, кн. 1, с. 217]. Однако вскоре позиция СССР изменилась. Как свидетельствуют документы (письмо В.М. Молотова своему заместителю А.Я. Вышинскому в Нью-Йорк), попытка обеспечить для себя наиболее благоприятные позиции в Палестине продиктовала маневрирование СССР в Организации Объединенных Наций: советское правительство быстро отошло от идеи создания независимой Палестины (как арабо-еврейского государства), рассматривая ее исключительно как тактический ход [11, кн. 1, с. 251].

Тем не менее, 29 ноября 1947 г. после многомесячных дискуссий Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция № 181, в которой говорилось об отмене британского мандата и о разделе территории Палестины на два государства: еврейское и арабское. За это решение проголосовали 33 государства, против – 13. Несколько стран, в том числе и Великобритания, воздержались [9, с. 143]. Советский Союз поддержал данную резолюцию, и таким образом содействовал появлению на карте мира Государства Израиль. При этом руководители СССР не акцентировали особого внимания на том, какие именно политические силы придут к власти в новом еврейском государстве.

20 апреля 1948 г. А.А. Громыко заявил, что «раздел Палестины на два государства представляет собой наиболее справедливое решение» [3, с. 76]. Речь А.А. Громыко напечатали еврейские газеты во всем мире. Она повлияла и на американцев: президент Г. Трумэн принял окончательное

решение не отставать в деле создания независимого еврейского государства от СССР [9, с. 139].

15 мая 1948 г., в день окончания действия английского мандата, Временный еврейский национальный совет провозгласил создание Государства Израиль. В ответ на это семь арабских государств (Египет, Иордания, Сирия, Саудовская Аравия, Ирак, Ливан и Йемен) объявили ему войну. В этой первой арабо-израильской войне СССР был всецело на стороне Израиля. Так, тайные поставки оружия через Чехословакию помогли израильтянам выстоять в первые месяцы своей независимости перед превосходящим их врагом. Кроме того, Советский Союз оказал вновь созданному еврейскому государству существенную экономическую помощь (через Польшу), дав согласие на репатриацию в Израиль десятков тысяч евреев из стран коммунистического блока (но не самого СССР) [3, с. 76]. СССР санкционировал массовую эмиграцию в Израиль военнослужащих евреев из оккупированных в то время Красной Армией восточноевропейских стран, особенно из Болгарии, Югославии, Чехословакии, Румынии. Правительство СССР (через Комитет по репатриации при Совмине СССР) также организовало массовую репатриацию евреев в Румынию и Польшу, откуда в Израиль приехало много демобилизованных военных специалистов Красной Армии и Войска Польского. Советские добровольцы внесли решающий вклад в создание израильской артиллерии и бронетанковых войск. На их счету были и другие заслуги. Так, добровольцы воевали в составе добровольческой бригады МАХАЛ [4]. Известно также, что Советский Союз старался облегчить положение Израиля и требовал убрать войска арабских стран из Палестины [9, с. 198].

Уже 18 мая 1948 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов на-правил телеграмму министру иностранных дел Израиля М. Шертоку с поздравлениями и уведомлением о признании Израиля Советским Союзом

[5]. А 7 сентября 1948 г. в Москве начало работать израильское представительство. Первым послом Израиля в СССР в 1948–1949 гг. стала Голда Мейер. Посольство Израиля также занималось мобилизацией добровольцев в израильскую армию. Однако в конечном итоге списки добровольцев попали в руки советских спецслужб. Хотя изначально предполагалось, что вся деятельность по мобилизации демобилизованных офицеров-евреев проводилась с одобрения Советского правительства, позже эти события стали поводом для обвинений Г. Мейер в деятельности против советской власти [4].

Выступая одним из главных «отцов-основателей» государства Израиль, И.В. Сталин, видимо, рассчитывал использовать его для подрыва роли Великобритании и утверждения своего влияния на Ближнем Востоке. Однако расчет не оправдался. В годы «холодной войны» постепенно основным мотивом действий СССР на Ближнем Востоке стала конфронтация с США, в которой Москва сделала ставку на арабов. Израиль же стал ближайшим союзником Вашингтона в регионе. Между тем и в Израиле были достаточно влиятельные политические круги, которые стремились к контактам с Москвой, рассматривая ее как более подходящую кандидатуру, нежели Вашингтон, и способную лучше осуществить посредническую миссию в арабо-израильских противоречиях [3, с. 76].

Кроме того, власти СССР были встревожены ростом симпатий советских евреев к государству Израиль. Вскоре еврейское государство стало восприниматься советскими руководителями как враждебное. Известно, что советское руководство опасалось «встречного влияния» Израиля на еврейское население СССР, которое на рубеже 1940–1950-х гг. оказалось объектом сталинских репрессий. Многие советские евреи были объявлены американскими шпионами [9, с. 233]. Главное для советского руководства, сделавшего ставку на тотальный контроль над обществом, заключалось в том, чтобы не допустить свободного выезда из СССР. Советские законы запрещали свободную

эмиграцию из СССР и в Москве негативно относились к перспективе выезда советских граждан в Израиль. В частности министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский 6 января 1952 г. в беседе со своим израильским коллегой заявил следующее: «Об эмиграции нечего и говорить. Государственный строй в СССР не позволяет этого. Кроме того, в этом плане проблема не существует. Советские евреи дышат другим воздухом, и не следует смешивать их с евреями в других странах» [11, кн. 2, с. 320–321]. Однако израильтяне продолжали ставить крайне неприятный для советских чиновников вопрос о вывозе в Израиль родственников тех, кто уже обосновался в Палестине [9, с. 215]. Именно настаивание Израиля на репатриации советских евреев стало причиной охлаждения отношений между СССР и Израилем, который превращался для Москвы в крайне неудобный внутриполитический фактор. Хотя советская дипломатия продолжала поддерживать Израиль на мировой арене.

С 1949 г. антиизраильская пропаганда в СССР становится все более заметной, что свидетельствовало об окончании «медового месяца» в двусторонних отношениях. Таким образом, пока еще произраильская линия во внешней политике СССР сопровождалась нарастанием антисемитизма внутри Советского Союза [9, с. 248]. При этом Израиль в 1949 г. еще продолжал надеяться на СССР. Так, в своем прощальном визите к министру иностранных дел А.Я. Вышинскому Г. Мейер заявила, что дружба с Советским Союзом является одной из основ политики Израиля [9, с. 239]. Для Израиля отношения с социалистическим блоком имели большое значение по следующим причинам: во-первых, в Восточной Европе находилось большое количество евреев, которые могли бы стать важным источником репатриации в Израиль. Во-вторых, связи Израиля с коммунистическим блоком при опреде-

ленных обстоятельствах могли «послужить средством давления на западные державы, принуждая их больше считаться с израильскими интересами на Ближнем Востоке» [5]. Поэтому находившиеся у власти в Израиле социал-демократы из партии «МАПАЙ» также воздерживались от антисоветской политики, по крайней мере, до середины 1950-х гг.

Однако отношения между странами продолжали стремительно ухудшаться. Советское руководство все чаще высказывало недовольство постепенным сближением Израиля с Западом, а последний был недоволен антисемитской кампанией в СССР. Советский посланник в Израиле П.И. Ершов осенью 1949 г. писал, что «в политике нынешнего правительства Израиля по отношению к СССР наблюдается тенденция враждебного характера, хотя она не проявляется еще резко и открыто» [5]. Вторая половина 1949 г. была связана с полным прекращением торговых отношений между Израилем и Советским Союзом. СССР отклонил просьбу Израиля о предоставлении кредита, и после этого закупки продукции Израилем прекратились [5].

Начало 1950-х гг. демонстрировало еще больший отход СССР от поддержки израильской позиции по всем вопросам, вызывавшим споры между еврейским государством и арабскими странами. 29 августа 1951 г. Советский Союз в ООН неожиданно для многих предлагает перенести обсуждение жалобы Израиля по поводу чинимых Египтом препятствий проходу через Суэцкий канал судов «третьих стран» с грузами для Израиля. 1 сентября 1951 г. во время голосования СССР воздержался. Этот факт был расценен израильтянами как фактическая поддержка позиции Египта Советским Союзом [5]. В условиях начавшейся «холодной войны» Советский Союз придавал все большее значение постепенной переориентации израильской внешней политики на США, притом что изначально Израиль

декларировал принцип нейтралитета [8, с. 145]. Наконец, широко комментировавшийся советскими представителями и СМИ, взрыв на территории советской дипломатической миссии в Тель-Авиве, произошедший 9 февраля 1953 г., стал не только показателем глубокого кризиса в отношениях между двумя странами, но и катализатором их свертывания. В ноте протеста от имени правительства Советского Союза ответственность за террористический акт возлагалась на правительство Израиля и сообщалось о разрыве дипломатических отношений между государствами [5].

После смерти И.В. Сталина правительство Израиля предприняло попытки выяснить возможность восстановления дипломатических отношений с СССР через дипломатические и другие каналы. В итоге в июле 1953 г. состоялся обмен письмами между министрами иностранных дел М. Шареттом и В.М. Молотовым [11, кн. 2, с. 470]. Дипломатические отношения между СССР и Израилем были восстановлены, но былого взаимопонимания между двумя странами уже не было [5]. Кроме того, с середины 1950-х гг. Советский Союз делает ставку в своей ближневосточной политике на арабские режимы, заявившие об отказе от капиталистического пути развития. Тем самым в целях укрепления своих геополитических позиций в регионе Москва решила отказаться от «проблемного» партнера в лице Израиля и обрести новых «друзей». Суэцкий кризис 1956 г. окончательно расставил акценты в ближневосточной политике СССР, когда Москва поддержала Каир и ухудшила отношения с Израилем.

Как известно, после национализации Египтом Суэцкого канала и закрытия для израильских судов выхода из Эйлатского залива очередная арабо-израильская война стала неизбежной. В итоге Каир оказался жертвой тройственной коалиции в составе Великобритании, Франции и Израиля.

Действия Израиля, как впрочем Великобритании и Франции, в этом конфликте были квалифицированы советским правительством как акт вооруженной агрессии против Египта. В результате советского ультиматума от 5 ноября 1956 г. Суэцкий кризис был прекращен. Это стало первым шагом на пути втягивания СССР в ближневосточный конфликт. Советское правительство заявило о своей готовности «применением силы сокрушить агрессоров», если боевые действия против Египта не будут прекращены. При этом следует отметить, что эффективность советского ультиматума во многом объяснялась позицией США, которые отказались поддержать своих союзников по НАТО в их стремлении сохранить колониальное наследие, поскольку преследовали свои интересы. Одновременно Москвой было заявлено об отзыве из Израиля советского посла. Такая позиция Советского Союза объяснялась тем, что путем улучшения отношений с Израилем можно было разрушить советско-арабские взаимоотношения. Так, по словам Н.С. Хрущева, ему не хотелось принять израильского посла, но он не мог этого сделать, потому что это взбесило бы арабов. «В то время Израиль уже играл роль агента американского империализма на Ближнем Востоке, а арабов мы не хотели оттолкнуть от себя, хотели привлечь, вот и держали Израиль на расстоянии» [12, с. 309].

Таким образом, позиция СССР в Суэцком кризисе окончательно способствовала сближению Израиля и США, в которых политическая элита страны хотела найти защитника. К тому же, в условиях «холодной войны» иного решения у нее не было – особенно если учесть быстрое формирование неформальных советско-египетского и советско-сирийского союзов.

В 1967 г. состоялась третья арабо-израильская война, которая привела к разрыву советско-израильских дипломатических отношений. Обвинив Израиль в агрессии против ОАР, СССР заявил о

своей полной поддержке арабских стран, хотя в реальности остался в стороне от участия в этом локальном конфликте. Сегодня существуют мнения о том, что именно Советский Союз сыграл ведущую роль в нагнетании напряженности на Ближнем Востоке, что привело государства этого региона на грань войны в 1967 г., т.е. СССР фактически спровоцировал этот конфликт [2, с. 77]. Вряд ли это так. Данная война не устранила арабо-израильские противоречия, зато перевела советско-израильские отношения в новый формат отношений. Именно поражение Египта и Сирии в войне 1967 г. привело к разрыву дипломатических отношений между Советским Союзом и Израилем [8, с. 145]. Скорее всего, это было конъюнктурное решение советского правительства с целью повысить престиж Москвы в арабском мире. Так и случилось. Возможно, тактически это решение было верным, так как Москва исчерпала все возможные мирные политические средства для того, чтобы остановить захват арабских земель израильтянами. Однако, оценивая разрыв дипломатических отношений в исторической перспективе, необходимо подчеркнуть, что СССР потерял возможность быть посредником в мирных переговорах и непосредственно влиять на Израиль. Тем не менее, после неудачной для арабов «шестидневной войны» 1967 г. Советский Союз продолжил выступать последовательным сторонником «дела арабов» на международной арене, но не смог добиться сдвигов в их пользу в урегулировании ближневосточного конфликта. В те годы позиция СССР по ближневосточной проблеме была однозначной: Израиль выступал в качестве оккупанта арабских земель, а арабские страны – в качестве жертв оккупации.

Очередной кризис на Ближнем Востоке, произошедший в 1973 г., имел для Советского Союза два измерения. Первое – региональное: основной целью выступало сохранение советских

позиций в регионе через поддержку Москвой арабских стран, в первую очередь, Египта. Второе – глобальное: сохранение разрядки международной напряженности и улучшения отношений с США. В этом конфликте СССР придерживался следующей позиции: Израиль являлся оккупантом, захватившим арабские земли, а арабские государства – жертвы агрессии, имевшие полное право освободить свои территории, поэтому Москва поддерживала их политически и дипломатически. Советские специалисты помогли военным Египта и Сирии разработать план решающего удара по Израилю. Египтяне и сирийцы получили от Советского Союза новейшие образцы военной техники – танки, системы ПВО, артиллерию и т.д. [6, с. 143]. Поэтому, с одной стороны, СССР хотел, чтобы все арабские государства вступили в борьбу против Израиля, а с другой стороны, советские руководители стремились сохранить разрядку и не осложнять отношений с США [10, с. 51]. В первые дни Войны Судного дня советская пресса была переполнена сообщениями о грандиозных победах арабов и предсказаниями скорого уничтожения Израиля, что невольно повергло в уныние многих евреев, являвшихся гражданами СССР [6, с. 146]. Однако после того как армия Израиля сумела перехватить инициативу, Советский Союз, верно оценив ситуацию в районе Суэцкого канала, стал добиваться немедленного прекращения огня. 20 октября 1973 г. в Москву прибыл госсекретарь США Г. Киссинджер для согласования совместного американо-советского плана по прекращению огня. 21 октября Совет Безопасности ООН принял этот план единогласно. В результате изнурительных переговоров противоборствующих сторон ситуация в регионе стабилизировалась. Таким образом, фактор «арабо-израильского конфликта» существенно воздействовал на отношения между СССР и Израилем в годы «холодной войны».

После разрыва советско-израильских

отношений попытки еврейского государства в форме прямых политических контакты в ходе возможных визитов израильских политических деятелей или частных лиц в Советский Союз и советских политиков в Израиль, торговых и культурных обменов реанимировать отношения с СССР отклонялись тогдашним советским руководством даже тогда, когда речь шла о возникновении взрывоопасной напряженности в отношениях между Израилем и его арабскими соседями [1, с. 318–319, 384–388, 398–399]. Во многом это объяснялось сильным давлением арабских стран, которые являлись де-факто союзниками СССР. Арабы выступали категорически против восстановления Советским Союзом дипломатических отношений с Израилем. Хотя кое-какие контакты между двумя странами продолжали оставаться. Однако они не имели отношения к политической сфере, а осуществлялись, в первую очередь, на общественно-бытовом и научно-культурном уровнях. Правда и здесь они были очень ограничены. В итоге, разрыв дипотношений в 1967 г. отнюдь не принес каких-либо позитивных результатов для обоих государств.

Только при М.С. Горбачеве Советский Союз установил дипломатические отношения с Израилем, устранив тем самым проарабский перекося своей ближневосточной политики. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. отношения СССР и Израиля переживали так называемый «медовый месяц», что объясняется переориентацией советской внешней политики на всестороннее сотрудничество с Западом в духе «нового политического мышления». В рамках этого курса советское руководство прекратило поставки вооружений арабам до выплаты ими накопившейся задолженности, а также присоединилось к международным санкциям против Ирака, что с воодушевлением было воспринято израильянами. Безусловно, важнейшее значение для кардинального улучшения отношений

между странами имело решение Москвы о разрешении массового выезда советских евреев в Израиль. Так, по данным Центрального банка Израиля, с конца 1989 и по 1991 г. в Израиль из СССР переселились 460 тыс. евреев [7].

Заклучение. Таким образом, политика Советского Союза в отношении евреев и государства Израиль на протяжении нескольких десятилетий носила противоречивый характер. До Второй мировой войны советское руководство не считало Ближний Восток приоритетным направлением своей внешней политики. Преследуя сионизм в СССР, считая его идеологически чуждым явлением, Москве практически никакого дела не было до него за пределами страны Советов. Однако Вторая мировая война привела к пересмотру этой позиции. В основу внешнеполитических решений СССР легло стремление обеспечить свои государственные интересы: получить позиции в этом районе, потеснить Великобританию и не дать возможности США воспользоваться ее ослаблением. Поэтому, проводя в ряде случаев антисемитскую политику внутри страны, советское руководство, исходя из геополитических целей, сделало ставку на всемерную поддержку евреев Палестины в надежде сделать их инструментом в своей борьбе против Великобритании за влияние на Ближнем Востоке. Именно СССР сыграл определяющую роль (наряду с США) в вопросе образования еврейского государства на Ближнем Востоке. Однако в свете усиления с начала 1950-х гг. антисемитской политики в СССР (т.н. «дело врачей» и препятствие еврейской эмиграции из СССР) прекращение советско-израильских отношений было неизбежно. Дальнейшие же несовпадения интересов между СССР и Израилем привели их к отчуждению и переориентации Москвы в своей ближневосточной политике на арабов, а Израиля – на Запад, что в конечном итоге привело к разрыву дипломатических отношений между двумя странами. И только изменение во

второй половине 1980-х гг. всей советской внешнеполитической концепции позволило Израилю вновь занять положение дружественного государства для СССР. Однако вскоре с политической карты мира исчез уже сам Советский Союз.

Литература

1. Ближневосточный конфликт. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации: в 2 т. / И.Д. Звягельская [и др.]; отв. ред. В.В. Наумкин. – М.: Изд-во «Материк», 2003. – Т. 2: 1957–1967 гг. – 703 с.
2. Гинор, И. «Шестидневная война» 1967 г. и позиция СССР / И. Гинор // США–Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 12. – С. 76–91.
3. Дауров, Р. Дипломатические отношения с Израилем: дорога длиною в 15 лет / Р. Дауров // МЭиМО. – 2006. – № 11. – С. 76–81.
4. Дорфман, М. Советские добровольцы создавали Израиль? / М. Дорфман // Скепсис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.scepsis.ru/library.html. – Дата доступа: 17.02.2011.
5. Исаев, Г.Г. Уроки истории: советско-израильские отношения в 1948–1951 гг. / Г.Г. Исаев // Политэкс [Электронный ресурс]. – 2006. – № 3. – Режим доступа: www.politex.info/content/view/274/30/. – Дата доступа: 3.10.2009.
6. Люкимсон, П. Ариэль Шарон. Война и жизнь израильского премьер-министра / П. Люкимсон. – М.: Эксмо, 2008. – 640 с.
7. Керженцев, А. «Медовый месяц» миновал (Об отношениях Израйля с Россией) / А. Керженцев // Обозреватель [Электронный ресурс]. – 1993. – № 24. – Режим доступа: www.rau.su/observer/№24_93/24_08.htm. – Дата доступа: 17.02.2008.
8. Меламедов, Г.А. Россия–Израиль: 15 лет восстановления дипломатических отношений / Г.А. Меламедов // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2007. – № 3. – С. 144–148.
9. Млечин, Л. Иосиф Сталин – создатель Израйля / Л. Млечин. – М.: Эксмо, Яуза, 2006. – 480 с.
10. Наринский, М.М. Советский Союз и арабо-израильская война 1973 г. / М.М. Наринский // Новая и новейшая история. – 2006. – № 4. – С. 50–61.
11. Советско-израильские отношения: сб. документов. – М.: Междунар. отношения, 2000. – Т. 1: 1941–1953: в 2 кн. – 554 + 560 с.
12. Хрущев, Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты / Н.С. Хрущев; сост. А. Шевеленко. – М.: Вагриус, 1997. – 544 с.

Поступила в редакцию 22.03.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 94(476)“1918–1921”

Создание системы органов политической работы в Красной Армии (1918–1921 гг.)

© Ливицкий А.Г.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Практически все мероприятия власти по строительству нового государства после Октябрьской революции 1917 года совершались впервые в истории без использования какого бы то ни было опыта. Не стало это исключением и при создании органов военного управления Красной Армии в период Гражданской войны. Для организации крепкой в моральном и политическом отношении военной организации необходимо было создать систему работы, которая бы обеспечивала пропаганду идей социализма среди военнослужащих Красной Армии, в большинстве своем принадлежавших к малограмотной крестьянской массе. И такая система была построена в форме создания политических органов на различных ступенях военной иерархии. В своей статье автор, касаясь вопросов строительства Красной Армии в первые годы существования советской власти и в период Гражданской войны, показывает становление системы политической работы в армии, а также рассматривает отдельные моменты этой работы в Белорусском военном округе. Создание названной системы имело значение не только в плане пропаганды и насаждения идеологии победившего рабочего класса, но было, прежде всего, направлено на осуществление воспитательных функций, которые реализовывались в различных направлениях политико-просветительной работы в войсках.

Ключевые слова: Красная Армия, органы управления, политорганы, Гражданская война, политико-просветительная работа, политическое воспитание.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 39–48)

Setting up the system of bodies of political work in Red Army (1918–1921)

© Livitskiy A.G.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

Practically all actions of the power for building of the new state after October revolution of 1917 were made for the first time in history without use of any experience. The creation of bodies of military management of Red Army during Civil war was not an exception. For making up morally and politically strong military organisation it was necessary to create a system of work which would provide propagation of ideas of socialism among military men of Red Army, who in the majority belonged to semiliterate peasant mass. Such system was constructed in the form of creation of political bodies at various steps of military hierarchy. In article the author, concerning questions of building of Red Army in the first years of existence of the Soviet power and during Civil war, shows formation of system of political work in the army, and also considers the separate moments of this work in the Belarusian military district. The creation of the named system mattered not only in respect of propagation and planting of ideology of the victorious working class, but, first of all, was directed at realisation of educational functions which were realised in various directions of political and educational work in the army.

Key words: Red Army, management bodies, political bodies, Civil war, political and educational work, political education.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 39–48)

В 2011 году исполняется 20 лет с момента обретения Республикой Беларусь независимости. За это время было сделано многое: создана правовая база и экономический потенциал государства, определены приоритетные направления развития белорусского общества, функционирует военная организация белорусского государства, одной из составляющей которой являются национальные Вооруженные Силы.

Армия – обязательный атрибут любого самостоятельного государства. Процесс развития и реформирования вооруженных сил является непрерывным, так как время не стоит на месте. В настоящее время реализуется программа дальнейшего строительства и совершенствования Вооруженных Сил белорусского государства. Беларусь подошла к нынешнему периоду с полностью сформированной комплексной системой национальной безопасности. В 2010 году приняты новые редакции Военной доктрины государства и Концепции национальной безопасности. Реализуется Государственная программа вооружения на 2006–2015 гг.

Однако быстро меняющиеся реалии нашего мира требуют постоянной корректировки действий в сфере военной безопасности государства, в том числе в области морально-психологического состояния военнослужащих, одной из составляющих которого является формирование и «укрепление в обществе чувства патриотизма, воспитание у граждан чувства ответственности за защиту Отечества» [1].

К сожалению, сегодня не является секретом то, что у определенной части нашей молодежи существует пренебрежительное отношение к военной службе. И одной из причин такого отношения является недооценка военно-патриотической работы, как среди допризывной молодежи, так и среди личного состава воинских частей и подразделений. Поэтому изучение опыта проведения этой работы в войсках в различные периоды существования

белорусского государства, переосмысление исторического опыта является актуальным и в наши дни.

В отечественной историографии имеются исследования по военно-патриотической работе, которая осуществлялась среди граждан Беларуси. Частично эта проблема затрагивается в монографии П.А. Селиванова «Военное строительство в Белоруссии в период разгрома походов Антанты», где автором исследованы мероприятия военного строительства, в том числе политико-просветительная работа среди населения Беларуси в 1918–1921 гг.

Проблемы военно-патриотического воспитания как составляющей политико-просветительной работы проанализированы в диссертационных исследованиях П.Г. Чигринова «Деятельность комсомола Белоруссии по военно-патриотическому воспитанию молодежи в годы третьей пятилетки (1938–1941 гг.)» и В.Ф. Кушнера «Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921–1925 гг.)». В работах охарактеризована деятельность государственных структур и комсомола по военно-патриотическому воспитанию населения на территории Беларуси.

Б.А. Катеринчук на основе архивных материалов показал деятельность партийных организаций по идейно-политической работе, затронул вопросы подготовки кадров для всей системы армейских политорганов Западного фронта, развитие основных направлений, форм и методов политико-массовой работы среди военнослужащих Западного фронта и населения Беларуси [2].

Однако, имеющиеся на сегодня исследования не дают полного представления о военно-патриотической работе в частях Белорусского военного округа и в этом вопросе требуют дополнительного изучения.

В связи с чем целью исследования было раскрытие процесса создания системы органов военного управления и политического воспитания бойцов Красной Армии в период Гражданской войны и военной интервенции и характеристика структуры аппарата политико-просветительной работы в Западном военном округе, созданного на этом временном этапе военного строительства.

Материал и методы. Для написания статьи были использованы материалы Российского государственного военного архива. Были проработаны фонды Народного комиссариата по военным делам Белорусской ССР, политико-просветительного управления Западного военного округа, сборники документов, изданные в РГВА. Также были использованы документы сборников Декретов Советской власти, которые дают представления о направлениях деятельности властных структур в вопросах военного строительства. Кроме этого использовались публикации по обозначенной тематике, опубликованные в научных и научно-популярных изданиях. Отдельно следует выделить материалы периодической печати, на страницах которых поднимались проблемы военно-политической работы среди красноармейцев.

Методологическую основу статьи составляют принципы историзма и объективности, системный подход. В соответствии с принципом историзма создание системы политической работы, деятельность политических органов по ее реализации рассматриваются во временной динамике, в контексте соответствующего исторического фона. Использованы были такие методы, как историко-сравнительный, индукции, дедукции, анализ и синтез. В статье также используется междисциплинарный подход к проблеме исследования.

Результаты и их обсуждение. Одной из страниц истории нашего государства являются события, связанные с созданием регулярных частей Красной Армии и ее органов управления. Однако

первоначально создание собственной постоянной армии столкнулось с определенными трудностями. Связано это было со сложившимися после Октябрьской революции внутренними и внешними условиями: участие России в Первой мировой войне; наличие старого аппарата военного управления, зачастую саботировавшего решения правительства по военным вопросам; утрата авторитета царского командного состава в солдатской среде; тяжелое положение с материальным и техническим обеспечением армии; утрата морального духа в войсках; длительный политический и экономический кризис в стране.

Перед новым государством встали задачи, которые необходимо было решать в кратчайшие сроки: создание армии нового типа, центрального органа военного управления и входящих в него структурных управлений и подразделений, а также создание специального руководящего органа, отвечающего за проведение политики государства в войсках и воспитание личного состава.

Прежде чем строить армию нового типа, возникла необходимость сохранения старой армии, чтобы не допустить открытия существовавшего фронта (Российская империя являлась участницей Первой мировой войны). Форма сохранения была найдена в виде демократизации и постепенной демобилизации военнотружущих старой армии. Для реализации этого замысла в период с октября по декабрь 1917 года были приняты следующие меры:

- образован Комитет по военным и морским делам, на который возлагался контроль над старым Военным министерством. 27 октября этот Комитет был преобразован в Народный Комиссариат по военным и морским делам;

- ликвидированы управления старого военного министерства, которые на тот момент считались

ненужными. Процесс смещения старых властей далеко не всегда проходил мирно, нередко он перерастал в прямую вооруженную борьбу. Одним из очагов неповиновения явилась Ставка верховного главнокомандующего, находившаяся в Могилеве. Только 20 ноября 1917 года этот очаг был ликвидирован;

- введение принципа выборности командного состава, отмена офицерских чинов, званий и орденов, знаков отличия;

- завершение демобилизации старой армии. В конце марта – начале апреля 1918 года фронтовые объединения старой армии и импровизированные фронты РККА, созданные для нужд вооруженного отпора германскому вторжению, были расформированы [3].

Таким образом, принятые меры на некоторое время нормализовали положение в армии, хотя о полном твердом управлении говорить не приходилось. Однако условия для формирования регулярных частей Красной Армии были созданы.

Начало формирования первых частей Красной Армии было положено декретом Совета Народных Комиссаров «Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии» от 15 (28) января 1918 года, в названии которого уже была заложена классовая сущность будущей военной организации. В частности в нем говорилось, что «доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской революции, власти Советов и социализма. Для вступления в ряды Красной Армии необходимы рекомендации: войсковых комитетов или общественных демократических организаций, стоящих на платформе Советской власти, партийных или профессиональных организаций или, по крайней мере, двух членов этих организаций. При вступлении целыми частями требуется круговая порука всех и поименное голосование» [4].

К началу 1918 года руководство войсками осуществляли несколько органов: Оперативный отдел Наркомвоена, Всероссийский Главный штаб и Высшая военная инспекция, что вносило путаницу в управление частями. После национального самоопределения многих народов (провозглашения республик, стоящих на платформе Советской власти: Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии) положение по руководству Красной Армией еще более усугубилось. Военно-политическая обстановка настоятельно требовала сплочения всех сил и превращения страны в единый военный лагерь. С мест начали поступать сигналы о проявлении местничества, партизанщины и недостаточно энергичной работы по строительству регулярной армии. «Белорусско-литовское правительство совершенно не понимает нашу политику. Наблюдается определенное стремление выделить военные аппараты из общей системы, проводимой по всей Российской Федеративной Советской Республике» [5], – сообщал член Реввоенсовета Белорусско-Литовской армии В.С. Селезнев в Совет Обороны в апреле 1919 года. Элементы местничества проявлялись и в других республиках: Эстонии, Литве, Украине. Такая напряженная обстановка требовала своего разрешения. В ходе дальнейших событий правительства советских республик пришли к пониманию необходимости строительства армии по единым требованиям, централизованного управления войсками, строгого выполнения директив и приказов центра.

1 июня 1919 года на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета при участии украинских, белорусских, литовских и латышских представителей был принят декрет «Об объединении советских республик: России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии

для борьбы с мировым империализмом». Этот декрет положил начало созданию военно-политического союза между советскими республиками. После его принятия продолжилась работа по его реализации. Было решено включить территории республик в состав существовавших военных округов. Так территория Беларуси вошла в Западный военный округ.

Высшим органом военного управления становится РВС Республики, которому подчинялись реввоенсоветы, созданные в национальных регионах, фронтах и военных округах. Но в это же время в советских республиках оставшиеся национальные формирования оставались составными частями Красной Армии. В систему руководства войсками вошли и созданные органы военного управления с подчинением РВСР:

– Всероссийский Главный штаб. Функции: формирование, устройство и обучение Красной Армии; мобилизация и призыв на военную службу; разработка положений по управлению войсками, штатов, уставов, организация сети командных курсов, руководство военно-учебными заведениями;

– Главнокомандующий всеми Вооруженными Силами Республики. Функции: входил в состав РВСР, являлся боевым начальником всех сухопутных и морских сил; в своих действиях подотчетен председателю РВСР. (Командующие фронтами, армиями и военными округами, подчиненные непосредственно РВСР, по всем вопросам, входящим в компетенцию начальника штаба РККА, подчинялись через Главкома);

– Полевой штаб РВСР. Функции: составление стратегических планов; разработка директив и оперативных заданий фронтам; обеспечение руководства войсками на театре военных действий.

Таким образом, за год с небольшим удалось разрешить проблему централизации управления армией. Появилась возможность сосредотачивать имеющиеся силы на наиболее сложных направлениях

ведения боевых действий по принципу экстерриториальности.

С началом создания Красной Армии встал вопрос партийного руководства ее деятельностью. Обусловлено это было, прежде всего, статусом партии как основной руководящей и направляющей силы в социалистическом обществе. «Политика военного ведомства, как и всех других ведомств и учреждений, ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее центрального комитета», – говорилось в постановлении ЦК РКП(б) «О политике военного ведомства» от 25 декабря 1918 года [6].

Данная концепция начала осуществляться в виде образования политорганов и парторганизаций в войсках. Политорганы и партийные организации создавались одновременно с другими военными структурами, с учетом конкретных условий и задач, которые решались в тот период.

Первоначально армия и флот начали укрепляться за счет коммунистов Красной гвардии (первые вооруженные отряды большевиков), партийной мобилизации и перераспределения партийных сил, что позволило уже в первой половине 1918 года иметь в войсках не менее «100 тысяч членов партии и создать многочисленные партийные организации в частях. В то время в армии еще не было политработников и вся политическая работа направлялась главным образом местными партийными комитетами» [7].

Армейские партийные организации того периода занимались всеми вопросами жизни части: осуществляли работу по разъяснению политики государства, вели вербовку добровольцев в ряды армии и флота, организовывали их обучение и культурное просвещение. Также в их обязанности входил контроль за деятельностью командиров.

Проявляя значительную активность, большевики наращивали это влияние в армии, которое оформилось в создании полковых партийных ячеек. Постепенно от добровольческого принципа комплектования к советскому руководству пришло понимание осуществления призыва в армию на основе всеобщей воинской повинности. Однако классовый подход призыва в армию сохранялся. Связано это было с тем, что добровольный порядок вступления в армию не обеспечивал всей потребности в людских ресурсах. Такая потребность была вызвана ожесточенной борьбой по установлению Советской власти и иностранной интервенцией, резким увеличением количества внутренних и внешних фронтов. Новому государству приходилось решать проблемы не только внутри страны (вызванные расколом общества после Октябрьской революции и Гражданской войной), но и вести боевые действия на фронтах Первой мировой войны, а затем с внешними и внутренними противниками. Только с ноября 1918 и до конца 1920 года Красная Армия вела боевые действия сразу на нескольких фронтах.

В связи с этим 29 мая 1918 года было издано постановление ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию» [8].

Одновременно с совершенствованием призывного законодательства принимались меры по улучшению работы с красноармейским составом, в большинстве своем принадлежавшим к крестьянской среде и не имевшим элементарного начального образования. Назревала необходимость создания центрального руководящего политического органа в армии.

8 апреля 1918 года создается Всероссийское бюро военных комиссаров. В декрете и положении о военных комиссарах подчеркивалось: «...военные комиссары являются непосредственными политическими представителями советской власти в Красной Армии, призванными предпринимать все меры к

тому, чтобы Красная Армия играла роль верного стража диктатуры пролетариата» [9]. Военные комиссары наделялись большой властью, ни один приказ без их подписи не имел силы. Одновременно с институтом военных комиссаров был создан специальный орган для руководства их работой – Всероссийское бюро военных комиссаров. В июне 1918 г. в Москве Всероссийский съезд военных комиссаров принял Положение о военных комиссарах, а в июле 1918 г. создание института военных комиссаров было узаконено на V съезде Советов.

Создание института военных комиссаров было вызвано отсутствием преданных в идеологическом отношении новой власти командных кадров и привлечение вследствие этого значительного количества военных специалистов из числа бывших офицеров и генералов старой армии. Предполагалось, что институт военных комиссаров станет центральным координирующим органом политического воспитания военнослужащих. По сути, на тот момент институт военных комиссаров являлся надзирательным органом за командирами.

Военные комиссары осуществляли партийно-политический контроль за военспецами, проводили воспитательную работу среди личного состава, занимались организационной, административной и хозяйственной деятельностью, систематически вникали в оперативные вопросы. Особое внимание политорганов в то время было сосредоточено на «создании, развитии системы боевой подготовки и укреплении воинской дисциплины» [10]. Кроме этого в приказе Реввоенсовета Республики подчеркивалась необходимость революционной преданности кандидатов на должность комиссара. В нем, в частности, отмечалось, что «комиссары назначаются из числа безупречных революционеров, способных в самых трудных обстоятельствах оставаться

воплощением революционного долга» [11].

Всероссийское бюро военных комиссаров не сразу стало единым центральным военно-политическим органом. До 14 ноября 1918 года руководство партийно-политической работой в Красной Армии осуществлялось из нескольких центров. Вопросами политического воспитания в частях на фронте вначале занимался политотдел Высшей военной инспекции. Кроме того, центральным политорганом было также военно-политическое отделение Наркомвоена, преобразованное в военно-политический подотдел (политотдел) Реввоенсовета Республики. 14 ноября 1918 года политотделы Высшей военной инспекции и РВСР влились во Всероссийское бюро военных комиссаров. Так был окончательно сформирован центральный орган военного управления, в функции которого входило руководство работой по политическому воспитанию личного состава строящейся и ведущей боевые действия Красной Армии. Таким образом, за короткий период времени удалось создать одну из структур, отвечающую за работу с красноармейцами.

Итоги годового опыта строительства Красной Армии были подведены на VIII съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1919 года. Особое внимание было обращено на усиление работы по политическому воспитанию личного состава, разработку подробного положения о правах и обязанностях комиссаров. Такое пристальное внимание было вызвано несколькими обстоятельствами. По мнению высшего руководства страны, Всероссийское бюро военных комиссаров не охватывало все вопросы партийно-политической работы; не было выработано единых форм и методов работы по направлениям партийно-политической работы; не создана система подготовки кадров политработников; отсутствие единых штатов политорганов.

Поэтому было решено взамен Всероссийского бюро военных комиссаров учредить политический отдел при РВСР, переименованный в мае 1919 года в Политическое управление Реввоенсовета Республики.

Образование Политического управления РВСР сразу не сняло всех проблем. Нужны были кропотливая работа по наработке опыта и реализация оптимальных форм работы непосредственно в войсках. Так, к примеру, из-за отсутствия единых штатов политических управлений военных округов вплоть до начала 1922 года каждый округ разрабатывал и утверждал штаты практически ежемесячно. В Западном военном округе только с июня 1920 года по ноябрь 1921 года штаты политического управления округа управления переутверждались 12 раз [12]. Штаты изменялись с учетом потребности количества сотрудников на наиболее необходимых участках работы в постоянно меняющейся фронтовой обстановке. Однако основные отделы и секции оставались почти неизменными (рис.).

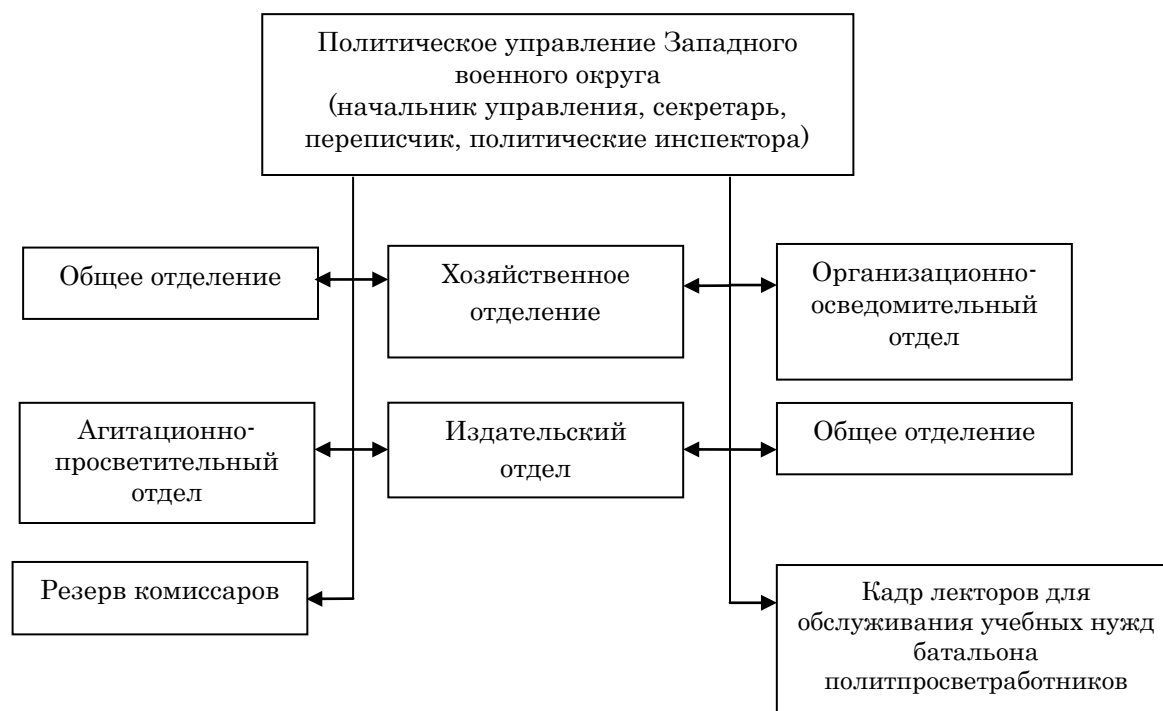

Рис. Схема организационно-штатной структуры Западного военного округа.

Наблюдались сложности и в подготовке кадров политработников. Единого военного учебного заведения по политическому профилю не существовало. Вместо этого во всех военных округах имелись различные военные курсы и школы. Сдвигом в кадровой работе можно считать создание «в связи с переживаемыми на Западном фронте событиями и необходимости усиления политико-просветительной работы и подготовки кадра политпросветработников» [13] в Западном военном округе батальона политпросветработников. Батальону присваивался статус учебной воинской части и он предназначался «для подготовки кадра работников всем отраслям политпросветработы в частях и учреждениях ЗВО и в образцово-показательные и учебные политико-просветительные учреждения Западного военного округа» [14]. В батальоне обучалось 340 красноармейцев по 5 специальностям.

В период Гражданской войны и военной интервенции зарождались направления воспитательной работы. Всю воспитательную работу в Красной Армии во время Гражданской войны называли

политико-просветительной работой. Данная трактовка подчеркивала, что в содержании воспитательной работы преобладающее значение имело политическое воспитание и культурное просвещение красноармейских масс [10, с. 24].

К моменту окончания боевых действий политическая работа в войсках проводилась по следующим направлениям: идейно-политическая работа (формирование у личного состава политической сознательности и патриотизма); деятельность по нравственному воспитанию (формирование у военнослужащих сознательного отношения к выполнению воинского долга и повышение социальной активности); культурно-просветительная работа (ликвидация неграмотности и малограмотности, приобщение военнослужащих к достижениям культуры); политико-воспитательная работа (укрепление и поддержание сознательной воинской дисциплины). Реализация всех направлений проводилась различными средствами и формами.

В докладе члена Реввоенсовета 11-й армии С.А. Анучина на совещании

военных представителей на 11-й Всероссийской партийной конференции «О мерах по дальнейшему усовершенствованию партийно-политического аппарата в Красной Армии» отмечалось, что «политические отделы Красной Армии существуют уже два года. С большим трудом приходилось нащупывать пути для политической и культурно-просветительной работы в Красной Армии.

Теперь, после двухлетнего существования политотделов, так много выработано очень ценных форм, схем, инструкций и т.п., что нет никакого смысла нового их изобретения, а надлежит лишь правильно учесть опыт двухгодичной работы и подвести этот опыт к одному знаменателю (подвести итоги).

Главное и основное – вся политико-просветительная работа в Красной Армии должна снизу доверху иметь стройную систему и строгую структуру организационных форм. Поэтому здесь же надлежит точно и ясно установить, что вся политико-просветительная работа ... должна быть едина для всех частей и учреждений Красной Армии и Флота в смысле внутреннего содержания этой работы и ее методики» [15]. Но все это предстояло решить уже в мирный период развития вооруженных сил.

Заключение. Таким образом, к началу 1921 года военная организация советских республик имела вполне сформировавшуюся работоспособную и действенную структуру. Процесс ее создания был достаточно трудным. Шли поиски и за короткие промежутки времени внедрялись новые структуры управления создаваемой Красной Армии.

Заключение военно-политического союза между советскими республиками (еще до провозглашения союзного государства) стало закономерным итогом работы по централизации органов военного управления под единым командованием.

В этой структуре управления важную роль играла созданная система политических органов. Результатом их деятельности стало понимание армейскими массами целей и задач новой

власти, мобилизация за короткое время такого количества военнослужащих, которое обеспечивало ведение боевых действий на многочисленных фронтах, что, в конечном счете, привело к победе. Опыт политико-просветительной работы с красноармейцами, который был накоплен в рассматриваемый период, стал основой для дальнейшего ее совершенствования в войсках. Свой вклад в это внес и Западный военный округ.

Литература

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
2. Катеринчук, Б.А. Идеино-политическая работа политорганов и партийных организаций Красной Армии среди красноармейцев и населения на территории Белоруссии (1919–1920 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.01 / Б.А. Катеринчук. – Минск, 1990.
3. Третьяк, С. Это наша с тобою судьба – это наша с тобой биография / С. Третьяк // Армия. – 2008. – № 1. – С. 40.
4. Об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии // Декрет Совета Народных Комиссаров [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: Рабоче-Крестьянская Красная Армия. – Дата доступа: 10.06.2010.
5. Российский государственный военный архив (РГВА). – Фонд 33987. – Оп. 2. – Д. 21. – Л. 371.
6. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. – М., 1958. – С. 40.
7. Начинкин, Н. Политические органы и их роль в строительстве и укреплении Советских Вооруженных Сил / Н. Начинкин // Военно-исторический журнал. – 1969. – № 1. – С. 18–27.
8. О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию // Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета [Электронный ресурс]. – 2011.

- Режим доступа: www.itartass.com. – Дата доступа: 31.05.2011.
9. Положение о военных комиссарах и комиссариатах. Из истории гражданской войны в СССР: сб. документов и материалов. – М., 1960. – Т. 1. – С. 130–132.
10. Клочков, В.Ф. Красная Армия – школа коммунистического воспитания советских воинов 1918–1941 / В.Ф. Клочков. – М.: Наука, 1984. – С. 7.
11. КПСС и строительство Вооруженных Сил. – М., 1959. – С. 78.
12. РГВА. – Фонд 25874. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 1–53.
13. РГВА. – Фонд 25874. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 54.
14. РГВА. – Фонд 25874. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 54 об.
15. Анучин, С.А. Доклад на совещании военных представителей на IX Всероссийской партийной конференции о мерах по дальнейшему усовершенствованию партийно-политического аппарата в Красной Армии / С.А. Анучин // Политработник. – 1920. – № 9. – С. 4–8.

Поступила в редакцию 23.09.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 94/476

Переход к рыночной экономике в Республике Беларусь: проблемы формирования социально ориентированного государства (1991–2010 гг.)

© Мандрик И.В., Акуневич В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье показан исторический процесс развития социально ориентированных государств в Европе в условиях рыночной экономики. Раскрываются существующие концепции превращения буржуазных государств в государства всеобщего благоденствия (welfare state). Особое внимание уделено деятельности государственных институтов Республики Беларусь при переходе к рыночным отношениям и становлению белорусской модели социально ориентированного государства. На основе анализа принятых в Республике Беларусь документов и их практической реализации в период 1991–2010 гг. сделан вывод о том, что главным результатом социально-экономического развития Республики Беларусь является то, что в стране создана и действует социально-экономическая система, основанная на постепенном эволюционном пути экономических преобразований. Обеспечиваются высокие темпы экономического роста, сохранены социальные гарантии для людей. На данном этапе Республика Беларусь относится к социально ориентированным государствам с прогрессивной социальной политикой.

Ключевые слова: рыночная экономика, приватизация, государственное регулирование, социальное государство, социально ориентированное общество, идеи и ценности социального государства, сущность, основа и главные черты социального государства.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 49–62)

Transition to Market Economy in the Republic of Belarus: difficulties of the Social-oriented State Development (1991–2010)

© Mandryk I.V., Akunevich V.V.

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov", Vitebsk

The article dwells upon the historic process of the development of social-oriented states in Europe under the conditions of market economy. The existing concepts of transformation of bourgeois states into welfare states are analysed. Special attention is paid to the activity of state institutes of the Republic of Belarus during the process of transition to market relations and to the Belarusian model of the social-oriented state development. On the basis of the analysis of the adopted in the Republic of Belarus documents we have drawn the conclusion that the main result of the social-economic development of the Republic of Belarus is the existing active social-economic system based on the gradual evolutionary way of economic reforming. High speed of economic increase is ensured, social protection of people is saved. At present the Republic of Belarus belongs to social-oriented states with progressive social politics.

Key words: market economy, privatization, state regulation, a social state, a social-oriented society, ideas and values of the social state, the essence, basis and main characteristics of the social.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 49–62)

В государственных документах, выступлениях Президента А.Г. Лукашенко, других руководителей государства подчеркивается, что Республика Беларусь проводит внутреннюю политику с учетом интересов всех социальных групп, составляющих современное белорусское общество. Ее суть – создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В стране делается все возможное, чтобы обеспечивать высокое качество и передовые социальные стандарты жизни всех слоев населения.

Данные подходы соответствуют положению Конституции Республики Беларусь и характеризуют наше государство как социально ориентированное. Становление Республики Беларусь как независимого, социально ориентированного государства происходит с учетом общемировых закономерностей и собственной специфики. Поэтому тема «Государственные и общественные институты в процессе становления белорусской модели социально ориентированного государства (1991–2010 гг.)», разрабатываемая на кафедре истории Беларуси УО «ВГУ им. П.М. Машерова», является перспективной. Тема в такой редакции – одна из ключевых в становлении белорусской государственности, оформлении и укреплении суверенитета Республики Беларусь.

Очевидную актуальность теме исследования придает то, что содержащаяся в Конституции Республики Беларусь характеристику государства как социального следует понимать не как в полной мере завершенное выражение его современной сущности, а лишь как постепенно реализующуюся цель его формирования в ходе постепенных преобразований. Актуальность данной темы усиливается также тем, что формы установившегося и довлеющего режима белорусского государства вызывают различные толкования среди зарубежных авторов и политиков. Все это подтверждает востребованность и настоятельную необходимость исследования различных аспектов концепции социального

государства и издания комплексной работы, в которой будут раскрыты имеющиеся в Республике Беларусь теоретические разработки, обобщена практическая деятельность республиканских и региональных учреждений в сфере экономической политики и демографии, заработной платы, реформирования системы социального страхования, рынка труда и занятости, охраны окружающей среды, подготовке кадров.

Хронологические рамки исследования обусловлены тем, что Республика Беларусь с 1991 по 2010 г. прошла определенный путь по формированию социального государства. В пределах этого периода в республике произошли позитивные сдвиги социально-экономического, научно-технического и культурного характера. Если в начале этого периода в экономике и социальной сфере в республике проявлялись черты кризиса и упадка, связанные с распадом СССР, то в дальнейшем (начиная с 1994 года) сформировались предпосылки для ускоренного развития белорусского общества. Как признано отечественными специалистами, опыт Республики Беларусь по реформированию производственных отношений и строительству социального государства – это сознательный выбор, востребованный обществом, который заслуживает изучения, обобщения и распространения.

Необходимость дальнейшей разработки данной темы обуславливается рядом других причин: отсутствием исторических трудов, раскрывающих истоки образования и этапы становления социально ориентированного государства в Республике Беларусь; отсутствием критериев оценки социальной государственности и комплексных разработок теоретико-методологических основ формирования соответствующей эффективной социальной политики; потребностями в раскрытии механизма управления социальными

процессами и социальным развитием; выявлением общих закономерностей и специфических региональных особенностей.

Целью данной работы является изучение и анализ происходящих событий во время перехода республики к рыночным отношениям, в контексте имеющихся концепций развития социальных государств Европы и республик, ранее входивших в СССР.

Материал и методы. В статье мы опираемся на многочисленные источники, в том числе на конституции буржуазно-демократических стран (Германии, Швеции, Франции, Израиля, Италии, Испании, Канады), ставших в послевоенные годы на путь создания социальных государств с социальным рыночным хозяйством; конституции постсоветских республик (России, Украины, Казахстана, Узбекистана, Армении), избравших этот же порядок социально-экономического развития; комплексные работы ученых, государственных и общественных деятелей с рекомендациями основных направлений по реализации конституционных положений о социальном государстве в соответствии с социально-экономической ситуацией.

Основное внимание уделено анализу документов, принятых в Республике Беларусь на первоначальном этапе перехода к рыночным отношениям, их взаимосвязи с социальными принципами, ранее действующими в советской Беларуси. Рассматриваются постановления правительства и указы Президента, развивающие концепцию устойчивого развития республики.

Для подготовки статьи использовался, прежде всего, историко-системный метод исследования, который позволяет рассматривать проблему комплексно. Применялись также и другие общенаучные методы: анализа, синтеза, индукции (по фактам сделаны обобщения).

Результаты и их обсуждение. История развития социально ориентированных государств в условиях рыночной экономики насчитывает многие

десятилетия. Страной, где впервые было декларировано положение о социальном государстве, стала Германия. Это произошло в 1871 году. Уже тогда в конституции Германии присутствовала идея заботы государства о благе народа. Здесь же и в это же время положено начало формированию законодательства по социальным вопросам [1, с. 116]. Такое развитие событий в Германии при становлении капиталистического общества можно отнести в заслугу смелым идеям немецких ученых XIX в., которые находились тогда под влиянием философии Гегеля. Анализируя капиталистический строй и классовую борьбу в Германии, ученые –

Л. Штейн, А. Вагнер, А. Абендротт, Г. Геллер, Т. Маршалл, Ф. Нойманн, разработали теорию социального государства, превращения буржуазного государства в государство всеобщего благоденствия (welfare state). Основной разработчик теории социального государства Лоренс фон Штейн считал, что задача государства заключается в становлении общественного равенства и личной свободы, в поднятии низших, обездоленных классов до уровня богатых и сильных. В теоретическом плане эти концепции вбирали в себя концепции английского экономиста Дж. Кейнса, обосновавшего в свое время необходимость активного вмешательства государства в экономическую жизнь общества.

Разработанные учеными подобные теоретические положения уже в начале XX в. стали воплощаться в практику в Великобритании, Швеции, Италии, Испании: социальные гарантии для граждан в этих странах вводились в законодательном порядке.

После Второй мировой войны начался качественно новый этап в разработке теории социального государства и ее синонимов «государства всеобщего бла-

годенствия» и «государства всеобщего благосостояния».

Первоначальные идеи и ценности социального государства были теоретически усовершенствованы и получили свое закрепление в конституциях многих стран.

В Основном Законе Федеративной Республики Германии (статья 28) сказано о том, что конституционный строй в землях должен соответствовать принципам социального правового государства [2, 3].

Закреплен статус социального государства в ныне действующих конституциях Франции, Италии [3, с. 187], Испании [3, с. 701], Швеции [4, с. 8]. На принципах социальной справедливости, согласно основополагающим документам, строят свою внутреннюю политику Румыния, Турция, Нидерланды, Дания, Республика Польша [5, с. 295].

Большинство постсоветских республик (Казахстан, Украина, Таджикистан и др.) провозгласили себя социальными (социально ориентированными), декларируют заботу о социальной справедливости, благоденствии граждан, их социальной защите, развивают солидарность и заботу самого общества о социальном состоянии этого общества [6, с. 135]. Хотя, строго говоря, принципы социального государства здесь понимаются с учетом своей специфики. В послании народу Казахстана Президент Н. Назарбаев подчеркнул, что в республике строится социально ориентированное общество, в котором заботой и вниманием окружены люди старшего поколения, материнство и детство, молодежь, общество, обеспечивающее высокое качество и передовые социальные стандарты жизни всех слоев населения страны [7, с. 12].

Конституция Республики Беларусь (принята в 1994 г. с изменениями 1996 г.) провозгласила Беларусь унитарным демократическим социальным правовым государством [8, с. 3]. С этого времени Беларусь проводит политику по формированию социального государства. Статья 2 Конституции устанавливает, что «Человек, его права, свободы и гарантии

их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства». Государство ответственно перед гражданами «за создание условий для свободного и достойного развития личности», а в ст. 21 уточняется: «Обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства». В ст. 60 подчеркнута обязанность государственных органов, должностных и иных лиц, которым доверено исполнение государственных функций, принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и личности.

В современной литературе имеется множество трактовок социального государства. Наиболее полно определяют суть социального государства российские ученые: Н.Н. Гриценко [9], Г.А. Николаев [10], В.В. Барис [11], М.П. Бочаров [12], В.А. Каменецкий [13], Ю.Е. Волков [14], М.В. Баглай [15], Б.В. Ракитский [16].

Определение социального государства видится российским ученым как понятие, призванное подчеркнуть, что социальные проблемы входят в качестве приоритетных для данных государств. Социальное государство – это государство, проводящее сильную социальную политику и развивающее отечественную рыночную экономику, направленную на стабильное обеспечение высокого жизненного уровня и занятость населения, реальное осуществление прав и свобод граждан, создание современных и доступных всем гражданам систем образования, здравоохранения, культуры, социального обеспечения и обслуживания, поддержание неимущих и малоимущих слоев населения [9, с. 191].

Ведущий ученый и политик М.В. Баглай называет социальным «государство, которое берет на себя обязанность заботиться о социальной справедливости, благополучии своих граждан, их социальной

защищенности» [15, с. 118–119]. Далее он уточняет: социальное государство – это государство, в котором каждому человеку гарантирован достойный уровень жизни, созданы условия для беспрепятственной реализации конституционных прав граждан на труд, социальное обеспечение, образование, охрану своей жизни и здоровья [15, с. 2].

Б.В. Ракитский пишет, что «по-настоящему социальным государство может стать при равновесии сил политического действия, при равной влиятельности основных социальных сил в обществе. Если силы существенно не равны, то нет и социального государства» [16, с. 93].

В научной литературе подчеркивается, что право называть себя социальным имеет то государство, где участие власти в регулировании трудовых и социальных отношений ведется на равноправной и равноответственной основе с другими субъектами этих отношений – общественными организациями, и прежде всего, с профсоюзами как представителями трудящихся. Социальное партнерство называется здесь важнейшим инструментом согласования интересов государства работников и работодателей.

Один из авторов данной статьи при определении социального государства учитывал это важнейшее положение. Он еще в 2006 г. отмечал, что «социальными (социально ориентированными) можно называть государства, в которых законодательно закреплён обоснованный общественно-приемлемый сценарий устойчивого социально-экономического развития, а реализация поставленных в нем целей обеспечивает материальное благосостояние и духовное развитие в условиях свободы и достоинства граждан. В таких государствах внутренняя политика осуществляется с учетом интересов всех социальных слоев и групп населения страны. Руководство этих стран демонстрирует политическую волю по развитию экономики в интересах общества, твердо соблюдает принцип социальной ответственности перед людьми и по мере роста финансово-экономических возможностей продолжает

увеличивать размеры социальных гарантий. Исходя из уровня развития хозяйственного комплекса, социально ориентированные государства обладают способностью оптимально сбалансировать в рамках своей социальной политики соотношение прав и обязанностей различных частей общества при максимально возможном учете каждой из них» [17, с. 23–28].

Определения российских и белорусских ученых находятся в контексте концепций ученых других стран. Они единогласны во мнении: социальное государство – это то государство, в котором ответственно подходят к выполнению всех ратифицированных страной Конвенций ООН и принятых на себя обязательств в социальной сфере в рамках международных соглашений. Ученые заостряют внимание на том, что эффективно функционировать государство, имеющее социальную ориентацию, может лишь в правовом и демократическом поле. То есть подлинно социальным можно называть государство, где не нарушаются другие основополагающие принципы, где человек имеет возможность реализовать свое неотъемлемое право и свободы. Государство, где допускаются нарушения прав и свобод человека не может считаться таковым.

Выработка белорусской модели социального государства, основанная на социально ориентированном рыночном хозяйстве, началась с лета 1990 года. В октябре 1990 г. правительство БССР приняло постановление и утвердило программу «О переходе БССР к рыночной экономике». Предусматривалось начать переход к рынку с 1 ноября 1990 года [18, с. 533]. Совет Министров республики приступил к ее разработке. В основу белорусской программы, разработанной Советом Министров Беларуси, положена новая экономическая доктрина, подготовленная в Москве под руководством академика С.С. Шаталина [19].

В работе над концепцией программы принимали участие представители 13 республик, в том числе от БССР доктор экономических наук Л.П. Козик (ныне председатель ФПБ). По мнению авторов доктрины, создание основ рыночной экономики можно осуществить в течение 1,5–2 лет. За это время намечалось стабилизировать экономику, провести разгосударствление, приватизацию, демонополизацию собственности на средства производства, развивать предпринимательство, создать систему государственного регулирования экономикой, рыночную инфраструктуру и механизмы ее деятельности.

Программа предусматривала социальную защиту населения: введение минимальной оплаты труда, индексацию доходов, помощь по безработице, по переквалификации, помощь малоимущим и многодетным семьям, пенсионное обеспечение.

Главной целью предлагаемой авторами реформы и принципов новой экономической системы, для республик СССР являлась экономическая свобода граждан и создание на этой основе эффективной хозяйственной системы, способной обеспечить динамичное развитие народного хозяйства и достойный уровень благосостояния гражданам страны, преодолев отставание от других стран [19, с. 25]. Составители программы предполагали, что в течение 500 дней можно создать основы рыночной экономики, способной к саморазвитию. В то же время они предупреждали об опасности дезинтеграции сложившейся в СССР экономической системы [19, с. 37]. Программа ориентировала руководство республик на тесную координацию действий и «на необходимость согласованных действий, что позволило бы остановить процесс распада межреспубликанских хозяйственных связей и не допустить снижение благосостояния народов, входящих в экономический союз» [19, с. 25]. Рыночный механизм рассматривался на этом этапе как единственный, позволяющий соединить различные государства и их экономи-

ческие системы. Переход к рынку позволял, на взгляд авторов, создать основу для добровольного объединения суверенных республик в рамках обновленного Союза.

Впоследствии программа и концепция, по различным объективным и субъективным причинам, подвергались критике. Экономисты и политики говорили о несовершенстве программы, но в то же время она получила признание и поддержку в научном сообществе и широкой общественности России и Беларуси.

По прошествии более 20 лет (опубликована в августе 1990 года) со времени разработки и принятия Концепции и Программы перехода к рынку необходимо отметить достоинство этого документа и патриотизм его создателей.

История, как известно, не имеет сослагательного наклонения: ответа, каких результатов при ее осуществлении можно было достичь, сегодня нет. Несомненно, одно ее воплощение открывало дорогу развитию более цивилизованным (с тем, что произошло) рыночным отношениям. В данном документе проектировалось проведение реформы на всей территории СССР, при сохранении тесного Союза республик. Переход к рыночным механизмам хозяйствования предусматривал значимую для народа цель – формирование социально ориентированной экономики и обращение всех ресурсов страны на пользу народа [19, с. 99].

Однако, тогдашний глава правительства Е.Т. Гайдар отдал предпочтение предложению председателя госкомимущества А.Б. Чубайса. Вместе они считали, что их вариант является более рыночным. Было желание провести реформирование собственности быстрее, чем за 500 дней. Реализация программы Гайдара–Чубайса привела практически к бесплатной раздаче государственной собственности.

Экономисты России и сегодня называют его катастрофическим итогом экономической реформы [20, с. 306–307; 21, с. 96; 22, с. 6; 23, с. 8; 24, с. 22].

А. Солженицын охарактеризовал российских реформаторов как идиотов, которых в мире еще не было [24, с. 22]. Он пишет: «... с огромной скоростью раздали за бесценок наши благословенные недра: нефть, цветные металлы, алмазы, уголь, производство. Ограбили Россию до нитки» [25, с. 2].

Начатая осенью 1992 года массовая приватизация привела к тому, что уже к началу 1995 г. в России более 70% государственных предприятий были переданы частным владельцам, а к 1997 г. частный сектор уже составлял 95,6% всех предприятий [26, с. 177]. Огромное количество их оказалось убыточными из-за неэффективного управления [27, с. 20].

Стартовый уровень перехода к рынку в БССР был более позитивным, чем в Российской Федерации и многих других республиках. Здесь переход начинался, имея под собой более прочную основу, выработанную в период перестройки. С 1985 по 1990 г. в процессе экономической реформы начался отказ от старой командно-административной системы. Сделан переход к радикальной экономической реформе. Принят закон «О государственном предприятии», а затем еще 12 постановлений «О коренной перестройке управления экономикой». После июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС летом 1988 года были приняты законы, открывавшие дорогу для частной деятельности во многих сферах производства.

Расширялась самостоятельность предприятий и объединений (они перешли на полный хозрасчет и самофинансирование), повысилась роль трудовых коллективов, развивалось самоуправление, внедрялись прогрессивные формы организации труда. Принят Новый Примерный устав колхоза. Он существенно расширил права общих собраний колхозников. С этого времени освобождать председателей колхозов могли только на

собраниях. Расширялись права колхозников в управлении коллективами.

Главным достижением экономического развития БССР во второй половине 80-х гг. стало начало переориентации с производства средств производства на выпуск товаров народного потребления. Впервые товары народного потребления по объему своего производства стали выпускаться опережающими темпами.

В Беларуси в это время, в сравнении с другими республиками СССР, более успешно развивалась экономика, намечались сдвиги в преодолении негативных последствий предыдущих, как их называли, застойных лет.

Не зря ведущие экономисты отмечают нашу республику этого времени как «полигон» для крупномасштабных экономических экспериментов. Средне-годовой национальный доход БССР за 1986–1990 гг. составил более 3,3%, при практически нулевом экономическом росте в СССР в целом [28, с. 272]. Положительным (что впоследствии окажется отрицательным) являлся профиль белорусской экономики. Это крупные машиностроительные и станкостроительные предприятия, заводы по переработке нефти. Многие предприятия имели заказ оборонного ведомства. Такая структура промышленности способствовала во время обретения независимости углублению кризиса.

С 1990 г. в республике шел поиск модели развития общества, которая в наибольшей степени смогла бы удовлетворить страну на данном и последующих этапах развития. Правительственная программа имела альтернативу. Представили свои «Основные принципы концепции перехода БССР на рыночную экономику» депутаты Верховного Совета республики от оппозиции – Белорусского Народного Фронта. Основными элементами

функционирования рынка в их программе называлась высокая доля частной собственности, в том числе и на землю. Государственный сектор, согласно программе БНФ, в рыночных условиях не должен был превышать 30–40%. В программе БНФ предлагалось выйти из СНГ и создать Балтийско-Черноморское Содружество (ассоциацию) с единым экономическим пространством, куда бы вошли: Эстония, Литва, Латвия, Беларусь, Украина, Молдова [28, с. 277–278]. Большинство депутатов Верховного совета БССР высказались за принятие программы, разработанной Советом Министров БССР. В правительственной программе переход к рыночной экономике в республике планировалось осуществить за 2 года. Намечалось стабилизировать экономику, провести приватизацию, демонополизацию собственности на средства производства, создать рыночную инфраструктуру и механизмы ее деятельности [29, с. 535]. В дальнейшем предстояло пройти путь превращения концептуальной (теоретической) модели в практическую (реальную) модель, основанную на нормативах социального государства с социальной рыночной экономикой.

Реализация программы рыночных отношений в БССР началась с 1 ноября 1990 года. Предполагалось создать новую экономическую систему, способную обеспечить динамичное развитие народного хозяйства и достичь уровня жизни как в развитых странах.

Руководство страны надеялось, что реализация намеченных рубежей в программе позволит остановить спад производства, а к 1993 году – добиться его роста. Для осуществления программы потребовалось принятие ряда новых законов: 11 декабря 1990 г. принят закон «О собственности», 14 декабря 1990 г. – закон «О национальном банке», «О предприятии» и «Об аренде». В них обозначены правовые рамки для разных видов деятельности и введение в правовые отношения понятий частной и коммунальной собственности. В дополнение к программе о переходе к

рынку в 1991 году была утверждена «государственная программа стабилизации экономики и социальной защиты населения».

В 1991–1994 годах руководство Беларуси отдавало предпочтение либеральной модели рынка. В это время в республике создавался необходимый минимум основных рыночных институтов, нормативно-правовых документов, произошло реформирование отношений собственности, либерализация хозяйственных связей. Возникли товарные и фондовые биржи, появились тысячи частных фирм, магазинчиков и киосков [28, с. 280].

Рыночная трансформация экономической системы республики выражалась в передаче в аренду мелких предприятий в сфере торговли, общественного питания, коммунальных услуг, бытового обслуживания, создания ассоциаций, совместных предприятий, акционерных обществ. Уже в начале 1992 г. субъектами негосударственных форм собственности в республике являлись около 5,5 тыс. кооперативов, почти 2 тыс. малых предприятий, более 200 совместных предприятий, 75 ассоциаций, 15 акционерных обществ, 5 концернов, 25 коммерческих банков [30, с. 596].

Населению была предоставлена возможность выкупать в собственность квартиры, приобретать акции, облигации и т.п.

В аграрном секторе экономики также были сделаны определенные шаги по становлению рыночных отношений. На основе «Кодекса Республики Беларусь о земле» и закона «О праве собственности на землю» проводилась перерегистрация колхозов и совхозов, предусматривалось создать на их базе высоко доходные предприятия капиталистического типа. Отдельные были преобразованы в кооперативные и акционерные предприятия и получили новые названия. Стала

создаваться частная собственность в форме фермерских хозяйств. В середине 1993 года их насчитывалось 2658. Фермерские хозяйства имели в среднем по республике около 20 га земли, что сдерживало развитие товарного производства в деревне. Урожайность зерновых и картофеля у фермеров была ниже, чем в колхозах и совхозах. Многие фермерские хозяйства оказались нерентабельными [31, с. 410–411]. Из-за отсутствия государственной поддержки и материальных ресурсов (а часто из-за моральной и физической неподготовленности к очень тяжелому труду) возникли затруднения со сбытом продукции, численный рост фермерских хозяйств замедлился, а некоторые прекратили свою деятельность.

Верховный Совет и правительство Республики Беларусь решили провести приватизацию государственной собственности через именные чеки «Маёмасць». Этот документ – часть права на приватизируемую собственность стоимостью 2,5 тыс. рублей. Жителям Беларуси методику расчета стоимости чеков не разъяснили. Белорусскими массмедиа приватизация в такой форме преподносилась как компенсация трудящимся за их труд в предшествующие годы, как справедливое действие властей по распределению богатой собственности, созданной многими поколениями жителей Беларуси. Примерно миллион жителей Беларуси чеки получили, однако собственниками предприятий не стали. К середине 90-х годов стало ясно: чеки «Маёмасць», кроме социально-психологического, другого значения не имеют. Так, на начало июля 1996 года из 1 млн владельцев чеков 42% продали свои чеки по очень низкой цене – 2,5 тыс. рублей за 1 чек, только 28% использовали их для оплаты за приватизированную собственность, 13% обменяли на акции специализированных инвестиционных фондов, 17% переоформили на родственников [31, с. 409]. Дивиденды от вложенных в Госкомимущество Республики Беларусь чеков были

настолько низкими, что никакого энтузиазма и положительных эмоций у их владельцев не вызывали. И в начале XXI века большинство населения Республики не разобралось в приватизации собственности через именные чеки.

Хотя изначально ожидания и надежды при приватизации были радужными. Коллектив экспертов, сформированный знаменитым микрохирургом С.Н. Федоровым, в 1996 году определил, что на каждого гражданина России приходилось от 150 до 200 тысяч долларов [32, с. 2]. Белорусы в советское время трудились также напряженно: в БССР была создана материально-техническая база, которая при правильном подходе к приватизации сделала бы более успешный переход к цивилизованному рынку.

Сложности на этом этапе обострялись разрывом сложившихся в предыдущие годы хозяйственных связей. Создание экономического союза суверенных республик с самого начала сопровождалось острыми конфликтами. Эффективной координации действий всех республик (с учетом имеющихся специфических условий) по проведению радикальной экономической реформы, основанной на создании рыночной экономики, не произошло.

Стали явно проявляться элементы демонтажа механизма централизованного планирования и управления. Переход к рынку осуществлялся неимоверно тяжело, противоречиво, общество болело недостатком комплексности [31, с. 405].

Как и писал известный экономист Л. Эрхардт, замена плановой экономики свободным рыночным хозяйством происходит очень сложно, требуется определенный переход, чтобы дать простор свободному рынку [33, с. 45]. С 1991 г. в стране начался спад производства, за ним наступил экономический кризис. Основные

экономические показатели пошли резко на спад: валовой внутренний продукт сократился на 35%; продукция промышленности за 1991–1995 гг. – на 39%; продукция сельского хозяйства – на 26%. Удельный вес убыточных предприятий возрос (за это время) почти на 20% [34, с. 166].

Спад промышленной и сельскохозяйственной продукции, свободное ценообразование нарушили систему социальной поддержки и гарантий для населения. Не удавалось поддерживать хотя бы прежний советский жизненный уровень населения. Нарастали другие социальные проблемы. Государство от перехода к рыночным отношениям не стало более социальным, чем оно было до 1990 года. Стало очевидно: введение рынка по методу, предложенному в московской доктрине, потерпело неудачу. До 1994 года заработная плата в стране выросла не более, чем в 2 раза, а розничные цены на товары народного потребления и платные услуги населения увеличились, примерно, в 10–15 тыс. раз [31, с. 416]. Это означало, что белорусы стали жить в 5–10 раз хуже, чем раньше. Большинству населения уже было недоступно приобретение таких необходимых товаров, как: холодильники, телевизоры, мебель и др. Значительная часть экономически-активного населения Беларуси оказалась безработными.

Модель белорусского рынка, осуществляемая до 1994 года, не дала белорусам ничего другого кроме существенных потерь. Доверие народа к руководству республики было подорвано. Летом 1994 года избиратели республики приняли решение о некомпетентности государственных деятелей прошедшего периода. Сама история подтверждает, что для такого вывода есть основания. Мандат по руководству страной в это сложное время был передан другим политикам.

С избранием А.Г. Лукашенко, первого Президента Республики Беларусь, положено начало новому варианту реформ, в основе которых – социально ориентированная модель рыночной

экономики. Выбрана модель рыночной экономики, при которой складывается общество социальной справедливости, допускается плюрализм форм собственности при большей степени участия государства в эффективности экономики, регулирование доходов и занятости населения, удовлетворение в первую очередь круга наиболее значимых социальных потребностей.

В республике в рамках Конституции в центре и на местах создана сквозная вертикальная структура исполнительных и распорядительных органов. С этого времени предложен новый курс развития республики, направленный на создание социально ориентированной экономики, обеспечение политической стабильности и согласия в обществе.

Из двух основных моделей рыночной экономики, известных в мировой практике (либеральной и социальной ориентации), выбрана социально ориентированная модель. Государство поставило под свой контроль регулирование пропорционального развития государственных и негосударственных форм собственности, взаимоотношения между этими укладами, поддержку структурных пропорций, которые обеспечивают экономическую стабильность, ценообразование и использование трудовых ресурсов, а также, что является самым главным, социально экономическую политику в области оплаты труда и доходов населения.

Руководство страны заявило об установлении в республике социальной справедливости через такие рычаги, как регулирование оплаты труда, перераспределение финансовых средств в форме различной помощи, дотаций, планирования и выпуск остро дефицитных потребительских товаров и т.п. Такой подход является оправданным для любой страны, где в основу государственной политики положены социальные принципы.

Республика встала в один ряд с государствами, где проводится прогрессивная социальная политика, отвечающая интересам человека [34, с. 166].

В основных направлениях социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 гг. взят курс на государственное регулирование экономики. Приватизация стала проводиться при непосредственном участии и под контролем Президента страны А. Лукашенко. Приостановлен демонтаж крупного колхозно-совхозного производства, ведущие промышленные предприятия остались в государственной собственности. Ставка в развитии промышленного и сельскохозяйственного производства сделана на собственные силы. С 1995 г. экономика Республики Беларусь вошла в стабилизационный период с последующим ежегодным ростом [34, с. 166]. Сохранил темпы роста советского времени и нефтеперерабатывающий комплекс. С 1996 г. был остановлен процесс социального расслоения населения.

Если исходить из того, что приватизация – основной элемент перехода от одной социально-экономической информации к другой, а ее осуществление – сложный и длительный процесс, то сегодня следует признать более правильным белорусский подход. Он созвучен опыту некоторых постсоциалистических стран. Например, экономисты находят достаточно продуманный подход к приватизации в социалистической Польше. Там приватизация началась значительно раньше, чем в России и Беларуси. Как подчеркивал экс-премьер-министр финансов Польши, профессор Г. Колодко: «...многие крупные предприятия... и сегодня находятся в собственности государства. И не потому, что они и так рентабельны, но также и потому, что по соображениям геоэкономической безопасности они не должны находиться в частных руках» [35, с. 67–71].

Как видно, поспешности при приватизации госпредприятий в Польше не было и нет. До сих пор, по

свидетельству того же профессора Колодки, 20% ВВП Польши приходится на государственный сектор, в котором занято 28% работающих [34, с. 73]. Здесь приватизации предшествовала коммерциализация, а разгосударствление собственности начинали с мелких предприятий после стабилизации цен. Приватизация средних по размеру предприятий была проведена значительно позже (только через 5–6 лет после России), а продажа в частные руки крупных предприятий проводится обдуманно, с пользой для общества [36, с. 129].

Как видно, ученые и политики и сегодня понимают, что право государственной собственности в отличие от права частной собственности, преимущественно учитывает общественные, а не частные интересы.

В Беларуси была учтена как собственная, так и российская негативная практика первых лет либеральных реформ. В республике имелся и остался осознанным подход передачи госимущества в частную собственность, что позволило сохранить значительную часть единых имущественных комплексов в государственной собственности и использовать их в интересах всего белорусского народа, а не в интересах отдельных субъектов.

В связи с тем, что социальная защита населения в советское время находилась на хорошем уровне, учитывался менталитет белорусского общества: в значительной степени он направлен на социально ориентированную модель рынка, которую начали осуществлять в середине 90-х годов.

В республике осталась развитая система социальной защиты. В планах социально-экономического развития заложены достаточно высокие расходы на профессиональную подготовку, переподготовку и трудоустройство населения, ведется

системная государственная политика по созданию рабочих мест. Регистрационная безработица в Республике Беларусь в 2011 г. менее 1% – при социально-приемлемом мировом уровне в 3% экономически активного населения.

Заключение. Таким образом, видно, что переход Республики Беларусь к рыночной экономике и социально ориентированной политике оказался новым неизведанным делом. В мировом историческом развитии еще не было практики перехода от социалистического типа хозяйствования к рыночному. Особенно сложно происходил этот процесс на этапе 1991–1994 годов, когда шло создание основных рыночных структур, норм правовых документов, превращение системы тотального государственного руководства экономикой в либеральную модель, которая в полной степени опирается на рыночные механизмы.

Результаты социально-экономического развития этого периода показали, что регуляторы, основанные целиком на рекомендациях международного валютного фонда, себя не оправдали. Хотя мгновенной обвальная приватизации в стране не наблюдалось, доля государственной собственности оставалась довольно высокой, экономика оказалась в глубоком кризисе: произошло резкое падение производства, рост инфляции, снижение прибыли и, соответственно, налоговых поступлений, что существенно сказалось на некоторых составляющих уровня жизни населения. Пострадала экономически-активная часть населения, занятая в реальном секторе, наблюдался большой разрыв в доходах граждан.

Пришлось искать новые подходы, создавать, как в исторической литературе отмечается, чисто белорусскую модель социально-экономического развития. Формирование социального государства в рыночных условиях – это не одномоментное превращение одного типа в другой и это не застывший тип государства. Социальное государство постоянно развивается и трансформируется в той же мере, в какой развивается и трансформируется общество и

экономика. Многое зависит от внутреннего и международного положения.

Основной же проблемой социального государства с рыночной экономикой является установление границ, пределов вмешательства государства в социальную и экономическую жизнь. Наиболее сложная задача формирования социального государства в рыночных условиях – это соблюдение баланса между рыночной экономикой и устранением явного социального неравенства, порождаемого ею.

Поэтому Президентом Республики Беларусь было принято решение строить белорусскую модель на синтезе лучшего, что было накоплено обществом различных цивилизаций. Поставлена задача формировать белорусское общество как общество социальной справедливости, проводить экономические преобразования постепенно, оставить сложившуюся в советское время защиту населения по всему спектру услуг.

Практика советского периода и функционирование западных моделей общественного развития подсказали, что на первом этапе перехода к открытой и свободой рыночной экономике нужно отказаться от планово-распределительной экономики с ее директивным и всеобъемлющим планированием, оставив при этом индикативное, точечное планирование, которое позволяет проводить трансформацию общественной собственности системно (при высокой доли государственности), поддерживать прибыльные предприятия и низкую безработицу. От капиталистического общества необходимо было принять феномен частной инициативы, действующие в нем рыночные механизмы предложения и спроса. Белорусы приняли эту модель как наиболее оптимальную и близкую их историческому опыту и менталитету. Она была привлекательна на данном

этапе тем, что к этому времени в сознании людей глубоко укрепились мысли о превалирующей роли государства в их жизни.

Литература

1. Основы социального государства: учеб. для вузов / под общ. ред. Н.Н. Гриценко, А.А. Шулуса. – М.: Изд. дом «АТиСО», 2009.
2. Основной Закон Федеративной Республики Германии. – Бонн, 1998.
3. Гриценко, Н.Н. Конституции государств Европейского союза / Н.Н. Гриценко [и др.]. – М., 1997.
4. Конституции государств Восточной Европы. – М., 1996.
5. Конституции зарубежных государств. – М., 1996.
6. Покровский, В.А. Социальное государство в конституциях СНГ / В.А. Покровский // 10 лет СНГ: опыт, проблемы, перспективы. – М., 2001.
7. Сиязбек Мукашев. Заботиться о завтрашнем дне профсоюзов / Сиязбек Мукашев // Профсоюзы. – № 4. – 2006.
8. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме от 24.11.1996 г., в ред. решения республиканского референдума от 17.11.2004 № 1/0 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 05.01.1999. – № 1. – 1/0; 2.12.2004. – № 188. – 1/6032.
9. Гриценко, Н.Н. Социальное государство: краткий словарь-справочник / редкол.: Н.Н. Гриценко (рук.) [и др.]. – М.: АТиСО, 2002; он же. Основы социального государства: учебник для вузов / Н.Н. Гриценко; под общ. ред. Н.Н. Гриценко, А.А. Шулуса. – М.: Изд. дом «АТиСО», 2009.
10. Николаев, Г.А. К вопросу о социально-экономической функции социального государства / Г.А. Николаев // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. – М.: АТиСО, 2002.
11. Барис, В.В. Политические основания становления и развития социального государства / В.В. Барис // Социальное государство: мировой опыт и реалии России. – М.: АТиСО, 2002.
12. Бочаров, М.П. От социальных ценностей к социальному государству / М.П. Бочаров. – М.: Луч, 1977.
13. Каменецкий, В.А. Проблемы становления социального государства / В.А. Каменецкий, В.П. Патрекеев. – М.: АТиСО, 2001.
14. Волков, Ю.Е. Либерализм и социальное государство / Ю.Е. Волков // Социальная политика: энциклопедия; под ред. Н.А. Волгина и Т.С. Сулимовой. – М.: Альфа-Пресс, 2006.
15. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации / М.В. Баглай. – М., 1997; он же. Государство должно быть социальным: и при рынке держава обязана заботиться о своих гражданах / М.В. Баглай // Труд. – 1993. – 3 июня.
16. Ракитский, Б.В. Роль государства в социальной политике: особенности государства как субъекта социальной политики и его конституционные обязанности в этой сфере // Социальная политика: учебник / Б.В. Ракитский. – М.: Экзамен, 2002.
17. Мандрик, И.В. Социально ориентированное государство и профсоюзы / И.В. Мандрик // Труд. Профсоюзы. Общество. – № 4. – 2006.
18. Сборник Законов БССР. – 1990. – № 29.
19. Переход к рынку. Концепция и программа. – М.: Архангельское, 1990.
20. Некипелов, А.Д. Очерки по экономике посткоммунизма / А.Д. Некипелов. – М., 1996.
21. Сироткин, В. Анатолий Чубайс: великий инквизитор / В. Сироткин. – М., 2006.
22. Степаши́н, С. Унесенные ветром / С. Степаши́н. – Поиск 10.11.2006.
23. Гринберг, Р.С. Россия: экономический успех без развития и демократии / Р.С. Гринберг // Россия и современный мир. – 2006. – № 1.
24. Солженицын, А. Россия в отвале / А. Солженицын. – М., 1998.
25. Солженицын, А. Московский комсомолец / А. Солженицын. – М., 2004.
26. Куда идет Россия. Белая книга реформ / сост.: С.Г. Карамурза, С.А. Батчиков, С.Ю. Глазьев. – М., 2008.
27. Явлинский, Г. Периферийный капитализм. Лекция об экономической системе России на рубеже XX–XXI вв. / Г. Явлинский. – М., 2003.
28. Эканамічная гісторыя Беларусі: курс лекцый / В.І. Галубовіч, Г.Ф. Шаповал

- [і інш.]; пад рэд. В.І. Галубовіча. – Мінск, 1993.
29. Зборнік законаў БССР. – 1990. – № 29.
30. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Мінск: Современная школа, 2011. – Т. 6.
31. Гісторыя Беларусі: вучэб. дапам.: у 2 ч. / Я.К. Новік [і інш.]; пад рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. – Мінск: Універсітэцкае, 2000. – Ч. 2: Люты 1917–2000 гг.
32. Комсомольская правда. – 2002. – 26 ноября.
33. Эрхорд Людвиг. Полвека размышлений: речи и статьи / Эрхорд Людвиг. – М., 1996.
34. Труд и занятость в Республике Беларусь. – Минск, 2002.
35. Колодко, Г. Глобализация и наверстывание. От экономического спада к экономическому росту в странах с переходной экономикой / Г. Колодко // Постсоциалистические страны в условиях глобализации: сб. материалов междунар. науч. конф. – М., 2001. – С. 67–71.
36. Симонян, Р.Х. Как это начиналось / Р.Х. Симонян / Новая и новейшая история. – 2010. – № 5. – С. 129.

Поступила в редакцию 28.10.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 616-08-9.28/.29:940.54

Фарміраванне сістэмы пратэзавання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе

© Марцынкевіч І.А.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны Ордэна Дружбы народаў медыцынскі
універсітэт”, Віцебск*

У дадзеным артыкуле разглядаецца сацыяльная палітыка ў БССР ў адносінах да інвалідаў і ўдзельнікаў Вялікай Айчыннай вайны. На аснове афіцыйных дакументаў і архіўных матэрыялаў аўтар звяртае ўвагу на ўмовы і асноўныя матывы, якімі кіравалася ўлада рэспублікі ў адносінах да інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны пры вырашэнні праблемы пратэзавання ў першыя пасляваенныя гады. Разглядае асноўныя прычыны, якія абумовілі цяжкае становішча на першапачатковых этапах фарміравання сістэмы пратэзавання дадзенай катэгорыі грамадзян і вызначае напрамкі, па якіх вялася работа для вырашэння праблемы. Аўтар вызначае асноўныя поспехі, якія былі дасягнуты за першае пасляваеннае дзесяцігоддзе і прыходзіць да высновы, што за гэты перыяд ў БССР была закладзена частка агульнай сістэмы забеспячэння пратэзамі інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, якая ў многім задавальняла патрэбы на пратэзаванне ўнутры краіны, аднак, разам з тым, яшчэ патрабавала істотнай дапрацоўкі.

Ключавыя словы: БССР, сацыяльнае забеспячэнне, Вялікая Айчынная вайна, інваліды Вялікай Айчыннай вайны, пратэзаванне.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 63–68)

Setting up the system of prosthetic appliance provision for Great Patriotic War invalids in the first post-war decade

© Martsynkevich I.A.

*Educational establishment “Vitebsk State Order of Peoples Friendship
Medical University”, Vitebsk*

The article considers social policy in the BSSR concerning disabled servicemen and participants of the Great Patriotic War. On the basis of official documents and archive materials the author pays attention to the conditions and main motives which the republican authorities were directed by in relation to Great Patriotic War invalids while solving the problem of prosthetic appliance provision in the first post-war years. Main reasons are considered of the difficult situation at the first stages of setting up the system of prosthetic appliance provision for this category of citizens; directions of work to solve the problem are singled out. The author states main successes which were achieved during the first post-war decade and comes to the conclusion that during this period in the BSSR a part of the general system of prosthetic appliance provision for Great Patriotic War invalids was created which to a great extent satisfied the needs for prosthetic appliances in the country. Still considerable work was supposed to be done.

Key words: BSSR, social provision, Great Patriotic War, Great Patriotic War invalids, prosthetic appliance provision.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 63–68)

Фарміраванне сістэмы пратэзавання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе праходзіла ў складаных і супярэчлівых умовах, якія былі абумоўлены тагачаснай рэчаіснасцю. Недастатковая распрацаванасць праблемы ў першыя гады аднаўлення і складаныя матэрыяльныя ўмовы рэспублікі адразу пасля вайны з'яўляліся аб'ектыўнымі фактарамі, якія стрымлівалі хуткія змены ў гэтым напрамку сацыяльнага забеспячэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны.

Даследаванне праблемы сацыяльнага забеспячэння насельніцтва як састаўной часткі сацыяльна-эканамічнай палітыкі савецкай дзяржавы ў першыя пасляваенныя гады знайшло сваё адлюстраванне ў савецкай, айчыннай і расійскай гістарыяграфіі. Сярод вядучых даследчыкаў можна назваць В. Дрыца, А. Коцікава, В. Люцко, А. Грыгор'ева, А. Зубкову і інш. Аднак, спецыяльнага даследавання, прысвечанага непасрэдна фарміраванню сістэмы пратэзавання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе, не праводзілася.

Мэта дадзенага артыкула – аналіз фарміравання сістэмы пратэзавання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў першыя пасляваенныя гады ў БССР. Дасягненне мэты даследавання абумовіла пастаўку і вырашэнне наступных задач:

- ахарактарызаваць умовы зараджэння сістэмы пратэзавання як састаўной часткі сацыяльнага забеспячэння інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны;

- прааналізаваць асноўныя архіўныя дакументы па праблеме;

- высветліць прычыны маруднага вырашэння праблемы пратэзавання інвалідаў і вызначыць меры, якія прывялі да яе нармалізацыі

Матэрыял і метады. Дадзены артыкул грунтуецца на архіўных матэрыялах і дакументах, а таксама на даследаваннях расійскіх аўтараў. У працэсе яго напісання былі прааналізаваны асноўныя дакументы, якія ляглі ў аснову фарміравання сістэмы пратэзавання

інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Асаблівую цікавасць уяўляюць архіўныя дакументы з фондаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, прысвечаныя непасрэдна практычнай рэалізацыі прынятых мер па вырашэнні праблемы пратэзавання дадзенай катэгорыі грамадзян. Намі выкарыстоўваліся як агульнанавуковыя (аналіз, сінтэз, індукцыя, дэдукцыя, параўнанне, абагульненне), так і спецыяльна-гістарычныя метады даследавання (гісторыка-параўнальны, гісторыка-тыпалагічны), якія дазволілі паказаць умовы фарміравання сістэмы пратэзавання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў разглядаемы перыяд.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пасля заканчэння Вялікай Айчыннай вайны самым трагічным наступствам стала не толькі гібель 27 мільёнаў савецкіх грамадзян, але і шматлікія інваліды, якія аказаліся ў складаным матэрыяльным, фізічным і псіхалагічным становішчы. Ім цяжка было адаптавацца да мірных умоў і знайсці сабе месца ў пасляваенным грамадстве. Узніклі складаныя з працаўладкаваннем, атрыманнем адпаведнай медыцынскай дапамогі, уключэннем у мірнае жыццё. Шматлікія цяжкія былі і ў сем'ях інвалідаў. У першыя пасляваенныя гады ў гарадах і вёсках краіны нярэдка сустракаліся скалечаныя на вайне былыя франтавікі, якія нават былі вымушаны жабраваць. У народзе ім часта давалі асаблівых імёнаў, якія характарызавалі іх скалечанасць: “кастылі”, “абрубкі”, “тачкі”, “печаныя” [5, с. 101–118]. Да пачатку 1950-х гг. такіх інвалідаў можна было сустрэць ў цягніках, на вакзалах і рынках, потым скалечаныя франтавікі і жабракі сустракаліся ўсё радзей. Аднак і праз 10 гадоў пасля заканчэння вайны інваліды-франтавікі складалі яшчэ значную частку насельніцтва, якое жабравала. Нават па афіцыйных, няпоўных дадзеных, у 1954 г. іх агульная

колькасць па СССР складала 2545 чалавек, г.зн. каля 12% ад усіх улічаных (жабракоў). Такія лічбы сведчылі пра недасканаласць савецкай сістэмы сацыяльнага забеспячэння [6, с. 488].

Існаванне вялікай колькасці інвалідаў патрабавала сур'ёзнай і сістэмнай дзейнасці дзяржавы для вырашэння гэтай праблемы. Адным з важных кірункаў працы па рэабілітацыі інвалідаў і ўключэнні іх у грамадскае жыццё і вытворчую дзейнасць у магчымай для іх форме з'яўлялася стварэнне сістэмы пратэзавання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Станаўленне гэтай сістэмы прайшло доўгі шлях развіцця і ўдасканалывалася на працягу дзесяцігоддзяў.

Сітуацыя ўскладнялася тым, што ва ўмовах пасляваеннай разрухі на тэрыторыі БССР не існавала ніводнага прадпрыемства, якое б хоць часткова магло задаволіць вострую патрэбу ў пратэзаванні. Пытанне насіла не толькі медыка-сацыяльны, але і маральна-этычны характар.

У такіх умовах кіраўніцтвам рэспублікі, а таксама органамі ўлады на месцах, а менавіта старшынямі выканкамаў, дадзенае пытанне было ўзята на асабісты кантроль і прыняты першапачатковыя меры па выпраўленні сітуацыі, якая складалася. З мэтай змяніць становішча адпаведная праблема разглядалася 5 красавіка 1945 года на пасяджэнні СНК БССР і была прынята пастанова “Аб мерапрыемствах па паляпшэнню патрэб у пратэзаванні інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны і іншых катэгорый па БССР”. Выдзяляліся значныя сродкі для яе рэалізацыі. З мэтай задавальнення патрэб у пратэзаванні інвалідаў вайны было вырашана абавязаць старшын абласных выканкамаў Магілёўскага, Бабруйскага, Гродзенскага саветаў дэпутатаў працоўных да 20 красавіка 1945 года арганізаваць ў гарадах Магілёве, Бабруйску, Гродна па адной пратэзнай майстэрні абласнога падначалення з колькасцю кваліфікаваных работнікаў не менш за 20 у кожнай. На старшынь

Магілёўскага, Гродзенскага і Віцебскага выканкамаў ускладалася і задача бесперабойнага забеспячэння пратэзных майстэрняў электраэнергіяй, а старшыня Мінскага гарадскога савета да 20 красавіка 1945 года павінен быў выдзеліць Наркамсабесу БССР памяшканне для арганізацыі ў горадзе Мінску примерачнай і інтэрната на 10 чалавек для інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, якія прыязджалі на прымерку і атрыманне пратэзаў.

Укамплектаванне пратэзных майстэрняў неабходнымі кваліфікаванымі кадрамі трэба было правесці за кошт дзеючых арганізацый мясцовай прамысловасці, прамкааперацыі і іншых крыніц. Гэты факт сведчыць пра тое, што на час выдання пастановы ў краіне не толькі не хапала пратэзных майстэрняў, але і адсутнічала неабходная колькасць прафесіяналаў-пратэзістаў.

Акрамя таго, у другім квартале 1945 года Наркамсабесу БССР для арганізацыі пратэзных майстэрняў выдзяляліся неабходныя абсталяванне, інструменты і матэрыялы. Народнаму камісарыату гандлю БССР было даручана харчовае забеспячэнне працоўных пратэзных майстэрняў па нормах асобага спісу. Паколькі існавала праблема недахопу матэрыялаў, з якіх вырабляліся пратэзы, то на Наркамсабес БССР ускладалася першачарговая задача па забеспячэнні арганізуемых пратэзных майстэрняў неабходнымі паўфабрыкатамі.

Цікавым з'яўляецца той факт, што згодна з дадзенай пастановай адбыліся і некаторыя змяненні ў вышэйшых кіруючых органах краіны. Была зацверджана дадатковая штатная адзінка намесніка старшыні сацыяльнага забеспячэння па пратэзнай прамысловасці, а замест аддзела пратэзавання быў зацверджаны аддзел пратэзнай вытворчасці [1, арк. 1].

Нягледзячы на такія сур'ёзныя

меры, прынятыя урадам, сітуацыя з пратэзаваннем змянялася ў лепшы бок вельмі марудна. Пратэзаў па-ранейшаму не хапала, а ў рабоце толькі што арганізаваных майстэрняў па вырабе пратэзаў было шмат недапрацовак і недахопаў. Паставы рэспубліканскага саўнаркама не выконваліся ў поўным аб'ёме. Прыкладам такога невыканання з'яўляецца пастанова СНК БССР ад 27 снежня 1945 года № 958, згодна з якой пратэзныя прадпрыемствы Наркамсабеса БССР павінны былі штомесяц вырабляць і здаваць 100 пар пратэзнага абутку для задавальнення патрэб інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны. Аднак названая пастанова СНК БССР не выконвалася. За 6 месяцаў 1945 года замест 600 пар было выраблена і перададзена прадпрыемствам пратэзнай прамысловасці толькі 50 пар абутку. Пры ўсіх прынятых мерах, у сувязі з тым, што пратэзныя прадпрыемствы БССР на працягу 1945 года выраблялі толькі пратэзы для інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, якія знаходзіліся ў эвакуяваных шпітальных, за гэты час збіраліся шмат заказаў ад інвалідаў-франтавікоў, што прыбылі раней на месца свайго былога жыхарства.

Існуючыя пратэзныя майстэрні ў Мінску і Гомелі ў гэты час мелі поўную загрузку на 4 месяцы наперад, а зноў арганізаваныя пратэзныя майстэрні ў Віцебску, Магілёве, Бабруйску рабілі толькі артапедычны абутак і выраб пратэзаў не асвоілі. У такіх абставінах Народны камісарыят сацыяльнага забеспячэння БССР нават быў вымушаны звярнуцца да кіраўніцтва рэспублікі з просьбай аб дазvole спыніць прыём заказаў на тры месяцы для выканання ўжо прынятых заказаў і для асваення вырабу пратэзаў зноў арганізаванымі майстэрнямі [3, арк. 95].

У выніку такой сітуацыі інваліды Вялікай Айчыннай вайны, якія скончылі лячэнне ў шпітальных, атрымлівалі пратэзы без абутку, што выклікала хуткі знос пратэзаў і выхад іх са строю [1, арк. 65–66]. Кіраўніцтва рэспублікі прымала

тэрміновыя меры па забеспячэнні паставак прапанаванай колькасці абутку і іх перадачы пратэзным прадпрыемствам Наркамсабеса БССР. СНК БССР 11 кастрычніка 1945 года прыняў пастанову “Аб мерах па дапамозе пратэзным прадпрыемствам Наркамата сацыяльнага забеспячэння БССР”, у якой прадугледжвалася правядзенне аддзела сацыяльнага забеспячэння ў 4-м квартале 1945 года месячных курсаў па падрыхтоўцы кадраў спецыялістаў-пратэзнікаў у колькасці 30-ці чалавек [1, арк. 88].

Усе гэтыя меры, якія былі прыняты за такі кароткі тэрмін, безумоўна, адыгрывалі станоўчую ролю ў стварэнні сістэмы пратэзавання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў рэспубліцы, але ўсіх пытанняў па-ранейшаму не вырашалі, пра што сведчыць ліст першага намесніка старшыні СНК БССР К.В. Кісялёва на імя дырэктара Калінінскага пратэзнага завода (ў горад Калінін) ад 29 кастрычніка 1945 года. У ім, звяртаючыся ад імя СНК БССР, ён просіць вырабіць на гэтым прадпрыемстве 150 пратэзаў і перадаць іх Наркамсабесу БССР. Такую вострую патрэбу і немагчымасць яе вырашэння сіламі прадпрыемстваў рэспублікі К.В. Кісялёў тлумачыў усё тымі ж прычынамі (неўкамплектаванасцю кадраў і недахопам матэрыялаў) [1, арк. 86].

Таксама К.В. Кісялёў звярнуўся з просьбай аб дапамозе ў вырашэнні дадзеных праблем да намесніка старшыні СНК СССР В.М. Молатава. У сваім звароце ён паведамляў, што пратэзныя прадпрыемствы БССР толькі арганізаваныя і не ўкамплектаваныя кадрамі, у першую чаргу спецыялістамі-пратэзнікамі, і па колькасці выпускаемай прадукцыі не ў стане на дадзены момант задаволіць патрэбы шпітальных і інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны [1, арк. 87]. Разам з тым, 13 лістапада 1945 года

К.В. Кісялёў звяртаецца да наркама сацыяльнага забеспячэння РСФСР А.М. Сухава з просьбай аказаць Наркамсабесу БССР дапамогу ў выдзяленні гатовых пратэзаў сцягна і галёнкі ў колькасці 500 штук або ў вырабе іх ў г. Калініне і пратэзных майстэрнях ў памежных з БССР гарадах [3, арк. 105–107].

Прымаемыя намаганні прывялі да павелічэння колькасці вырабляемых пратэзаў, аднак была і яшчэ адна праблема, якая не страціла сваёй актуальнасці і праз некалькі гадоў пасля заснавання пратэзных майстэрняў ў БССР. Яна ўзнікла і была звязана з недахопам кваліфікаваных спецыялістаў у гэтай вытворчасці. У прагледжаных справах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь намі выяўлены ананімныя лісты, у якіх інваліды вайны пісалі ў шматлікія інстанцыі і скардзіліся на якасць пратэзных вырабаў. З іх слоў, пратэзы вырабляліся нязручныя, яны ірвалі вопратку і спіралі да крываваых мазалёў цела. Сама прымерка праходзіла няякасна і без адпаведнай увагі супрацоўнікаў майстэрняў ў адносінах да інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, што выклікала дадатковыя цяжкасці і праблемы ў карыстанні пратэзамі [2, арк. 405, 407]. Трэба адзначыць, што апошняя з праблем так і не была вырашана і праз дзесяць гадоў пасля вызвалення БССР. Так, у даведцы аб рабоце аддзела сацыяльнага забеспячэння наркамата БССР за 1954 год адзначалася, што па выніках праверкі можна канстатаваць выпуск няякаснай прадукцыі і парушэнне тэрмінаў вырабу пратэзаў [4, арк. 53].

Заклучэнне. Нягледзячы на ўсе складанасці, у якіх праходзіла фарміраванне сістэмы пратэзавання інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе, было зроблена галоўнае – закладзена аснова сістэмы пратэзавання. Па стане на 1 студзеня 1954 года ў БССР мелася 6 пратэзных прадпрыемстваў, якія ўжо поўнаасцю забяспечвалі патрэбы інвалідаў

па ўсіх відах пратэзаў. За 1954 год іх было выдадзена ўсяго 7416 штук. Інвалідам вайны было перададзена 7663 адзінак пратэзна-артапедычнага абутку.

Яшчэ адным накірункам па паляпшэнні ўзроўню жыцця франтавікоў-інвалідаў стала забеспячэнне іх спецыяльнымі сродкамі перамяшчэння.

Паступова пашыралася колькасць інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, якія змаглі атрымаць мотакаляскі, а таксама пратэзныя каляскі рычажнага кіравання. Яны значна палягчалі ўмовы жыцця інвалідаў і стваралі лепшыя магчымасці для іх працаўладкавання. Калі ў канцы 40-х гадоў іх па краіне налічваліся адзінкі, то ў пачатку 50-х гг. сітуацыя істотна змянілася ў лепшы бок. Яны атрымалі 280 штук мотакалясак і 150 пратэзных калясак рычажнага кіравання, тым не менш, патрэба ў іх заставалася яшчэ значнай [4, арк. 56].

Такім чынам, за першае пасляваеннае дзесяцігоддзе ў БССР, як у саюзнай рэспубліцы, была закладзена частка агульнай сістэмы забеспячэння пратэзамі інвалідаў Вялікай Айчыннай вайны, якая ў многім задавальняла патрэбы ў пратэзаванні ўнутры краіны. Разам з тым, гэтая сістэма патрабавала пастаяннай увагі дзяржавы, далейшага ўдасканалення і павелічэння фінансавання.

Літаратура

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Фонд 7. – Воп. 3. – Спр. 1739.
2. НАРБ. – Фонд 7. – Воп. 4. – Спр. 3033.
3. НАРБ. – Фонд 7. – Воп. 4. – Спр. 3059.
4. НАРБ. – Фонд 7. – Воп. 4. – Спр. 3067.
5. Зубкова, Е.Ю. На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика в 1940–1960-е годы / Е.Ю. Зубкова // Российская история. – 2009. – № 5. – С. 101–118.
6. Коммунистическая партия Советского

союза в резолюциях съездов, конференций
и пленумов ЦК (1898–1986). – М.: Изд-во

политической литературы, 1985. – Т. 7:
1938–1945. – С. 488–489.

Паступіла ў рэдакцыю 23.09.2011 г.

Прынята ў друк 12.12.2011 г.

УДК 069:39(476)

Захаванне і папулярызацыя нематэрыяльнай культурнай спадчыны этнаграфічнымі музеямі Беларусі (1991–2010 гг.)

© Сімакова І.М.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

Артыкул прысвечаны праблемам захавання і папулярызацыі нематэрыяльнай гісторыка-культурнай спадчыны этнаграфічнымі музеямі Беларусі на сучасным этапе (1991–2010 гг.). Сучасныя этнаграфічныя музеі ўключыліся ў працэс выяўлення і фіксацыі нематэрыяльных праяўленняў народнай творчасці, у выніку чаго састаўляюцца навуковыя архівы музеяў з апісаннямі абрадаў, запісамі песень, прыказак, прымавак, казак; складаюцца картатэкі ўліку адзінак нематэрыяльнай спадчыны. Вельмі шырока выкарыстоўваецца нематэрыяльная народная творчасць у культурна-адукацыйных музейных мерапрыемствах. Дзейнасць шэрага музеяў накіравана на адраджэнне народных рамёстваў і іх трансляцыю праз прыцягненне да работы мясцовых майстроў. Іншыя музеі займаюцца папулярызацыяй народнай творчасці праз арганізацыю традыцыйных святаў, узнаўленне абрадаў, гульняў і г.д. У артыкуле робіцца выснова аб неабходнасці пашырэння сферы музейнай дзейнасці шляхам прыцягнення нетрадыцыйных крыніц – нематэрыяльнай культурнай спадчынай, што спрыяе яе захаванню і трансляцыі, а таксама робіць музейную ўстанову больш прывабнай для наведвальнікаў.

Ключавыя словы: этнаграфічныя музеі, нематэрыяльная культурная спадчына.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 69–74)

Maintenance and popularization of non-material cultural heritage by ethnographic museums of Belarus (1991–2010)

© Simakova I.N.

Belarusian State University, Minsk

The article covers problems of maintenance and popularization of non-material historical and cultural heritage by ethnographic museums of Belarus at the present stage (1991–2010). Modern ethnographic museums have joined the process of detection and registration of non-material evidence of folk art, as a result of this process museum scientific archives appear, which describe rites, contain songs, proverbs, tales; card files units of non-material heritage appear also. Non-material folk art is extensively used in cultural and educational museum events. Some museums take measures to restore national arts and to reveal them, getting local masters involved in the work. Other museums renew rites, games, holidays etc. In the conclusion of the article the author states the necessity of widening museum activity by attracting non-traditional sources – non-material cultural heritage, which contributes to its maintenance and revelation, and makes museum institutions more attractive for visitors.

Key words: ethnographic museums, non-material cultural heritage.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 69–74)

Адрас для карэспандэнцыі: вул. Чкалава, 12, кв. 107, 210035, г. Віцебск,
e-mail: inna_simakova@inbox.ru – І.М. Сімакова

Духовная культура з'яўляецца важнай часткай гісторыка-культурнай спадчыны кожнага народа. Прызнанне яе значнасці ў захаванні культурных асаблівасцей розных народаў абумовіла прыняцце Канвенцыі аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны на 32-й сесіі Генеральнай канферэнцыі ЮНЕСКА ў Парыжы ў 2003 г. Дакумент быў ратыфікаваны Рэспублікай Беларусь 29 снежня 2004 г. і ўступіў у сілу 20 красавіка 2006 г. Мэта Канвенцыі – ахова нематэрыяльнай культурнай спадчыны, выхаванне павагі да яе. Палажэнні дакумента знайшлі сваё адлюстраванне як у заканадаўчых актах Рэспублікі Беларусь, так і ў практычных мерапрыемствах, якія здзяйсняюцца шэрагам навуковых устаноў краіны. У 2004 г. у Сеуле з мэтай прыцягнення музеяў да справы захавання і папулярызацыі нематэрыяльных праяўленняў народнай творчасці была праведзена 20-я Генеральная канферэнцыя ICOM “Музей і духоўная спадчына”. Яна на міжнародным узроўні акрэсліла новую канцэптуальную мадэль музея, які павінен максімальна выкарыстоўваць культурны патэнцыял, у тым ліку традыцыі, звычаі, абрады, музыку, тэхналогіі рамёстваў і г.д. Музеі Беларусі сёння ўспрымаюць станоўчы міжнародны вопыт і прыцягваюць у поле сваёй дзейнасці нематэрыяльныя крыніцы. Дадзеная праблема ўжо разглядалася беларускімі музейзнаўцамі. Так у артыкуле С. Канановіч дадзена характарыстыка дзейнасці некаторых музеяў у галіне выкарыстання нематэрыяльнай культурнай спадчыны [1]. Аднак, дагэтуль не былі дакладна акрэслены накірункі работы музеяў Беларусі ў сферы захавання і папулярызацыі нематэрыяльных праяўленняў народнай творчасці. Мэта артыкула: аналіз дзейнасці дзяржаўных этнаграфічных музеяў Беларусі ў галіне захавання і папулярызацыі нематэрыяльнай гісторыка-культурнай спадчыны на сучасным этапе.

Матэрыял і метады. Аналіз даку-

ментацыі навуковых архіваў музеяў дазволіў акрэсліць характэрныя рысы музейнай дзейнасці ў галіне захавання і папулярызацыі нематэрыяльнай гісторыка-культурнай спадчыны, выявіць асноўныя накірункі работы музеяў з нематэрыяльнымі праяўленнямі народнай творчасці. Карыснымі крыніцамі сталі экспедыцыйныя матэрыялы, навуковыя канцэпцыі музеяў, планы педагогічных музейных заняткаў і інш.

Вынікі і іх абмеркаванне. Вывучэннем нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў Рэспубліцы Беларусь займаюцца Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ІМЭФ НАН Беларусі), Інстытут культуры Беларусі, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў. Значную ролю ў захаванні і папулярызацыі выконваюць дзяржаўныя музеі, якія пераймаюць станоўчы міжнародны вопыт музейнага будаўніцтва і прыцягваюць у сферу сваёй дзейнасці нетрадыцыйныя крыніцы – нематэрыяльныя.

Акадэмічныя навуковыя ўстановы ў параўнанні з музеямі назапасілі значны вопыт работы з нематэрыяльнай культурнай спадчынай. Напрыклад, фальклорна-этнаграфічныя фонды аддзела фалькларыстыкі і культуры славянскіх народаў ІМЭФ НАН Беларусі пачалі камплектавацца адразу пасля заснавання Інстытута (1957 г.) і складаюцца сёння з 470-ці тыс. адзінак захоўвання [2, с. 79]. Падобная праца ў музеях толькі разгортваецца.

Доўгі час дзейнасць музеяў Беларусі была скіравана выключна на работу з рэчавым матэрыялам. Ахова нематэрыяльных помнікаў не была рэгламентавана ў савецкі час музейнай дакументацыяй, таму працэс выяўлення і фіксацыі нематэрыяльных крыніц распачаўся ў асяродку музейных супрацоўнікаў

стыхійна. У якасці прыкладу можна прывесці Веткаўскі музей народнай творчасці. З моманту заснавання ўстановы (1978 г.) камплектаванне фондаў рэчавымі крыніцамі суправаджалася зборам і апісаннем нематэрыяльных праяўленняў народнай творчасці. Сёння гэта праца працягваецца ў першую чаргу дзякуючы планамернай экспедыцыйнай дзейнасці. З 1998 г. музей рэалізуе Праграму комплексных экспедыцыйных даследаванняў рэгіёна ўздоўж рэк – шляхоў рассялення славянскіх плямёнаў “Па шляхах стара-жытных радоў”. З 2008 г. праект па вывучэнні беларуска-расійскага памежжа ажыццяўляецца сумесна з Дзяржаўнай адукацыйнай установай сярэдняй прафесійнай адукацыі “Новазыбаўскі прафесійна-педагагічны каледж” (Расія) [3, с. 5]. Вынікі экспедыцыйных даследаванняў населеных пунктаў уздоўж рэк Сож, Бесядзь, Іпуць і іх прытокаў знайшлі сваё ўвасабленне ў справаздачных выставах (“Уздоўж Бесядзі” і інш.) і выданні калектыўнай манаграфіі музея “Арнаменты Падняпроўя” [4]. Акрамя планавых экспедыцый музейныя супрацоўнікі ажыццяўляюць кароткатэрміновыя выезды для выяўлення нематэрыяльнай этнаграфічнай спадчыны. Навуковы архіў музея ўтрымлівае каля 140 спыткаў апісанняў абрадаў, запісаў песень, звестак па дэманалогіі, народнай медыцыне Веткаўскага рэгіёна. Экспедыцыйныя матэрыялы перыядычна публікуюцца ў мясцовым друку, зборніках навуковых артыкулаў.

Вынікі экспедыцыйнай дзейнасці Міёрскага раённага гісторыка-этнаграфічнага музея па выяўленні і фіксацыі нематэрыяльнай этнаграфічнай спадчыны былі выкладзены ў выдадзеным у 2002 г. зборніку фальклорных матэрыялаў [5]. Кніга змяшчае апісанні каляндарных святочных абрадаў і звычаяў, песень, гульняў, вераванняў, атрыманыя ў выніку этнаграфічнага вывучэння раёна супрацоўнікамі музея пры дапамозе

раённага аддзела культуры. У дадатку змешчаны нотныя запісы мелодый некаторых песень.

Значная колькасць матэрыялаў была назапашана супрацоўнікамі Мотальскага музея народнай творчасці ў выніку этнаграфічнага вывучэння Мотальскага рэгіёну. Сабраныя народныя песні, прымаўкі і прыказкі, казкі, загадкі, апісанні абрадаў саставілі музейную картатэку твораў нематэрыяльнай спадчыны палешукоў.

Аднак дзейнасць музеяў, падчас якой ажыццяўляецца выяўленне нематэрыяльнай культурнай спадчыны, мае абмежаваны характар па шэрагу прычын: знікненне элементаў духоўнай культуры ў выніку смерці іх носьбітаў, недахоп сродкаў на ажыццяўленне паўнаwartасных доўгатэрміновых экспедыцый, адсутнасць уласнага транспарту, якім валодаюць толькі буйныя музеі.

Экспедыцыі адназдёнкі магчымы толькі пры ўдзеле раённых і абласных аддзелаў культуры выканкамаў. Такого кшталту выезды маюць абмежаваны ў часе тэрмін і не дазваляюць сёння дасканала даследаваць значныя па памеры тэрыторыі, таму плошча этнаграфічнага абследавання акрэсліваецца звычайна адной-двума вёскамі. Яшчэ адна праблема, з якой сутыкаюцца музеі пры этнаграфічным даследаванні пэўных рэгіёнаў, – гэта адсутнасць кваліфікаваных кадраў (у дадзеным выпадку – этнолагаў), якія б валодалі метадыкай збору і аналізу нематэрыяльных праяўленняў народнай творчасці. “Рэкамендацыі па ахове, захаванню, пераёмнасці і папулярызацыі беларускага аўтэнтчнага фальклору”, канцэптуальныя асновы якіх былі распрацаваны ў сувязі з рэалізацыяй праекта дзяржаўнай праграмы захавання і падтрымкі народнага мастацтва, народных промыслаў і рамёстваў на 2001–2005 гг., прызначаны толькі для сельскіх

устаноў клубнага тыпу, раённых метадычных цэнтраў і раённых аддзелаў культуры, аднак ніяк не закранаюць музеі [6, с. 66–83].

Некаторыя музеі ў такіх абставінах адмаўляюцца ад экспедыцый па выяўленні нематэрыяльнай культурнай спадчыны. Тады ініцыятыва ў гэтай справе пераходзіць да мясцовых Дамоў творчасці, Цэнтраў рамёстваў, гурткоў выканаўцаў народных песень і танцаў, абласных і раённых навукова-метадычных цэнтраў.

Аднак нават калі ўзгаданыя вышэй праблемы замінаюць выяўленню нематэрыяльнай культурнай спадчыны ў асяродку бытавання, то выкарыстанне нематэрыяльных праяўленняў народнай творчасці пры рабоце з наведвальнікамі стала характэрнай рысай многіх этнаграфічных музеяў Беларусі.

Плённая праца вядзецца музеямі па адраджэнні і папулярызацыі традыцыйных беларускіх рамёстваў. На базе Браслаўскага музея традыцыйнай культуры (філіял Браслаўскага раённага аб'яднання музеяў) дзейнічае клуб народных майстроў “Ля возера”, які аб'ядноўвае 50 народных умельцаў. Традыцыйная музейная экспазіцыя спалучаецца з адкрытымі майстэрнямі па саломе і лоза-пляценні, ткацтве, ганчарстве, рукадзеллі. Тут прадстаўлены не толькі прадметы рамеснай вытворчасці, але і паказаны тэхналагічны працэс іх вырабу. Такім чынам, музей вырашае некалькі задач: узнаўляе, захоўвае і папулярызуе народныя рамёствы з дапамогай носьбітаў традыцыйнай культуры – майстроў; пашырае сферу сваёй дзейнасці праз арганізацыю педагагічных музейных заняткаў, дзе майстры з'яўляюцца настаўнікамі.

Значная работа па адраджэнні старых тэхналогій праводзіцца Івянецкім музеем традыцыйнай культуры. Гэтая маладая ўстанова (перапрафілізацыя адбылася ў 1992 г., раней працаваў як мемарыяльны музей Ф.Э. Дзяржынскага) з пачатку 1990-х гг. актыўна ўключылася ў працэс адраджэння нацыянальнай спадчыны. У 1995 г. была распрацавана

доўгатэрміновая мэтавая праграма “Вяртанне да вытокаў” з мэтай развіцця культуры мястэчка Івянец і Івянецкага рэгіёну шляхам аднаўлення традыцыйных рамёстваў [7]. За кароткі тэрмін пры музеі быў створаны Цэнтр рамёстваў з чатырма майстэрнямі: “Ткацтва”, “Ганчарства”, “Кузня”, “Майстэрня па апрацоўцы драўніны”, пры якіх працуюць мясцовыя ўмельцы. На базе Цэнтра рамёстваў распрацаваны педагагічныя праграмы для навучання дзяцей школьнага ўзросту, ладзяцца семінары для саміх майстроў. Івянецкі музей традыцыйнай культуры стаў адным з ініцыятараў правядзення ў мястэчку свята-конкурсу ганчароў “Гліняны звон”, якое падкрэслівае значэнне Івянца як ганчарнага цэнтра. Супрацоўнікі музея з мэтай папулярызацыі народных рамёстваў прымаюць удзел у рэгіянальных і рэспубліканскіх святах-конкурсах, пленэрах (“Лазовыя карункі”, “Сонечная цеплыня дрэва”, “Матчыны кросны” і інш.), якія ладзіць Беларускі саюз майстроў народнай творчасці.

Увага адраджэнню народных рамёстваў надаецца таксама Веткаўскім музеем народнай творчасці. У якасці яго структурнай адзінкі дзейнічае “Цэнтр па адраджэнні і развіцці рамёстваў”, аднак з-за недахопу музейнай плошчы і абмежаванай матэрыяльна-тэхнічнай базы сёння працуе толькі ткацкая майстэрня. У планах развіцця музея адзначаецца неабходнасць стварэння майстэрняў па ганчарстве, разьбярстве, роспісе па дрэве, кузні з удзелам мясцовых народных майстроў [8, с. 3].

Пры некаторых музеях наладжана работа кружкоў і класаў, удзельнікі якіх засвойваюць старыя тэхналогіі. Напрыклад, пры Музеі народнай творчасці “Бездзежскі фартушок” распрацаваны адукацыйныя праграмы дзейнасці кружкоў “Вышыўка” і “Карункапляценне” для дзяцей школьнага ўзросту, разлічаныя на 2 гады [9].

Музеі, матэрыяльна-тэхнічная база якіх не дазваляе арганізаваць работу ўласных майстэрняў, шырока выкарыстоўваюць такія формы ўзнаўлення і папулярызацыі народных рамёстваў, як майстар-класы з прыцягненнем народных умельцаў паза-музейных устаноў. Такія мерапрыемствы праводзяцца Аршанскім этнаграфічным музеем “Млын”, Беларускай дзяржаўным музеем народнай архітэктуры і побыту і інш.

Такім чынам, спробы ўзнавіць і трансляваць традыцыйныя спосабы рамеснай вытворчасці прыводзяць да з’яўлення “жывых музеяў”, у дзейнасці якіх прымаюць удзел мясцовыя жыхары – носьбіты народных традыцый. Музеі, якія маюць традыцыйныя экспазіцыі, выкарыстоўваюць элементы нематэрыяльнай культурнай спадчыны непасрэдна ў экспазіцыйна-выставачнай дзейнасці. Гэта становіцца магчымым пры арганізацыі экспазіцыйнай прасторы вобразна-сюжэтным метадам, дзе на першы план выходзіць не ўтылітарнае прызначэнне прадметаў, а шырокі пласт звязаных з імі народных традыцый. Даволі ўдала вобразныя сродкі для адлюстравання ў экспазіцыі нематэрыяльных праяўленняў народнай творчасці выкарыстоўваюцца Веткаўскім музеем народнай творчасці, музеем традыцыйнай культуры Мазыршчыны “Палеская веда” і некаторымі іншымі.

У сучасных этнаграфічных музеях нематэрыяльная гісторыка-культурная спадчына стала неад’емнай часткай культурна-адукацыйнай дзейнасці.

Адным з першых музеяў Беларусі, які пачаў праводзіць традыцыйныя святы, стаў Гісторыка-культурны музей-запаведнік “Заслаўе”. Першыя мерапрыемствы былі арганізаваны тут ў 1981 г., пасля чаго сталі рэгулярнымі. У дзейнасці музея прымалі ўдзел аўтэнтычныя фальклорныя гурты, а пазней быў утвораны і ўласны спеўны гурт “Заслаўскія летуценнікі”. Супрацоўнікамі музея былі ўзнаўлены абрады “Купалле”, гульня-ігрышча Паазер’я “Жаніцьба Цярэшкі” і шэраг іншых [10, с. 161].

Яскравым прыкладам дзейнасці па

папулярызацыі нематэрыяльнай гісторыка-культурнай спадчыны з’яўляецца Беларускай дзяржаўны музей народнай архітэктуры і побыту. Характэрнай формай работы з аўдыторыяй для гэтага музея стала арганізацыя народных святаў: “На Каляды ўсе людзі рады”, “Масленіца”, “Гуканне вясны”, “Вербная нядзеля”, “Вялікдзень”, “Купалле”, “Зажыткі” і інш. Іх правядзенню папярэднічае грунтоўная падрыхтоўчая работа: вывучэнне абрадаў, аўтэнтычных строяў розных рэгіёнаў і семантыкі арнамента, напісанне сцэнарыяў, узнаўленне рэцэптаў страў, падбор і даследаванне песень, танцаў, гульняў і г.д. [11, с. 41]. Такі падыход дазваляе ўдала спалучыць у адзінай прасторы архітэктурна-ландшафтныя комплексы, рэчавыя помнікі і элементы духоўнай культуры.

Для арганізацыі культурна-массавых мерапрыемстваў шэраг музеяў прыцягвае калектывы выканаўцаў аўтэнтычнага фальклору. Напрыклад, Мотальскі музей народнай творчасці сумесна з народным калектывам “Мотальскія суседзі” ладзяць тэатралізаваныя відовішчы, вячоркі-пасядзелкі (“Хата абрадамі багата”) і інш. [12, с. 3].

Заклучэнне. У дзейнасці музеяў Беларусі прасочваецца тэндэнцыя да пашырэння сфер выкарыстання нематэрыяльнай культурнай спадчыны. Разам з акадэмічнымі навуковымі ўстановамі этнаграфічныя музеі ўключыліся ў працэс выяўлення і вывучэння нематэрыяльных складнікаў народнай творчасці. Яны ажыццяўляюць запіс фальклорных твораў, апісанне мясцовых абрадаў, святаў, на аснове чаго фарміруюцца навуковыя архівы, карта-тэкі. Матэрыялы этнаграфічных экспедыцый сістэматызуюцца і публікуюцца музейнымі супрацоўнікамі, выкарыстоўваюцца навукоўцамі іншых устаноў. Музеі працуюць таксама над узнаўленнем і папулярызацыяй традыцыйных народных рамёстваў праз уключэнне ў

дзеінасць музеяў носыбітаў традыцыйнай культуры – народных майстроў. Этнаграфічная нема-тэрыяльная спадчына праз вобразна-сюжэтныя сродкі ўваходзіць у структуру музейных экспазіцый, становіцца асновай для арганізацыі выставак. Папулярнай формай работы з наведвальнікамі музеяў, падчас якой адбываецца ўзнаўленне элементаў духоўнай культуры, стала правядзенне народных святаў. Такія мерапрыемствы спрыяюць адраджэнню, захаванню, папулярызацыі нематэрыяльнай культурнай спадчыны і адначасова ствараюць умовы для развіцця саміх музеяў, пашыраюць межы дзейнасці і робяць іх больш прывабнымі для аўдыторыі.

Літаратура

1. Канановіч, С.К. Нематэрыяльная культурная спадчына Беларусі як аб'ект музейнай рэпрэзентацыі / С.К. Канановіч // Беларус. гіст. час. – 2011. – № 4. – С. 28–35.
2. Доўнар-Запольская, А. Фальклорна-этнаграфічныя фонды Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы НАН Беларусі / А. Доўнар-Запольская // Музейны веснік. – 2003. – Вып. 4. – С. 78–80.
3. Действующие в учреждении «Ветковский музей народного творчества» внутренние долгосрочные программы и проекты // Навуковы архіў Веткаўскага музея народнай творчасці.
4. Арнаменты Падняпроўя / аўт. тэксту Г.Р. Нячаева [і інш.]; нав. рэд. Я.М. Сахута. – Мінск: Беларус. навука, 2004. – 606 с.
5. Фальклор Міёршчыны: каляндарныя святочна-абрадавыя традыцыі Міёрскага раёна Віцебскай вобласці: зборнік / Бел. дзярж. ін-т праблем культуры; запіс, расшыфровка, літ. апрацоўка В.І. Басько. – Мінск: БелДІПК, 2002. – 95 с.
6. Рэкамендацыі па ахове, захаванню, пераемнасці і папулярызацыі беларускага аўтэнтчнага фальклору / А.М. Боганева, Т.Б. Варфаламеева // Аператыўная інфармацыя па праблемах культуры і мастацтва. – 2001. – Вып. 4. – С. 66–83.
7. Мэтавая праграма “Вяртанне да вытокаў” па стварэнні Дома рамёстваў (Цэнтра народнай творчасці) пры абласным музеі Ф.Э. Дзяржынскага ў Івянцы / Упраўленне культуры і інфармацыі Мінابلвыканкама, Абласны музей Ф.Э. Дзяржынскага, Івянецкае рэгіянальнае аддзяленне Беларускага Саюза майстроў народнай творчасці // Навуковы архіў Івянецкага музея традыцыйнай культуры.
8. План работы учреждения «Ветковский музей народного творчества» на 2009 год // Навуковы архіў Веткаўскага музея народнай творчасці.
9. Тэматычны план заняткаў класа “Вышыўка”; Тэматычны план заняткаў класа “Карункапляццё” / Г.І. Філіповіч // Навуковы архіў музея народнай творчасці “Бездзежскі фартушок”.
10. Матыліцкая, Н. Досвед і праблемы музейнай рэкрэацыі (каляндарна-абрадавыя святы ў Беларускім дзяржаўным музеі народнай архітэктуры і побыту) / Н. Матыліцкая // Музей і культурная спадчына як частка глабальнай інфармацыйнай прасторы: матэрыялы міжнар. канф. (Мінск–Полацк, 8–11 крас., 2002 г.) / Бел. камітэт ІКОМ; уклад.: А.Б. Сташкевіч, Т.А. Джумантаева. – Наваполацк, 2002. – С. 161–164.
11. Якімовіч, В. Традыцыйныя каляндарныя народныя святы і беларускія народныя святы ў Беларускім дзяржаўным музеі народнай архітэктуры і побыту / В. Якімовіч // Музей на мяжы стагоддзяў / рэд. савет: Л. Мяртвішчава, І. Загрышаў [і інш.]. – Мінск, 1998. – С. 39–41.
12. Справаздача аб рабоце Мотальскага музея народнай творчасці за першае паўгоддзе 2011 г. // Навуковы архіў Мотальскага музея народнай творчасці.

Паступіла ў рэдакцыю 6.09.2011 г.

Прынята ў друк 12.12.2011 г.

УДК 94(476)

Рэформы гарадскога самакіравання Беларусі ў 90-я гады XVIII стагоддзя

© Стрэнкоўскі С.П.

Дзяржаўная ўстанова адукацыі “Мінскі гарадскі інстытут развіцця адукацыі”, Мінск

У артыкуле разглядаюцца змены, якія адбыліся ў структуры і функцыях самакіравання гарадоў Вялікага княства Літоўскага ў сувязі з правядзеннем рэформаў Чатырохгадовага сейма. Вызначаныя некалькімі канстытуцыямі, якія прынеслі істотныя змены ў жыццё беларускіх гарадоў. Упершыню з’явілася адзінае для ўсёй краіны гарадское заканадаўства, якое прыйшло на змену партыкулярызму магдэбургскага права. Былі ўсталяваны адзіныя правілы ўтварэння і функцыянавання інстытутаў гарадскога самакіравання. Больш дакладна размяжоўваліся напрамкі іх дзейнасці ў адміністрацыйнай, эканамічнай і судовай сферах. Змяняліся заканадаўчыя асновы судовага працэсу. Ажыццяўляўся новы адміністрацыйны падзел гарадоў на акругі і дзоры, утвараліся гарадскія аддзелы з цэнтрамі ў апеляцыйных гарадах. Пачалося пэўнае ўключэнне гарадскіх інстытутаў у агульную структуру ўлады Рэчы Паспалітай з акрэсленым абмежаваннем функцый у галіне кіравання і суда, падначаленнем іх дзяржаўным органам кіравання (камісія паліцыі, скарбовая камісія, асэсарскі суд). Пашырэнне правоў гараджан выклікала рост іх самасвядомасці. На канкрэтных прыкладах паказана рэалізацыя рэформаў у асобных беларускіх гарадах.

Ключавыя словы: гарадское самакіраванне, магдэбургскае права, Вялікае княства Літоўскае, Чатырохгадовы сейм, магістрат, прывілеі, суд, вайт, бурмістр.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 75–84)

Self-government reforms in Belarusian cities in the 90-s of XVIII century

© Strenkovsky S.P.

State educational establishment “The City of Minsk Institute of the Development of Education”, Minsk

The article examines the changes that occurred in the structure and functions of the self-government of the cities in the Grand Duchy of Lithuania in accordance with the reforms of the Four-year Sejm. Determined by several constitutions, they brought considerable changes in the life of Belarusian cities. It was the first urban legislation single for the whole country, which came to replace the particularism of the Magdeburg Right. Common rules for the creation and functioning of the city self-government institutions were established. Their activities in the administrative, economic and judicial spheres were more clearly delineated. Changes in a legislative framework of the judicial process also took place. A new administrative division of the cities into districts and watches was implemented, and city departments with the centers in appellate cities were created. The inclusion of urban institutions into the general structure of power of Rzecz Pospolita in accordance to certain limitation of functions in the sphere of the court management, subjecting them to public management bodies (the police, government commission, assessor court) started. The expansion of the rights of the citizens caused growth of their self-consciousness. Concrete examples show the implementation of the reforms in some Belarusian towns.

Key words: city self-government, Magdeburg Right, Grand Duchy of Lithuania, Four-Year Sejm, magistrate, privileges, court, vogt, burgomaster.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 75–84)

Адрас для карэспандэнцыі: пер. Бранявой, 15-А, 220034, г. Мінск,
e-mail: strenkovskii@minsk.edu.by – С.П. Стрэнкоўскі

Развіццё гарадскога самакіравання Беларусі ў канцы XVIII стагоддзя – пытанне, якое вельмі мала даследавана ў айчынай гістарыяграфіі. Шэраг пытанняў эвалюцыі магдэбургскага права і гарадскіх органаў улады разгледжаны ў працах М. Атрушкевіча [1, 2]. Узаемадэячынны магістратаў і ваеннацывільных парадковых камісій даследаваў Ю. Гардзееў [3]. Прывілеі і вількеры беларускіх гарадоў названага перыяду разгледжаны ў манаграфіі С. Стрэнкоўскага [4]. У сучаснай літоўскай гістарыяграфіі рэфармаванне ўлады ў гарадах Літвы і часткова Беларусі ў 1788–1792 гадах разглядае ў сваёй манаграфіі Л. Глемжа [5]. Трэба адзначыць, што канец XVIII стагоддзя для Рэчы Паспалітай, як перыяд крызісу і разам з тым рэфармавання дзяржаўнага ладу, эканамічных і сацыяльных адносін, як час падзелаў гэтай дзяржавы, аказаў вялікі ўплыў і на развіццё гарадоў. Таму без дакладнага высвятлення зменаў, якія адбыліся ў структуры і змесце дзейнасці гарадскога самакіравання нельга атрымаць дакладнае ўяўленне аб стане гарадоў на пераломным этапе гістарычнага развіцця нашай краіны.

Менавіта ў гэты час этап стагнацыі гарадскога самакіравання паступова змяняецца наступным этапам – этапам заняпада [6]. Ён быў выкліканы агульным крызісам Рэчы Паспалітай, няўдалымі рэформамі і падзёламі дзяржавы і можа быць суаднесены з другой паловай 80-х – пачаткам 90-х гадоў XVIII стагоддзя, калі магдэбургскае самакіраванне перастала існаваць. Разам з тым трэба адзначыць, што бюракратычная арганізацыйная культура, у рамках якой яно развівалася ў гэты час, з’явілася адной з падстаў перараджэння яго ў гарадское кіраванне ў выглядзе адпаведнага гарадавога магистрата Расійскай імперыі. Але гэтае пераўтварэнне самакіравання пачалося ўжо ў апошнія часы Рэчы Паспалітай.

У дадзеным артыкуле мы не ставім перад сабой задачу даць усебаковы аналіз

рэалізацыі гарадскіх рэформаў Чатырохгадовага сейма. Нашай мэтай з’яўляецца сістэматычнае выкладанне сутнасці сеймавых канстытуцый, якія паклалі прававую аснову гарадской рэформы, і аналіз першых крокаў яе рэалізацыі.

Матэрыял і метады. Асноўнымі крыніцамі для вывучэння праблемы з’яўляюцца надрукаваныя ў XIX стагоддзі сеймавыя канстытуцыі Рэчы Паспалітай, змешчаныя ў зборніках *Volumina Legum*, а таксама актавыя кнігі магістратаў беларускіх гарадоў, якія захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі ў г. Мінску. Для рэалізацыі пастаўленай мэты намі выкарыстоўваліся як агульнанавуковыя (лагічны метад, аналіз, сінтэз, абагульненне), так і спецыяльна-гістарычныя метады (гісторыка-генетычны, гісторыка-параўнальны, гісторыка-сістэмны).

Вынікі і іх абмеркаванне. Як вядома, пэўныя рэформы гарадскога жыцця пачаліся ўжо ў 60-я гады XVIII стагоддзя. Аднак яны былі вельмі павярхоўнымі. Найбольшай паслядоўнасцю адрозніваюцца рэформы, якія праводзіў Чатырохгадовы сейм. У айчынай гістарыяграфіі ў дачыненні да гарадоў рашэнні гэтага сейма зводзяцца ў асноўным да разгляду закона “Гарады нашы каралеўскія вольныя ў дзяржавах Рэчы Паспалітай” [7, с. 234–235]. Аднак быў прыняты цэлы пакет канстытуцый, якія датычыліся рэформаў гарадскіх паселішчаў: “Прынцыпы да праекта аб гарадах”, “Гарады нашы каралеўскія вольныя ў дзяржавах Рэчы Паспалітай”, “Унутранае ўладкаванне гарадоў вольных Рэчы Паспалітай у Кароне і ў Вялікім княстве Літоўскім”, “Папярэджанне адносна ўвядзення права аб гарадах нашых, даўней каралеўскіх, а цяпер вольных Рэчы Паспалітай”, “Уладкаванне гарадскіх судоў і асэсоры”, часткова “Устава ўраду”, “Сеймікі”, “Кніга зямлянская”, “Камісія паліцыі”. Найбольшае значэнне меў безумоўна прыняты 18

красавіка 1791 года закон “Гарады нашы каралеўскія вольныя” [8, с. 215–219]. Згодна з ім усе каралеўскія гарады абвяшчаліся вольнымі і для іх усталёўвалася адзінае гарадское права. Уся нерухомая маёмасць мяшчан гэтых гарадоў прызнавалася іх дзедзічным уладаннем, таму што самі мяшчане – “вольныя людзі”.

Кароль пацвярджаў гарадам усе іх прывілеі. Прычым адзначалася, што тыя гарады, у якіх загінулі лакацыйныя прывілеі, пры пацвярджэнні іх былой наяўнасці атрымаюць аднаўленчыя ці рэнавацыйныя прывілеі (*diplomata renovationis*); гарады, ў якіх адбываюцца земскія сеймікі, могуць атрымаць лакацыйныя прывілеі, калі іх дагэтуль не мелі; паселішчы, заселеныя вольнымі людзьмі і маючыя выгляд горада, могуць атрымаць заснавальныя ці эрекцыйныя прывілеі (*diploma erectionis*); утвораныя прыватнымі ўласнікамі гарады пры ўмове надання ім зямлі могуць атрымаць канфірмацыйныя прывілеі (*diploma confirmationis*).

Усе абывацелі гарадоў, якія займаліся ў іх гандлем, абавязаны былі прыняць гарадское права, а менавіта: прынесці прысягу каралю, Рэчы Паспалітай і гораду і ўпісацца ў гарадскія кнігі, на іх распаўсюджвалася права асабістай недачыкальнасці *neminem captivabimus*. Гарады не павінны былі адмаўляць жадаючым стаць мяшчанамі ў прыеме.

Гарады па-ранейшаму маглі выбіраць магістрат, які быў судом першай інстанцыі, і карыстацца вольнасцямі. Браць удзел у выбарах і быць абранымі маглі ўсе гараджане, занесеныя ў гарадскія кнігі ўладальнікаў маёмасці. Аднак жа забаранялася сумяшчэнне гарадскіх пасадак з земскімі і вайсковымі. Гарады маглі прымаць рашэнні па сваіх унутраных справах са згоды камісіі паліцыі. Скасоўваліся ў судовым і паліцэйскім плане юрыдыкі – іх жыхары падначальваліся ўласнікам толькі па падатковых пытаннях. Вызначаныя катэгорыі мяшчан маглі атрымаць шляхецтва. Ствараліся ўмовы для службы мяшчан у войску і земскіх установах.

Закон уводзіў апеляцыйныя суды, якія разглядалі справы, вырашаныя магістратамі гарадоў па ісках, якія перавышалі 300 злотых і па асуджэннях звыш 3 дзён турмы, а ў першай інстанцыі – крымінальныя справы. Іх рашэнні аб вечным зняволенні і смяротным пакаранні зацвярджаў асэсарскі суд. Апеляцыйныя суды ў ВКЛ былі ў Вільні для Віленскага ваяводства, Ашмянскага, Браслаўскага, Лідскага, Вількамірскага і Трокскага павеатаў; у Гродне для Гродзенскага, Ваўкавыскага і Мерацкага павеатаў; у Коўне для Жмудзі і павеатаў Ковенскага, Прэнскага і Упіцкага; у Навагрудку для Навагрудскага ваяводства, Слонімскага і Слуцкага павеатаў; у Брэсце для Брэсцкага ваяводства і Кобрынскага павеата; у Пінску для Пінскага, Пінска-Зарэчнага, Мазырскага і Рэчыцкага павеатаў; у Мінску для ваяводстваў Мінскага, Полацкага, Віцебскага і Аршанскага павеата. Пад юрысдыкцыю магістратаў траплялі ўсе гараджане. Жыхары вольных і апеляцыйных гарадоў маглі пасылаць сваіх прадстаўнікоў на сейм, дзе яны маглі засядаць у якасці камісараў ці асэсараў у камісіях паліцыі і скарбовай, а таксама ў асэсорыі, у якіх мелі права рашаючага голасу па справах, што датычыліся гарадоў і гандлю, і дарадчага па іншых справах. Праз іх гараджане маглі дакладваць свае пытанні на паседжаннях сейма.

Канстытуцыя “Унутранае ўладкаванне гарадоў” [8, с. 291–297] вызначала наяўнасць двух разрадаў мяшчан: уласнікаў маёмасці, якія запісваліся ў асобныя кнігі накштальт зямлянскіх, і тых, што не мелі ўласнасці, а займаліся гандлем, рамяством ці якой-небудзь “гарадской прафесіяй” і заносіліся ў асобныя кнігі. Межы горада вызначаліся да “апошняга дома, якім заканчваецца прадмесце ці вуліца”.

Нармаваліся палажэнні, якія датычыліся мэтаў і парадку дзейнасці гарадскіх сходаў. На іх збіраліся

занесеныя ў кнігі ўласнікаў, за выключэннем не дасягнуўшых 18 гадоў, раздаўшых маёмасць крэдыторам, знаходзячыхся пад следствам і на дзейнай службе ў войску па запрашэнні магістрата. Сходы адбываліся ў ратушы ці месцы, вызначаным магістратам, калі ратушы не было. У гарадах, меўшых да 500 уласнікаў, утвараўся адзін сход, ад 600 да 1000 – 2 сходы, ад 1000 да 1500 – 3 сходы. Кожныя 500 наступных уласнікаў прыводзілі да стварэння наступнага сходу. Частка горада, якая мела свой сход, называлася “акругай” (cyrkuł). Акругі і гарады, што іх не мелі, падзяляліся на “дазоры” (dozor), у якіх было ад 100 да 200 уласнікаў. Сходы ў акругах і гарадах, што іх не мелі, адбываліся з нагоды выбараў і зваліся “асаблівымі” (szczególny), у адрозненне ад агульных (ogólne) сходаў гарадоў, якія мелі акругі. Прадстаўнікі гарадоў, што ўваходзілі ў адзін апеляцыйны “аддзел” (wydział), утваралі сход аддзела.

Першараднай функцыяй кожнага сходу былі выбары службовых асоб. Усе сходы першапачаткова выбіралі дырэктара і 4 асэсараў, якія ажыццяўлялі правядзенне саміх сходаў. Асаблівыя сходы гарадоў таксама выбіралі войта і 4 радных у магістрат, бурмістра і 4 суддзяў у мясцовы суд, 4 лаўнікаў, касіра і дэпутатаў на сход аддзела (гарады да 100 уласнікаў – 1; ад 100 да 300 – 2; гарады і акругі ад 300 да 600 уласнікаў – 3). Асаблівыя сходы акругаў выбіралі войта і 6 лаўнікаў, бурмістра і 4 суддзяў у акружны суд, 12 гмінных на агульны сход і дэпутатаў на сход аддзела. Гмінныя на агульных сходах выбіралі прэзідэнта, віцэ-прэзідэнта, радных (па 3 ад акругі ў гарадах, якія мелі да 3 акруг; па 2 у гарадах, што мелі больш за 3 акругі) у магістрат і касіра. Сход аддзела выбіраў упаўнаважанага (plenipotent) на сейм, 5 апеляцыйных суддзяў і 5 іх намеснікаў, па 3 камісары ў ваяводскія і павятовыя камісіі, што дзейнічалі на тэрыторыі аддзела.

Вызначаны быў адзіны час правядзення выбараў: на асаблівых сходах – 7 красавіка, на агульных –

14 красавіка, на сходах аддзела – 9 мая, з 8 гадзін раніцы кожныя 2 гады. Па некаторых працэдурах сходы мяшчан павінны былі карыстацца правіламі для зямлянскіх сеймікаў. Галасаванне па кандыдатурах службоўцаў адбывалася па вуліцах на асаблівых сходах, па акругах – на агульных, па гарадах – на сходах аддзелаў. Намеснікі апеляцыйных суддзяў не выбіраліся асобна – імі становіліся тыя, хто набраў большасць галасоў пасля кандыдатаў, выбраных суддзямі.

На асаблівых сходах выстаўляліся пытанні на сейм, якія абагульняліся сходам аддзела для ўпаўнаважаных. Акрамя таго асаблівыя сходы ці агульныя сходы спецыяльна выбраных для гэтага ў акругах гмінных з дазволу камісіі паліцыі маглі прымаць ухвалы аб зборы падаткаў. Упаўнаважаныя, выбраныя на сейм, і дэпутаты на сход аддзела пасля іх заканчэння павінны былі даць справаздачу на адпаведным сходзе: першыя – аб дзейнасці на сейме, другія – аб выбраных на сейм дэпутатах, апеляцыйных суддзях і пытаннях, накіраваных на сейм.

Пасіўным выбарчым правам не маглі карыстацца асобы, якія не дасягнулі 23 гадоў, раздалі маёмасць крэдыторам, знаходзіліся пад следствам і на дзейнай службе ў войску ці ў зямлянскіх урадах, не ўмелі чытаць і пісаць. Таксама нельга было выбіраць у адзін орган бацьку і сына, цесця і зяця, родных братоў. Радцамі, войтамі, бурмістрамі, упаўнаважанымі на сейм, апеляцыйнымі суддзямі і іх намеснікамі не маглі быць тыя, хто да гэтага не займаў пасадаў у выбарных гарадскіх ці зямлянскіх установах. Усе службоўцы выбіраліся на 2 гады і маглі працягваць службу далей пры ўмове новых выбараў. Аплата ім устанаўлівалася магістратамі па ўзгадненні з камісіяй паліцыі.

Войт з раднымі ўтваралі магістрат, выбіралі тайным галасаваннем пісара, які меў дарадчы голас і загадваў

канцыля-рыяй, сіндзіка, які быў прадстаўніком горада. Магістраты сачылі за захаваннем гарадскіх правоў, вызначалі апекуноў сіротам і ўдовам, апякалі бедных і калек, раскладвалі падаткі, рыхтавалі прапановы для рашэнняў сходаў мяшчан, збіралі сходы, кіравалі міліцыяй, загадвалі касай, турмой, магазінамі, шпіталямі, грамадскай маёмасцю, збіралі рапарты ад гарадскіх службоўцаў, самі падавалі рапарты ў вышэйшыя органы ўлады, вызначалі памеры аплаты службоўцам, маглі прыцягваць да адказнасці тых, хто не выконваў іх рашэнні ці рабіў замах на жыццё членаў і слуг магістрата.

Гарадскі воіт збіраў магістрат, падпісваў яго рашэнні, кіраваў міліцыяй, даваў даручэнні слугам, мог судзіць бягучыя справы, якія не перавышалі кошт у 50 злотых ці пакарання 12 злотымі. Воіт акругі ажыццяўляў нагляд за гарадскімі слугамі, выконваў распараджэнні магістрата і прэзідэнта горада, даваў ім справаздачы і судзіў тыя ж справы, што і гарадскі воіт.

Гарадскі суд у складзе бурмістра і 4 суддзяў як суд першай інстанцыі вырашаў без права апеляцыі на прысуд справы да 300 злотых ці з пакараннем да 3 дзён турмы. Па справах ад 300 да 3000 злотых ці па пакараннях звыш 3 дзён і да 3 тыдняў турмы апеляцыя магла накіроўвацца ў апеляцыйны суд аддзела. Пры большых памерах справы і пакарання апеляцыя накіроўвалася ў асэсорыю. Крымінальныя справы адразу накіроўваліся ў апеляцыйны суд аддзела, які з'яўляўся для іх судом першай інстанцыі. Па справах, што ўваходзілі ў паўнамоцтвы камісіі паліцыі, апеляцыя магла накіроўвацца ў гэтую камісію, якая разглядала таксама справы аб зневажанні суда. Гарадскі суд прызначаў сабе нязменных пісара, інстыгтара, а таксама возных.

У абавязкі лаўнікаў (6 у кожнай акрузе і 4 у гарадах, не падзеленых на акругі) уваходзіла выкананне судовых рашэнняў, правядзенне следчых дзеянняў на месцах, аглядаў, выкананне функцыі натарыяту. Касір загадваў гарадской

казной, прыходам і расходам гарадскіх грошай, вёў адпаведныя кнігі, штогод здаваў магістрату справаздачу, мог прызначаць сабе намеснікаў і слуг.

Прэзідэнт у гарадах, падзеленых на акругі, выконваў тыя ж функцыі, што і воіты ў акругах ці гарадах, якія іх не мелі, з той розніцай, што ў адрозненне ад воіта горада ён сам не судзіў, а разглядаў апеляцыі на прысуд акруговых воітаў. Гарадскі суд мог дзейнічаць пры наяўнасці 3 асоб. Апеляцыйны суд, які быў правамоцным пры наяўнасці 3 суддзяў і 3 намеснікаў суддзі, таксама выбіраў сабе нязменнага пісара і карыстаўся пячаткай з выявай герба “Пагоня” і пад ім герба цэнтральнага горада пэўнага аддзела.

Канстытуцыя “Папярэджанне аднос-на ўвядзення права аб гарадах нашых, даўней каралеўскіх, а цяпер вольных Рэчы Паспалітай” загадала ва ўсіх гарадах і мястэчках, якія маюць прывілеі *locationis*, выбраць урады згодна з новым заканадаўствам 1 жніўня 1791 года. Пры гэтым агаворвалася, што раней выбраныя магістраты могуць дзейнічаць да красавіка 1792 года. Сходы аддзелаў павінны былі сабрацца 10 жніўня і выбраць упаўнаважаных на сейм. Гарады, лакацыйныя прывілеі якіх загінулі, маглі звярнуцца да канцлераў з доказамі іх былой наяўнасці, атрымаць ад караля рэнавацыйныя прывілеі і затым выбраць магістраты [8, с. 297–298].

Канстытуцыя “Уладкаванне гарадскіх судаў і асэсорыі” [8, с. 301–312] больш дэталёва разглядала пытанні дзейнасці ўсіх мяшчанскіх судаў: ардынарыянага першай інстанцыі ці гарадскога (акруговага), воітаўскага паточнага ў гарадах, не меўшых акруг, і воітаўскага паточнага ў акругах, судаў магістратаў па справах паліцыі і эканамічных справах горада, апеляцыйных і крымінальных судаў аддзелаў і асэсорыі ці найвышэйшага апеляцыйнага суда. Кожны суд меў адпа-

ведную пячатку: ніжэйшыя з гербам горада і адпаведнымі надпісамі.

Усе ніжэйшыя і апеляцыйныя суды павінны былі штоквартальна інфармаваць асэсорыю аб агульнай колькасці спраў, аб справах, па якіх дапушчана апеляцыя і аб памеры сабраных судовых пошлін. Вызначаліся таксама ўзоры прысяг службоўцаў, тэрміны дзейнасці судаў і судовых канікулаў, больш шырока вызначаліся абавязкі пісараў і сіндзікаў. Да таго ж пры радных і суддзях вызначалася такая ж колькасць намеснікаў.

Пры гарадскіх судах павінны былі прызначацца рэгенты – намеснікі пісараў, фіскальны пракуратар па справах бяспекі суда і судовых пошлінах, пракуратар сірот і ўбогіх па адпаведных справах, пракуратар паліцыі па адпаведных справах, возныя ці гарадскія слугі. Пры апеляцыйных судах уводзілася пасада адваката аддзела, які сачыў за выкананнем абавязкаў сіндзікамі, паведамляў генеральнаму адвакату асэсорыі пра дзейнасць магістратаў і судаў першай інстанцыі, быў абаронцам па справах сірот, удоў, злачынцаў, удзельнічаў у следстве па крымінальных справах. У судах забаранялася адначасова засядаць таксама стрыечным родзічам. Суддзі не маглі судзіць справы сваіх дзяцей і ўласных спраў, аднак на час іх разгляду не вызваліліся ад сваёй дзейнасці па іншых справах.

Як сведчыць канстытуцыя “Падзел дэпутатаў ад гарадоў вольных – цэнтраў аддзелаў да магістратур урада” з верасня 1791 года, усе аддзелы ВКЛ накіравалі сваіх дэпутатаў у сейм. Упаўнаважаны ковенскага аддзела, крайчы гэтага павета Юзаф Фергіс і ўпаўнаважаны гродзенскага аддзела, прэзідэнт Гродна Юзаф Зялінскі атрымалі месца камісараў камісіі паліцыі абодвух народаў; ўпаўнаважаны віленскага аддзела, прэзідэнт Вільні Даніэль Пашкевіч і ўпаўнаважаны навагрудскага аддзела, прэзідэнт Навагрудка Ян Генцэль сталі камісарамі камісіі скарбу ВКЛ; ўпаўнаважаны брэсцкага аддзела,

брэсцкі радца Ян Раманоўскі, ўпаўнаважаны пінскага аддзела, пісар пінскага магістрата Тэадаровіч, ўпаўнаважаны мінскага аддзела, мінскі радца Таранке-віч занялі месцы ў асэсорыі [8, с. 300].

Правядзенне ў жыццё гарадскіх рэформаў адлюстроўваюць актавыя кнігі магістратаў. Так у 1792 годзе ў лідскіх кнігах фіксуецца “ўрад гарадскі першай інстанцыі”, старшынствуючы і суддзі [9, арк. 66, 83]. У Мінску запіс “перад актамі апеляцыйнымі”, а таксама пасада прэзідэнта з’яўляюцца ў верасні 1791 года [10, арк. 249, 260]. Трэба адзначыць, што рэформы закра-нулі не толькі каралеўскія гарады, але і прыватныя. Сведчаннем гэтага можа быць згадка пасады прэзідэнта ў Нясвіжы з 1792 года [11, арк. 1]. Пачалося ўзаемадзеянне апеляцыйных гарадоў з вольнымі гарадамі іх аддзела. Так брэсцкі магістрат накіраваў свайго дэлегата Базыля Багуслаўскага ў Пружаны. У адпаведным запісе актавай кнігі пружанскага магістрата прыгавяецца дэпутат Пружанаў на сход аддзела Мікалай Лахоцкі і прынясенне магістратам прысягі на вернасць каралю і Рэчы Паспалітай 25 лютага 1792 года ў час кобынскага сейміка [12, арк. 10].

Ход рэалізацыі гарадскіх рэформаў добра прасочваецца па актах гродзенскага магістрата. 11 жніўня 1791 года ўжо адбыўся сход аддзела, на якім быў выбраны ўпаўнаважаны на сейм Юзаф Антоні Жылінскі, а таксама аб’яднанае паседжанне сходу аддзела і агульнага сходу Гродна, дзе была падрыхтавана інструкцыя для яго [13, арк. 216–225]. Менавіта Жылінскі і старшынстваваў на сходзе, які адбыўся ў “галоўнай гродзенскай ратушы”, у якасці “дырэктара парадкавага кола”. Асэсарамі былі гродзенскі дэпутат Якуб Рафановіч, ваўкавыскі дэпутат Андрэй Васюкевіч, філіпаўскі дэпутат Міхал Кабынік і сімненскі дэпутат Павел

Чаеўскі. Усяго ж на сходзе прысутнічалі ад Гродна 4 дэпутаты, ад Ваўкавыска 1 дэпутат, ад Філіпава 2 дэпутаты, ад Сімна 2 дэпутаты, ад Мерачы 2 дэпутаты, ад Перарослі 1 дэпутат, ад Бержнікаў 1 дэпутат, ад Васількава 2 дэпутаты, ад Лаздзеі 2 дэпутаты, ад Мсцібава 1 дэпутат, ад Ліпска 1 дэпутат, ад Адэльска 2 дэпутаты, ад Новага Двара 2 дэпутаты. Да таго ж на паседжанні, дзе рыхтавалася інструкцыя, прысутнічалі старшыня гродзенскага апеляцыйнага суда, каралеўскі сакратар Андрэй Францішак Сталінскі, апеляцыйны судзі ашмянскі ротмістр Антоні Савіцкі, гродзенскі ротмістр Ян Сакалоўскі, Пётр Пастольскі, Францішак Крэйбіх, Юзаф Легатовіч, намеснікі апеляцыйных суддзяў Ян Далькоўскі, Юзаф Хонвальт, Юзаф Тамашэўскі і гродзенскі каморнік Антоні Гердзялкоўскі, гродзенскі гарадскі пісар Даніэль Лянкевіч, радца гродзенскага магістрата Міхал Шнэль, лаўнікі гродзенскага магістрата Ян Тэадор Коп, рэгент цывільна-вайскавай камісіі Ян Канопка, скарбовы дваранін Казімір Бярнацкі, Пётр Губчынскі, Андрэй Вэбер, старэйшы гмінны Юзаф Бараноўскі, гмінныя Тобіяш Гаўсман, Ян Мораш, Мікалай Сусінскі, Готфрыд Крум, Міхал Сакоўскі і Ян Барысевіч.

У інструкцыі адзначалася, што ўпаўнаважаны ў першую чаргу павінен па прыбыцці на сейм выказаць падзяку каралю і сканфедэраваным станам “як усталаваўшым пшчасце гарадскога людз”. Таксама ён павінен быў кляпаціцца пра пацвярджэнне прывілея Гродна на магдэбургскае права 1496 года і ўсіх наступных канфірмацыйных прывілеяў; аб перадачы гораду некалькіх дзесяткаў валок зямлі ад эканоміі; вяртанні зямель, лугоў і лясоў па абодвух берагах Нёмана, якія былі адабраны Тызенгаўзам і на якіх, у прыватнасці, размясцілася Гарадніца; аб адмене тых пунктаў дэкрэта асэсорыі па судовай справе паміж горадам і прыватнымі землеўладальнікамі, якія супярэчаць інвентару горада, складзенаму перад Люблінскай уніяй, і іх адпаведнай карэкціроўцы. Шэраг пунктаў інструкцыі

датычыўся ўсіх гарадоў: аб абароне купцоў унутры дзяржавы і за яе межамі, у тым ліку праз заключэнне дагавораў з іншымі дзяржавамі; аб адмене выплат на каморах за замежныя напоі пасля выплаты чопавага; аб выплаце цла і візавага толькі на каморы і 1 раз; аб ажыццяўленні ў гарадах суда па новым грамадзянскім і крымінальным кодэксе; аб сведчанні актаў продажу гарадской маёмасці толькі ў гарадскіх судах; аб прыняцці асобнай ардынацыі для яўрэяў, а да таго часу аб забароне ім утрымання крамаў і гандлю насуперак прывілеям гарадоў; аб прывядзенні ў жыццё законаў, у тым ліку пастаноў апеляцыйных судов, з дапамогай войска; аб прыняцці прапаноў, дадзеных сейму прадстаўніцкамі гарадоў. Жылінскі павінен быў наогул падтрымліваць усё, што было б на карысць гарадам, прычым супольна з упаўнаважанымі іншых гарадоў.

У гэты ж час назіраецца актыўная барацьба гарадскіх паселішчаў за вяртанне і набыццё гарадскіх правоў. У актах таго ж гродзенскага магістрата 5 лістапада 1791 года ўнесены даверанасць Антону Кашыцкаму на выпраўленне копій прывілеяў мястэчка Лунна з Метрыкі ВКЛ, а затым і знойдзеныя граматы: размежаванне паміж горадам Лунна і землямі Януша Сапегі 1532 года і канфірмацыі Уладзіслава Вазы і Міхала Вішнявецкага [13, с. 382–384, 426, 429]. Занеслі ў акты апеляцыйнага горада свае рэнавацыйныя прывілеі Пуні, Візайны, Кальварыя, Перавалка [13, с. 520–525, 544–549, 550–555, 621–628].

У красавіку 1792 года ў Гродне разгарнулася кампанія па выбарах новых органаў самакіравання. Пачалася яна з асаблівых сходаў двух гродзенскіх акругаў. Пачаліся яны 7 красавіка паводле ўніверсала 13 сакавіка 1792 года з ратушнага звону і набажэнства ў паезуіцкім касцёле. Як галоўны гарадскі ўраднік распачынаў іх Юзаф Зялінскі з чытання

канстытуцый 18 красавіка і 24 чэрвеня 1791 года. Затым на паседжанні першай акругі былі выбраны дырэктар Андрэй Францішак Сталінскі і асэсары Тадэвуш Клава, Юзаф Тамашэўскі, Пётр Пастольскі і Францішак Крэйбіх. Пасля гэтага паседжанне было перанесена на 9 гадзін 9 красавіка па прычыне “пасхальнай суботы”. У панядзелак кандыдатамі на пасаду войта былі вылучаны Ян Мароз, Тобіяш Гаўсман і Казімір Абрамовіч. Абраным стаў апошні. Пасля трохразовага абвяшчэння ён прыняў прысягу. Затым былі вылучаны кандыдаты на пасаду лаўніка ў колькасці 6 чалавек, якія былі абраны і прынеслі адпаведную прысягу. Па прычыне адсутнасці кандыдатаў на пасаду бурмістра і суддзяў паседжанне было перанесена на 10 красавіка. Назаўтра былі вылучаны 5 кандыдатаў у суддзі і 1 кандыдат у бурмістры (Тэадор Коес). Суддзі выбіраліся большасцю галасоў. Пры роўнасці галасоў карткі з імёнамі кандыдатаў клаліся ў “вазон”, адкуль адну выцягвала дзіця. Па прыведзенай у акце колькасці пададзеных за кандыдатаў галасоў “за” і “супраць” можна меркаваць, што на сходзе прысутнічала 80 чалавек. 11 красавіка адбыліся выбары намеснікаў суддзяў у колькасці 4 (бо пасля выбараў суддзяў засталася толькі адна кандыдатура), 15 гмінных. Якуб Гаўсман, Антон Гулінэцкі і Пётр Губчынскі былі выбраны ў цывільна-вайсковыя камісіі [13, с. 673–680]. У гэты ж тэрмін адбыліся выбары ў другой акрузе, але няпоўны запіс не дазваляе вызначыць імёны і прозвішчы ўраднакаў гэтай акругі.

Больш драматычна склаліся выбары на агульным сходзе. Гмінныя раскалоліся на дзве партыі, якія імкнуліся правесці на асноўныя пасады свае кандыдатуры. Выбары адбыліся 15 красавіка. Рэзалюцыю схода засведчылі судовы інстытутар Гродна Стэфан Забэла і адвакат гродзенскага аддзела, браслаўскі каморнік Павел Жулевіч. У першы дзень праз галасаванне “каляровымі галкамі” былі выбраны дырэктар схода Міхал Эрэнкрэйц, асэсары Ян Вэбер, Юзаф Пашкоўскі, Антоні

Кульфан і Павел Кавалеўскі, якія прынеслі прысягу адпаведна з канстытуцыяй праз зямянскія сеймікі. На наступны дзень з 9 кандыдатаў было выбрана большасцю галасоў 8 радных, з іх аднагалосна прэзідэнтам – Тадэвуш Клава, а віцэ-прэзідэнтам – Якуб Рафановіч. Касірам з двух кандыдатур быў прызначаны Францішак Крэйбіх, паколькі Ваўжынец Барысевіч зняў сваю кандыдатуру да галасавання. Галасаванне адбывалася тайна: карткі клалі ў спецыяльнае “начынне”, адкуль іх даставалі дзеці [13, с. 702–718].

У 1792 годзе працягвалася барацьба гарадоў з эканоміяй за свае правы. Прыведзеныя ў гродзенскіх актах мандаты Ліпска, Мастоў, Адэльска дазваляюць сцвярджаць, што ў іх таксама былі створаны органы самакіравання ў адпаведнасці з новым правам: войт і 4 радных, бурмістр і 4 суддзі, іх намеснікі і пісар, а таксама сіндзікі, адпаведна Павел Хільмонік, Марцін Дэрсан, Рамуальд Шумінскі, якія ўласна і займаліся судовымі справамі з адміністратарам [13, с. 720–728, 765–768, 793]. 15 мая 1792 года сваю скаргу на эканомію ў акты Гродна занеслі і мяшчане Свідзеля [13, с. 811].

Спынілася правядзенне рэформаў у сувязі з дзеяннямі Таргавіцкай канфедэрацыі. Аднак яны пакінулі ў мяшчанскім асяроддзі трывалы след. Так, калі С. Касакіўскі звярнуўся да полацкіх мяшчан з патрабаваннем прадставіць бурмістраў, яму адказалі, што па новым законе ў горадзе прэзідэнт і радцы. Гараджане Дзісны не прысягалі канфедэрацыі аж да 28 верасня і працягвалі кіраваць горадам у адпаведнасці з новым заканадаўствам [5, с. 196, 197]. Лідскія мяшчане ў час паўстання пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі скардзіліся ў цэнтральную дэпутацыю літоўскага народа на дзеянні пратаргавіцкага магістрата і патрабавалі вярнуць той склад гарадскога самакіравання, які быў

выбраны згодна з рэформамі Чатырохгадовага сейма, аднаўлення канстытуцыі 3 мая і іншых законаў [9, арк. 109–110 адв].

Заклучэнне. Такім чынам, рэформы Чатырохгадовага сейма неслі істотныя змены ў структуры і функцыі гарадскога самакіравання. Упершыню з'явілася адзінае для усёй краіны гарадское заканадаўства, якое прыйшло на змену партыкулярызму магдэбургскага права. Былі ўсталяваны адзіныя правілы ўтварэння і функцыянавання інстытутаў гарадскога самакіравання. Больш дакладна размяжоўваліся напрамкі іх дзейнасці. Змяняліся заканадаўчыя асновы судовага працэсу. Ажыццяўляўся новы адміністратыўны падзел гарадоў на акругі і дзоры, утвараліся гарадскія аддзелы з цэнтрамі ў апеляцыйных гарадах. Пачалося пэўнае ўключэнне гарадскіх інстытутаў у агульную структуру улады Рэчы Паспалітай з акрэсленым абмежаваннем функцый у галіне кіравання і суда, падначаленнем іх дзяржаўным органам кіравання (камісіі паліцыі, скарбовай камісіі, асэсорыі). Пашырэнне правоў гараджан выклікала рост іх самасвядомасці.

Літаратура

1. Атрушкевич, М.М. Городские реформы в Белоруссии во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: учеб. пособие / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Мінск: БГПУ, 1999. – 67, [1] с.
2. Атрушкевич, М.М. Общая характеристика норм магдебургского права в белорусских городах во второй половине XVIII в. / М.М. Атрушкевич // Актуальные проблемы становления и развития белорусской дзяржаўнасці (да 90-годдзя ўтварэння БССР: матэрыялы рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 27 лют. 2009 г.) / Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка; рэдкал.: А.І. Андарала [і інш.]: у 2 ч. – Мінск: БДПУ, 2009. – Ч. 1: Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ад старажытнасці да 1918 г. – С. 72–77 с.
3. Gordziejew, Jerzy. Komisje Porządkowe Cywilno-Wojskowe w Wielkim Księstwie Litewskim w okresie Sejmów Czteroletniego (1789–1792) / Jerzy Gordziejew. – Kraków: Wydawnictwo uniwersytetu Jagiellońskiego, 2010. – 352 s.
4. Стрэнкоўскі, С.П. Прывілеі і вольнасці беларускіх гарадоў з нямецкім правам у канцы XIV – канцы XVIII стагоддзя: манаграфія / С.П. Стрэнкоўскі. – Мінск: МГПА, 2008. – 251 с.
5. Glemza, L. Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės miestų sąjūdis 1789–1792 metais / L. Glemza. – Kaunas, 2010. – 264 s.
6. Стрэнкоўскі, С.П. Самакіраванне Мінска ў XVI–XVIII стст. як арганізатыўная культура / С.П. Стрэнкоўскі // Мінск і мінчане: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбургскага права): матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 4–5 вер. 2009 г. / рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – С. 15–23.
7. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 3: Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2004. – 344 с.
8. Volumina legum. – Kraków: nakładem Akademii umiejętności, 1889. – Т. 9. – 503 s.
9. НГАБ. – Фонд 1718. – Воп. 1. – Сп. 4. Актавая кніга Лідскага магістрата.
10. НГАБ. – Фонд 1816. – Воп. 1. – Сп. 18. Актавая кніга Мінскага магістрата.
11. НГАБ. – Фонд 1819. – Воп. 1. – Сп. 8. Актавая кніга Нясвіжскага магістрата.
12. НГАБ. – Фонд 1827. – Воп. 1. – Сп. 12. Актавая кніга Пружанскага магістрата.
13. НГАБ. – Фонд 1761. – Воп. 1. – Сп. 15. Актавая кніга Гродзенскага магістрата.

Паступіла ў рэдакцыю 24.08.2011 г.

Прынята ў друк 12.12.2011 г.

УДК 94(476)

Совершенствование материальной базы белорусских транспортных предприятий в 1943–1991 гг.

© Тимофеев Р.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В исследовании проанализировано совершенствование материальной базы железнодорожного и автомобильного транспорта Белорусской ССР в 1943–1991 годах. Были определены успехи и трудности в работе транспортных министерств, основные мероприятия по восстановлению производственных транспортных мощностей в 1943–50 годах, наиболее распространенные формы материального снабжения. Особое внимание уделено обеспеченности перевозок соответствующими производственными объектами и средствами. Отмечен тот факт, что наиболее важной для железнодорожного транспорта было наличие технических устройств обеспечения перевозок, а для автомобильного транспорта дорожной сети. Сделан вывод о том, что развитие материального обеспечения отставало от потребностей транспорта, не позволяло ему быстро увеличить объемы перевозок. Показаны предпринимавшиеся органами власти усилия по улучшению материального обеспечения работы транспорта.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, автомобильный транспорт, дорожное строительство.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 85–108)

Perfection of material base byelorussian the transport enterprises in 1943–1991 years

© Timofeev R.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University named
after P.M. Masherov”, Vitebsk*

In research the perfection of material base railway and motor transport Byelorussian SSR in 1943–1991 years is analysed. The successes and difficulties in work of the transport ministries, basic measures on restoration of industrial transport capacities in 1943–50 years most widespread forms of material supply were determined. The special attention is given of security of transportations by the appropriate industrial objects and means. That fact is marked, that most important for a railway transportation was presence of technical devices of maintenance of transportations, and for motor transport of a road network. The conclusion is made that the development of material maintenance lagged behind needs(requirements) of transport, did not allow it(him) quickly to increase volumes of transportations. The authorities, undertaken by bodies, of effort on improvement of material maintenance of work of transport are shown.

Key words: a railway transportation, motor transport, road construction.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 85–108)

В условиях современного развития экономики Республики Беларусь большое значение имеет обеспеченность ее производства перевозками, железнодорожными и автомобильными. Исходя

из этого будет важным использовать опыт совершенствования материальной базы в организации такого вида в первую очередь перевозок, позволяющих нарастить объем транспортных услуг.

Адрес для корреспонденции: Московский пр-т, д. 27, корп. 2, кв. 56, 210022, г. Витебск, тел. 25-77-43 – Р.В. Тимофеев

Актуальность изучения состоит в том, что оно дает возможность проанализировать проблемы в развитии материального обеспечения транспорта, выделить основные пути их решения, определить направления в развитии материальной базы, отметить уровень эффективности тех или иных решений органов власти. Такой вопрос давно имеет право быть отдельным предметом исследования, так как состояние материальной базы транспорта определяло успешность его функционирования. Сегодня работы такого плана отсутствуют, а из современных изданий, где затрагивались вопросы материальных условий работы транспортников, можно выделить лишь монографии и коллективные труды по истории Белорусской железной дороги [1, 2, 3, 4]. Однако там изучение данной проблемы не было основным объектом исследования и касалось только железнодорожников.

Целью работы является показ материальных условий функционирования железнодорожного и автомобильного транспорта БССР в 1943–91 гг., задачи: определение основных путей совершенствования материальной базы данных предприятий, выделение новых форм улучшения материальных условий их работы, сооружение новых производственных объектов, исследование роли органов власти в материальном обеспечении работы транспорта.

Материал и методы. Основные данные по формированию транспортниками своей материальной сферы, цифровые показатели и документы о решениях органов власти были найдены в Национальном архиве Республики Беларусь, Государственных архивах Брестской, Гродненской, Витебской, Могилевской областей. Они были дополнены сведениями из сборников документов и периодической печати. В исследовании использован системный метод, который позволяет рассмотреть проблему в комплексе, раскрыть целостность объекта и выявить многообразие окружающих его связей. Его дополнили такие обще-

научные методы, как индукция и дедукция, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Прямую взаимосвязь между эффективной работой транспорта и развитием его материальной базы четко понимали органы власти. Поэтому еще осенью 1943 г., невзирая на сложности военного времени, по решению ГКО промышленные наркоматы увеличили поставки транспорту материалов. При проведении работ на местах использовалось постановление СНК СССР и ЦК КПП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации» от 21 августа 1943 г. В Законах о пятилетних планах восстановления и развития народного хозяйства СССР и БССР на 1946–50-е гг. предусматривалось восстановление железных дорог (ЖД), их обеспечение, оснащение станций, строительство мостов. Была поставлена задача по улучшению технического обслуживания автомобилей. Помогая реализации этого закона, XIX съезд КПБ в 1949 г. поручил ЦК КП(б)Б, СМ БССР, руководителям транспорта принять необходимые меры по восстановлению и развитию транспорта. Но препятствиями были низкий уровень добычи угля, производства рельсов и колес, не хватало и финансовых средств. Поэтому начальник Западного округа ЖД Н. Краснобаев в феврале 1948 г. предложил Госплану БССР, министерствам изыскать средства на строительство и приведение в порядок подъездных путей, оснащение погрузочно-разгрузочных работ механизмами.

Восстановление железнодорожного хозяйства в 1943–50 гг. Для развития материальной базы транспорта большое значение имели решения органов власти всех уровней. Так, 27 апреля 1944 г. ГКО принял постановление, которым обязал народный комиссариат путей сообщения (НКПС) провести

подготовительные работы для восстановления участков на оккупированной территории, например, Орша–Могилев [1, с. 24]. Свою положительную роль сыграли постановления Совета Министров (СМ) БССР от 5 июня 1947 г. о механизации погрузочно-разгрузочных работ в Минском железнодорожном узле, от 29 сентября 1947 г. «О мероприятиях по увеличению производства и поставки шпал железнодорожному транспорту в 1947 г.». Пленум ЦК КП(б)Б в июне 1948 г. принял решение о подведении железнодорожной ветки к Витебским месторождениям извести, обязал Управление Западного округа МПС обратить внимание на организацию складов, развитие вспомогательных путей в городах.

Возобновлять свою работу транспорту республики приходилось в тяжелых условиях разрушений. Ущерб, причиненный ЖД республики в годы войны, в ценах 1941 г. превысил 8 млрд руб. [2, с. 10]. Было полностью разрушено 4 тыс. км главных путей, 3,5 тыс. стрелочных переводов, 800 км станционных путей [5, с. 51]. Тем не менее уже к началу 1944 г. на освобожденных территориях было восстановлено 1247 км пути, сдано в эксплуатацию 239 мостов, 87 станций и разъездов [1, с. 18]. Для восстановления требовались значительные материальные вложения. Поэтому 8-я сессия Верховного Совета (ВС) БССР, проходившая в 1946 г., утвердила капиталовложения в ЖД республики на 1946–50 гг. по союзному бюджету в размере 1,9 млрд руб. или 25% всех средств на восстановление по республике [6, с. 2]. Из них на объекты паровозного и вагонного хозяйства за 1946–50 гг. было израсходовано 100 млн руб. [3, с. 117]. Первыми начали возрождение транспортного хозяйства железнодорожные войска. В их обязанность входило открытие движения воинских эшелонов к линии фронта. Задачи же окончательного возрождения возлагались на специальные управления строительно-восстановительных работ (УСВР). Привлекались и специальные формирования НКПС: головные

ремонтные поезда, машинно-путевые станции, рельсосварочные поезда, паровозоремонтные колонны [4, с. 263]. К концу июля 1944 г. на всей территории республики поезда уже могли доставлять грузы фронту. Тем не менее не все довоенные линии восстанавливались, так как в этом не было острой необходимости, например, на отрезке Полоцк–Россоны–Псков.

К концу 1945 г. на ЖД было восстановлено 2430 км главных путей, 960 км станционных путей, 510 мостов [1, с. 39]. Общая же протяженность ЖД БССР в конце 1945 г. составила 5013 км или 87% довоенной [4, с. 267]. Особой задачей было обеспечение капитального восстановления временных мостов. Это достигалось не всегда. Так, в направлениях Витебск–Смоленск и Витебск–Орша через р. Западная Двина в 1945–1947 гг. эксплуатировалось два моста, но качество их было столь низким, что требовалось вновь проводить ремонт. В целях укрепления производственной базы ЖД с 1 февраля 1945 г. УСВР Белорусской ЖД (БЖД) были переданы на арендных условиях от Наркомата стройматериалов кирпичный № 6 (Гомель) и известковый (Климовичи) заводы [4, с. 266]. На станции Гомель в 1945 г. была введена в эксплуатацию маневровая горка, которая при ее эффективном использовании ускоряла обработку поездов. Однако большой проблемой было отсутствие полного применения имевшихся у них производственных мощностей. По ЖД в 1945 г. проходило комплексное восстановление пути, станций и узлов, железнодорожники занимались собственной заготовкой шпал и разработкой карьеров. В 1946 г. стали работать довоенные энергетические мощности. Основные мероприятия, позволявшие в 1947–48 гг. увеличивать пропускную способность станций, – оборудование механической централизации стрелок. К сентябрю 1946 г. по ЖД БССР было построено 5 сортированных горок-

фабрик по формированию поездов и централизовано 1600 стрелок. Одним из наиболее эффективных способов повышения пропускной способности однопутных ЖД с 1945 г. была диспетчерская централизация. В 1947 г. перегоны Минского узла были уже оборудованы полуавтоматической блокировкой. Резервом ускорения оборота вагона была механизация погрузочно-разгрузочных работ, но, например, на БЖД в 1 кв. 1948 г. только одна шестая всей погрузки и выгрузки производилась с помощью механизмов, что снижало производительность. Лучшее использование маневровых локомотивов давало внедрение радиосвязи.

Развитие железнодорожных путей БССР в 1945–50-е гг. Из-за ввода в действие мощных паровозов и тяжелых поездов на ЖД с 1945 г. происходила замена песчаного балласта щебеночным, рельсов легкого типа – тяжелыми. Если во время войны часто укладывали в путь рельсы длиной 3,5 м, а искусственные сооружения делали временного типа, то с 1946 г. проводили их капитальное восстановление в соответствии с техническими требованиями [4, с. 272]. Результат не заставлял себя долго ждать, и улучшение за 1946–48 гг. состояния пути на территории, например, Витебской области дало возможность увеличить скорость паровозов на 12%. Как отметил в 1945 г. нарком путей сообщения СССР И. Ковалев, переход на тяжелый тип рельсов давал возможность увеличения нагрузки на ось подвижного состава и повышения скоростей движения поездов. Применение щебеночного балласта улучшало состояние пути, сокращало расходы по его содержанию в 2–3 раза, уменьшался износ ходовых частей. На ряде направлений пути были расширены. За 1945–46 гг. была построена 30-километровая линия Жодино–Червень, в 1946 г. проходило восстановление вторых путей на линии Москва–Минск, было произведено строительство новой ветки, которая соединяла Лунинецкую и Ганцевичскую

узкоколейки, в 1946–47 гг. создавалась новая линия от станции Лужесно в 20 км к известняковым заводам. К 1950 г. был построен участок Барановичи–Тимковичи, сданы линии Брест–Владово, Верейцы–Гродзянка, Рабкор–Залесье, возрождены вторые пути на участках Буда–Кошелевская–Радево, отечественная колея на участках Ковель–Брест, Жабинка–Лунинец. Протяженность только главных путей ЖД БССР за 1945–50 гг. увеличилась на 900 км [3, с. 117].

Строительство автодорог в первое послевоенное десятилетие. Важной составляющей материальной базы развития автотранспорта было наличие развитой сети дорог, покрытию которых за годы войны был нанесен сильный урон. Если к 1941 г. дорожная сеть с твердым покрытием (ТП) достигла 12555 км, то за годы войны было взорвано 74% мостов и разрушено 3 тыс. км дорог с ТП [7, с. 3]. Поэтому на их восстановление ушло все первое послевоенное пятилетие. Для этого использовалось постановление ЦИК и СНК СССР от 3 марта 1936 г. «О трудовом участии сельского населения в строительстве и ремонте шоссе и грунтовых дорог». Участие выражалось в бесплатном личном труде в течение 6 дней в году, предоставлении живой тяговой силы и гужевого транспорта средств. Реализуя это решение, в БССР только за сентябрь 1945 г. в месячнике строительства и восстановления дорог, мостов ежедневно выходило 10 тыс. колхозников, были проложены и отремонтированы булыжные, грунтовые, гравийные дороги на 8 тыс. км, построено и восстановлено 18 тыс. погонных метров мостов. После 1945 г. в республике начались работы по устройству покрытий автодорог на основе асфальтобетона.

Однако, дорожное строительство оставалось одним из самых «больных» вопросов. В 1946 г. сеть дорог Главного дорожного управления при СМ БССР,

по мнению его начальника П.А. Приставко, по своим типам покрытия не соответствовала требованиям. Поэтому пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства БССР на 1946–1950 гг. была запланирована реконструкция республиканских дорог с целью перевода их в более высокий класс – булыжных, мостовых и гравийных. Но одно дело было планировать и совсем другое – план выполнить. Так, в 1946 г. план работ был выполнен только на 82%. Все это заставило СМ БССР в июне 1947 г. принять постановление о мероприятиях по улучшению строительства дорог. Были намечены меры по улучшению дорожного хозяйства, обеспечению его механизмами и транспортом, объявлен полуторамесячник строительства и ремонта дорог и мостов. 6 марта 1948 г. СМ БССР издал новое постановление о широком строительстве автодорог в республике. Машинно-дорожная станция № 5 профессиональных дорожников г. Вилейки (с числом работников 137 человек) с момента своего создания в 1948 г. выполняла необходимые работы вручную. Для реализации запланированных проектов необходима была всеобъемлющая поддержка. Так, в 1948 г. Витебский обком КПБ обратился за помощью к Гушосдору (Главному управлению шоссейных дорог) МВД СССР по вопросу восстановления дороги Смоленск–Витебск. Состояние базы функционирования транспорта во многом зависело и от позиции местных властей. Так, райисполком пос. Бобр в сентябре 1949 г. посвятил вопросу благоустройства улиц специальную сессию. Дороги не могли успешно функционировать без сопутствующей инфраструктуры и с 1944 г. в республике работали мостостроители, в 1949 г. попавшие в состав Гушосдора.

Развитие ремонтной базы автопредприятий в 1943–50 гг. Успешная деятельность автотранспортников находилась в сильной зависимости от наличия развитой ремонтной базы, так как техническое состояние автопарка после освобождения республики было на

низком уровне. В декабре 1943 г. в только что созданной автобазе Речицы уже была лишь небольшая мастерская. На автотранспорте большой объем работ в 1943–45 гг. выполнялся армейскими мастерскими. 27 июля 1944 г. в качестве мастерских стал работать Слонимский авторемонтный завод (АРЗ). На сокращение поломок в 1945 г. было направлено издание многочисленных инструкций, положений и наставлений. Одной из задач 1945 г. для автотранспортников было оснащение гаражей, профилакториев и автомастерских необходимым оборудованием для ремонта новых марок автомобилей. В 1945 г. на основе бывшей Борисовской автобазы создавался новый АРЗ, расширялся крупнейший в республике Гомельский АРЗ, ремонтные мастерские в Бресте, Слониме и Витебске, АРЗ в Минске. Усиление авторемонтной базы Министерства автотранспорта (МАТ) БССР в 1946 г. было предусмотрено пятилетним планом восстановления и развития народного хозяйства БССР на 1946–1950 гг. с тем, чтобы она обеспечивала 10 тыс. ремонтов в год, из них по МАТу 6,5 тыс. В 1948 г. мощность АРЗ республики уже превысила довоенную. На улучшение технического состояния автомобилей различных ведомств, в том числе МАТа, в 1947 г. было направлено постановление февральского Пленума ЦК ВКП(б). В 1948 г. стали работать передвижные ремонтные мастерские. В итоге за 1946–50 гг. в республике создали базу на 10 тыс. ремонтов в год и восстановление 40 тыс. покрышек.

Нехватка материальных ресурсов на автотранспорте в первое послевоенное пятилетие. Автотранспортники обязаны были бережно относиться к автошинам, своевременно сдавать их в ремонт, не допускать списания шин в утиль с недопробегом. Одной из проблем являлась нехватка горючего, что заставляло СМ БССР регулярно издавать постановления о нормах

расхода ГСМ. Постановление СМ СССР от 17 сентября 1947 г. касалось установления норм расхода автомасла. С нормами расхода бензина на автотранспорте были связаны постановления Экономического Совета СССР от 18 ноября 1940 г., СНК СССР от 12 июня 1941 г., СМ СССР от 17 сентября 1947 г. [8, л. 179]. Особое внимание пришлось уделять экономии ГСМ. Примером здесь в 1946 г. была Минская автотранспортная контора (АТК), где только за 8 месяцев было сэкономлено 5 тонн горючего за счет жесткого контроля за его выдачей и расходом, заботы о технической исправности автомашин. В то же время большинство АТК систематически перерасходовали горючее. В 1944–45 гг. остро у автотранспортников стоял вопрос запчастей, так как в первую очередь удовлетворялись потребности фронта. Не изменилась ситуация и после войны. Поэтому постановление СМ БССР от 19 ноября 1946 г. было связано с распределением запчастей к автомобилям и автошин, выделенных республике по фондам. Запчастей для автомобилей было так мало, что вопросы их распределения были подняты и на заседании, например, 1-й сессии Могилевского областного Совета в феврале 1948 г. [9, л. 25]. Ситуацию необходимо было исправлять и сессия ВС БССР в июле 1947 г. разрешила МАТУ уменьшить платежи в бюджет по отчислению от прибылей на 1 млн руб. и увеличила автотранспортникам ассигнования из бюджета на 0,6 млн руб.

Влияние органов власти на развитие материальной базы железнодорожного транспорта в 1950-е гг. По информации, озвученной на XIX съезде ВКП(б) в 1952 г., совершенствование базы ЖД происходило за счет восстановления и строительства вторых путей, укладки рельсов тяжелого типа, расширения автоблокировки. В 1954 г. XXI съезд КПБ обязал руководителей министерств и предприятий принять меры к упорядочению технического состояния подъездных путей, механизации

погрузочно-разгрузочных работ. На Всесоюзном совещании актива работников ЖД в 1954 г. ответственный в ЦК КПСС за транспорт Л.М. Каганович указал, что надо разработать план работ по улучшению профиля пути. XXI съезд КПБ в 1954 г. вновь обязал руководителей принять меры к упорядочению технического состояния подъездных путей. О необходимости преодоления технического отставания транспорта говорилось в 1956 г. на XX съезде КПСС, особенно в отношении автоблокировки и станционных путей. Выделение средств на транспорт имело под собой твердую законодательную основу. Например, Закон о государственном бюджете СССР на 1954 г. установил размеры централизованных расходов на транспорт и собственных отчислений предприятий. Всего за 1946–55 гг. на восстановление и развитие ЖД республики было выделено более 1,5 млрд руб., кроме этого на капитальный ремонт основных фондов ежегодно расходовалось до 500 млн руб.

Совершенствование железнодорожного путевого хозяйства в 1950-е гг.

На 1 января 1956 г. длина ЖД БССР составила 5385,1 км. В июне 1959 г. был сдан в эксплуатацию подъездной путь на 25 км по линии Слуцк–Калий. Однако, были сняты из-за низкой эффективности линия Дукштас–Браслав–Друя, узкоколейки Янов–Полесский–Ивацевичи, Новоельня–Любча. С 1956 г. на БЖД стали укладываться железобетонные шпалы, а на участке Молодечно–Гудогай появились первые 19 км бесстыкового пути. Укладка длинномерных рельсов, железобетонных шпал позволили поднять скорости движения поездов [2, с. 13]. Количество двухпутных и многопутных линий на БЖД в 1955 г. увеличилось по сравнению с 1950 г. на 8,3% и составило 25,2% всей эксплуатационной длины, а в

сравнении с 1945 г. количество двухпутных линий выросло на 35%. На путях Минского депо с 1956 г. стали использовать рельсы Р-65 тяжелого типа. Железобетонные шпалы были значительно прочнее деревянных и могли служить не менее 40 лет, текущее их содержание обходилось дешевле. Одним из слабых мест в материальной части ЖД были стыки на путях. Поэтому на направлении Минск–Вильнюс в 1957–58 гг. проходила укладка бесстыкового пути на железобетонных шпалах. Такая колея была устойчива, не требовала больших затрат на содержание, позволяла резко повысить вес поездов и пропускную способность [3, с. 120].

Использование на БЖД технических новшеств. Ее материальная часть была огромной, только на Брестском и Барановичском отделениях в 1955 г. была 141 крупная хозяйственная единица, в том числе 5 основных и 3 оборотных паровозных депо, 7 вагонных депо, 2 внеклассные станции, 16 станций 1-го и 2-го класса [10, л. 114]. Но она все время требовала усовершенствования. Возможность улучшить использование основных технических средств, повысить его пропускную способность дало использование новейших устройств связи, автоматики и телемеханики. Для осуществления связи с поездами, которые двигались по участкам, с 1953 г. устанавливались радиостанции. Станции Ново-Белица и Степянка в 1956 г. были уже оснащены радиоманевренной связью. С 1959 г. стала внедряться радиорелейная связь и телевидение. Возросшие финансовые возможности БЖД с середины 1950-х гг. отразились на совершенствовании ее материальной базы. Так, на станциях Гомель и Минск на конвейерных площадях в 1956 г. применялись новые автопогрузчики, способные поднимать 500 кг. Крупные депо были оснащены электрическими установками для обработки деталей паровоза токами высокой частоты, паровозы оборудовали скоростемерами. В 1955–58 гг. было реконструировано паровозное депо Брест-Восточный,

построено вагонное депо Барановичи-Центральные. За 1951–1958 гг. возвели 12,4 тыс. кв. м крытых складов и платформ, 19 тыс. кв. м открытых платформ [3, с. 120]. С 1956 г. для ускорения приема и отправления поездов использовались маршрутно-контрольные устройства. С 1957 г. внедрялась полуавтоматическая блокировка, электроцентрализация. Улучшению использования имевшейся базы помогали передовые методы труда. Так, машинисты в 1959 г. стали широко применять комбинированное угольно-нефтяное отопление локомотивов.

Сложности в развитии материальной базы на БЖД в 1950-е гг. В начале 1950-х гг. на ЖД недостаточно были развиты предприятия строительной индустрии. Для окончательного восстановления линий в 1950 г. не хватало материальных ресурсов. Отставало от установленного задания выполнение работ за 1951–55 гг. по переводу пути на щебеночное основание, мощность верхнего строения пути на ряде направлений не соответствовала возросшим скоростям движения поездов. В 1956 г. для БЖД были уменьшены нормы отпуска. Имевшуюся материальную часть необходимо было еще и эффективно использовать, но, например, в паровозном депо Могилева высокопроизводительные станки использовались только на 50%. На станции Брест-Центральный в 1950-е г. маневровая работа была осложнена разбросанностью разгрузочных пунктов по всем паркам станции. В 1956 г. главными средствами повышения пропускной способности ЖД – автоблокировкой и диспетчерской централизацией были оборудованы лишь главные направления. Железнодорожникам приходилось работать в условиях ограниченности различных ресурсов. Витебский узел в 1956 г. остро нуждался в электроэнергии,

имевшаяся там электро-станция обеспечивала потребности только на 60%. В 1956 г. для паровозов БЖД подавался низкосортный уголь, на котором трудно было водить поезда. Большой проблемой оставалась неразвитость подъездных путей обслуживаемых предприятий. Развитию движения машинистов-тяжеловесников в 1956–57 гг. препятствовало неудовлетворительное состояние пути на ряде участков. Во второй половине 1950-х гг. оставалось некачественным состояние промышленных железнодорожных путей. Серьезный недостаток в организации ремонта подвижного состава был в том, что значительная часть капремонта грузовых вагонов производилась в депо, а мощности ремонтных заводов МПС использовались недостаточно. На совещании партийно-хозяйственного актива БЖД в октябре 1955 г. было отмечено, что из-за низкого качества ремонта подвижного состава нередко приходилось отцеплять вагоны в пути. Сокращению простоев локомотивов в ремонте, например по станции Барановичи в 1956 г., препятствовало неритмичное снабжение запасными частями.

Расширение автодорожной сети в республике за 1950-е гг. О сложностях с состоянием дорожной сети свидетельствовали многочисленные государственные решения. Так, XX съезд КПСС в 1956 г. запланировал значительное расширение строительства автодорог с ТП. 18 февраля 1959 г. появилось постановление ЦК КПБ и СМ БССР о плане строительства и реконструкции автодорог БССР на 1959–1965 гг. Президиум ВС БССР 10 апреля 1959 г. издал новый указ об участии организаций в строительстве местных автодорог. В соответствии с Указом Президиума ВС БССР от 10 апреля 1959 г. все промпредприятия производили отчисления в дорожный фонд облисполкомов в размере 0,2% от стоимости своей валовой продукции. 24 августа 1959 г. появилось распоряжение СМ БССР «Об участии в строительстве и ремонте местных автодорог». Благодаря

совместным усилиям государства и ведомств за 1951–55 гг. в БССР было построено и реконструировано 2036 км дорог с ТП. Положительным для республики было возведение в 1956 г. магистральной автодороги Ленинград–Киев. Была продолжена практика проведения месячников дорожного строительства. Однако, установленный порядок трудового участия нарушался в том или ином районе республики. Чтобы обеспечивать бесперебойное автодвижение и перевозку грузов в зимний период, необходимо было готовить дороги к зиме. Над укреплением материальной базы автотранспорта трудилось большое количество различных организаций. Внимание к совершенствованию дорог, там где оно проявлялось, давало свои плоды. Так, в Брестской области в 1951–52 гг. благодаря хорошему содержанию дорог увеличились сроки межремонтного пробега автомашин. Состояние материальной базы напрямую влияло на уровень предоставления транспортных услуг. По МАТУ за 1950 г. из-за тяжелых дорожных условий были невыполнены планы перевозок. В местах пересечения железнодорожных и авто-магистралей с большим движением транспорта остро не хватало тоннельных переездов. В то же время, например, Минский горисполком не настаивал на строительстве путепроводов. Улучшению условий для эксплуатации автотранспорта также препятствовала нехватка дорожной техники и аварийность ряда речных мостов.

Основные направления развития авторемонта в БССР в 1950-е гг.

Поточный метод ремонта агрегатов на базе применения современной техники реставрации и обработки деталей позволяли сократить стоимость ремонта. Минский АРЗ в 1952 г. был подвергнут реконструкции, там был введен дополнительный корпус на 2,5 тыс. кв. м, освоено серийное производство капремонтов «ЗИЛ-150,

585» и «МАЗ 200, 205». Однако, в 1955 г. у него была низкой производительность труда, что привело к большим простоям автомобилей в ремонте. Дополнительную проблему обеспечения запчастями областных автотрестов создавало то, что они шли сначала в республиканские организации по сбыту. Основным видом технического ухода за машинами являлся текущий ремонт, были велики и масштабы капремонта. Правильная организация ремонта избавляла автохозяйства от необходимости изготовления запчастей, создавала широкие возможности для правильной технической эксплуатации, позволяла снизить себестоимость перевозок. Наиболее качественное техобслуживание и ремонт производили в крупных автохозяйствах, что подталкивало органы власти к их укрупнению. В то же время отставание уровня организации и технологии обслуживания автомобилей приводило к преждевременному износу автомобилей. Поэтому 5-й съезд профсоюза рабочих автомобильного транспорта и шоссейных дорог СССР в апреле 1956 г. обязал автохозяйства преодолеть плохую организацию технического обслуживания и эксплуатационных ремонтов.

Нехватка материальных ресурсов на автотранспорте. На месте заправки автомашин в первой половине 1950-х гг. часто не было воды, что заставляло моторы работать без охлаждения и приводило к их быстрым поломкам. Отсутствовали фильтры для очистки масла, не выдерживался график технического осмотра и текущего ремонта, что также снижало срок службы моторов. По МАТУ в 1951 г. при наличии 1599 грузовых автомашин и 399 специальных, навесов и гаражей было только на 314 автомашин, мастерских на 133 машино-места. Время шло, а ситуация в лучшую сторону менялась медленно. По МАТУ за 1955 г. при наличии 3993 грузовых автомобилей простои из-за бездорожья составили 24114 машино-дней, отсутствия авторезины – 43090 дней, отсутствия горючего – 27515 дней [11, л. 11, 17]. Ассигнований на развитие своей

материальной базы постоянно не хватало. Если за 1954–57 гг. по МАТУ (ГУАТУ) при СМ БССР было создано 33 автохозяйства и построено 11 грузовых автопарков, то в них отсутствовали элементарные условия для технического обслуживания и хранения автомобилей. По ГУАТУ при СМ БССР в 1959 г. при наличии 7670 грузовых автомобилей было только 37 помещений для техобслуживания и ремонта автомобилей, для стоянок – 15, мастерских для шинремонта – 53. В то же время простои из-за отсутствия шин составили 108 тыс. машино-дней. По предприятиям МАТА БССР не было условий для нормальной эксплуатации автопарка, профилактики, отсутствовали средства для строительства. Распыленность автомобилей по мелким автохозяйствам в системе СНХ БССР затрудняло организацию снабжения. Поэтому на XXIII съезде КПБ в 1959 г. 1-й секретарь ЦК КПБ К.Т. Мазуров отметил, что неудовлетворительная работа автотранспорта в значительной мере была обусловлена его плохой материальной базой – в первую очередь нехваткой гаражей, мастерских, профилакториев. Соответственно СМ БССР на этом съезде было дано поручение найти возможности для улучшения условий эксплуатации автотранспорта, бытовые организации и ГУАТ получили задание ликвидировать нехватку бензозаправочных станций общего пользования.

Попытки преодоления автотранспортниками слабости своей материальной базы во второй половине 1950-х гг. При создании нового Минского автобусного парка было произведено сооружение бензохранилища, заправочной станции, складских помещений, гаражей для зимней стоянки автобусов. Витебским областным автотранспортным трестом с 1955 г. в целях повышения коэффициента технической готовности автопарков

проводилось строительство моек автомобилей, маслораздаточных колонок, смазочной механизированной станции. Улучшение снабжения автохозяйств обратными агрегатами и оснащение их современным гаражным оборудованием дало возможность во второй половине 1950-х гг. повысить техническую готовность парка. МАТ БССР в 1956 г. строило новые авто-грузовые парки в 11 городах. В ходе реализации решения МАТа БССР от 19 декабря 1956 г. о внедрении новой техники автотрестами было получено значительное количество нового гаражного оборудования, что дало возможность механизировать процессы техобслуживания и ремонта автомобилей. Были внедрены механизированные посты смазки автомобилей, организованы пункты механизированной заправки автомобилей, агрегатный метод ремонта автомобилей. За 1956–59 гг. органами власти было увеличено выделение средств на укрепление базы автотранспорта, в том числе на капитальное строительство.

Использование средств на развитие материальной базы транспорта в 1960-е гг. Из-за их нехватки 29 апреля 1960 г. появилось постановление СМ БССР «О повышении технического уровня и снижении сметной стоимости строительства промышленных предприятий, электростанций и транспортных сооружений». Плановые капитальные вложения покрывали только часть потребностей транспорта и поэтому разрешалось использовать средства из фонда предприятия для улучшения культурно-бытовых условий работников и совершенствования производства, положение о котором было утверждено в 1961 г. XXIV съезд КПБ в 1960 г. обратил внимание на то, что Госплан, СНХ и его управления, министерства не всегда квалифицированно решали вопросы материально-технического снабжения, недостаточно активно вели работу по использованию всех возможностей и резервов. XXV съезд КПБ в 1961 г. отметил медленное внедрение на транспорте прогрессивной технологии,

механизации трудоемких работ. Несмотря на все предпринимаемые усилия как на республиканском, так и на местном уровне предприятия преследовал недостаток производственных мощностей. Поэтому постановление ЦК КПБ от 28 января 1967 г. обязало ведомства обратить особое внимание на упорядочение учета, хранения и использование материальных ценностей. По союзным республикам, в том числе БССР, в 1945–65 гг. в общих капвложениях доля транспорта составляла 9–10%, что по Госплану СССР было недостаточным и обеспечивало только первоочередные потребности. В то же время развитие сети железных и особенно автомобильных дорог позволяло вовлекать в оборот новые ресурсы и сократить потери от бездорожья.

Железнодорожное путевое хозяйство БССР в 1960-е гг. На реконструкцию железнодорожного хозяйства ежегодно в этот период расходовалось капвложений по всем источникам финансирования 25 млн руб., на капремонт основных фондов – 30 млн руб. [2, с. 15]. По решению СМ СССР от 23 июня 1967 г. предприятия могли оперировать своими фондами производства, МПС и Министерство транспортного строительства по постановлению СМ СССР от 27 мая 1968 г. были обязаны проводить дополнительный ввод в действие вторых путей, оборудование их автоблокировкой и диспетчерской централизацией. В ведение МПС передавались промышленные железнодорожные подъездные пути, не связанные с технологическими перевозками. В 1960 г. строился путь Полоцк–Новополоцк, за 1959–65 гг. было построено 50 км двухпутных вставок и 150 км станционных путей, но общая длина железнодорожных линий почти не увеличилась, так как были сняты узкоколейки [1, с. 169]. За 1956–1961 гг. было уложено 2 тыс. км новых рельсов, на щебеночное

основание было переведено 1200 км пути. В 1962–63 гг. на главных направлениях было уложено 400 км бесстыкового пути на железобетонных шпалах.

За 1959–1969 гг. более 2600 км пути переведено на щебеночное основание, 1032 км – на железобетонные шпалы, уложено 1000 км бесстыкового пути [2, с. 18]. Длина путей возросла с 5013 км в 1946 г. до 5397 км в 1959 г., но уменьшилась до 5378 км в 1961 г. На 1 января 1965 г. эксплуатационная длина БЖД составила 5348 км, густота сети БССР в 1965 г. была в 6 раз больше, чем в среднем по СССР. В 1959–65 гг. усиление пути производилось на напряженных направлениях Смоленск–Брест, Гомель–Вильнюс [4, с. 299]. Укладка тяжелых длинномерных рельсовых плетей, монтаж более совершенных стрелочных переводов позволили в 1968 г. увеличить скорость поездов на ряде участков до 140 км. За 1966–1970 гг. уже 72% протяженности главных путей было поставлено на щебеночный балласт, 25% путей было уложено на железобетонные шпалы с бесстыковыми рельсовыми плетями длиной до 800 м каждая [4, с. 299]. В рамках общей экономической политики по отношению к ЖД в союзных республиках в 1960-е гг. для удовлетворения возраставших потребностей в перевозках было выбрано строительство вторых путей.

Начало электрификации путей на БЖД. Рост грузооборота за короткие сроки невозможно было обеспечить на старой технической базе и поэтому электрификация стала ведущей линией технического прогресса на транспорте. Она давала большой эффект и экономию, но в первую очередь проходила в тех районах, где были сосредоточены наиболее важные линии с недостаточной пропускной способностью, неудовлетворительным топливным режимом, тяжелым профилем пути, благоприятными условиями снабжения электроэнергией. Электрификация позволяла значительно увеличить перевозки грузов и в ряде случаев отказаться

от строительства вторых путей, обеспечивала высокие скорости движения поездов, давала наибольший эффект на линиях с большим грузооборотом. Эксплуатация дорог на электрической тяге уменьшила случаи опозданий поездов, повысила процент выполнения графика движения, была снижена аварийность, работа дорог стала более устойчивой. Первым на БЖД в 1961 г. началось строительство трассы Минск–Олехновичи длиной 48 км с 12 остановками, которое шло с отставанием от графика и она начала действовать только в декабре 1963 г. Участок Олехновичи–Молодечно в декабре 1966 г. был досрочно соединен с линией Минск–Олехновичи, составив общую трассу в 80 км.

Материально-техническое перевооружение БЖД в 1960-е гг. На XXV съезде КПБ в сентябре 1961 г. начальник БЖД Г.И. Котляш отметил, что перевооружение дороги осуществлялось быстрыми темпами. Особенно большое внимание уделялось совершенствованию средств поездных связей, внедрению электрической централизации стрелок. Вместо телефона, телеграфа на главных направлениях движения с 1962 г. действовала автоматическая и полуавтоматическая блокировка. За 1959–61 гг. электроцентрализацией было оборудовано 100 стрелок. В Минском паровозном депо в 1961 г. была установлена сигнализация, дублировавшая показания светофора и автостоп. На одном из первых мест было внедрение автоматики в управлении движением поездов. Развивалась комплексная механизация и автоматизация погрузочно-разгрузочной системы. В 1969 г. автоблокировкой было уже оборудовано более 14%, полуавтоблокировкой – 75% протяженности линий [2, с. 20]. В 1965 г. на станции Степянка был построен механизированный грузовой двор для ежесуточной переработки 9 тыс. тонн

грузов. На станции Минск–Пассажирский с 1965 г. действовала маршрутно-релейная электрическая централизация стрелок. На 70 промежуточных станциях в 1969 г. были удлинены станционные пути. По словам заведующего отделом транспорта и связи СМ БССР В. Лазаретова на тех участках, где были модернизированы средства сигнализации и связи, пропускная способность возросла более чем в 2 раза, была увеличена техническая и участковая скорость.

Проблемы использования в 1960-е гг. железнодорожной материальной базы. Большое внимание уделялось рационализации и в целях концентрации грузовых работ на БЖД за 1959–1969 гг. закрыто 40 малодеятельных станций [2, с. 21]. Для обеспечения паровозов топливом в 1963–64 г. на БЖД были сооружены пункты нефтеснабжения. Минское паровозное депо в 1963 г. прошло реконструкцию, чтобы стать тепловозным. В 1966–67 гг. были автоматизированы компрессорные. За 1966–69 гг. в вагонных депо была внедрена прогрессивная технология ремонта вагонов с использованием автоматизированных линий [4, с. 296]. Брестские железнодорожники в 1968 г. на 7% против нормы сократили простой подвижного состава в текущем ремонте за счет механизации и автоматизации. Многие узлы и агрегаты поточных технологических линий были созданы новаторами. На станции Брест-Восточный была организована центральная диспетчерская служба. В то же время недостаточная развитость материальной базы БЖД привела к большой ее зависимости от оснащенности грузополучателей, простоям на подъездных путях. БЖД стремилась исправить такую ситуацию. Так, Витебская механизированная станция в 1966–67 гг. стала использовать козловые и паровые краны, электрокраны, автопогрузчики, экскаваторы, аккумуляторные погрузчики. Однако, имевшаяся техника, по информации Витебского областного КНК, использовалась плохо. В итоге, например,

за 1967 г., несмотря на механизацию горок, автоматизацию управления стрелками и развитие станционных путей, на технических станциях БЖД вагоны простаивали до 34% времени оборота.

Решения органов власти по автодорожному строительству в 1960-е гг.

Дороги были важнейшей технической и экономической проблемой автотранспорта, так как, по расчетам Всесоюзного дорожного НИИ и Всесоюзного НИИ автотранспорта, скорости движения на дорогах без покрытия снижались в 2,5–4 раза, расход горючего увеличивался в 1,5–5 раз, а себестоимость перевозок – в 3–5 раз. Исходя из этого партийные и хозяйственные организации на XXIV съезде КПБ в 1960 г. обязали усилить внимание к строительству автодорог. С отчислениями на их строительство было связано распоряжение СМ БССР от 17 марта 1961 г. Постановление СМ БССР от 20 сентября 1961 г. было направлено на утверждение норм затрат на содержание автодорог. Дальнейшее строительство и реконструкцию автодорог с ТП наметил в 1966 г. XXVI съезд КПБ. В июне 1966 г. вопрос «О состоянии и мерах по улучшению строительства и содержания дорог в республике» рассмотрела сессия ВС БССР. С мерами по улучшению строительства и содержания дорог было связано и постановление ВС БССР от 22 июля 1966 г., где советы депутатов обязали принять необходимые меры к выполнению Закона БССР, предусматривавшего участие организаций в строительстве дорог. Исходя из постановления СМ СССР, принятого в декабре 1967 г., СМ союзных республик было предложено обеспечить устройство на строящихся автодорогах высшей категории покрытий с шероховатой поверхностью. ЦК КПСС и СМ СССР 5 августа 1968 г. обязал СМ союзных республик разработать схемы развития сети автодорог и развивать

индустриальную базу дорожного хозяйства. Постановление СМ БССР от 25 января 1968 г. обязало ведомства обеспечить изготовление и установку дорожных знаков. Общая протяженность автодорог БССР выросла до 71,8 тыс. км в 1953 г. в том числе 12,5 тыс. км с ТП, до 66,4 тыс. км в 1961 г., в том числе по ТП до 14,6 тыс. км [12, л. 10]. Проблема качества дорожного покрытия постоянно оставалась острой. В 1969 г. с ТП было только 23,1 тыс. км автодорог при общей их длине 65,1 тыс. км. По мнению министра автотранспорта БССР А.Е. Андреева, высказанного в 1969 г. на Всесоюзной конференции по безопасности движения, при планировке и застройке городов почти не учитывалась необходимость соответствовавшего развития транспортной инфраструктуры.

Проблемы материального обеспечения функционирования автотранспорта. На ограничение потребления ГСМ были направлены постановления СМ БССР от 24 сентября 1960 г. и 27 марта 1969 г. Распоряжение СМ БССР от 6 октября 1960 г. было связано с нормами расхода смазочных материалов. Из-за нехватки бензина, например, у автобусов по маршруту из Минска в Молодечно в 1960 г. графики их движения не выдерживались. Общеизвестные заправочные станции в 1963 г. не давали автотранспортникам заправиться дизельным топливом. Госплан БССР не выделял необходимых средств для строительства благоустроенных гаражей. Автотранспортники сильно зависели от ряда промпредприятий. Так, Минский шинно-ремонтный завод в 1963 г. ежедневно обновлял до 130 покрышек. Необходимые запчасти в 1963 г. выпускали Барановичский завод автоагрегатов, Гродненский завод «Автозапчасть», Минский моторный завод. Занимавшиеся снабжением автохозяйств областные базы «Белсельхозтехники» не полностью обеспечивали их запчастями. Поэтому в июне 1967 г. ЦК КПСС и СМ СССР рассмотрели вопрос об улучшении обеспечения автопарка запчастями и

наметили ряд мероприятий по увеличению производственных мощностей по их изготовлению. Тем не менее, проблемы решались медленно. Так, ежедневно в 1968 г. в Пинской автобазе № 6 простаивали из-за отсутствия запчастей до 90 автомашин. Остро стояла проблема ремонтной базы. В 1960 г. в Минске не было предприятия, где можно было бы полностью отремонтировать автомашину. Поэтому к 1965 г. МАТом был осуществлен ряд мероприятий по развитию и улучшению работы авторемонтных предприятий. В результате за 1963–65 гг. коэффициент техготовности грузовых автомобилей вырос с 0,818 до 0,835. XXIII съезд КПСС в апреле 1966 г. обязал Госплан СССР, Министерство автопромышленности и СМ союзных республик позаботиться о совершенствовании организации ремонта машин, улучшении снабжения запчастями и крышками. Соответственно Гомельский АРЗ в 1966 г. ремонтировал 1 тыс. автомобилей и 6 тыс. двигателей. Однако, ситуация с ремонтом улучшалась не так быстро, как хотелось бы. Так, КНК БССР в 1969 г. подверг резкой критике тот факт, что автомобили ремонтировались медленно и некачественно. В целях привлечения автопромышленности к участию в работе по улучшению техобслуживания грузовых автомобилей СМ СССР своим решением от 5 августа 1968 г. обязал Министерство автопромышленности организовать в 1968–1970 гг. фирменные станции техобслуживания. Одна из первых станций была введена в 1968 г. в Давыд-Городокском отделении «Сельхозтехники», где обслуживание и текущий ремонт машин были организованы поточным методом. Трудно было также добиться рационального расходования средств, выделенных на организацию ремонта.

Совершенствование материальной базы автотранспорта в 1960-е гг. Подобный процесс проходил противоречиво. Так, благоустройство АТК № 2 Брестского областного автотреста за 1960–63 гг. было выполнено силами самого коллектива. Ряд автопредприятий, например Копыльское, в 1961 г. было образовано на материальной базе, оставшейся после ликвидации МТС. В 1962 г. не оказалось материальных возможностей для открытия в Могилеве транспортно-экспедиционной конторы. Во многом низкоэффективным в ГУАТ при СМ БССР в 1961–62 гг. было использование капвложений, допускалось распыление средств. По областным автотрестам в 1966 г. обеспечение гаражами, крытыми стоянками, открытыми стоянками с подогревом было недостаточным. Слабо развитая материальная база автотранспорта снижала эффективность его работы. Так, по итогам проведенной КНК проверки, в 1968 г. основными причинами пережога горючего шоферами в автобазе № 16 пос. Глубокое было слабое обеспечение запчастями и приборами системы питания автомобилей. Тем не менее за 1966 г., например, хозяйства Гомельского областного автотреста стали лучше оснащены транспортным оборудованием. Радиофикация грузового транспорта в Минской автоколонне № 2414 позволила за 1966 г. снизить себестоимость перевозок 1 тонны груза. В Минской автоколонне № 2413 за 1967–69 гг. было проведено строительство мастерской, котельной, материального склада. Оборудование и комплекс производственных помещений позволяли обеспечивать высокую техническую готовность автотранспорта. В марте 1968 г. СМ БССР наметил дополнительные мероприятия по улучшению обслуживания населения городским пассажирским транспортом и укреплению его материально-технической базы, включавшие строительство центральных диспетчерских станций.

Усилия органов власти по преодолению материально-технического

отставания БЖД в 1970-е гг. На XXIV съезде КПСС в 1971 г. было заявлено, что работа транспорта не удовлетворяла существовавшим потребностям экономики и необходимо больше выделять для него средств. XXVII съезд КПБ в 1971 г. предложил повысить пропускную и провозную способность БЖД на основе реконструкции железнодорожных станций, внедрения автоматики, применения ЭВМ. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 2 июня 1971 г. утвердило мероприятия по развитию базы ЖД на основе широкого внедрения новейших достижений науки и техники, более совершенных технологических процессов. Для освоения возросших объемов перевозок республика осуществляла в больших масштабах расширение пропускных способностей действовавших линий за счет их реконструкции. Концентрация грузовых работ на меньшем числе станций позволяла создать на них более мощную материальную базу и повысить уровень механизации. Увеличение пропускных и провозных способностей грузонапряженных линий было достигнуто за счет сооружения вторых путей, развития стационарного хозяйства. Основная линия технической политики по развитию БЖД в 1970-е гг. выражалась в концентрации грузопотоков на важнейших магистралях с мощным техническим вооружением.

Нужды промышленности, строительства и сельского хозяйства по БССР в 1970 г. обслуживали 400 железнодорожных станций. Исходя из решения ЦК КПСС и СМ СССР от 13 января 1977 г. для МПС и Министерства транспортного строительства были установлены задания по вводу в эксплуатацию новых линий, строительству вторых путей, по электрификации, сооружению устройств автоблокировки и диспетчерской централизации. В 1975–78 гг., исходя из данных комиссии по качеству отдела

транспорта и связи СМ БССР, материальная база БЖД совершенствовалась через перевод путей на щебеночное основание, электроцентрализацию, реконструкцию депо, строительство грузовых складов.

Противоречия в развитии материальной базы БЖД. На Пленуме ЦК КПБ в апреле 1970 г. железнодорожники республики признали, что их дорога отстала с развитием станций и узлов, они не справлялись с возрастающим объемом переработки вагонов. Недостаточная длина станционных путей не позволяла повышать пропускную способность участков и узлов за счет увеличения длины и веса поездов [4, с. 311]. Поэтому за счет средств БЖД и средств заказчиков была реконструирована, например, станция Барановичи-Северные. В районе

г. Гродно были построены станции Районная и Заводская. В 1974 г. была возведена грузовая станция Ситница, обслуживавшая ПО «Гранит». Условия эксплуатации на БЖД не улучшались таким образом, как бы хотелось железнодорожникам из-за неразвитости подъездных путей промпредприятий, где в 1979 г. выполнялось 70% погрузочно-разгрузочных работ. В ходе возведения предприятий, по мнению начальника БЖД Е. Юшкевича, главное внимание уделялось основному производству, и мало кого интересовало строительство транспортных коммуникаций. Многие министерства не проявляли должной заботы о механизации погрузочных работ, поэтому она у них не достигала 50%.

Значимым показателем совершенствования материальной базы БЖД была дальнейшая электрификация ее путей. Так, в декабре 1970 г. была введена линия Минск–Пуховичи на 63 км, к ноябрю 1971 г. Пуховичи–Талька. Движение электропоездов в декабре 1971 г. было открыто по линии Минск–Борисов протяженностью 78 км, в декабре 1975 г. по линии Минск–Столбцы на 76 км, в декабре 1979 г. Орша–Красное на 51 км [4, с. 329]. К 1980 г. был

электрифицирован участок Красное–Орша–Борисов, в 1977–80 гг. проходила электрификация линии Орша–Минск–Вязьма. В 1970 г. эксплуатационная длина БЖД составила 5430 км, в том числе 142 км электрифицированных, в 1975 г. – 5463 км, в том числе 341 км электрифицированных, в 1979 г. эксплуатационная длина – 5509 км. Как успех в развитии материальной базы на Пленуме ЦК КПБ в апреле 1970 г. было отмечено, что в республике уже 80% путей находилось на щебеночном балласте. Но чтобы получить фонды на оборудование и средства на его закупку при существовавшей централизованной системе распределения, необходимо было технико-экономическое обоснование.

К концу 1970 г. автоблокировкой было оборудовано 14%, полуавтоматической – 72% участков [4, с. 290]. Проходило управление движением на значительном расстоянии пути с помощью электроники. БЖД продолжила перевод стрелок на электрическую централизацию, повышала механизацию работ по ремонту путей, переработке грузов. В 1970 г. было оборудовано электроцентрализацией 800 стрелок, проходила реконструкция энергетического хозяйства. Электроцентрализация приносила ощутимую выгоду. Так, обязанности 34-х стрелочников на перегоне Калинковичи–Жлобин в 1974 г. были переданы диспетчеру, что позволило экономить по 40 тыс. руб. в год. К концу 1977 г. станция Барановичи-Центральные была оборудована 240 стрелками электроцентрализации. На перегоне Деревцы–Дороганово длиной в 12 км впервые в СССР была введена экспериментальная система регулирования движения поездов, когда бессветофорная система автоблокировки способствовала улучшению технического обслуживания устройств сигнализации.

Внедрение на железной дороге новейших средств обеспечения жизнедеятельности. В 1971 г. на БЖД была установлена первая ЭВМ «Минск-32», а лаборатория электронно-вычислительной техники была преобразована в Дорожный вычислительный центр. Проходили работы по централизованному управлению эксплуатационной работой на укрепленных диспетчерских участках с отображением на дисплеях хода производственного процесса с помощью ЭВМ. В 1974 г. была задействована система, при которой абоненты по телеграфным аппаратам входили в связь с центральной ЭВМ ДВЦ, передавали или получали от нее информацию [4, с. 317, 318]. С помощью ЭВМ железнодорожники удерживали в памяти число сведений о грузах, количестве эшелонов и вагонов, локомотивов, она позволила создать автоматизированную систему управления перевозочным процессом. В то же время в 1976–80 гг. медленно наращивались мощности специализированных строительных подразделений дороги и треста «Белтранстрой», у железнодорожников были претензии к качеству поставляемых на дорогу материалов. На БЖД усилилось внимание к сохранению имевшихся мощностей. В 1966–70 гг. выпуск грузовых вагонов из деповского ремонта увеличился на 18,6%, простой в ремонте был снижен с 4,6 до 3,5 часов. Во всех вагонных депо действовала прогрессивная технология деповского ремонта вагонов с применением конвейерных и автоматических линий [3, с. 12].

Совершенствование автодорожной сети республики в 1970-е гг. Исходя из Указа Президиума ВС БССР от 6 марта 1972 г., промпредприятия ежегодно выполняли дорожные работы на местных автодорогах в объеме 0,4% от выпуска своей валовой продукции, транспортные и строительные предприятия – 0,4% от программы работ в денежном выражении. Однако, все просто было только на бумаге. Руководителям многих предприятий,

например в Могилевской области в 1973–74 гг. соглашались платить штрафы и пени, только бы не заниматься дорожным строительством. По мнению ВС БССР, высказанному в 1977 г., возможности колхозов и предприятий по ремонту местных автодорог использовались недостаточно. В целях улучшения строительства автодорог ЦК КПБ и СМ БССР своим решением от 10 мая 1976 г. обязали дорожные организации повысить темпы строительства автодорог. Исполкомы всех уровней по решению ВС БССР от 28 февраля 1977 г. должны были активнее привлекать колхозы и предприятия к ремонту местных автодорог, Министерство строительства и эксплуатации автодорог должно было обеспечить выполнение планов и улучшение качества строительства. Уровень дорог отставал от потребностей хозяйства. Протяженность автодорог на 1 января 1971 г. – 65,8 тыс. км, в том числе с ТП – 25,8 тыс. км, на 1 января 1976 г. всего автодорог 71 тыс. км, в том числе с ТП – 33,9 тыс. км. За 1959–79 гг. плотность сети дорог общего пользования с ТП была увеличена с 7 до 17 км на 100 км² территории.

Недостаточный уровень благоустройства районных автодорог отрицательно сказывался на возможностях повышения скоростей на маршрутах. В то же время в 1978 г. велись работы на олимпийской дороге Москва–Минск–Брест, скоростных магистралях Минск–Лида–Гродно, Минск–Бобруйск–Коростень. Были построены мосты через Днепр у Жлобина, Западную Двину у Витебска [7, с. 4]. Но мало было построить, необходимо было еще и поддерживать дорожную сеть в надлежащем состоянии, а вот с этим вновь были большие проблемы. На сессии ВС БССР в июле 1974 г. одной из причин имевшихся недостатков в организации перевозок пассажиров было названо неудовлетворительное состояние в

ряде внутрирайонных дорог. В отдельные периоды, например, в 1976 г. из-за бездорожья закрывалось до 500 внутрирайонных маршрутов, что привело к невыполнению 135 тыс. рейсов. По свидетельству статистики в 1972–73 гг. каждое пятое ДТП было связано с плохими дорожными условиями.

Основные направления укрепления материальной базы авто-транспорта. С вопросом улучшения использования шин и их восстановительного ремонта было связано постановление СМ СССР от 25 декабря 1972 г. Распоряжение СМ СССР от

1 марта 1973 г. касалось предоставления организациям автотранспорта кредита на строительство грузовых автостанций. Вопросами развития сети автозаправочных станций 15 октября 1973 г. занимался Президиум СМ БССР. Постоянной комиссией Брестского областного Совета депутатов по дорожному хозяйству, транспорту и связи в 1977 г. были разработаны планы укрепления заводов за автопредприятиями для оказания помощи в изготовлении запчастей. Подобные усилия давали значимый результат. Так, за 1971–76 гг. по МАТУ были введены в эксплуатацию гаражи и мастерские на 10 тыс. мест для автомобилей. Не обходили автотранспортников стороной и технические новшества. В автоколонне 2413 Минского городского автотреста в 1971 г. была внедрена система управления «Автооператор», которая контролировала прохождение машин в ремонте и своевременный их выход на линию. В автоколонне 2415 впервые в республике была установлена система управления производством. В 1971 г. были организованы механизированные участки по уходу за автошинами на 16 предприятиях МАТа. В 1972 г. на специализированных шинных участках 96 предприятий обслуживалось 60% автотранспорта министерства. В 1975–76 гг. в отношении технической эксплуатации автотранспорта областных управлений проходило дальнейшее внедрение средств диагностирования технического состояния

автомобилей. За 1971–78 гг. в автохозяйствах МАТа было введено в строй 500 механизированных комплексов по замене автоагрегатов, 200 производственных отделений по ремонту и обслуживанию двигателей, 70 комплексно-механизированных участков по уходу за автошинами. Автозаправочные станции общего пользования в 1975 г. достигли 72 единиц. Силами МАТа была разработана и в 1975 г. внедрена отраслевая автоматизированная система управления. ПТО «Автотранстехника» централизовала разработку и применение новой техники. Но существовали проблемы в освоении выделенных средств. По мнению руководителя МАТа А. Андреева, если бы производственную базу всех его автохозяйств удалось бы довести до уровня нормально оснащенных, производительность грузового транспорта повысилась бы не менее, чем на 10%, что было бы равно годовому приросту грузовых перевозок.

Достижения и недостатки в обслуживании автомобилей. На АРЗ Лиды в 1972 г. был освоен индустриальный метод ремонта автомобиля «ЗИЛ-130».

Авторемонтные предприятия МАТа, кроме своих ремонтировали автомобили более 100 министерств и ведомств. В результате мощности были перекрыты в 1,3–1,5 раза, а потребности в ремонте удовлетворялись лишь на 40–60%. Предприятия МАТа ежегодно выпускали новых деталей на 6 млн руб. и более чем на 4,5 млн руб. восстанавливали изношенные, чего было недостаточно. Для большего удовлетворения своих потребностей МАТ приняло участие в долевом строительстве в Дзержинске завода «Авторемдеталь». По решению правительства республики в 1972 г. было создано производственное объединение Минский «Авторемонт», куда вошли Борисовский, Брестский, Гомельский,

Мозырский, Слонимский АРЗ. В 1976–80 гг. была произведена реконструкция предприятий в условиях действующего производства. С другой стороны, авто-транспортникам приходилось преодолевать многочисленные трудности. Для предприятий МАТа в 1970 г. не действовали станции техобслуживания, было мало передвижных ремонтных мастерских. Постоянно низким было качество ремонта. Не хватало производственных площадей, отдельных запчастей, мало было ассигнования на научно-исследовательские и конструкторско-технологические разработки. Трудозатраты на ремонте грузовых автомобилей в 1979 г. в 30–40 раз превышали трудоемкость их изготовления. На отраслевой пресс-конференции в сентябре 1970 г. было отмечено, что запросы автохозяйств МАТа в запчастях, узлах и агрегатах удовлетворялись плохо. Ограниченность ресурсов подстерегала автотранспортников на всех направлениях. Поэтому в центре внимания МАТ было повышение срока службы автошин, который был низким.

Электрификация железнодорожных линий БЖД в 1980-е гг. С ее проведением железнодорожники связывали свои надежды по увеличению объемов перевозок, повышению эффективности работы станций. К 1 января 1980 г. была введена в действие линия Орша–Смоленск на 120 км. С 1981 г. проходила электрификация направления Орша–Брест, на участке Столбцы–Барановичи прокладывались бесстыковые 800-метровые рельсы, что давало возможность повысить скорость движения поездов до 160 км/ч. В декабре 1981 г. был электрифицирован путь Орша–Борисов на 132 км, в декабре 1982 г. Столбцы–Барановичи на 90 км, в ноябре 1983 г. Барановичи–Брест на 204 км. Развернутая длина электрифицированных путей БЖД в 1983 г. составила 600 км, в 1984 г. была полностью закончена электрификация линии Москва–Брест. Длина путей на БЖД в марте 1985 г. составила 5,5 тыс. км, из которых 817 км было электрифи-

цировано. Почти 60% км путей были оборудованы диспетчерской централизацией и автоблокировкой, 85% стрелок – устройствами электрической централизации [4, с. 329]. Электрификация обеспечивала экономию расхода топлива, удельный расход условного топлива в 1982 г. на 10 тыс. тонно-км составлял на электрической тяге 41 кг, а на тепловозной тяге – 52. За 1971–1990 годы развернутая длина главных путей БЖД с укладкой рельсов тяжелых типов возросла на 2 тыс. км и составила 7 тыс. Эксплуатационные пути БЖД в 1990 г. составляли 5569 км, в том числе электрифицированных 889,8 км. В начале 1990-х гг. рельсы тяжелого типа были уложены на 74,9% длины главных путей, причем бесстыковой – 48,6%, а на железобетонных шпалах – 61,5%. Автоматической блокировкой было оборудовано 65,1%, диспетчерской централизацией – 52,5% длины путей, а электрической – 98,1% стрелочных переводов.

Трудности и успехи в развитии материальной базы железнодорожников. За 1976–80 гг. не было достигнуто необходимое усиление мощности железнодорожной сети, которая работала с большим напряжением. Использование транспортных средств сдерживалось недостаточным развитием сети станций и ремонтной базы. Существовавшая длина приемно-отправочных путей станций не давала возможности формировать и пропускать большегрузные поезда. Проблемой осталась замена рельс легкого типа на более мощные. Каждое второе дело БЖД при текущем ремонте в 1984 г. задерживало локомотивы сверх нормы. Быстро рос на транспорте расход электроэнергии, металлурги срывали поставки рельсовой продукции. Отдел транспорта и связи ЦК КПБ во главе с И. Филатченковым в 1984 г. отметил, что для бесперебойной работы БЖД

необходимо было иметь резервы пропускной способности, а некоторые ее направления, модернизированные в 1950–60-е гг., их исчерпали. В результате сократилась скорость движения и замедлился оборот вагонов. Отставание в выполнении планов модернизации привело к тому, что, например, на Барановичском отделении БЖД оборудование стрелок электроцентрализацией и в 1990 г. еще не было завершено. В итоге недостаточно высокий уровень работы БЖД сдерживал интенсивное развитие экономики. Естественно, что на необходимость укрепления, модернизации и реконструкции материальной базы транспорта обратил свое внимание в 1981 г. XXIX съезд КПБ. Постановление ЦК КПБ и СМ БССР в 1981 г. предложило БЖД ускорить ввод в действие вторых путей, завершить работы по удлинению приемно-отправочных путей, оборудованию устройствами автоблокировки. Наибольший эффект в деле обеспечения увеличения провозной способности БЖД на грузонапряженных линиях, как показала практика, давало развитие станций. Поэтому для их модернизации, например, в Гомеле в 1983 г. удлинялись запасные пути, что дало возможность принимать составы на 100 вагонов. В 1983–84 гг. на Витебском отделении была проведена работа по улучшению путевого хозяйства, обеспечивавшего пропуск поездов с высокими скоростями. На БЖД в 1991 г. действовало 37 станций по переработке среднетоннажных и 15 – крупнотоннажных передовых для своего времени контейнеров.

Практика показала, что из-за нехватки эффективной разгрузочной техники, складских помещений и подъездных путей проходила затяжка выгрузки, допускались сверхнормативные простои. На пределе своих возможностей работала в 1986–90 гг. сортировочная станция Минск-Товарный, было мало производственных площадей Минскому моторовогаонному депо. По данным пресс-центра МПС СССР, высказанным в 1991 г. на протяжении длительного времени

СМ СССР выделял на нужды ЖД средства, которые не соответствовали реальным потребностям, что привело к существенному отставанию в развитии сети ЖД, станций, узлов, серьезные трудности возникали из-за нестабильного снабжения. Поэтому было неудивительным, что на БЖД, по словам ее руководства, состояние пути достигло в 1991 г. критического состояния, процент просроченных в эксплуатации деталей сравнялся с 1945 г. В 1991 г. не хватало как минимум 60 млн руб. на завершение начатых производственных объектов. Несмотря на трудности, итоги развития материальной базы БЖД оказались высоки. Только трест «Белтрансстрой» за 1944–90-е гг. уложил в республике и за ее пределами 3800 км путей, электрифицировал 1000 км, построил 400 мостов и путепроводов, 200 локомотивных и вагонных депо, 70 вокзалов. Автоматической и диспетчерской централизацией в 1971–1990-е гг. было оборудовано более 3600 км пути или две трети эксплуатационной длины дороги.

Влияние материальной базы железно-дорожников на интенсификацию их работы. Внедренная на БЖД автоматизированная система комплексной информации в 1980-е гг. сообщала о виде, количестве груза и времени его прихода. С применением ЭВМ на станции Минск-Товарный, например, формировались составы, определялись оптимальные маршруты направления грузов. Однако, АСУ БЖД в 1987 г. не стыковалась с системами соседних магистралей и с ее помощью нельзя, например, было получить данные о размещении вагонов и локомотивов в отдельно взятый момент времени, что было очень важно для управления перевозочным процессом. За формированием тяжелых составов с 1983 г. на станции Гомель следила ЭВМ, что освободило десятки локомотивов и сэкономило значительное количество

топлива. Новая система информации о движении грузов – обратная телетайпная связь – действовала на БЖД с 1981 г., что сократило против задания на 15 мин простой подвижного состава на подъездных путях предприятий. С 1983 г. на станции Минск-Товарный действовало промышленное телевидение.

Программа интенсификации ремонтных работ в локомотивном хозяйстве за счет повышения их качества и внедрения прогрессивных технологий в 1980-е гг. была рассчитана на увеличение в 1,5–2 раза долговечности важнейших узлов и деталей локомотивов. За 1981–85 гг. на БЖД 55% средств было направлено на реконструкцию и техпереворужение, что дало возможность построить, реконструировать и оснастить новой техникой 70 предприятий. В результате на погрузочно-разгрузочных работах уровень механизации составил в 1986 г. 95%, на капремонте пути – 87%. С 1984 г. электроблоки системы управления с довоенными электровозами позволяли водить поезда повышенного веса и длины. На станциях БЖД в 1981–85 гг. была проведена работа по техоснащению переездов: 383 из них были оборудованы автоматикой. Успешному проведению с 1984 г. экономического эксперимента на БЖД способствовало рациональное и эффективное использование капвложений, которые направлялись прежде всего на те мероприятия, которые давали наибольшую эффективность: ввод вторых путей и двухпутных вставок, усиление пути и электрификация линий, реконструкция крупных узлов и станций, локомотивных и вагонных депо, увеличение перерабатывающей способности погрузочно-разгрузочных линий.

Роль органов власти в улучшении автодорожной сети в 1980-е гг. В новое десятилетие автотранспортники вступили с возросшей сетью дорог при одновременном их улучшении. Протяженность автодорог улучшенного качества с 1970 по 1981 г. выросла с 46123 км до 47523 км, в том числе с ТП с 23781,9 км до 38099 км. Тем не менее постановление

ЦК КПСС от 9 августа 1984 г. определило, что строительство автодорог отставало от потребностей. Протяженность автодорог в республике на 1 января 1986 г. составляла 40,5 тыс. км, в том числе по ТП – 38,4 тыс. км, на 1 января 1990 г. – 48,1 тыс. км, в том числе 45,1 тыс. км с ТП. Главными проблемами были нехватка средств и их неэффективное использование. Так, по данным, например, КНК Витебской области строительство новых автодорог там в 1987–88 гг. проходило крайне медленно. Вопросы дорожного строительства постоянно были в зоне внимания органов власти, но до конца их решить не удавалось. Поэтому, в связи с Указом Президиума ВС СССР от 14 апреля 1980 г. органы власти предложили министерствам предусматривать в планах предприятий, привлекаемых к участию в строительстве местных автодорог, затраты на эти цели. Принятое в 1980 г. постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О мерах по улучшению строительства, ремонта и содержания автодорог в стране» обязало к 1990 г. завершить создание опорной сети магистральных автодорог с усовершенствованными покрытиями. Для укрепления материальной базы автотранспорта важное значение имел Указ Президиума ВС БССР от 1 октября 1980 г., который касался участия предприятий в строительстве местных автодорог. Ускорить темпы строительства внутри-хозяйственных дорог обязал в 1981 г. XXIX съезд КПБ. В августе 1983 г. появилось постановление ЦК КПБ и СМ БССР «О мерах по увеличению объемов строительства автомобильных дорог местного значения и внутри-хозяйственных дорог колхозов и совхозов». По постановлению ЦК КПБ и СМ БССР от 5 ноября 1983 г. облисполкомам и райисполкомам было поручено обеспечить строительство

автодорог с твердым покрытием в сельской местности.

Во второй половине 1980-х гг. внимание к дорожному вопросу не уменьшилось. В 1986 г. были введены в действие новые правила пользования автодорогами в БССР. Постановление Президиума ВС БССР от 28 декабря 1989 г. обязало Советы осуществлять строительство и ремонт дорог. МАТУ предписали принять меры к дальнейшему развитию и укреплению материальной базы автотранспорта. Президиум ВС СССР Указом от 21 марта 1988 г. подтвердил, что предприятия отчисляли на строительство местных автодорог средства в размере 0,4% от объема производства продукции. Республиканский дорожный фонд, согласно постановлению СМ БССР от 12 апреля 1991 г., образовывался за счет части средств общей суммы отчислений от объема произведенной продукции предприятий. Используя выделяемые средства, в 1976–86 гг. дорожниками был сооружен участок Витебск–Орша, с обходом Орши и мостом через Днепр. В 1983 г. была закончена реконструкция трассы Минск–Брест длиной в 370 км, в 1986 г. проводилась реконструкция магистрали Ленинград–Київ–Одесса. Дорожные работы выполняли чаще всех специализированные организации. Так, в течение 1986–1990 гг. только коллективы структурных подразделений ДСТ-4 г. Бреста записали на свой счет 1560 км построенных и отремонтированных автодорог. В дорожном обеспечении оставались многочисленные проблемы. Из-за бездорожья на внутренних маршрутах нерегулярное автобусное сообщение привело в 1980 г. к потере до 20% рейсов. Работа дорожников в ряде случаев была некачественной. По информации начальника управления ГАИ МВД БССР Н.А. Артемьева в 1980-е гг. ежегодно 7–8% ДТП происходило из-за неудовлетворительного состояния дорог. Бедой для автотранспортников были затянутые сроки строительных автодорожных работ.

Разноплановость совершенствования материальной базы автотранспортников.

За 1980 г. на предприятиях МАТа было создано 17 типовых производственных отделений по ремонту и техобслуживанию топливной аппаратуры и электрооборудования автомобилей, 5 постов линий их диагностирования. Осуществление этих мероприятий позволило МАТу за 1976–80-е гг. снизить на грузовых перевозках удельные расходы бензина на 1,56% и дизтоплива на 4,92%. Гродненское областное производственное автоуправление в 1980 г. оборудовало комплексные механизированные посты смазки автомобилей. Исходя из решения ЦК КПСС и СМ СССР от 5 августа 1983 г. происходило расширение сети автозаправочных станций. Выполнялась республиканская программа строительства автомобильных газо-наполнительных компрессорных станций. Могилевская газозаправочная станция стала в 1987 г. одиннадцатой, введенной в строй в БССР. За 1972–82 гг. НПО «Автотранstechника» разработало и внедрило 260 технологических процессов и 590 наименований нового оборудования, что позволило широко внедрять новые технологии обслуживания автомобилей. По постановлению 1981 г. СМ БССР об ускорении развития и дальнейшем совершенствовании работы автотранспорта общего пользования БССР в 11 пятилетке выполнялась программа работ по увеличению ресурса отремонтированных автомобилей и агрегатов. В Бресте в 1988 г. стал действовать комплекс по ремонту и техническому уходу за автомобилями из системы «Совтрансавто», который ежедневно обслуживал до 200 автомобилей. По мнению постоянной комиссии по транспорту и связи Московского районного Совета депутатов г. Бреста, высказанному в январе 1989 г., местный автобусный парк обладал хорошей материальной базой для технического обслуживания. Развива-

лось рационализаторство. Так, ремонт топливных насосов «Икарусов», которые наиболее часто выходили из строя, наладили в 1987 г. рационализаторы во главе с мастером А. Щитинкиным в Новополоцком автопарке № 6.

В деле удовлетворения материальных потребностей приходилось постоянно преодолевать многочисленные сложности. В постановлении СМ БССР, принятом в январе 1982 г., было отмечено, что планы ввода в действие новых мощностей объектов автотранспорта многими организациями систематически не выполнялись, продолжительность их сооружения превышала норму. Из-за нехватки на территории Могилевской автобазы № 4 мест для стоянки почти половину машин приходилось в 1987 г. оставлять у клиентов. Несмотря на трудности, производственная база автотранспортников развивалась, но движение шло медленно из-за общего экономического кризиса. Так, в 1990 г. по Брестской области шло строительство филиала ГАП-1 в Малорите, но по Ивацевичам, Кобрину и Барановичам для новых автопарков были произведены только отводы участков и экономические расчеты строительства.

Заключение. Развитие транспортной системы было неразрывно связано с усилением ее материально-технической базы, что значительно улучшало обслуживание хозяйства и населения, способствовало росту перевозок. Рациональное использование материальной базы позволяло БЖД быть высокорентабельной отраслью хозяйства, повышать вес и скорость движения поездов. Увеличение объема перевозок стало возможным благодаря постоянному усилению в 1945–80-е гг. технической оснащенности дороги, повышению уровня механизации и автоматизации. В соответствии с решениями съездов КПСС и КПБ с 1960-х гг. проходили работы по технической реконструкции основных направлений железнодорожной сети на базе прогрессивных видов тяги, внедрения средств комплексной механизации и автоматизации. Результатом технического перевоору-

жения, повышения уровня механизации и автоматизации стал рост перевозок и производительности труда, снижение себестоимости перевозок, рост среднего веса грузовых поездов и среднесуточного пробега локомотива. Для досрочного выполнения планов на БЖД в 1970–80-е гг. проводилось дальнейшее техническое перевооружение дороги, совершенствование управления перевозочным процессом и высокоэффективное использование транспортных средств. В 1950–80-е гг. Железнодорожный транспорт с его линейными подразделениями – станциями, локомотивными и вагонными депо, дистанциями пути, сигнализации и связи, участками энергосбережения и другими предприятиями, заводами по ремонту подвижного состава и производству запасных частей – представлял собой сложное многоотраслевое хозяйство. Большое внимание в 1970–80-е гг. железнодорожники и органы власти уделяли повышению мощности и маневренности сортировочных и узловых станций, вагонного, локомотивного, пассажирского и грузового хозяйства, созданию баз по ремонту вагонов и локомотивов.

Быстрый рост промышленного производства, объемов капитального строительства БССР вызвали высокие темпы развития автомобильного транспорта общего пользования. Развитие экономики районов республики в значительной степени в 1945–80-е гг. зависело от состояния автодорог. Автомобилисты с 1960-х гг. стремились улучшить свою деятельность во многом за счет повышения качества дорог, но регулярность автобусного движения в 1960–70-е гг. часто нарушалась из-за недостатков в этом секторе. Улучшение существовавших дорог и строительство новых автомагистралей позволили в 1980-е гг. увеличить объемы перевозок. От развития сети дорог и их состояния в большей мере зависела производительность автотранспорта. Дороги были производственными площадками, на которых работал

автотранспорт, и от их качества зависела и скорость и безопасность движения, и комфортабельность поезд-ки, и долговременность эксплуатации дорогостоящей техники. В условиях интенсификации производства особую роль приобрело эффективное функционирование автодорожной сети, способной обеспечить наиболее быструю доставку грузов автотранспортом от производителя к потребителю без промежуточных транспортных операций и дополнительных затрат. Дороги снабжали экономику всем необходимым. Чем быстрее перемещались грузы и пассажиры, тем эффективнее в конечном итоге действовал весь народно-хозяйственный комплекс. Автомобилизация была невозможна там, где не было хорошо развитой автомобильной и дорожно-строительной индустрии. Из-за отсутствия достаточного количества автомагистралей, экономика терпела большой урон. Существенным фактором экономии расхода топлива было улучшение технического состояния автодорог. Развитие автодорожной сети характеризовалось как увеличением ее протяженности, так и улучшением качественных характеристик за счет строительства дорог с твердым покрытием.

Органами власти уделялось внимание развитию технического прогресса на автотранспорте, улучшению качества ремонта и технического обслуживания автомобилей. Одной из самых сложных проблем, которая сдерживала дальнейшие повышения эффективности использования автомобильного парка в 1960-80-е гг., было наращивание производственных мощностей. Постоянными для автотранспортников были трудности в поиске необходимых запасных частей и деталей. Особое значение в 1970–80 гг. МАТ уделял вопросам разработки и внедрения новых технологических процессов и средств механизации технического обслуживания и ремонта подвижного состава. Для обеспечения необходимых условий, как пассажирам, так и работникам автотранспорта, во второй половине 1980-х гг. осуществлялась

широкая программа строительства и реконструкции станционных сооружений. Новое строительство транспортных объектов было составной частью комплексного развития транспортной системы.

Литература

1. Лыч, Л.М. Аднаўленне і развіццё чыгуначнага транспарту Беларускай ССР (верасень 1943–1970 гг.) / Л.М. Лыч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – 224 с.
2. Белорусская магистраль накануне своего столетия. 1871–1971. – Минск: Знание, 1970. – 35 с.
3. Кость, А.В. Железнодорожная магистраль Белоруссии: к столетию со дня введения в строй / А.В. Кость, В.Ф. Лазаретов; под общ. ред. Е.П. Юшкевича. – Минск: Беларусь, 1971. – 208 с.
4. Железная дорога Беларуси: история и современность / В.Г. Рахманько, А.Б. Бесольнов, В.А. Шовба; под общ. ред. В.Г. Рахманько. – Минск: ОДО «Триолета», 2001. – 488 с.
5. Лазаретов, В. На транспортных магистралях республики / В. Лазаретов // Коммунист Белоруссии. – 1968. – № 9. – С. 51–54.
6. VIII сессия Верховного Совета БССР. Речь начальника Западного округа железных дорог И.Н. Краснобаева // Советская Белоруссия. – 1946. – 20 сент. – С. 2.
7. Шарапов, В.И. Автомобильные дороги нашей республики / В.И. Шарапов // Строительство и архитектура Белоруссии. – 1978. – № 1. – С. 3–4.
8. Постановления Совета Министров СССР. 1947 г. Витебский облисполком // Государственный архив Витебской области. – Фонд 1966. – Оп. 10. – Д. 24.
9. Протокол № 1 заседания первой сессии Могилевского областного Совета депутатов трудящихся. 3–4.02.1948 // Государственный архив Могилевской области. – Фонд 7. – Оп. 1. – Д. 60.
10. Экономическая справка Брестской области на 1 января 1955 г. Брестский облисполком // Государственный архив Брестской области. – Фонд 815. – Оп. 8. – Д. 24.
11. Отчет о работе Министерства автомобильного транспорта и шоссейных дорог БССР за 1955 г. ЦСУ БССР // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 30. – Оп. 5. – Т. 2. – Д. 4714.

12. Таблицы, записки и справки ЦСУ БССР по статистике транспорта и связи, направленные местными руководящими организациями.

24.06.1961–8.01.1962 // НАРБ. – Фонд 30. – Оп. 5. – Т. 4. – Д. 7470.

Поступила в редакцию 27.10.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 321.3+947.032.4

Вопросы государственного строительства Великого княжества Литовского в постановлениях вальных сеймов 60-х гг. XVI в.

© Уваров И.Ю.

**Учреждение образования «Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого», Гомель**

Задачей работы было проследить, как на широком фоне исторических событий вершилась внутригосударственная политика шляхты ВКЛ. Это может дать ответы на существующие вопросы по данной теме и определить динамику дальнейшего исследования.

Наличие сравнительно богатой исторической документации по ряду направлений исследования дает возможность более детально вникнуть в общее содержание эпохи в период становления и развития ВКЛ.

Нами рассмотрены актуальные вопросы, связанные с развитием сословно-представительной системы, и обозначен круг проблем, обсуждаемых сенаторами на вальных сеймах. Это свидетельствует о том, что во второй половине XVI в. шляхта ВКЛ уже активно борется за свои права, вольности и привилегии, что определило дальнейшую судьбу этого феодального государства.

Ключевые слова: государственный, княжество, шляхта, сеймы, сенаторы, феодализм.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 109–115)

Issues of state building of Grand Duchy of Lithuania in the decrees of volny sejms in the 60-ies of the XVI century

© Uvarov I.Y.

Educational establishment «Gomel State Sukhoi Technical University», Gomel

The main track of this to follow how on the wide background of historical events the gentry's interior politics in the Grand Duchy of Lithuanian was created. It can give the answers to the existing questions of this theme and determine the dynamics of the further research.

The presence of the comparatively rich historical documentation in a number of directions of investigations gives us the possibility to understand in details the general contents of the epoch in the period of formation and development of the Grand Duchy of Lithuanian.

Author examined the actual questions linked with the development of the gentry-representative system and marked the problems debated by senators of on the Valni (General) Sejms. This testifies to the fact that in the second half of the XVI century the gentry of the Grand Duchy of Lithuanian is an active fighter for its rights, for freedoms and privileges, this phenomenon determined the further destiny of this feudal state.

Key words: state, duchy, gentry, sejms, senators, feudalism.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 109–115)

История сословно-представительной системы власти Великого княжества Литовского (ВКЛ) в период XVI в. неоднократно была описана отечественными и зарубежными исследователями XIX – начала XXI в. Данная проблематика изучалась историками с социально-политической и экономической точек зрения.

За последние годы учеными проделана колоссальная работа по исследованию политической истории ВКЛ, выявлены многие архивные материалы, проведено их тщательное изучение и анализ. Составлены новые образцы литературы и источников, но еще предстоит обширная деятельность по изучению всех органов власти, их взаимоотношений и типологии.

Целью данной работы является изучение ключевых проблем социальной и политической жизни ВКЛ в узкий период времени 60-е гг. XVI в. Одна из главных задач – показать, как функционировал в эти годы сословно-представительный орган власти, вальный сейм и какие решения принимала верховная власть на запросы шляхты.

Материал и методы. Основным материалом для изучения вопросов данной темы послужили документы вальных сеймов ВКЛ в 60-х гг. XVI в.

Воплощением методологических основ данного исследования стал общенаучный сравнительно-исторический метод научного познания, являясь комплексным принципом при объяснении событий прошлого. Этот метод широко и успешно использовался разными специалистами при изучении самых различных исторических явлений.

Привлекаемые к работе исторические источники позволили провести критический анализ многочисленных опубликованных документов, что позволило выявить малоизученные аспекты политической и социально-экономической истории ВКЛ.

Наличие разнообразных сведений дает возможность получить качественные характеристики интересующих ученых явлений и проследить их эволюцию на отдельных этапах становления госу-

дарственности в пределах белорусских земель в период развития ВКЛ.

Результаты и их обсуждение. В конце 50-х гг. XVI в. политическая ситуация в Прибалтике резко изменилась. Московское государство начало военные действия против Ливонии за овладение балтийским побережьем. Это повлияло на политическую обстановку и социальную структуру власти в ВКЛ. Теперь каждое постановление вального сейма, кардинально меняло организацию феодальных отношений в стране. Из ниже приведенных примеров видно, что с середины XVI в. по всем показателям политической жизни и социально-экономического развития общества шляхта ВКЛ, в том числе и белорусских земель, начинает постепенно выходить из роли подчиненного господарю сословия. Причиной тому послужила политическая обстановка, при которой правительство ВКЛ было вынуждено приобщать феодалов-землевладельцев к обеспечению безопасности страны.

В 60-е гг. XVI в. возросло значение земской службы, что в свою очередь явилось серьезной помехой для участия шляхты в заседаниях сеймовых сессий. С этого времени увеличилась роль служилых представителей не только на общегосударственных, но и на повтовых сеймиках. В эти годы государству требовалось больше опытных администраторов воевод, каштелянов, маршалков и прочих чиновников, так как в ходе эволюции представительной системы власти возросла ответственность за принятые решения. В период прохождения сеймовых сессий увеличилась интенсивность принимаемых «ухвал сейма». Принятие Статута 1566 г. объяснялось ростом законодательной деятельности сенаторов сейма [1, с. 381]. Стремление к улучшению внутреннего устройства ВКЛ проявилось в требованиях шляхты расширить права своего сословия и получить тем самым

набор вольностей и привилегий. Однако такая практика социально-политического поведения наблюдалась не только в ВКЛ. По оценке А.Д. Люблинской, система сословного представительства в Западной Европе тоже была представлена в виде сложного многообразия, различных структурных органов власти [2, с. 101].

Стремление представителей шляхетского сословия занимать особое положение в обществе было подтверждено изданием специальных привилегий в 60-е гг. XVI в. [3, с. 118–121, 138–139; 4, с. 277–278]. В завершении этого процесса был издан новый Статут 1566 г., в специальном разделе которого были изложены основные положения о деятельности шляхты [5, с. 94–95, 108–119].

Исследование истории служилого сословия ВКЛ обнаружило тот факт, что в 60-е гг. XVI в. ни один из вальных сеймов не функционировал без участия великого князя, что позволяло ему принимать и разбирать многочисленные жалобы шляхты. Это свидетельствует о заинтересованности верховной власти в интересах своих подданных.

На заседании Виленского сейма 1563 г. шляхта от белорусских земель просила господаря, чтобы он вернул их имения в результате измерения участков земли на волок, на что был дан отказ. Поветовые делегаты просили господарского разрешения на свободное посещение королевских лесов, на что господарь заявил о необходимости иметь ранее полученный документ на право пользования лесами и пущами [6, с. 499].

На сейме 1563 г. представители Мстиславской шляхты предложили Сигизмунду-Августу ознакомиться с материалами требований всего служилого сословия этого повета. Шляхтичи просят у великого князя разрешения на переселение в другие регионы страны своих родственников, господарским указом было принято постановление переселить всех желающих в местечко Свислочь Минского воеводства [6, с. 151].

На этом же сейме 1563 г. шляхта из Мстиславля просила господаря о замене

феодалных повинностей с денежной на отправление замковых работ, так как это будет более результативным действием при строительстве новых городских укреплений. По этому поводу Сигизмунд-Август в своем ответе пишет: «...Старосте Мстиславскому и теж городничому тамошнему у иной работе замку Мстиславского захвати и тую поголовщину замку Мстиславского людьми, на тую роботу повинными, а не пенязми...». Как было принято в то время, охрана городской фортификации требовала поддержания гарнизона на должном боеспособном уровне. Это было нормой реальной жизни, так как в поветовых крепостях находились административные и духовные центры, которые требовали организованной защиты от лихих людей, татар и всякой непредвиденности [6, с. 149–150]. Служилые люди из Мстиславля просили верховную власть оказать им помощь вооружением и снаряжением. «...для наспижованья замку...». Сигизмунд-Август дал положительный ответ. «...Послати казал и железа и стрельбы з скарбу его милости...». Кроме боеприпасов начальник гарнизона просил дополнительно прислать продовольствие. На эти требования государь с упреком заявил, что позаботиться о снабжении продуктами питания для гарнизона должны местные чиновники за счет сбора налогов в пределах волости. Однако, господарь распорядился, чтобы маршалок дворный подскарбий земский, староста г. Могилева отправил в Мстиславль сто бочек жита [6, с. 149]. Из очередной «просьбы мстиславской шляхты, представленной его величеству на сейме 23 июня 1563 г., видно, что жители города обеспокоены чинимым произволом со стороны королевского ротмистра Петра Курницкого, который в замке держит корчму. В результате этого шляхетские корчмы терпят убытки. Однако надо

полагать, что это была не основная причина жалобы, так как П. Курницкий записывает в свою роту пехотинцами мстиславских служилых людей «...и подданных ваших властных до рот межи драбов берут...». Господарь в своем ответе старосте мстиславскому Ивану Соломерецкому приказал следить за порядком в замке, чтобы не был подорван авторитет и престиж шляхты. По существующему закону эти действия рассматривались как самоуправство, и противоречили нормам отправления земской службы [6, с. 150–151].

Критический анализ источников дает возможность исследователю подробно изучать тексты документов, из которых видно, что витебские послы на Виленском сейме 1563 г. говорили королю о необходимости ремонта различных помещений и самого внутреннего замка, который находится в разрушенном состоянии. И это при том, что в прошлые годы за счет собранных денежных податей под руководством королевского подстолия эта работа частично была проделана «...плотом и глиною обваловал...», то есть стены замка были обиты деревянной дранкой и оштукатурены глиной. Сверху эта поверхность покрывалась белой известью. Создавался вид белокаменного монументального сооружения. Что касается внешних оборонительных сооружений, то на их ремонт денег не хватило, так как собранные средства ушли на погашение долгов в господарский скарб. Шляхтичи продолжают просить у великого князя разрешения на сбор ратных людей из пределов всей волости и отправления их на ремонтно-строительные работы в Витебск, так как со стороны р. Двины город не имеет укреплений. Сигизмунд-Август распорядился, чтобы подстолий витебский организовал в замке неотложные работы, привлекая для этого необходимые силы [6, с. 193].

Далее шляхта просит, чтобы в Витебский и Суражский замок прислали порох, пули и прочие запасы. На эту просьбу государь ответил, что для

снабжения гарнизонов необходимо городничему Петру Киселю, который отвечает за ремонт и обеспечение замков, прибыть в Вильно и с господарским городничим оговорить, какой боекомплект нужен для защиты крепости [6, с. 193].

В рамках этих рассуждений следует указать на то, что еще в начале XVI в. северо-восточное направление ВКЛ оставалось сравнительно спокойным. По свидетельству инвентарной записи витебского замка от 1506 г. видно, что в пользовании гарнизона находилось боевых зарядов не более чем для защиты от посягателей на феодальную собственность, лесных разбойников. И только по распоряжению великого князя в замок было доставлено две пушки, два бочонка пушечного пороха, полбочки пороха для ручного оружия, два фунта селитры, десять кусков свинца. Из продовольствия в наличии было две бочки ржаной муки и несколько голов живого скота и птицы [7, с. 4–5].

Учитывая трудности эпохи, витебские бояре и шляхта на сейме 1565–1566 гг. просят у господаря прислать для несения гарнизонной службы казаков. А великий князь в своем ответе сослался на необходимость содержания этих людей за счет горожан. При этом жалованье надо было положить на каждого казака по шесть польских золотых и по куску простого сукна [6, с. 193–194]. Жители Витебска жаловались господарю, что их феодальному хозяйству нанесен значительный ущерб от произвола наемных солдат. Сигизмунд-Август рассматривая эти проблемы, указал пути их устранения. Так например, ротмистры должны были следить, чтобы их жолнеры не грабили мирное население, а покупали у них за деньги необходимый фураж и продовольствие. Если на марше или сборе войска шляхтич нарушал общественный порядок в имениях шляхетских сирот и вдов, то в качестве наказания ему предписывалось платить штраф,

установленный законом [8, с. 3–14]. А если войска испытывают потребность в недостатке продовольствия, то надо отправить в Борисов и Могилев «шпихлеров» – скупщиков провизии, для обеспечения воинских подразделений необходимым провиантом. Сами солдаты имеют право покупать продукты питания по той же цене, по какой их скупил «шпихлер», «...давати в пенязях по тому, по чому до шпихлеру скупають...» [6, с. 194–195]. Для поддержания сил гарнизона витебский войт Степан Лускин доставил в Витебск из Борисова жита и другой провиант «... и к тому сто быдло, которое, ничего не мешкаючи, там пригнано будет...» [6, с. 195].

Что касается производства и продажи водки, то решением сейма было вынесено постановление запретить торговлю этим продуктом, производить только для личных надобностей. «...То к потребным, горелку выгубил, иж бы ее там никто палити и шинковати не смел, только если кому потреба, в доме своем маєть ховати на свою властную потребу, а не шинк». В целях санитарной безопасности и стабильной эпидемической обстановки великий князь предписывал жителям Витебска сохранить небольшой водоем в городе для запасов питьевой воды «...а у возерку вода иж бы для уживанья людем смогла быти ухандожона» [6, с. 195–196].

На Городенском сейме 1567 г. было принято решение о том, чтобы «листы сеймовые», отправленные к шляхте в поветы, оглашались на рыночной площади возле храмов. На этом же сейме шляхта всего княжества просит Сигизмунда-Августа, чтобы грамоты из господарской канцелярии выдавались не на латинском и польском языках, а на русском. На что был дан одобрительный ответ, что, королевские грамоты будут писать «...русским письмом и языком по всему панству» [9, с. 275].

Данный период в истории ВКЛ характеризуется как время отсутствия особых противоречий между православными и католиками. Верующие двух конфессий были признаны Статутом 1529 г. как христиане «латинского и греческого обряда» [10, с. 112]. Однако

католическая магнатория ВКЛ проявила стремление к политическому союзу с Польшей. Сигизмунд-Август утвердительно вынес решение заключить унию с Короной. Еще на Виленском сейме 1565–1566 гг. было высказано мнение назначить единый польско-литовский сейм, делегатам которого предстояло решить судьбу политического союза ВКЛ и Польши. Если сенаторы сейма такое предложение одобряют, то прекратится проведение общегосударственных сеймов ВКЛ [11, с. 738].

В это время Виленским привилеем 1565 г. были установлены поветовые предсеймовые сеймики, а с принятием Статута 1566 года было принято решение проводить перед вальным сеймом, поветовый сеймик для выбора делегатов за четыре недели до общего сейма [11, с. 738–739; 12, с. 615–616; 13, с. 498]. Порядок созыва поветовых представителей на сейм был примерно таким: из великокняжеской канцелярии рассылались по всему государству специальные посыльные, которые развозили господарские грамоты «листы» в поветы, с сообщением о предстоящем сейме. Документы, выходящие из канцелярии, для лучшей удостоверенности скреплялись печатью и подписью ответственного лица [14, с. 21]. Надо полагать, что великий князь дал согласие на создание минипредставительств для шляхты, руководствуясь тем, что служилые люди пожелают сохранить свои права участвовать в обсуждении государственных дел. Было очевидным, что на новом польско-литовском сейме после принятия унии будет доминировать католическая, в том числе польская, шляхта. И чтобы снизить накал страстей недовольной православной шляхты, господарь учредил поветовый сеймик.

Учитывая, что сеймовые сессии почти ежегодно сменяли друг друга, можно определить мотивы и цели,

представленные шляхтой всех земель ВКЛ господарю на Городенском сейме 1568 г. В частности, новогрудский воевода сообщает великому князю, что городские укрепления обветшали и пришли в негодность «...до к грунту есть опалый...» необходимо провести срочные ремонтно-восстановительные работы. На что господарь дал ответ: «...Водле стародавнего обычаю, – и листы о том с канцелярии его милости господарской выданы будут...» [6, с. 488]. Из Минска воевода также просил у государя помощи на ремонт замковых укреплений. Сигизмунд распорядился подготовить и выдать соответствующие, документы из господарской канцелярии, разрешающие проведение работ. Это свидетельствует о хорошей организации делопроизводства в центральном аппарате государственного управления ВКЛ [15, с. 127–128]. Кроме этого станы сейма поднимали вопрос о хранении книг земского суда, а также сборах и хранении государственных податей в виде монетно-металлической массы [6, с. 488–489].

Гродненская шляхта просила не отнимать шляхетские имения по причине неслужения в войске, и если можно, в качестве компенсации, внести за это деньги. Также служилые люди просили об отмене таможенных пошлин за проезд через реки со слуг шляхты и за отмену пошлины за провоз соли. На все эти просьбы государь рекомендовал смотреть ранее принятые постановления сеймов, где были оговорены различные нормы в отношении провоза товаров и таможенных выплат [6, с. 489–490].

Далее сеймовые делегаты из Лиды просили у великого князя разрешения, чтобы земские суды были расположены на территории замка. Государь в своем ответе сослался на новый Статут 1566 г., где все это было указано.

Из содержания сеймовых постановлений видно, что на сессиях обсуждались важные вопросы политического и социально-экономического характера. Одной из важнейших задач сенаторов было обсуждение вопроса о Ливонской границе и объединении Ливонии с

княжеством. В подтверждение верности ливонского населения правительству ВКЛ все жители этой страны должны были присягнуть на верность Сигизмунду-Августу.

В целом на сеймах 60-х гг. XVI в., как и на предыдущих, шляхта стремилась удовлетворить свои сословные интересы, как это было всегда. Дело дошло даже до того, что, стремясь к личной независимости, держатели земли во владениях господарского домена выдвинули требования о получении широких вольностей и привилегий за службу в рядах посполитого рушения, т.е. служить, кому пожелают, однако государь эти требования шляхты отклонил. Это и многое другое свидетельствует о том, что верховная власть в ВКЛ еще хотела удержать своих подданных в зависимом положении и в рамках существовавшего закона [6, с. 497].

Заключение. В завершение следует отметить, что великокняжеской власти становилось трудней отказывать воз- раставшим потребностям шляхты, которая к 60-м гг. XVI в., накопив солидное состояние и осознав значение собственного сословия, начинает более активно и решительно выступать с требованиями к власти. Однако удовлетворить их порой немисли- мые имущественные потребности было не-возможно. Такие отношения могли только дестабилизировать внутривителитическую ситуацию в стране и создать предпосылки, ведущие не только к ослаблению верховной власти, но и к дальнейшей гибели всего государства Речи Посполитой.

Литература

1. Любавский, М.К. Новые труды по истории Литовско-русского сейма / М.К. Любавский // Журнал Министерства народного прос-вещения. – СПб., 1903. – Ч. II. – С. 379–393.
2. Люблинская, А.Д. Структура сословного представительства в

- средневековой Франции / А.Д. Люблинская // Вопросы истории. – 1973. – № 1. – С. 100–113.
3. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния, 1848. – Т. 3: 1544–1587. – 356 с.
4. Якубовский, И.Б. Земские привилегии Великого княжества Литовского / И.Б. Якубовский // Журнал Министерства народного просвещения. – М., 1903. – № 4, 5. – С. 277–284.
5. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV–XVI вв.: сб. материалов / подгот. И.И. Яковкин. – Л.: Госуд. соц.-экон. изд-во, Ленинградское отд., 1936. – 153 с.
6. Документы Московского архива Министерства юстиции / предисл. М.В. Довнар-Запольского. – М., 1897. – Т. 1: Тексты актов Литовской Метрики. – 570 с.
7. Любавский, М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута. – М.: Унив. тип., 1892. – 884 с.
8. Статут Великого княжества Литовского 1529 года: текст, перевод и словарь-комментарий / под ред. К.И. Яблонского. – М.: Изд-во АН БССР, 1960. – 253 с.
9. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археологическою комиссией: в 39 т. – Юрьев, 1872–1927. – Т. 30: Литовская Метрика. Отделы 1–2. Ч. 3: Книга Публичных дел. – Т. 1 / под ред. И.И. Лаппо. – 1914. – 881 с.
10. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X–XVII стст.): манаграфія / І.А. Марзалюк. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2002. – 324 с.
11. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм. Опыт из истории учреждения в связи с внутренним строением и внешнею жизнью государства / М.К. Любавский. – М.: О-во истории и древности рос. при Моск. ун-те, 1900. – 850 с.
12. Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя: у 2 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. З.Э. Герасімовіч. – 2-е выд. – Мінск: БелЭН, 2007. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – 792 с.: іл.
13. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития / В.И. Пичета. – М.: Изд-во АН СССР. – 815 с.
14. Уваров, И.Ю. Вальные сеймы Великого княжества Литовского в XVI веке и их регламентация / И.Ю. Уваров // Весн. Віцебск. дзярж. ун-та імя П.М. Машэрава. – Віцебск, 2000. – № 1. – С. 20–23.
15. Груша, А.І. Канцылярыя Вялікага княства Літоўскага 40-х гадоў XV – першай паловы XVI ст. / А.І. Груша. – Мінск: Беларус. навука, 2006. – 215 с.

Поступила в редакцию 15.04.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2:008

О «большом стиле» и романтизме

© Бородин В.М.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье раскрываются некоторые интуитивно-категориальные аспекты становления тоталитарной культуры, ее связь с такими феноменами, как романтизм и «большой стиль». Отражена специфика проявления данного предмета в культурах Античности, Нового времени и современности. Обоснован факт пробуждения романтических настроений в связи с востребованностью жизненного синтеза в периоды, следующие за эпохами расчленения. Обозначены внутренние противоречия романтизма, в частности, с одной стороны – стремление к целостности, духовной полноте, внимание к народности, с другой стороны – неприятие всякого универсализма, доходящая до отчаяния склонность к цинизму, одиночество. На примере творчества А.А. Блока и других представителей русского романтизма показана возможность пересечения художественных интуиций с тенденциями тоталитарного типа.

Ключевые слова: тоталитаризм, личность, романтизм, «большой стиль».

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 117–125)

On “big style” and romanticism

© Borodich V.M.

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

The article presents intuitive and category aspects of setting up totalitarian culture, its link with such phenomena as romanticism and “big style”. Specific character of the manifestation of this subject in antique, New age and contemporary cultures is reflected. The author gives grounds for the fact of the revival of romantic moods in connection with the requirement of life synthesis in periods following the epoch of splitting. Inner contradictions of romanticism are exposed: namely, striving to the unity, spiritual completeness, attention to tradition and people reorientation, on the one hand, and rejection of the official universalism, cynicism, loneliness, on the other. On the example of A.A. Block’s works and representatives of Russian romanticism the author shows the possibility of the intersection of artistic intuitions and the tendencies of totalitarian type.

Key words: totalitarianism, personality, romanticism, “big style”.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 117–125)

Леворадикальные авторы предостерегают от соблазна утверждать, будто с падением режимов компартий, повсеместным «разгосударствлением» и утверждением режимов представительной демократии и неолиберализма можно заявлять о преодолении тоталитарных тенденций. С одной стороны, они говорят «неолиберальном тоталитаризме» как но-

вейшей системе господства, которая гибко воздействует на уровне манипулирования общественным сознанием. С другой, они предупреждают, что «реакцией на неолиберальный хаос экономического дерегулирования может стать новая диктатура с сильными профашистскими чертами» [1]. В эпоху сложнейших глобализационных

Адрес для корреспонденции: Московский пр-т, д. 64, кв. 136, г. Витебск – В.М. Бородин

процессов, сопровождающихся кризисом всех сфер бытия, когда реальная дезинтеграция скрещивается со стремлениями к восстановлению целостности, важно очертить не только социально-политические и психологические параметры тоталитаризма, но и выделить их метафизические составляющие. Мы попытаемся осмыслить этот феномен, акцентируя внимание на базисных интуициях и онтологических категориях, отвлекаясь от прочих факторов.

Цель данной статьи – определение соотношения между некоторыми метафизическими императивами, побуждающими к проявлению тоталитарных тенденций и такими культурообразующими понятиями, как романтизм и «большой стиль».

Материал и методы. Объектом исследования являются кризисные эпохи в истории культур, образцы философского и поэтического творчества. За основу принята культурологическая концепция А.Ф. Лосева. Используются общелогический и диалектический методы.

Результаты и их обсуждение. Обоснован тезис об активности проявления романтических настроений в эпохе синкретизма, когда смешиваются основные интуиции и требуется жизнеутверждающий синтез разъединенных прежде начал.

Очевидно, что тоталитаризм вызван каким-то нарушением в отношении между целым и частью. Если часть выдается за целое, она начинает ломать все существо организма. Тогда угроза исходит не со стороны целого, а со стороны части, «возомнившей» себя целым. Но возомнить себя чем-то может только разумное существо. Личность не есть просто вещь или организм и ее отношение к миру вещей (в частности – отчужденность) во многом зависит от того, как человек понимает саму личность.

Отношения человека с миром существенно меняются, начиная с эпохи Возрождения. Как и в Средние века, они строятся на принципе (интуиции) личности. Впрочем, сначала речь идет

лишь об утверждении иной модификации этого принципа. Средневековая цивилизация строилась на интуиции Личности трансцендентной. Интуиция Возрождения есть интуиция личности имманентной, человеческой. В Христианстве человек также признается личностью (автономной и субстанциальной), но причастной Богу. С Возрождения доминанта в отношениях между двумя модусами основной интуиции смещается в сторону человека. Просвещение, в рамках которого собственно и совершается новый проект, вносит в существо базисного принципа ряд поправок.

Основная «формула» личности – единство субъекта и объекта. Единство это возможно как в субъекте, так и в объекте (а также – как субъект и как объект). Так, античной модели соответствует второе, а возрожденческо-просвещенческой – первое. Поскольку христианство понимает Бога как Троицу, дополнительно возникает вопрос не только об отношении сущности и энергии, но и об отношении природы и сущности. В Троице нет ни субординации, ни объекта, ни субъекта. Абсолютная личность – выше всякого противопоставления. А категории субъект и объект как раз и выражают противостояние. В Троице три Лица пребывают нераздельно-неслиянно. Как и две природы – во Христе. В природе божественного единства – Любовь. В мире – иное.

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –

Быть может спаяно железом лишь и кровью...»

Но мы попробуем спаять его любовью, –

А там увидим, что прочней...

Произнося эти строки, Ф.И. Тютчев (романтик!), конечно, понимал, что пробовать – еще не значит достигать.

Личность окончательно не схватывается никакой логикой. Ни формальной, ни даже диалектической.

Все проблемы (как в негативном, так и в позитивном смысле) связаны именно с личностью. Проблема тоталитаризма не есть проблема исключительно отношения целого и части. Это – проблема личности. Нет личности – нет проблемы (маленькая поправка к известному тезису). Есть ощущение, что нас кто-то подталкивает к отказу от личности. Тоталитаризм есть попытка уничтожения личности, и демократия (любая!) не является панацеей от подобных предприятий.

Проблема обостряется в момент богооставленности, неизбежной с изменением доминанты в самой интуиции личности. А точнее: в момент смешения интуиций личности и вещи. Ответственность же за такое смешение несет уже не столько Возрождение, сколько эпоха, следующая за ним. Гуманисты «подвинули» Бога. Просветители используют Его как понятие (уже начиная с Декарта). В итоге природа превращается в объект властных упражнений и домогательств, а человек сводится к гипертрофированному субъекту: познания, действия и т.д.

На наш взгляд, столь чудовищная расщепленность целостности, какая она есть сегодня, оказалась возможной именно с переворотом в интуиции. Неоязычники могут во всем обвинить отход от интуиции Вещи. Постмодернисты будут «копать» глубже и вызывать к интуиции Становления (в духе буддизма). Но человек никогда не откажется от интуиции личности, поскольку сам есть личность и вызван к бытию Личностью же, а не появился вследствие только эманации или эволюции. Отказавшись от этого, можно лишь переносить данную интуицию на что угодно: вещь, материю, народ, понятие и т.п. Иными словами – творить кумира.

Мир эпохи Возрождения был настолько пронизан личностными отношениями, что сам становился реальной субстанцией, «именно областью человеческого чисто артистического творчества, а не выдумкой, порожденной человеческим воображением». Люди еще не знали, к чему приведут их иллюзии о свободе отдельной человеческой личности. «Вся природа представлялась им каким-то

огромным организмом и какой-то личностью с внутренними переживаниями, внешнее выражение которых доставляло человеку бесконечную радость и какое-то созерцательно-самодовлеющее удовольствие» [2, с. 381–382].

Это уже романтизм, но еще не трагический. Между ним и романтизмом «буржуазным» лежит Просвещение, с его опытом конструирования на базе не только обновленной интуиции, но и разного рода смешений.

В античности интуиция личности была достаточно слабой. Самого себя человек понимает как вещь. Раб – говорящее орудие. Свободный – вещь организующая, управляющая, мыслящая. «...Аристотель доказывает, что раб, являясь собственностью господина, является его частью и составляет с ним нечто целое, а будучи его частью, он получает от этого и свою пользу, и что противоположность господина и раба разлита по всей природе. Из этого необходимо сделать также и тот вывод, что благосостояние господина есть цель деятельности раба. Ведь мировой Ум тоже есть цель для всего существующего и живет только постольку, поскольку к нему все стремится» [3, с. 729].

Разве это – не Тоталитаризм? Господин отождествляет себя с Умом – принципом целостности, Целью-цельностью. Происходит гипертрофия части, возводимой к самому Целому. Но задает всю эту структуру интуиция Вещи, а не Личности. Интуиция чувственно-телесная, а не духовная.

Впрочем, неверно полагать, что в образовании античного тоталитаризма (точнее – его модели) участвует лишь интуиция Вещи. Речь должна идти, опять-таки, о синкретизме, в котором мощная интуиция доминирует над слабой, едва прорезающейся. Да и интуиция Личности в эпоху поздней классики не так уж и слаба, по сравнению с предшествующими эпохами. И если Платон колеблется между идеалами раннего рабовладельческого полиса и до-

полисной общины, то Аристотель – яростный поклонник рабовладения, и его колебания происходят в рамках уходящего полиса и надвигающейся империи.

Поскольку Аристотель исходит из первоначальной художественной интуиции, мы имеем своего рода романтизм, с точки зрения которого все мировое целое есть художественное произведение. «У романтиков нового времени тоже все одушевлено, все осмысленно и все производит на нас художественное впечатление. Однако первоначальная интуиция романтизма, заставляющая его строить одушевленную и разумную вселенную, полную жизни и красоты, понимает все телесное отнюдь не буквально, но вполне лично, то есть метафорически...» [3, с. 736].

Из сказанного не следует, что романтизм Нового времени вовсе чужд тоталитаризму. Синкретизм интуиций вещи и личности присущ и Возрождению, и абсолютистскому «Большому стилю» галантного XVII века, и романтическому бунту против классицизма, и неоромантизму конца XIX – начала XX в., не говоря уже о генетически близких неоромантизму двух тоталитарных системах прошлого века, каждая из которых дала свой «Большой стиль».

Для Лосева социалистическая идея была органичным развитием идеи буржуазной. Они вместе противостояли для него средневековому мировосприятию и были порождением единого духа Нового времени. «Платоновский тоталитаризм в социально-политической сфере органично замкнул собой свойственную Новому времени гипертрофию земного субъекта, как это произошло в самой античности, тоже знавшей и свое Просвещение, и своего Ницше. Прямо по Достоевскому: исходя из безграничной свободы, Новое время заключило безграничным насилием» [4, с. 937].

Правда, высокая классика античности предлагала лишь модели тоталитарного устройства общества. Аристотель дает теорию того, что мы теперь называем чисто классическим стилем. Этот стиль –

ясный, исключаящий холодность, нехаотический, в меру сжатый, в меру длительный, соответствующий действительности, в меру патетический. «Можно попросту сказать, что под именем стиля Аристотель рисует знакомый ему классический стиль, в котором пафос и необычность умело соединены с ясностью, мерой и общедоступностью» [3, с. 616].

Романтизм обыкновенно рассматривается как оппозиция классицизму, предваряемая сентиментализмом. Общим местом стало связывание с романтизмом особого интереса к окружающей действительности, заключающегося в противопоставлении реального мира идеальному, в утверждении другомирия. За романтизмом следуют реализм, натурализм и модернизм. Все это – стили. Причем не только сугубо литературные, художественные, но и общекультурные, определяющие весь образ жизни. Поскольку романтизм так или иначе соотносится с классицизмом, придется кое-что уточнить и в отношении последнего. В частности: можно ли в нем видеть тот «Большой стиль», который в дальнейшем распадается и не может обрести достойного преемника до сих пор?

Так, в модернизме отсутствует единство, необходимое для стиля как такового. Скорее это – разноречивый «стилей». Постмодернизм и вовсе не вяжется со стилем. Сошлемся на трактовку Н.С. Автономовой: «Постмодернизм есть мировоззрение *fin de siècle*, то есть тип чувствования, умозрения или позиция игрового перебирания культурных вариантов предыдущих эпох, размывание границ, рамок между видами, рядами, формами культурной деятельности, когда в эклектические соединения вступают не лирика и эпос, не позиция и живопись, а наука, искусство, философия и религия» [5, с. 19]. Стирание человеческой индивидуальности, ее распыление заходит здесь настолько далеко, что остается

говорить лишь о стилизации.

Романтизму же тесны всякие рамки, в том числе и стиля. «Что-то воздуху мне мало – ветер пью, туман глотаю, / Чую с гибельным восторгом: пропадаю! Пропадаю!». Если стиль, – как полагал Ж. де Бюффон, – это человек, то в романтизме чувствуется претензия на сверхчеловека. Порыв к целостности приводит к размыванию едва ли не всех жанровых границ. В отличие от модернистов, часто не дотягивающих, не добирающих до планки, позволяющей признать у них наличие стиля (не «большого», а хотя бы не сводимого к стилизации), романтизм, в сущности, есть нечто гораздо большее, чем просто стиль, и потому ближе к «Большому стилю», ближе к Классике, чем сам классицизм.

В отношении классицизма представляется, что и он есть лишь стилизация под Классику. Вспомним эпоху Античности. Ранняя Классика, средняя, высокая. Затем – эллинизм. Эллинизм и есть античный классицизм, т.е. стилизация.

Вот какими терминами пользуется Ю.М. Бородай, говоря о Классике уже Нового времени: «классика самого буржуазного общества – раннее Возрождение», «ранняя классика буржуазной культуры – Возрождение». «Буржуазная культура не создала собственно «большого стиля». Но она сумела стилизовать культуры всех эпох и народов, и не столько стилизовать .., но каждую из них она превратила в свой “идеал”». Отправной пункт всей эволюции буржуазной культуры – рождение оторвавшегося от всякой (будь-то «натуралистической» или «спиритуалистической») целостности «частного» человека, признающего единственной реальностью собственный интерес [6, с. 15–24].

Человек эпохи Возрождения (еще не «буржуа»!) стремился удержать ту трехчленную структуру личности, которую открыло христианство: единство тела, души и духа. Античность ничего подобного не знает! Там человек есть единство души и тела (с приматом

чувственно-телесной интуиции). Но человек Возрождения желает устоять в духовной целостности без Бога (не будучи атеистом). Желает вполне реализовать эту целостность здесь, на земле, в этой жизни (а для этого приходится «реабилитировать» тело, представляя дух имманентным ему). С точки зрения христианства подобная реализация была единственной (Иисус Христос – Богочеловек). Остальные – лишь по причастности (по Августину, человек есть личность субстанциальная и моральная, но моральная не автономно). Гуманисты решились на субстанциальность без моральности, вернее – без нравственности, ибо автономная мораль не есть нравственность.

Проект срывается! Начинается смешение интуиций вещи и личности. Человек Просвещения – рационалист. Здесь уже нет той целостности, которую наследовал человек Возрождения. Дух сводится к разуму, а сам разум, неизбежно, – к рассудку. Страдает чувство. Колеблется воля. Человек расщепляется. Отныне вся его целостность обеспечивается лишь в понятии, абстрактно. Мнимая целостность. Пожалуй, классицизм как раз и утверждал эту мнимую, виртуальную цельность.

Отсюда вполне понятна реакция сентиментализма: ставка на чувственность, надежда обрести на ее основе утраченную целостность. На деле же предлагается все та же абстрактная односторонность, все в тех же рамках. При наличии настоящего «большого стиля» рамкой является мир, естество или – Бог. В Новое Время рамкой становится сначала сам человек (пытается стать!), а затем – техника, его произведение. Искусство Античности не было техникой. Оно вписывалось в каноны античной практики как ремесло, наряду со всяким другим ремеслом. С вывертами и смешениями в базисных интуициях начинается фетишизация Искусства (в узком и широком смыслах). Мир

сначала выхолащивается, сводится к голой объектности, к картине. Затем происходит фетишизация. Фетишизаций («обрамлений», кумиров) – легион.

На что настроен, что ищет в такой ситуации (не обязательно осознанно) романтизм? «А он, мятежный, просит бури, / Как будто в бурях есть покой!». Романтизм стремится к целостности: утраченной, истовой, обновленной. И стремится из жуткого одиночества, покинутости. Просвещение явило собой эпоху великих расчленений, главным из которых оказалось жесткое разделение субъекта и объекта. Напомним, что сама личность как раз и есть единство S и O. А.Ф. Лосев предлагал еще и метафорическое определение личности как вещи, вывернутой наизнанку. За расчленениями требуется синтез, причем не абстрактный, и даже не конкретно-спекулятивный (как у Гегеля), а самый что ни на есть жизненный. Мыслью можно дойти до самых тонких различий, нанося при этом раны живой действительности. Тою же мыслью раны можно попытаться и залечить. Но при этом возникают проблемы с восстановлением жизнеспособности организма. Не помогает и обращение к чувственности. Решившийся стать Богом субъект пытается втиснуть дух в границы имманентного. В итоге вместо Неба и Души он получает две бездны, две дыры. «Бог умер!» (в обеих исторических вариациях).

Кто-то пытается, затыкая дыры разного рода абстракциями, вымалывать у этих затычек блага. А.Ф. Лосев писал по этому поводу так: «Находятся даже поэты, которые воспевают эти бесконечные мировые «просторы», на самом деле равносильные самому обыкновенному сумасшедшему дому. Говорят: никак не могу помыслить, что мир имеет пространственную границу». Получается «пошлейший нигилизм и религия дыромоляйства» [7, с. 226]. Кто-то впадает в последнее уныние или такой цинизм, что античные киники могут «отдыхать». Романтизм же полагается на Свободу или, точнее, на свободную волю – волю, ничем

не стесняемую. Такая свободная воля жаждет Духа, она и есть дух, но в его «богооставленности». Трагедия!

Вот как характеризует религиозное сознание, присущее романтизму XVIII–XIX вв. Т.В. Литвинова: «Чтобы сохранить кажущуюся гибнущей религию, романтик старается спасти веру в сверхъестественное вообще: он защищает и утверждает «суеверия», стремится иметь личный мистический опыт, пытается оформить (по-новому) пространство, «населить» его фантастическими существами.

Происходит обезличивание Бога: либо отождествление его с мировым законом (неизвестной судьбой), либо «растворение» его в природе. Потеряв активного Бога, который был заинтересован в их судьбах, люди поневоле становятся активными сами, пытаясь повлиять на свою и чужую жизнь. Так как христианская мораль, как составная часть теистической религии, также поколеблена, активный деятель не имеет четких моральных ориентиров и идет на риск... Получается парадоксальная ситуация: безличность Бога заставляет человека брать на себя максимальную ответственность и максимально проявлять свой потенциал, который опасен. То есть человек уподобляется теистическому Богу (или Богочеловеку), принимая его обязанности, и таким образом проявляет свою опасную, дьявольскую природу» [8, с. 127–128].

Яркая характеристика! Выскажем небольшое замечание. Романтизм, весьма вариативный в религиозном отношении – это точно не уходящий в позитивизм деизм и не стилизация под пантеизм. Все слишком серьезно и именно трагично.

Порой в оценках романтизма присутствует много восторгов, стилизованности под сентиментализм. Получается какая-то розовая «романтика». Но романтизм имеет и иные оттенки.

В XX веке на арене истории схлестнулись две стихии, природа коих так или иначе связана с романтизмом:

революция, вдохновляемая и взнуздываемая идеями «левых» и революция «консервативная», ведомая традиционалистами. Последнюю кому-то удобнее именовать «реакцией», да еще с уточнением – «фашистской». Особенно «повезло» здесь А.А. Блоку. «Юность – это возмездие» – таким эпиграфом из Ибсена вступает Блок в свою поэму. Вот как он передал собственное восприятие предреволюционных лет: «Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был ямб. Вероятно, поэтому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого ямба, отдаться его упругой воле на более продолжительное время» (Предисловие к поэме «Возмездие»). Ямб пушкинского «Евгения Онегина», ямб блоковского «Возмездия»... Пушкин начинал свою поэму, стремясь цинично разделаться со своим юношеским романтизмом, но затем плавно перешел к реализму стиля. При обсуждении особенностей романтического «стиля» – такая «перестройка» в творчестве великого поэта весьма значима. В поэме же Блока явственно то, что существо поэтического творчества не сводимо к проблеме стиля, а романтизм выходит за рамки всякой субъективности. Однако, в чем же «повезло» Блоку в контексте упомянутого выше раздвоения романтизма?

А.В. Бурьяк, модералист и мизантроп, как он себя сам называет, начинает свое повествование о Блоке так: «Александр Блок – это глыба. Навязанные в школе рамки рассмотрения этой личности возмутительно скрадывали ее масштаб. Мне пришлось открывать для себя Блока заново. И обнаружился мыслитель. Он брался за немногие проблемы и не очень много об этих проблемах написал, но то, что написано, зачастую великолепно» [9]. Некоторых почитателей Блока смутит перечень отмеченных автором достоинств поэта: Варварист. Традиционалист. Фашист. Мизантроп... То, что Блок – не либерал, очевидно. Гений и либерализм –

куда несовместимее, чем гений и злодейство. Но почему – фашист?

Напомним, что рупором итальянского фашизма являлся теоретик футуризма (т.е. один из виднейших модернистов) Маринетти, а первым итальянским фашистом был не Муссолини, а Габриэле Д'Аннунцио – поэт и писатель, безусловно, романтического склада. Поэт – далеко не рядовой. Если кто-то возразит, что Д'Аннунцио был прожженным циником, то и в этом нет особого противоречия.

Кто жил и мыслил, тот не может

В душе не презирать людей;

Кто чувствовал, того тревожит

Призрак невозвратимых дней:

Тому уж нет очарований,

Того змия воспоминаний,

Того раскаянье грызет. // «Евгений Онегин»

Не каждый романтик способен в своей эволюции изжить присущий ему заряд цинизма. Пушкин смог, многие другие – нет.

А. Мёллер так пишет о природе фашизма: «...на провал обречены все попытки понять суть фашизма ..., сводящие его к голой теории, так же, впрочем, как и попытки ограничить его определенными социальными слоями. В этой сфере политики отношение к понятию является инструментарным, косвенным, задним числом изменяющимся. Предшествует решение о жесте, ритме, короче: «стиле». ... Бенну (Готфрид Бенн) нравится в футуризме то, что тот переступил через «ограниченную психологию натурализма, прорвал прогнивший массив буржуазного романа и, благодаря сверкающей и стремительной строфике своих гимнов, вернулся к основному закону искусства: творчеству и стилю»... холодный стиль, стремительность, блеск, великолепие...» [10]

«Холодный стиль» – одна из ключевых меток фашизма. Мы полагаем, что это и есть романтизм, но крайне разочарованный и крайне

политизированный. Что касается Блока, то вряд ли большевики очаровали поэта, но и «белую реакцию» он не принял. А что в белом движении были фашистские настроения – факт. Еще до Харбина, до Несмелова и Родзаевского – хотя бы у корниловцев.

«Романтизм для Блока – это «душа», «дух» (в поздних статьях, в связи с укрепившейся нелюбовью к «психологизму», Блок явно предпочитает «дух» «душе»), внутренняя «стихия» творчества. Блок резко противопоставляет романтизм искусству описательному, искусству, собирающему плоды лишь с поверхности явлений ... главное – душа народа и вообще дух, душа мира, которую поэт призван выразить» [11].

И совершенно созвучное этому бунинское:

*Знал поэт: опять весною
Будет смертному дано
Жить отрадою земною,
А кому – не все ль равно!
Запах лавра, запах пыли,
Теплый ветер... Счастлив я,
Что моя душа, Вергилий,*

Не моя и не твоя. // «У гробницы Вергилия»

Причем, для И.А. Бунина такое настроение вообще является основным. И выразил он свое кредо в поэзии за-долго до написания Блоком «О романтизме» (1919). «Охлажденность», проце-женность каждого слова, отвращающая некоторых любителей поэзии сухость – все это у Бунина еще выразительнее, чем у Блока.

*Ищу я в этом мире сочетанья
Прекрасного и вечного.*

Вдали Я вижу ночь: пески среди молчанья

*И звездный свет над сумраком земли.
А вот итоговое:*

*Ледяная ночь, мистраль
(Он еще не стих).*

*Вижу в окна блеск и даль
Гор, холмов нагих.
Золотой недвижный свет
До постели лег.*

*Никого в подлунной нет
Только я да Бог.*

Знает только он мою

Мертвую печаль

Ту, что я от всех таю...

Холод, блеск, мистраль. // «Ночь»

Но не причислять же и Бунина (конечно – романтика!) к какой-либо разновидности тоталитаризма, хотя с мёллеровским определением «фашистского стиля» совпадение – едва ли не буквальное.

«В XVIII веке философия окончательно обездушивает мир и жизнь, но именно на пороге XVIII и XIX веков – в тот момент, который Шпенглер считает н а ч а л о м умирания западной культуры – начинается кризис реакции против этого духа «новой истории»... Величайший объективный трагизм переживаемой нами эпохи состоит в том, что поверхность исторической жизни залита бушующими волнами движения, руководимого духовно-отмирающими сила-ми ренессанса, а в глубинах жизни, еще совершенно бездейственно и уединенно, назревают истоки нового движения, которому, быть может, суждено сотворить новую культуру, искупив основное грехопадение ренессанса» [12, с. 53]. Почти век спустя после выказанных в данном суждении С.Л. Франком надежд на оздо-ровление культуры приходится констати-ровать, что надежды эти до сих пор, мягко говоря, не оправдались.

Заключение. «Большие стили» России эпохи Сталина и Германии эпохи Гитлера можно рассматривать как грандиозную стилизацию, к которой причастны (не более того, но и не менее) интуиции романтизма. Сам романтизм, будучи больше, чем стилем, отличался и склон-ностью, и способностью к блестящим стилизациям. В любом случае, нельзя ста-вить знак равенства между тоталита-ризмом, с одной стороны, и романтизмом (и даже настоящим «большим стилем»), с другой. Кроме того, тоталитаризм может подстергать нас и на современном этапе эволюции человечества, ступившего на путь

сомнительного единения в угоду глобализации. С претензиями неоллибералов многое уже ясно. Анархизм и постмодернизм, при всей своей радикальности, – также не способны предложить что-то целительное. Романтизму же, как вечному страннику, лишь остается снова поднимать свой парус.

Литература

1. Дамье, В. Леворадикальная критика тоталитаризма / В. Дамье // Сайт Bakunista.
2. Лосев, А.Ф. Эстетика возрождения / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1978. – 623 с.
3. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А.Ф. Лосев. – М.: Фолио, 2000. – 880 с.
4. Гоготышвили, Л.А. Платонизм в зазеркалье XX века, или вниз по лестнице, ведущей вверх / Л.А. Гого-тышвили // А.Ф. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.
5. Автономова, Н.С. Возвращение к азам / Н.С. Автономова // Вопросы философии. – 1993. – № 3.
6. Бородай, Ю.М. Древнегреческая классика и судьбы буржуазной культуры / Ю.М. Бородай // Лосев А.Ф. История античной эстетики (ранняя классика). – М.: Высшая школа, 1963. – 584 с.
7. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
8. Литвинова, Т.В. Религиозная ментальность в культуре западноевропейского романтизма: заключение: автореф. дис... канд. филос. наук: 09.00.13. – Ростов н/Д, 2004. – 144 с.
9. Мыслитель Александр Блок // Персональный сайт А.В. Бурьяка.
10. Мёллер, А. Фашистский стиль // Золотой лев. – 1999. – № 5–6. – www.zlev.ru.
11. Гусев, В.И. Александр Блок // Московский вестник. – № 2. – 2008.
12. Франк, С.Л. Кризис Западной культуры / С.Л. Франк // Освальд Шпенглер и Конец Европы. – М.: Берег, 1922. – 95 с.

Поступила в редакцию 7.04.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 130.2:2

Учение об обитании святого духа в человеке в богословии кардинала Ива Конгара и его оценка с точки зрения православного богословия

© Булыко И.П.

**Санкт-Петербургский православный институт религиоведения
и церковных искусств, Санкт-Петербург**

Кардинал Ив Конгар (1904–1995) – французский католический богослов, консультант Второго Ватиканского Собора. Будучи хорошо известным на Западе, он неизвестен, к сожалению, русскоязычному читателю. Богословие кардинала Ива Конгара достаточно хорошо освещено в западной литературе, однако, к сожалению, на русском языке по данному автору никаких исследований нет; труды данного автора также не переведены на русский язык. Однако творчество кардинала Ива Конгара имеет важное значение для богословия, так как оно направлено на поиск взаимопонимания между Восточной и Западной Церквями.

Антропологическая пневматология – один из аспектов сотериологии – учения о спасении. Антропологическая пневматология кардинала Ива Конгара утверждает две вещи: важность богословия для учения о человеке и важность антропологии для учения о Боге. Это учение имеет влияние Фомы Аквинского. Наше обожение понимается кардиналом Ивом Конгаром как усыновление Богу. Оно совершается Святым Духом через Его обитание в праведной душе. В статье представлено учение кардинала Ива Конгара об обитании Святого Духа в человеке и дана оценка данного учения с точки зрения православного богословия.

Ключевые слова: пневматология, обожение, Ив Конгар, томизм, антропологическая пневматология.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 126–134)

The doctrine on the habitation of the Holy Spirit in the human in the theology of cardinal Yves Congers and its evaluation by Orthodox theology

© Bulyko I.P.

**St. Petersburg Orthodox Institute for Religious Studies and church art,
St. Petersburg**

Cardinal Yves Congers is a French Catholic theologian, a consultant of the II Vatican Council. Being well-known in the West he isn't known for the Russian-speaking reader. His theology is presented in the West very well, but there are no investigations in Russian, his books are not translated into Russian. However his activity has a great meaning for the dialogue between the Eastern and Western Churches.

Anthropological pneumatology is one of the aspects of the soteriology – the doctrine of the salvation. Anthropological pneumatology of Cardinal Yves Congers confirms two things: the importance of the theology for the doctrine about the man and the importance of the anthropology for the doctrine about God. This doctrine is influenced by the theology of Thomas Aquinas. Our deification is understood by Cardinal Yves Congers as affiliation to God. It is preformed by Holy Spirit through His habitation in the soul of the righteous man. The aim of this article is to present the doctrine of Cardinal Yves Congers of the habitation of the Saint Spirit in the human and to appreciate this doctrine from the Orthodox point of view.

Key words: Pneumatology, deification, Yves Congers, Thomism, anthropological pneumatology.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 126–134)

Адрес для корреспонденции: 15-я Василеостровская линия, д. 2, 119034, г. Санкт-Петербург – И.П. Булыко

Антропологическая пневматология является одним из разделов сотериологии – учения о спасении. Именно сотериология отвечает нам на вопрос о смысле жизни христианина, о ее конечной цели, а также на вопрос о средствах к достижению этих целей. Это учение есть один из аспектов большого раздела богословия: пневматологии. Пневматологическая антропология указывает на возможность для человека Богообщения и Богопознания, а следовательно и спасения. Цель данной статьи – представить учение кардинала Ива Конгара об обитании Святого Духа в человеке и дать оценку данному учению с точки зрения православного богословия.

Результаты и их обсуждение. Учение кардинала Ива Конгара об обитании Святого Духа как принципе человеческой жизни сформировано под влиянием богословия Фомы Аквинского. Обитание Святого Духа в душе человека, согласно кардиналу Иву Конгару, – это особый образ присутствия Бога, где Бог присутствует как объект любящий и любимый, познаваемый и познающий. Это присутствие касается только разумных тварей, поскольку они одни способны знать и любить Бога. Особенность этого образа присутствия заключается в том, что Бог присутствует в разумной твари личным образом. Он обитает в разумных тварях как друг со своим другом, как невеста с женихом, как отец со своими чадами. Кардинал Ив Конгар говорит о том, что «Это присутствие сверхъестественное и обоживающее, предполагает присутствие пространственное. Бог, уже присутствующий своими действиями творения субстанционально (Его действие есть Он Сам), но только как причина бытия и действия, дается и становится предметом знания и любви, как предмет нашего обращения к Нему, как к Отцу. Это присутствие личностное: Бог не только в нас, но с нами и мы с Ним» [1].

Фома Аквинский так говорит об этом образе присутствия Бога в «Сумме теологии»: «Выше обычного и общего образа, согласно которому Бог обитает во всех вещах своей сущностью, своей силой

и своим присутствием, как причина в действиях, которые причастны Его благодати, есть другое, особое присутствие, присущее только разумным существам, в которых Бог, присутствуя как познаваемый и любимый объект, есть существо, которое познает и любит. Вследствие того, что разумное существо может восходить к Богу через знание и любовь, и Его постигать в себе, следуя этому особому образу присутствия, Бог присутствует в разумном творении, обитая в нем как в своем храме» [2].

Этот особый образ присутствия Бога в разумном творении можно объяснить только при помощи освящающей, или хабитуальной (от слова *Habere* – имею, обладаю) благодати. Именно эта благодать делает нас детьми Божиими. Она совершает наше усыновление Богу. Привлеченные ко Христу силой Святого Духа, мы становимся сынами и дочерьми Божиими в самом реальном смысле этого слова. Согласно кардиналу Иву Конгару, «быть братом Иисуса – это не юридическое и не нравственное понятие. Название сынов усваивается нам по отношению к вечному Сыну... Мы воистину сыновья в Истинном Сыне...» [3].

Речь не идет здесь об усыновлении по природе, которое возвышает нас до равенства с Богом. Мы не становимся Самим Богом, но становимся Божественными, потому что реально и мистически участвуем в природе Самого Бога, благодаря присутствию Самого Бога в нас. Залог Божественной жизни заложен в нашу душу. И этим залогом является Святой Дух, который обитает в нашей душе. И таким образом наше усыновление есть усыновление благодати.

Благодаря действию освящающей благодати человек может ощущать присутствие Бога в своей душе как реальный объект знания и любви. Благодать обращает нас к Богу таким образом, что мы можем прикасаться к Нему и владеть Им через знание и любовь. По словам кардинала Конгара, «бог делает нас объектом

знания и любви. Это сверхъестественный дар благодати. Бог дается нам Сам так, что мы Им владеем. Именно сам Бог есть в нас предмет знания и любви» [4].

Освещающая благодать есть тварная реальность в нас, отличная от личности Святого Духа, которого кардинал Ив Конгар называет также Нетварной Благодатью, или Нетварным Даром. Святой Дух подается вместе с тварными дарами благодати, которые понимаются кардиналом Ивом Конгаром как расположения, посредством которых их носители становятся способными к получению Самого Божественного Лица. Тварные дары необходимы для того, чтобы возвысить человеческую душу до такой степени, чтобы она стала способной к постижению Самого Бога. В человеческих существах благодать есть условие для возможности получения Божественных Лиц. Именно Божественное Лицо дарует эту благодать, поскольку Божественное Лицо есть конечная цель благодати.

По мнению кардинала Конгара, только освещающая благодать как источник веры и любви, объясняет миссию Божественного Лица. Миссии Божественных Лиц, согласно кардиналу Иву Конгару, являются продолжением вечного Их происхождения. Поэтому, если существует вечное исхождение Святого Духа, должно быть также и временное исхождение того же Духа. «Святой Дух, будучи посланным от Отца и Сына, продолжает в своем временном домостроительстве, видимом, или невидимом, тайну своего превечного происхождения» [5]. Это дает право кардиналу Иву Конгару отнести действие обитания Святого Духа в душе человека к невидимому домостроительству этого Божественного Лица.

Кардинал Конгар подчеркивает, что Божественная Миссия происходит тогда, когда принимающий ее может наслаждаться не только тварным даром, но и Самой Личностью. «Поскольку благодать есть сверхъестественный дар, с которым дается Сам Бог, обитание в нас Божественных Лиц следует за даром

благодати, с наслаждением Его присутствием» [4, р. 18]. Когда Святой Дух посылается в освещающей благодати, Он реально даруется личности, которая владеет и наслаждается Им.

Наслаждаться или владеть Божественными Лицами – значит быть связанными с Божественными Лицами как с объектом знания и любви. Именно обитание Святого Духа в нас приводит нас к владению Богом через наслаждение. Бог дарует Себя нам таким образом, что мы Им владеем. Приходя в душу для того, чтобы соединиться с ней, Бог владеет ей, обитает с ней, в ней, также, как и она с Ним и в Нем.

Однако, говоря о том, что Святой Дух обитает в душе человека, кардинал Ив Конгар указывает на то, что и другие Лица Святой Троицы обитают в ней. Данный аспект он выражает через богословие усвоения (по-латыни *appropriatio*).

Усвоение есть практика, посредством которой Божественные свойства, Божественные имена или Божественные действия, которые абсолютно общи Божественным Лицам (а следовательно Божественной сущности), относятся к Богу Отцу, Сыну или Святому Духу. Фома Аквинский определяет усвоения как проявление Божественных Лиц посредством существенных свойств.

Методология кардинала Конгара по поводу усвоения была основана на убеждении абсолютного равенства Святого Духа с Богом Отцом и Иисусом Христом. «То, что Божество делает вне себя, есть дело, общее Трем Лицам. Не существуют действия природы или сущности, которые предшествуют Лицам, и в каком-то смысле независимы от них. Именно личности действуют, но согласно и через свое Божество, которое обще Им, поскольку они единосущны, а также в силу того, что они внутренне присущи один другому – то, что называется перехорезис. Мы не можем отнести

никакое действие Святому Духу независимо от Отца и Сына» [3, р. 360].

В своей книге «Тайна храма» он говорит, что «невозможно отнести какое-либо тварное действие к одному Лицу, при этом исключая другое. Отец и Сын совершают дела из вне, которые усваются и Святому Духу, поскольку все общее в Божественных Лицах, за исключением того, что первый – Отец, второй – Сын и третий – Святой Дух, а также порядок, согласно которому Три Божественных Лица существуют, поскольку этот порядок проистекает из отношений, которые Их определяют как Лица. Богословие признает такой поход, когда какое-то существенное свойство или действие извне усваются одному Лицу, не для того, чтобы исключить другие Лица, но по причине схожести с ипостасным свойством и из склонности нам внушать свойство каждого Лица» [6].

Что касается личного обитания Бога в нас, то оно, согласно учению кардинала Ива Конгара, усваются Святому Духу, но не является Его личным свойством в техническом тринитарном смысле слова. Поскольку действие, производимое благодатью, обще Трем Божественным Лицам, то никакое Лицо не обитает в нас одно, но вся Троица обитает в нас одновременно. Божественные Лица присутствуют в человеке нераздельно.

Божественное обитание, как и все Божественные действия, начинаются с Бога Отца и происходят через Бога Сына во Святом Духе. «Пришествие Божества в человека основывает это обращение человека в Святом Духе через Сына к Отцу. В этом действии все Три Лица действуют совместно. Три Лица приходят совместно, каждый согласно своему порядку и своему ипостасному свойству. Их общее действие овладевает душой, которую Они освящают в Божестве, усваивая ее каждой ипостаси» [3, р. 360]. Святая Троица есть причина освящающей благодати, однако благодать усваивается Святому Духу вследствие родства, которое она имеет с личным свойством Святого Духа, таким, как Любовь и Дар Отца и Сына.

Кардинал Ив Конгар постоянно подчеркивал, что дар Святого Духа есть предвкушение нашего эсхатологического участия в Божественной вечной жизни: «нужно наконец вспомнить об эсхатологическом характере нашего Божественного усыновления, о даре Святого Духа и о реальности Божественной в нас. Благодать есть зародыш славы, что мы имеем Святого Духа только в зачатке. Результат будет тот, что Бог будет все во всем, это будет близкое Присутствие и лучезарное, полное, такое, что не опаляет никого. Горящая купина Моисея есть образ этому: он горит, и Яхве присутствует, но не опаляет» [7].

Мы наслаждаемся здесь, в состоянии благодати, Святым Духом как началом жизни вечной. Благодать Божия есть жизнь вечная в зачатке здесь, а там – в полном свершении. Она нам сообщает блага, на которые мы надеемся, что с ними и через них небо уже в наших сердцах. Давая этот залог в душу христианина, который очищает его, оправдывает его, делает новым творением, Бог только приготавливает ее к некоему более высокому дару, к некоему более совершенному обожению. Это только при-готовление к высшему благу, предва-рительное расположение к общению Святого Духа, приходящего лично в праведную душу, в сопровождении Отца и Сына, и объединяющийся с ней непосредственным образом как объект знания и любви. Он располагает нас ко владению Богом, здесь реальным, хотя и непостижимым образом.

Слава, или совершенная благодать, в будущей жизни позволит нам наслаждаться Святым Духом как совершенным плодом. Этим совершенным плодом является слава Божественная. Слава не будет состоянием, существенно отличным от состояния благодати. Она будет только апогеем, свершением высшего действия. Но уже в этой жизни

начинается наше обожение, и мы владеем Святым Духом как залогом нашего блаженства.

В будущей жизни душа будет созерцать без пелены, будет владеть в полноте радостью того, кто есть истина и высшее благо. Именно в момент, когда Бог явится во всей своей славе, так что мы полностью будем Ему подобны, потому что мы Его увидим таким, каков Он есть. Мы будем жить Его жизнью. Мы будем участвовать в Его блаженстве, ибо жизнь Бога состоит в том, чтобы знать себя и любить себя, а блаженство состоит в том, чтобы наслаждаться Им самим. Святой Дух, который обитает в этой жизни, в нашей душе, есть залог нашего будущего блаженного видения. Таково вкратце учение отца Ива Конгара об обитании Святого Духа в человеке.

Данное учение выявляет с точки зрения православного богословия несколько проблем, которые связаны с различием в понимании Востоком и Западом учения о благодати, о Святой Троице, об обожении человека.

Для богословия обитания Святого Духа в человеке кардинала Ива Конгара, который находится под влиянием Фомы Аквинского свойственно неразличение в Боге непознаваемой Божественной сущности и сообщаемых твари Нетварных Божественных Энергий. А как отмечает православный богослов Жан-Клод Ларше в своей книге «Богословие Божественных Энергий», «Вопрос о различии Сущности и Божественных Энергий, а также природы последних является камнем преткновения в вопросе отношения между Востоком и Западом» [8].

Как следствие этого, можно видеть следующее.

Во-первых, вместе с Фомой Аквинским кардинал Конгар утверждает, что миссии Божественных Лиц – это продолжение их вечного происхождения. Отсюда делается вывод, что Святой Дух, будучи посланным от Отца и Сына, продолжает в своем временном домостроительстве, видимом, или невидимом, тайну своего превечного происхождения.

Православное богословие четко разделяет две области (область икономии и собственно богословия) вследствие того, что признает в Боге Три ипостаси, Непостижимую Сущность, а также Нетварные Божественные Энергии. По словам В.Н. Лосского, данное различие «позволяет православному богословию держаться различия Триипостасного бытия в Себе и общесущностного проявления бытия вовне ... Святые Отцы четко различали два различных модуса: модус бытия ипостасного и модус бытия проявляющего» [9].

Западное богословие смешивает аспект внешнего действительного проявления в мире с аспектом внутреннего бытия Пресвятой Троицы в Себе Самой. «Разница между двумя этими аспектами та, что, по учению Восточной Церкви, внутритроичные отношения не определяются волей, но воля определяет внешние действия Божественных Лиц по отношению к тварному. Эта воля есть общая воля трех Лиц; поэтому в миссии в мире Сына и Духа Святого каждое из трех Лиц действует совместно с двумя другими: Сын воплощается, но как посланный Отцом, и облекается в плоть с содействием Святого Духа; Дух Святой исходит, но ниспосылается от Отца через Сына» [9, с. 240]. Если же не иметь в виду различие этих двух аспектов, то можно прийти к Западному учению о *Filioque* – об исхождении Святого Духа от Отца и от Сына, к которому и пришла римокатолическая Церковь и которое противоречит преданию церкви.

Во-вторых, еще одним следствием является учение об освящающей благодати.

Томистское богословие, представителем которого является и кардинал Ив Конгар, не может принять энергийных проявлений в Троице, поскольку это может нарушить Божественную простоту. Отношение в Святой Троице не характеризует личность, но отождествляется с ней. Тем самым обосновывается логическая

необходимость простоты сущности. Бог мыслится доступным только как объект логического истолкования, как перводвигатель, сам по себе непостижимый и представляющий собой чистую энергию. Его бытие должно быть тождественно самореализации сущности. Мир – причинное следствие перводвигателя. Поэтому о благодати представители томизма предпочитают говорить как о тварном эффекте, об акте воли, который подобен акту творения. Поэтому и освящающая благодать в богословии кардинала Ива Конгара носит тварный характер. Поэтому учение о Нетварных Божественных Энергиях не может быть воспринято полностью им, как нарушающее Божественную простоту.

Западное богословие устанавливает различия, между светом славы – тварным и светом благодати – тоже тварным, как и между другими элементами «сверхъестественного порядка», такими, как благодать, оправдывающая и освящающая. Как отмечает православный богослов Жан-Клод Ларше, «для христианского Востока неприемлемо понятие тварной благодати в силу того, что тварная благодать не может допустить истинного обожения, потому что она не может заставить выйти творение из своего положения, или образа тварного бытия, и только участие в благодати Нетварной, или в Нетварной Божественной Энергии, может позволить человеку воистину стать богом по благодати» [8, p. 17].

Восточное богословие «не знает промежуточной фазы «сверхъестественного порядка» между Богом и тварным миром, обусловленной учением о тварной благодати на Западе, которое включает в себе идею причинности, так что благодать представляется следствием Божественной причины, подобным акту творения. Для восточного богословия это – природное излияние энергий, извечно излучающихся от Божественной сущности» [10]. «Бог существует одновременно и в Своей сущности и вне Своей сущности (в энергиях). Если же мы будем отрицать реальное различие между сущностью и

энергиями, то бытие Бога и Его дела представляются тождественными и сотворение мира также следует отнести к акту природному и, соответственно, необходимому» [10, с. 47]. С точки зрения православного богословия, «благодать – это не только некая функция; она больше, чем отношение Бога к человеку; она отнюдь не действие или результат, который Бог производит в душе человека; она – Сам Бог, Себя сообщающий и входящий в неизреченное соединение с человеком» [11]. И уже исходя из этой позиции, мы должны говорить о Благодати как Нетварной Божественной Энергии.

Православное богословие указывает нам на то, что именно посредством благодати, которая есть Нетварная Божественная Энергия, Бог обитает в человеке. Оно не отождествляет благодать ни с одним из Божественных Лиц. Об этом говорит Владимир Николаевич Лосский: «Так же, как и Лица, энергии – не элементы Божественной сущности, которые можно было бы рассматривать порознь, отдельно от Пресвятой Троицы, ибо они – общее Ее проявление и превечное Ее сияние. Они не являются и «акциденциями» (συμμερῆκοι) природы в качестве чистых энергий и не предполагают в Боге никакой пассивности. Они также и не ипостасные существа, подобные трем Лицам. Нельзя даже приписать какую-нибудь энергию исключительно одной из Божественных Ипостасей, хотя мы и говорим о Сыне как об «Отчей Премудрости и Силе». Можно было бы сказать, пользуясь общепринятым термином, что энергии – это атрибуты Божества».

Учение о Святом Духе как о Нетварном Даре происходит из учения блаженного Августина и Фомы Аквинского о том, что Святой Дух есть Любовь и взаимный Дар. Именно этой Любовью любят себя во внутритроичной жизни Отец и Сын, и через эту Любовь Они обитают в

разумных тварях как объект любящий и знающий, любимый и познаваемый. Именно этот Дар Они даруют друг другу, и этот Дар Они даруют разумному творению. Отсюда делается вывод, что Святой Дух обитает в человеке лично. «В противоположность западному богословию, учение Восточной Церкви никогда не определяет отношений между Лицами Пресвятой Троицы названием каких-либо Ее атрибутов. Никогда не скажут, например, что Сын происходит по образу разума, а Дух Святой – по образу воли. Святой Дух никогда не уподобляется любви между Отцом и Сыном. В тринитарном психологизме блаженного Августина можно видеть скорее образную аналогию, нежели положительное богословское учение, выражающее соотношения Божественных Лиц» [12].

Обозначения Личности Святого Духа как взаимного Дара и взаимной Любви Отца и Сына есть своего рода антропоморфизм, привнесенный во внутритроичную жизнь. Это своего рода перенесение тех отношений, которые существуют между людьми в лоно Пресвятой Троицы. Такие выражения, как наслаждаться, владеть есть также следствия данного антропоморфизма. Употребляя антропоморфизмы, мы должны всегда помнить, что они не являются адекватным выражением той реальности, в которой пребывает Бог. Это всего лишь некие аналогии с человеческими свойствами, качествами, служащие для того, чтобы как-то приблизить наше понимание к тому, Кто есть Бог. А как отмечает В.Н. Лосский: «Святой Дух, Который для западных богословов является «связью между Отцом и Сыном», означает природное единство двух первых Лиц. Ипостасные свойства (отцовство, рождение, исхождение) оказываются более или менее растворенными в природе или сущности, которая как начало единства Святой Троицы становится дифференцированным соотношением: соотносясь к Сыну – как Отец, к Святому Духу – как Отец и Сын. Отношения,

вместо того, чтобы отличать Ипостаси, с Ними отождествляются» [12, с. 231]. Западный подход грозит тем, что может умалить значение личности в Святой Троице.

Различие же православным богословием непознаваемой Божественной Сущности и Познаваемых Божественных Энергий имеет очень важное значение для мистической жизни христианина, для жизни с Богом и жизни в Боге. При помощи Божественных Энергий мы можем познавать Бога, который всецело непознаваемый в Своей Сущности, но который познается в Своих Нетварных Энергиях. При помощи учения об Энергиях мы можем объяснить и то, как Бог присутствует реально в нас. Бог-Троица присутствует в нас Своими Божественными Энергиями, которые сообщаются нам Святым Духом. А получая Божественные Энергии, мы становимся обителем Святой Троицы, которая реально присутствует в нас. Кроме того, различие в Боге Сущности и Энергии является основой православного учения о благодати. «Соединение, к которому мы призваны, не есть ни соединение ипостасное, как для человеческой природы Христа, ни соединение сущностное, как для трех Лиц Пресвятой Троицы. Это соединение с Богом в Его энергиях, или соединение по благодати, «причащающей» нас Божественному естеству без того, чтобы наше естество стало от этого естеством Божественным» [12, с. 250]. Становясь богами по благодати, мы остаемся тварными, так же, как Христос, став человеком по воплощению, оставался Богом. Эти реальные различия Божественной Сущности и Божественной Энергии не вносят в Божественное существо никакой сложности, но говорят о тайне Святой Троицы, живущей в Своей славе, которая есть Ее вечное Царство, в которое должны войти все **те, кто унаследует обожение будущего века.**

Помимо неразличения в Боге Нетварных Божественных Энергий, вторым критическим моментом в богословии отца Ива Конгара является вопрос о Святом Духе как эсхатологическом даре.

Как отмечает богослов Мирра Лот-Бородин, западное богословие ставит акцент только на блаженстве одной души, которая без плоти достигает вершин знания и любви. «Телесное воскресение, нерв эсхатологической мысли теряет в западном богословии свою значимость и действенность». Это касается также и богословия кардинала Ива Конгара, который делает акцент на душе человека, которая будет созерцать Бога в будущей жизни. Анализируя данный аспект, можно задаться вопросом: какое место отводится в этом учении телу человека. Ведь изначально он был создан Богом как единое целое. Сам факт Боговоплощения говорит о том, что Господь Иисус Христос, воспринял Тело человека для того, чтобы и это тело участвовало в процессе обожения, чтобы и тело стало причастным Божественной жизни. Учение же кардинала Ива Конгара делает акцент только на душе человека, все остальные составляющие оставлены без внимания.

В православном богословии, напротив, тело преображенное и воскресшее будет участвовать в созерцании Бога. Архимандрит Киприан (Керн) отмечает, что «в мистическом процессе духовной жизни именно важно озарение божественною силою, благодатью Святого Духа не только ума, но и всех способностей человека, всего его сложного психофизического существа. Совершается процесс всецелого обновления человека. Всем своим бытием человек участвует в этом, и всем существом погружается в лучи божественного света, сияющего на него с небесной высоты. Тело, как и ум, и воля, и чувство, содействуют друг другу в процессе этого обожения». Тело не есть помеха для воспитания души, а сотрудник духа. Оно уже здесь призвано участвовать в неизреченных благах и освящаться; призвано помогать душе.

Но несмотря на все критические моменты в богословии обитания Святого

Духа в человеке кардинала Ива Конгара, это богословие имеет и свои положительные стороны. Кардинал Ив Конгар особенно акцентирует внимание на богословии усвоения, которое, во-первых, показывает единосущие Лиц Святой Троицы, а, во-вторых, оно настаивает на единстве действия Божественных Лиц. Богословие усвоения четко разграничивает существенные свойства, которые общи для Трех Лиц, а также ипостасные свойства, которые свойственны какому-то одному Божественному Лицу, но при этом не свойственны другим Лицам. Этот богослов ярко показывает то, что Единый по Своему существу Бог, но Троичный в Лицах участвует в деле нашего спасения. Ни одно Божественное Лицо не исключено из тайны нашего спасения, но Божественные Лица действуют в неразрывном единстве.

Заключение. Данное богословие имеет важное значение для сотериологии, так как утверждает то, что для человека является возможным – Богообщение. Человек способен иметь общение с Богом, познавать Его, любить Его, быть причастником Божества и храмом живущего Духа Божия, который соединяет нас с Троицей. Святой Дух является залогом вечной жизни, которая откроется в будущем веке, где мы увидим Бога, по словам святого апостола Павла, таким, каков Он есть.

Все это может служить основой для православно-католического диалога, целью которого является взаимное ознакомление двух традиций богословия, а также устранение тех преград, которые разделяют Восток и Запад вплоть до настоящего времени.

Литература

1. Congar, Y., o.p. Je crois en l'Esprit Saint, Paris, Les Editions du CERF, 2002. – P. 360–361.
2. Thomas d'Aquin Summe de la Théologie, 1, 43, 3. P. II. – Paris, 1995. – P. 567.

3. Congar, Y., o.p. Je crois en l'Esprit Saint, Paris, Les Editions du CERF, 2002. – P. 366.
4. Congar, Y., o.p. Le Saint Esprit dans la theologie thomiste d'agir morale // L'agir morale, Napoli, 1974. – P. 18.
5. Congar, Y., o.p. Esquisse du Mystere de l'Eglise, Paris, 1953. – P. 76.
6. Congar, Y., o.p. Le mystère du Temple, Paris, 1958. – P. 234.
7. Groppe, E.T. Yves Congar's theology of the Holy Spirit, Oxford University Press, 2004. – P. 233.
8. Larchet, J.-C. La theologie des Energie Divines, Les editions du Cerf. – Paris, 2010. – P. 3.
9. Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. – М., 1991. – С. 227.
10. Завершинский, Г. Свящ. Дух дышит, где хочет / Г. Завершинский. – СПб.: Алетея, 2003. – С. 90.
11. Лосский, В.Н. Богословие света в учении святителя Григория Паламы / В.Н. Лосский // Богословие и боговидение. Издательство Свято-Владимирского Братства. – М., 2000. – С. 89.
12. Лосский, В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / В.Н. Лосский. – М., 1991. – С. 232.

Поступила в редакцию 21.09.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 321.01

Генезис государства как проблема социальной науки и философии

© Голубев С.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Исследуется одна из ключевых и наиболее дискуссионных тем современной социальной науки и философии – проблема происхождения государства. К анализу привлекается релевантный социологический, политантропологический и исторический материал. Дается характеристика сущности становящегося государства опирающаяся на новейшие результаты конкретно-эмпирического изучения социально-политической организации различных сообществ доколониальной Африки других предгосударственных и раннегосударственных образований первичной формации. Рассматриваются теоретические положения о природе государства преобладающие на сегодняшний день в политогенетических исследованиях. Подвергается критике представление о государстве как «аппарате насилия», орудии эксплуатации. Показывается ограниченность специально-научных методов изучения происхождения и сущности государства. Государство и необходимость разработки новых концептуальных подходов к его пониманию. Обосновывается тезис о том, что государство изначально имеет сакральное основание, а его происхождение есть не дискретное событие, а своего рода континуум. Показано также, что государство играет в целом положительную роль в социальной динамике, а его становление осуществляется на базе теснейшей взаимосвязи религиозно-культурной и политической сфер жизни общества.

Ключевые слова: институт управления, социальная организация, эксплуатация, сакральное государство, легитимность.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 135–142)

Genesis of the state as a problem of social science and philosophy

© Golubev S.V.

Educational establishment "Vitebsk State University named after P.M. Masherov", Vitebsk

One of the key and most discussed problem of modern social science and philosophy is studied – the problem of the origin of state. Relevant sociological, political and anthropological as well as historical material is considered in the analysis. The essence of the formation of state based on the latest results of definite empirical studies of social and political structure of different communities of pre-colonial Africa, of other pre-state and early state primary formations is characterized. Theoretical postulates of the nature of state, which prevail nowadays in political and genetic studies, are considered. The idea of state as "apparatus of violence", a tool for exploitation is criticized. Restriction of special scientific methods of studies of the origin and essence of state is stated. State and the necessity for the development of new conceptual approaches to its understanding. The idea of state originally having sacral basis and its origin being not a discrete event but a kind of continuum is grounded. It is also shown that, on the whole, state plays positive role in social dynamics and its growth is based on most tight connection of religious and cult as well as political spheres of the life of the society.

Key words: institution of management, social structure, exploitation, sacral state, legitimacy.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 135–142)

Адрес для корреспонденции: e-mail: Vanya2010@list.ru – С.В. Голубев

Для современного состояния научных и философских исследований проблемы происхождения государства характерно отсутствие единого теоретико-методологического подхода к пониманию сущности этого феномена. Показательна в этом отношении оценка современных государствоведческих теорий данная Э. Гидденсом, утверждающим, что «Адекватная “теория” традиционных или современных государств не может походить на большинство теорий, господствующих в литературе наших дней» [1]. Более того, по словам того же авторитетного исследователя даже «термин “государство” является весьма неопределенным» [1, с. 342]. Такая теоретическая и терминологическая неопределенность естественным образом отрицательно сказывается на продуктивности как философского, так и конкретно-научного изучения проблемы генезиса государства. В связи с этим, цель настоящей статьи – критический анализ и философское осмысление релевантных результатов специально-научных, прежде всего, политантропологических и исторических исследований для того, чтобы способствовать прояснению понятия «государство» и формированию адекватных концептуально-теоретических представлений о его происхождении и сущности.

Результаты и их обсуждение. Говоря о конкретных результатах политантропологических исследований государственности, следует, прежде всего, отметить, что в политантропологии, не существует критериев различения догосударственной и государственной стадий общественного развития. Этот факт, в качестве одного из определяющих нынешнее состояние политантропологической науки, констатируется уже в «Предисловии» к сборнику «Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности». Там сказано: «Более 20 лет назад О.С. Томашевская в своей статье («Изучение проблемы генезиса государства на африканском материале». – *С.Г.*), ставшей уже классической для отечественной

потестарно-политической этнографии (политической антропологии) констатировала отсутствие критериев определения того момента, с которого верховная власть и органы управления обществом приобретают качество государственных, и, соответственно, ставила перед исследователями как ближайшую задачу установление этих критериев. Однако и по сию пору эта, одна из самых дискуссионных политогенетических проблем не потеряла своей актуальности» [2]. Здесь надо сказать о том, что проблема критериев государственности вполне закономерно остается дискуссионной. По существу, она вообще не может быть разрешена исключительно в рамках политантропологии. Как известно, всякое научное исследование (и наблюдение в том числе) осуществляется в рамках определенной концептуальной схемы. В данном случае – это особенно важно, ибо дискуссия идет не столько о «факте», сколько о понятии: о том, что *считать* государством. Соответственно критерии государственности не могут быть *найжены* эмпирически, в результате описания различных сообществ, а могут быть лишь *установлены конвенционально* на базе логико-теоретического конструирования понятия и философского осмысления феномена государства. Эмпирические исследования могут только подтвердить или опровергнуть (прямо или косвенно) ту или иную концептуальную схему. Поскольку в социальной науке и философии нет концептуально-теоретического единства в понимании государства, постольку проблема «критериев государственности» не может не быть дискуссионной и в политантропологии.

Впрочем, бесперспективность таких «внутриполитантропологических» дискуссий похоже начинает осознаваться и самими политантропологами, подтверждением чего являются их суждения. Так,

Н.Н. Крадин, например, в специальной обзорной статье, посвященной проблемам политогенеза, пишет: «Проблема Критериев, отличающих догосударственные институты от государственных относится к разряду вечных [3]. Другой теоретик политантропологии Э.С. Годи́нер, начинает свою работу «Политическая антропология о происхождении государства» с утверждения, что «происхождение и природа государства – проблема из категории “вечных”» [4]. С этим мнением солидаризируется и П.Л. Белков, цитирующий высказывание Годи́нер в своей статье, посвященной поиску критериев государственности [5].

Указанная работа Годи́нер носит обзорный характер и заслуживает поэтому специального рассмотрения. Сказав о «вечности» проблемы происхождения государства, Годи́нер справедливо замечает, что «Государство в конечном итоге – это и есть специализированный институт управления обществом, необходимо возникающий на определенной стадии его эволюции» [4, с. 51]. Но далее она переходит к менее обоснованным утверждениям. По ее мнению: «насилие становится конститутивной чертой государства, а конфликт власти и народа – основным содержанием исторического процесса» [4, с. 51].

Характеризуя западную политантропологию, она сообщает, разделяя эту точку зрения, что «существует также согласие в том, что обмен услугами между управляющими и управляемыми в раннегосударственных обществах носил неэквивалентный характер: власть всегда брала себе больше, чем ей причиталось за выполнение ею организационных функций... Тем самым никто не оспаривает, что государство обнаруживает себя как институт эксплуатации (подчеркнуто нами. – С.Г.) большинства меньшинством» [4, с. 68–69]. Нам трудно судить о том, чем руководствуются ученые, соглашающиеся, что «власть всегда брала себе больше» и не оспаривающие то, что «государство обнаруживает себя как институт эксплуатации», но мы можем со всей

определенностью сказать, что достаточных объективных оснований у подобных мнений нет. И дело даже не в том, что эмпирические факты говорят скорее об обратном. Здесь можно вспомнить и об обычае потлача, распространенном практически у всех народов и об универсальном правиле первобытности «дающий выше берущего». Принципиально другое: чтобы иметь возможность говорить об «эксплуатации», надо не «согласиться в том», а доказать, что «власть всегда брала себе больше, чем ей причиталось», строго говоря, представить конкретные проверяемые расчеты. Прежде всего, необходимо рассчитать, сколько, собственно, «причитается» власти за «выполнение организационных функций». Только на базе таких расчетов может быть объективно установлена «неэквивалентность» обмена. Но и такое доказательство, даже если оно и было бы возможным не давало бы достаточных оснований для утверждений об «эксплуатации». «Эксплуатация» предполагает принудительность, «навязывание воли» и т.п., а посредством внешнего наблюдения далеко не всегда можно вынести объективное суждение о добровольности или недобровольности действий индивида А «сверхэквивалентно» воздающего индивиду Б за услуги по выполнению организационных функций. Заметим, кстати, что «неэквивалентный обмен», на постулировании которого построено понимание государства как института эксплуатации, есть просто превращенное наименование, «экономический аспект» *несправедливости*. Не что иное, как *справедливость* оказывается, таким образом, ключевым понятием концепций, утверждающих «эксплуататорскую» сущность государства. Так оценка казалось бы экономических отношений, опирающаяся *вроде бы* на некую объективность («неэквивалентный») оказывается, по существу своему, оценкой моральной, точнее

морализаторской, лишь мимикрирующей под объективную.

Все это общие рассуждения, а конкретно, система власти в ранних государствах, как показывают эмпирические исследования, была построена на сакральном основании, что делает, мягко говоря, маловероятными предположения о том, что управляемые и управляющие, «обмениваясь услугами», думали, прежде всего, об «эквивалентности» обмена. Тем более, что ни те, ни другие, наверняка не располагали объективным критерием определения таковой, да и не ставили во главу угла экономические отношения. Подобная постановка вопроса есть пример подстановки современного, именно либерального мышления, считающего объективными, действенными, в «конечном счете» только экономические факторы, на место традиционного. Следует отметить, что «услуги» власти по выполнению «организационных функций» не имеют и не могут иметь «эквивалента». Они, если угодно, «бесценны», ибо невыполнение организационных функций «эквивалентно» распаду общества. Вот это как раз можно *рассчитать* и резюмировать в виде уравнения: «общество» минус «исполнение организационных функций» = нулю.

Происхождение государства, на наш взгляд, может и должно быть понято, прежде всего, как процесс, своего рода континуум, а не как дискретное явление. Если «из ничего не бывает ничего», то можно предположить, что в рамках социальной организации любого, способного к развитию автономного общества содержится некий «зародыш» государственности. Логически и эмпирически обосновано предположение, что государство изначально не *надстраивается* над обществом, а возникает, *конституируется* в процессе развития, усложнения социальной организации и, соответственно, форм управления, власти в обществе. Гидденс говорит: «Как правило, государственные институты не развиваются на базе уже созданного более или менее неизменного «общества» [1, с. 343]. Исходя из этого, государство не

может быть понято и эмпирически найдено как нечто «приставленное» к обществу, как некое «аппаратное добавление» к социальной организации. Акцент должен быть сделан не на фиксации дискретных стадий (племя, вождество, суперсложное вождество, государство), которая в принципе не может быть избавлена от субъективизма, а на определении сущности государства, установлении имманентных обществу и индивиду оснований и факторов развития государственности.

Если государство является высшей формой властной организации, установления социального порядка в обществе в целом, *развивающейся* из низших форм, то можно вполне обоснованно предполагать, что власть в государстве, как и власть в родовом обществе, опирающаяся на культ предков, также имеет экстраутилитарно-ценностное, сакральное основание. Будучи логически оправданным, это предположение находит и весомое эмпирическое подтверждение в политантропологических исследованиях.

В качестве характерного примера приведем работу Н.Б. Кочаковой, специально посвященную осмыслению специфики раннего государства. Кочакова начинает с констатации: «...целый ряд исследователей показали, что путь через монополизацию функций общественного управления общинной верхушкой, то есть зарождение государства при отсутствии частной собственности на основное средство производства, является скорее нормой, чем исключением в доколониальной Африке» [6]. Далее она пишет: «Имея в виду специфику раннего государства, я бы, прежде всего, отметила такие присущие ему признаки, как сакральный характер власти правителя (подчеркнуто нами. – С.Г.) и редистрибуцию», – и еще, – «Легитимность власти в раннем государстве основана на сакральных

свойствах правителя, на вере в его сверхъестественные способности обеспечивать благоденствие страны и народа» [6].

Кочакова дает четкую и содержательную характеристику общих принципов социально-политического устройства раннего государства: «Первичной ячейкой государства был семейно-родовой коллектив, в который кроме живых включались и умершие, и нерожденные поколения. Таким группированиям принадлежали государственные посты, земельные угодья, право отправлять жреческие функции и т.п. В категориях и терминах родства выражались и отношения власти в процессе руководства и управления социальным организмом в целом. Сакральное государство (раннее государство), которое было по своей сущности не только политическим образованием, но и религиозно-культовой общностью (подчеркнуто нами. – С.Г.) предполагало сохранение в своей структуре кровнородственных объединений в качестве форм политической организации» [6, с. 162].

В этих суждениях принципиальное значение имеет, прежде всего, однозначная фиксация генетической связи семейно-родового коллектива и государства. Очень важно также указание на сущностную взаимосвязь религиозно-культовой и политической сфер жизни раннего государственного общества. Кочакова, как видим, считает понятия «раннее государство» и «сакральное государство» синонимами. В раннем государстве не только политическая жизнь, но и производственные, и распределительные отношения строились на сакральном основании: «сакральность и редистрибуция не просто связаны друг с другом. Они переплетены и взаимосвязаны», – даже, – «Война в ранних государствах Ойо, Дагомея, Бенин имела сакральный характер» [6, с. 159].

Весьма показательные общие данные об отношении к представителям верховной государственной власти в традиционном обществе приводит, ссылаясь на Х. Классена, Н. Крадин: «В целом

сакральный характер власти – типичная черта правителя предгосударственного и раннего государственного общества. Нидерландский антрополог Х. Классен проделал кросскультурный анализ структуры 21 раннего государства и выяснил, что в 18 из 19 случаев правитель обладал сверхъестественным статусом; в 17 из 19 случаев выступал посредником между миром людей и миром богов; в 5 из 18 случаев правитель раннего государства имел статус верховного жреца» [7].

Интересна в плане рассмотрения генетической связи государства и религиозно-культовой деятельности и концепция, разрабатываемая российским политантропологом П.Л. Белковым. Он считает, что государство как институт управления развитого общества находится в одном эволюционном ряду с инициацией как институтом управления в архаическом обществе. Показав, что инициация как опирающаяся на культ предков сакральная форма закрепления половозрастной иерархии есть всеобщее явление в примитивных обществах и важнейшее для них средство управления [8]. Белков далее пишет: «Характеризуя инициацию как средство управления первичной формации мы ставим инициацию в один эволюционный ряд с государством (подчеркнуто нами. – С.Г.) как средством управления вторичной формации» [8, с. 90]. И это, думается, вполне обоснованное утверждение. Ибо, если государство продукт эволюции средств управления, что трудно оспаривать как в логическом, так и в эмпирическом отношении, то надо либо согласиться с постановкой инициации и государства в один «эволюционный ряд», либо обосновать наличие и ведущую роль другого средства управления в примитивных обществах. Но на сегодня, эмпирическая база для таких построений отсутствует. В целом же,

анализируя весь «массив» полученных политантропологией эмпирических фактов и вытекающие из него выводы, можно сказать, что современная политантропология вполне подтверждает принципиальную мысль Гегеля о том, что «государство произошло из религии» [9].

Приведем еще несколько свидетельств из книги «Короли-чудотворцы» авторитетного французского историка М. Блока. Она имеет подзаголовок «Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии» и посвящена анализу средневековых документов по данной проблеме. По словам Блока, «германцы, как и все народы, находящиеся на сходной стадии развития, верили, что королевская власть священна», а «северные короли всегда оставались жрецами», и «сохранилось несколько англосаксонских королевских родословных: все они восходят к Вотану» [10]. Характеризуя восприятие верховной власти народом, Блок пишет: «Считалось, что истинно божественные короли обладают некоей властью над природой. Люди верили, что короли эти отвечают за порядок вещей (подчеркнуто нами. – С.Г.), и «Представление о сакральном и чудотворном характере королевской власти прошло через все Средневековье, нимало не утрачивая своей силы» [10, с. 128, 194].

В книге Блок уделяет много внимания описанию, распространенной в средневековых Англии и Франции, массовой веры в способность королей наложением рук исцелять некоторые болезни. Интересно в плане оценки самовосприятия представителей высшей власти следующее замечание Блока: «Для средневековых государей великодушное отношение к беднякам было четко осознаваемым нравственным долгом, который они исполняли не скупясь. Всякий, кому довелось просматривать расходные счета королевских домов, как во Франции, так и в Англии, знает, что милостыня занимает в них весьма значительное место» [10, с. 175]. В ранних

государствах сохранялся, как видим, идущий еще из первобытности стереотип поведения социально «старших» по отношению к социально «младшим». На наш взгляд, это обстоятельство не отменяет, конечно, абстрактной возможности говорить об «эксплуататорской» сущности ранних государств, но в качестве абстрактной такая возможность есть всегда и базирующиеся на ней суждения остаются поэтому за рамками науки. Что касается конкретных расчетов, то М. Блок как раз и показал, что имеется *документальная база* для отрицания «эксплуататорской природы» раннего государства. И это не говоря уже о том, что можно априори утверждать, что сведение *всего ансамбля общественных отношений* между управляющими и управляемыми в средневековом обществе к экономическим отношениям, «неэквивалентному обмену» и т.п. есть заведомая вульгаризация. Очевидно, например, что в ранних государствах следовало надежно обеспечить жизненно важную защиту населения от внешних нападений и от внутренних «асоциальных элементов», – разного рода наемных отрядов, разбойников, бродяг и т.п. И неясно, на чем основывается предположение, что купцы, ремесленники или крестьяне, как правило, не осознавали жизненной важности (для них) исполнения государственной властью этой функции. А между тем, именно такое предположение имманентно содержится в утверждении «эксплуататорской» сущности раннего государства. Можно, конечно, сказать еще (1000 лет спустя), что «власть брала себе больше, чем ей причиталось», но такие утверждения представляют собой только субъективные оценки и не имеют отношения к объективному знанию.

В целом же главной особенностью, определяющей характер взаимоотношений, управляющих и управляемых в ранних государствах

была общая вера в сакральный характер государственной власти. Именно эта религиозная вера была объективным важнейшим фактором, изначально формирующим отношение к государству и, соответственно, необходимым основанием для построения государственности.

Необходимо отметить также, что для действительно объективного анализа той роли, которую сыграли религиозные институты в становлении государственности, и значения религиозных факторов в восприятии государственной власти в раннегосударственных обществах, важно не упускать из виду одно принципиальное обстоятельство. Действительными, реальными причинами действий людей являются те причины, которые люди считают реальными. Если человек верит, что урожай, удачная охота, здоровье его и членов его семьи, в целом его жизнь и благополучие зависит от «воли предков», то, очевидно, что он будет делать все от него зависящее, чтобы обеспечить расположение этой воли. Как говорит Т. Парсонс, «существование концепций сверхъестественного порядка ставит вопрос о том типе действия, который должен иметь место по отношению к нему» [11]. Поскольку считается, что для благоволения предков необходимо исполнение определенных ритуалов, эти ритуалы будут исполняться и будут играть определяющую роль в организации всей социальной жизни родового общества.

Если люди верят в сакральность государственной власти и лично государя, то их «политическая деятельность», отношение к государству, будет определяться этой верой и последнее, поэтому, вполне сможет обходиться без «аппарата насилия». Для социальной науки не может представлять никакого интереса, *действительно ли* французские короли могли излечивать болезни наложением рук. Наличие массовой веры в это является документально установленным эмпирическим фактом. Соответственно, задача науки состоит не в

том, чтобы интерпретировать данный факт, как проявление «Невежества» и «отсталости», следствие «обмана» или, напротив, как свидетельство духовного богатства, чуткости и благородства, а в том, чтобы попытаться учесть и понять объективные следствия, которые вытекают из этого факта, то влияние, которое он оказывает на социальное поведение людей и, в частности, на их отношение к становлению и развитию государственности.

Заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что объективное исследование происхождения государства показывает, что оно изначально имело сакральное основание, воспринималось как естественное начало, устроенная в соответствии с общими законами бытия, форма упорядочения социальной жизни. Это обстоятельство необходимо учитывать при разработке могущего претендовать на общезначимость концептуально-теоретического подхода к пониманию происхождения и сущности государства.

Литература

1. Гидденс, Э. Устроение общества / Э. Гидденс. – М.: Академический проект, 2003. – С. 439.
2. Попов, В.А. Предисловие / В.А. Попов // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. – С. 3.
3. Крадин, Н.Н. Вождество: Современное состояние и проблемы изучения / Н.Н. Крадин // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: РАН, 1995. – С. 50.
4. Годи́нер, Э.С. Политическая антропология о происхождении государства / Э.С. Годи́нер // Этнологическая наука за рубежом: проблемы, поиски, решения. – М.: Наука, 1991. – С. 51.
5. Белков, П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? / П.Л. Белков // Ранние формы политической организации: от

- первобытности к государственности. – М.: РАН, 1995. – С. 166.
6. Кочакова, Н.Б. Размышления по поводу раннего государства / Н.Б. Кочакова // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: РАН, 1995. – С. 154.
7. Крадин, Н.Н. Политическая антропология / Н.Н. Крадин. – М.: Ладомир, 2001. – С.106.
8. Белков, П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклас-совом и предклас-совом обществе / П.Л. Белков // Ранние формы социальной стратификации. – М.: Наука, Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. – С. 88–90.
9. Гегель, Г.В.Ф. Философия истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 1993. – С. 100.
10. Блок, М. Короли-чудотворцы / М. Блок. – М.: Яз. рус. культуры, 1998. – С. 126–127.
11. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический проект, 2002. – С. 511.

Поступила в редакцию 1.07.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 101.1

Основной вопрос философии и проблема самоидентификации

© Демидов А.Б.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Основной вопрос философии наиболее известен в формулировке Ф. Энгельса. Но существует множество иных толкований. Постановка основного вопроса философии зависит от обстоятельств существования философа и общества. Ныне актуализируется вопрос об идентификации и самоидентификации человека. Ранее этот вопрос ставился в имплицитном виде. В статье дается экспликация понятий идентификации и самоидентификации. Имеется два аспекта самоидентификации человека: человек вообще и человек-личность. Человек стремится «быть самим собой». Поведение человека зависит от его самоидентификации. Самоидентификация – это отнесение себя к чему-то или кому-то, сообразование себя с ним, уподобление себя ему вплоть до отождествления с ним. Человек сам ведет себя. В процессе самоидентификации происходит сообразование образов ведущего и ведомого. Мышление есть соображение, т.е. сообразование образов. Субъект может терять образ своего поведения. Мы меряем иное собой и себя иным.

Ключевые слова: основной вопрос философии, самоидентификация, мышление, сообразование представлений, поведение.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 143–151)

The basic question of philosophy and self-identification problem

© Demidov A.B.

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masherov”, Vitebsk

The basic question of philosophy is known mainly in F. Engels's formulation. But there are many other formulations. The basic question of philosophy depends on circumstances of existence of the philosopher and a society. Nowadays there is actual a question on identification and self-identification of man. Previously this question had been raised in implicit form. In this article the explication of concepts of identification and self-identification is executed. There are two aspects of human identity: people and person. Man seeks to “be yourself”. Human behavior depends on its self-identification. Self-identification is a communion of self to something or someone, coordination with him, likening herself to him until the identification with it. A man himself is behaving. In the course of self-identification there is a coordination of images conducting and conducted. Thinking is the consideration, matching images. A subject can lose an image of the conduct.

Key words: the basic question of philosophy, self-identification, thinking, coordination of ideas, behavior.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 143–151)

Среди едва ли обозримого множества вопросов, выдвигавшихся на протяжении истории философской мысли, некоторые ставились с претензией на особый статус, который акцентировался

выражением «основной вопрос философии». В этом выражении подразумевается философия «вообще», без привязки ее к конкретным историческим обстоятельствам.

Адрес для корреспонденции: e-mail: ab-demidov@narod.ru – А.Б. Демидов

В некоторой мере с таким представлением можно согласиться, поскольку хотя бы в виде реминисценций, смутных подобий и намеков идентичные вопросы можно примыслить разным временам и народам. Однако с большей уверенностью можно полагать, что разные времена и обстоятельства актуализируют одни вопросы и отодвигают в тень другие.

Цель статьи – осмысление вариативности основного вопроса философии и актуализации проблемы самоидентификации.

Материал и методы. Главными предметами исследования явились имеющиеся варианты постановки основного вопроса философии и выдвигающаяся на передний план проблема самоидентификации человека, претендующая на статус приоритетного вопроса философии. Специфичными для данного исследования являются методы сравнительного анализа и диалектического раздвоения единого с целью изучения взаимодействия его противоречивых частей.

Результаты и их обсуждение. Наряду с широко известной формулировкой основного вопроса философии, которую дал Ф. Энгельс, имеются другие варианты, которые в литературе упоминаются редко или вообще не упоминаются. Их выявление и сопоставление наводит на мысль о социально-исторической относительности любой версии основного вопроса философии. Между тем, традиционные интерпретации данного вопроса становятся достоянием истории, тогда как проблема самоидентификации человека («что такое человек?») приобретает все большую актуальность и требует специального исследования процесса идентификации и самоидентификации как особого вида ментальной активности.

Вариации основного вопроса философии. Изучавшим вузовский курс философии наверняка известно, что «великий основной вопрос всей, в особенности новейшей, философии есть вопрос об отношении мышления к бытию», а «философы разделились на два больших лагеря сообразно тому, как

отвечали они на этот вопрос» [1, с. 282–283], – на идеалистов и материалистов. По словам В.И. Ленина, вся история философии представлена этими «борющимися партиями» [2, с. 380], размежевавшимися в решении «основного вопроса философии».

Впрочем, на Западе тема «основного вопроса философии» упоминается заметно реже, чем у нас. В немецкоязычной литературе «основной вопрос философии» тоже связывают преимущественно с именем Ф. Энгельса. Реже упоминается М. Хайдеггер и его лекции 1933 г. «Die Grundfrage der Philosophie». Для Хайдеггера основной вопрос – это вопрос о бытии: что такое бытие, в чем смысл бытия, почему есть нечто, а не ничто. В англоязычной литературе приобрел некоторую известность «основной вопрос философии» в формулировке Р. Рорти: «кто мы?», – прозвучавший в его докладе на Философском форуме ЮНЕСКО (1996).

Еще одну формулировку «основного вопроса философии», не менее принципиальную, чем у Энгельса, хотя и гораздо реже упоминаемую, дал А. Камю: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, – значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное – имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями – второстепенно» [3, с. 24].

Упомянув лишь самые известные, лежащие на виду «основные вопросы философии», мы видим, что упомянутые философы поставили разные вопросы, якобы являющиеся основными для философии. То ли кто-то из них неправ в определении основного вопроса философии, то ли таковой вопрос не один, а их множество.

А может быть здесь виновата многозначность слов «основной» и «философия»? Известно множество определений понятия «философия», и основные вопросы у различно

определяемых философий могут оказаться разными. Не совпадают «основные вопросы» в философии, трактуемой по Канту как «наука об отношении всякого знания к существенным целям человеческого разума» [4, с. 610]; или трактуемой по Гегелю как «постижение абсолютного» [5, с. 378]; или трактуемой по Хайдеггеру как «трансцендентальная наука о бытии» [6, с. 21].

А что значит «основной»? Что-то может называться «основным» потому, что оно используется в качестве основы, на которую опираются все остальные причастные к делу предметы. Например, фундамент, на котором держится вся конструкция здания, или базис теории (ее аксиомы, постулаты, гипотезы), на который опирается все теоретическое построение. В этом смысле «основным» оказался у Декарта вопрос о том, есть ли какое-нибудь положение о чем-то сущем, не подлежащее никакому сомнению, из которого с логической непреложностью можно вывести суждения о существовании прочих предметов, являющиеся достоверными в силу несомненности исходной посылки. Таковым оказался у Декарта тезис «*cogito ergo sum*» – о несомненном существовании меня самого.

Однако «основным» называют также и то, что является важнейшим, необходимым, «критическим» в данный момент при данных обстоятельствах. Например, если имеется приличный запас провизии, но отсутствует такая мелочь, как соль, то скоро почувствуется неудовлетворенность, из-за которой покажется, будто соль – наиважнейший для питания продукт. Недаром слово «соль» стало синонимом или метафорой слова «суть». В подобном смысле «солью», сутью, «основным вопросом» философии Эпикура стал вопрос, как человеку стать безмятежным и счастливым. Если чья-то философия не отвечает на этот вопрос, она бесполезна и бессмысленна. Эпикур порицал всех философов, которые не отвечали на его «основной вопрос», и даже Демокрита он называл «пустокритом», хотя чуть ли не скопировал его «онтологию» и

«гносеологию». Понятно, что и вопрос Энгельса о том, что первично и что вторично, не избежал бы осмеяния Эпикуром, поскольку ответы на него ничего не говорят о путях и средствах к блаженной жизни.

«Основной вопрос философии», сформулированный Энгельсом, не из тех вопросов, на которые может быть дан рационально обоснованный ответ. Он не является «определенным вопросом». Согласно дефиниции Х.Б. Карри, «...вопрос является определенным, если на него можно ответить утвердительно или отрицательно и существует эффективный процесс для нахождения такого ответа» [7, с. 69]. Ответ на вопрос Энгельса не может быть найден путем исследования, эмпирического или теоретического. Вопрос Энгельса требует *выбрать* одну из двух догм: либо мир создан неким творящим началом, «духом», либо он не создан и существует вечно. Это, по сути, догмы, подобные тезису и антитезису первой антиномии Канта: «мир имеет начало» и «мир не имеет начала» [4, с. 336–337]. Отношения между подобными догмами Кант называл антитетикой, которая есть «противоречие между догматическими по виду знаниями (*thesin cum antithesi*), из которых ни одному нельзя отдать предпочтения перед другим» [4, с. 332].

Имеет ли смысл «основной вопрос философии» Энгельса? Пожалуй, имеет, но смысл этого вопроса не в том, что будто бы один из двух возможных ответов на него служит теоретическим базисом для дедуктивного выведения из него логических следствий и, таким образом, построения теории. Фактически энгельсова постановка «основного вопроса» позволяет решить иную задачу – не закладки фундамента философской теории, а упорядочения, классификации и оценки множества философских учений. То особое значение, которое придается марксистами размежеванию между материалистами и идеалистами, обусловлено их

социально-политической и классовой доктриной. Считается, что первым, кто стал отличать материалистов от идеалистов, был Лейбниц. Но если поначалу такому различию придавалось методологическое, ценностно-нейтральное значение, то у марксистов это различие приобрело значение опознавательного знака «свой–чужой». Философия рассматривалась основателями марксизма как «идеология», т.е. иллюзорное сознание, а иллюзия заключается в представлении, будто мыслитель мыслит по законам «чистого» разума, а не по требованию социально-классового интереса. В результате выходит, что идеализм и материализм – не просто наименования доктрин, основанных на разных догмах.

Как классовая борьба рассматривается в марксизме в качестве основного содержания истории человечества, так и вся история философии представляется борьбой между идеализмом и материализмом как идейными выражениями интересов противоборствующих классов. Отсюда – чрезмерное заострение на вопросе о критерии, позволяющем отличить материалистов от идеалистов. В силу идейно-классовой актуальности, а не теоретической значимости вопрос о критерии, отличающем материалистов от идеалистов, и в самом деле стал для марксистов «основным вопросом философии». Прочие философские учения в большинстве своем не проявляют особого интереса к «основному вопросу» Энгельса, а это, согласно акцентировке Ленина, уже само по себе является пособничеством фидеизму и поповщине.

Говоря об использовании «основного вопроса» для классификации философских учений, уместно вспомнить (для сравнения), что впервые такого рода классификацию предложил, пожалуй, Аристотель. Для него основным был вопрос о первоначалах и причинах, ведь они «наиболее достойны познания» [8, с. 68], тогда как «философия называется знанием об истине» [8, с. 94], а «мы не знаем истины, не зная причины» [8, с. 95].

«Основные вопросы» тех или иных философских учений часто не выдвигаются на первый план, но задвигаются в область «очевидностей» или «презумпций». Так, для схоластики «первичность» Бога – презумпция, не требующая особых оправданий, а «основной вопрос» заключается в согласовании веры и разума.

Исходя из намеченного различения «основных вопросов философии» на два типа, т.е. вопросов, 1) требующих определения фундамента (базиса) теоретического построения и 2) указывающих на важнейшую, актуальнейшую задачу, требующую своего разрешения, мы можем квалифицировать «основной вопрос» Энгельса как вопрос второго типа, но не первого. Всякое философское учение содержит в себе явно или подспудно некий «основной вопрос» и попытку ответа на него, а также на ряд более частных вопросов, опосредующих ответ на основной вопрос. Что это за вопрос, пожалуй, зависит от обстоятельств существования философа и общества, к которому он принадлежит.

Самоидентификация как средоточие философских исканий. Бытует такое мнение, будто философы занимаются тем, что «ищут истину». Оглядываясь на трехтысячелетнюю историю философии, можно усмотреть, что на самом деле философы ищут основополагающее понятие, идею или образ, исходя из которого, или сообразуясь с которым, мы могли бы *идентифицировать* все остальное, а в конечном счете – самих себя. Философские учения, стремящиеся к теоретической цельности, подстраиваются к неким основополагающим понятиям или образам, которые должны, в конечном счете, ориентировать все действия, мысленные и практические, – как начало всех начал, причина причин, форма форм, последнее основание, конечная цель, высшая ценность, абсолютная истина-идея. К примеру, у

античных натурфилософов основополагающие образы – стихии, у Платона – идеи, у средневековых христианских мыслителей – Бог, у рационалистов нового времени – субстанция, у Парменида и Хайдеггера – бытие, у Ницше и Дильтея – жизнь, у экзистенциалистов – экзистенция, у структуралистов – структура, у Шелера и Плеснера – человек.

Выдвижение основателями философии антропологии М. Шелером и Г. Плеснером понятия человека на роль основного предмета (и вопроса) философии – одно из знамений «антропологического поворота» в философии XX в. Несомненно, предвестия этого поворота заметны уже в трудах И. Канта, считавшего основными вопросами философии следующие: «1. Что я могу знать? 2. Что я должен делать? 3. На что я смею надеяться? 4. Что такое человек?» – И тут же уточнившего: «Но в сущности все это можно было бы свести к антропологии, ибо три первых вопроса относятся к последнему» [9, с. 280].

Понятие человека (методологически отчетливо раздваивающееся на понятия человека «вообще» и уникальной личности) основывается не на «отвлеченных началах» (вроде материи, субстанции, идеи), а на принципе *уживчивости* с другими. Обращаться с кем-то по-человечески (признавать за ним «человеческие права») мы готовы постольку, поскольку он проявляет готовность и стремление уживаться с другими, а не потому, что он – «двуногое без перьев». Т.е. принадлежность какого-то существа к «человечеству» определяется скорее не по внешним признакам, а по возможности человеческого общения с ним. Это понятие о человеке лапидарно определено Аристотелем в двух словах: ζῷον πολιτικόν – существо общественное (полисное) [10, с. 378].

Образ «человека вообще» необходим для идентификации с ним и ведения себя, но недостаточен. Вряд ли найдется индивид, который оказался бы способным и желающим быть «человеком

вообще». Прделаем мысленный эксперимент. Допустим, кому-то предложили бы сделать из него «человека вообще»: очистить память и сознание от всего личного, оставить только представления о нормах совместного существования людей, некий кодекс прав и обязанностей гражданина и человека. Он забыл бы свой дом, родину, родителей, семью, любимых, друзей, соседей и т.п. – весь уникальный набор сугубо личных привязанностей, забыл бы собственную жизнь. Но это практически то же самое, что уничтожить данную личность. Очень сомнительно, чтобы кому-то захотелось быть «человеком вообще» – каждый хочет быть «самим собой».

Вопрос об идентификации людьми самих себя является, по меньшей мере, *одним из* «основных вопросов философии». Все остальные вопросы вроде «что такое бытие?», «что есть истина?», «что первично?», «способно ли сознание адекватно отображать мир?» и т.п. – все это ступеньки, подводящие к ответу на вопрос о самоидентификации: «что мы такое?» или «кто мы?».

Говоря в общем, самоидентификацией непременно и постоянно занимается всякий человек, и не только человек. Вот, к примеру, кошка примеривается прыгнуть с ветки на ветку: она колеблется, соотнося видимую дистанцию со своими возможностями, предполагаемыми силами. Она меряет дистанцию своими возможностями и меряет свои возможности предстоящей дистанцией. Эквивалентны ли они? Кошка как бы решает *уравнение*, не используя математических знаков, но соотнося друг с другом свои представления о дистанции и собственных силах. Кошка взвешивает, определяет их соотношение. Поскольку одна из сторон решаемого «уравнения» – это *ее* силы или возможности, т.е. *она сама*, постольку кошка занимается *самоидентификацией*.

Между прочим, почему математические и логические задачи имеют форму уравнений? В математических и логических исчислениях мы делаем по сути то же, что и в повседневности: уравниваем, уподобляем, идентифицируем. Математические уравнения – разновидность сообразования: мы ищем недостающий «икс», подставив который мы добились бы совмещения-идентификации образов данного и требуемого.

Заранее неизвестно, как кошка *поведет* себя. Уже примерившись к прыжку и даже начав толчок, она может в последний миг струхнуть, судорожно уцепившись за свою ветку. Вряд ли правы те, кто приписывает животным способность действовать лишь автоматически, под управлением слепого, безрассудного «инстинкта». Представленная нами кошка колеблется и взвешивает возможности, определяет свое *поведение*, *ведет* себя.

Слово «идентифицировать», образованное от латинских корней *idem* (тот же) и *ficare* (от *facio*, делать), буквально значит «делать тем же», «уподоблять». *Самоидентификация* – это отнесение себя к чему-то или кому-то, сообразование себя с ним, понимание себя как причастного, приобщенного к нему, уподобление себя ему вплоть до отождествления с ним. (Справедливости ради следует отметить, что это определение вырабатывалось у автора в процессе перевода на русский язык книги Бенно Хюбнера [11].)

Поясним, что значит идентифицировать себя с тем, к чему мы относимся. Допустим, я хочу что-то взять, к примеру, ложку – я должен при этом уподобить мою руку форме ложки, а чтобы размешать ложечкой кофе, я должен уподобить форме чашки движение руки с ложечкой. Обходя какое-то препятствие, я соотношу мои движения с формой препятствия. Если я как гражданин соотношу себя с законом, я привожу свои действия в соответствие с требованиями закона. Если я как верующий соотношу себя с Богом, я

уподобляю свои помыслы и действия с заветами Бога.

Идентификация других по отношению к себе (мы судим о других по себе) и себя по отношению к другим (самоидентификация) – предпосылка, необходимое условие поведения какого-либо существа. Чтобы *вести себя* тем или иным образом, нужно постоянно (в меняющейся обстановке) вырабатывать и корректировать тот *образ* (себя и чего-то другого), посредством которого (ориентируясь на который) существо ведет себя.

Вышеупомянутый Гельмут Плеснер выработал афористическую формулу, характеризующую человеческую сущность: «Человек живет тогда только, когда ведет жизнь» [12, с. 268]. Здесь не к месту углубление в дискуссию, только ли человек «ведет себя». Ограничимся лишь утверждением, исходя из вышесказанного, что люди, как и многие другие живые существа, *ведут себя* – хотя каждый по-своему, исходя из собственных побуждений и в пределах своей компетентности, не остающейся неизменной.

Употребляя глагол «вести», мы подразумеваем связку каких-то двух «вещей», из которых одна является ведущей, а другая – ведомой. Ведущий и ведомый – взаимоисключающие понятия: ведомый не есть ведущий, а ведущий не есть ведомый. Но когда мы говорим «вести себя», мы допускаем противоречие: один и тот же в одно и то же время есть и ведущий, и ведомый, сам ведущий ведет самого себя ведомого. Здесь какое-то нарушение логического «закона тождества», идентичности. Как такое возможно – несовпадение себя с самим собой?

Мы ведем себя посредством представлений или образов, которым мы сами придаем те или иные значения. Не вещи и не представления о них «ведут» нас, мы ведем себя ими (т.е. ориентируясь на них) или не ведем – в зависимости от того, какое значение им придаем. Не Дульсинея ведет Дон-Кихота на

рыцарские подвиги, и даже не ее образ, лелеемый воображением рыцаря, но он сам ведет себя ее образом, которому герой придает значение «дамы сердца». Не собака пугает ребенка, но сам ребенок пугается ее, придавая ее образу значение опасного зверя. Не Бог внушает страх человеку какими-либо грозными знаменами, но человек «пугается», придав каким-то явлениям значение знамений воли Бога.

Это примеры *ведущих* образов, исходя из которых мы можем себя так или иначе вести или не вести. Но также в наших представлениях имеется и образ *ведомый* – образ самого себя. Мы ведем себя – такого, каким себе представляемся – по отношению к представляемому нами же «ведущему» образу. Как мы себя поведем по отношению к чему-то, зависит не только от значения, придаваемого нами чему-то, но и от того, каковыми нам представляются наши собственные возможности. Вспомним пример с кошкой, намеревающейся прыгнуть с ветки на ветку. Ее решимость прыгнуть зависит от того, какими ей представляются ее силы, ее возможности, которые могут ею переоцениваться или недооцениваться. Что же она делает, примериваясь к дистанции? Она соотносит друг с другом два образа – представление о дистанции и представление о своих силах, т.е. она *сообразовывает* эти образы, или – *соображает*. При этом она *подводит* образ своих сил (себя) под образ дистанции. Поскольку дистанция «задана», ее образ выступает ведущим, а образ собственных возможностей является ведомым – он «подводится» под образ дистанции для определения их соответствия или несоответствия.

Сообразование, или соображение – это суть процесса, называемого мышлением. Слово «соображение» проясняет, в чем заключается «мышление» – в соотношении образов. В основных европейских языках нет слов, вполне эквивалентных русским «соображение», «соображать» по их так называемой «внутренней форме» (т.е. с опорой на понятие *образа*). Однако все-таки имеются слова, тоже подразуме-

вающие действие соотношения образов, хотя и не столь явно, как русское слово «соображать». Так, немецкое *überlegen* (обдумывать, соображать) буквально значит «налагать что-то поверх чего-то». Английское *understand* (понимать, постигать, осмысливать) буквально можно понять как «под-ставить». Испанское *entender* (понимать, постигать, думать) буквально значит «на-тянуть». Аналоги русского слова «соображать» есть и в античных языках: древнегреческое *οὐντίθηναι* (выдумывать, замышлять) буквально значит «складывать вместе»; латинские *comparare* – (прикидывать, взвешивать, соображать) буквально значит «соединять, сочетать, сопоставлять», *expendo* – (соображать, мысленно взвешивать) буквально значит «взвешивать, уравнивать». Таким образом, многие языки под актами мышления подразумевают *соотнесение образов* – соображение.

По сравнению с *мышлением*, совершаемым каждым существом индивидуально, *сознание* – это знания (представления), разделяемые с другими, *со-знание*. Обладать сознанием, значит мыслить опираясь на представления, разделяемые с другими. На это способны преимущественно те существа, которые владеют речью, т.е. люди, а также в какой-то мере те, кто способен сочувствовать другим, вчувствоваться в других, мысленно ставя себя на их место, идентифицируя себя с ними, – возможно, это умеют не только люди. Мыслить себя (обладать самосознанием) можно только опосредованно – улавливая «отражения» себя в других существах или вещах. Из такого соотношения мышления и сознания понятно, что можно мыслить как «сознательно», опираясь на совместные, общие, разделяемые с другими существами представления, так и «бессознательно», не проявляя «сознательности» в указанном смысле.

Поскольку оба образа – и ведущий, и ведомый – принадлежат одному и

тому же существу, сфере его представлений, постольку это существо способно «вести себя», осуществляя одновременно две противоположные функции, ведущего и ведомого. Так на деле осуществляется противоречивое совмещение в одном существе его способностей быть одновременно ведущим и ведомым для самого себя.

Некий образ становится ведущим лишь постольку, поскольку мы придаем ему кое-какое значение (но сам по себе он никакого значения не имел бы). Поскольку существо, ведущее себя, «натягивает» образы своих возможностей на ведущие образы вещей, существ, идей, ситуаций, оно «меряет» свои возможности и способности соответствующими вещами, существами, ситуациями, идеями, определяет себя ими. Протагор, сказав, что «мера всех вещей – человек» [13, с. 616], выделил только одну сторону отношения, а другая состоит в том, что и себя самого (свои возможности) человек меряет всеми другими вещами. Соотнося себя с ними, человек тем самым *сравнивает*, уравнивает, идентифицирует себя с ними, т.е. осуществляет *самоидентификацию*.

Все существа, способные вести себя, могут и *теряться*, впадать в растерянность, не находя подходящего образа своего поведения. Сказка о гадком утенке – это сказка о потере и поиске себя. Теряется понимание и уверенность насчет того, к чему и как себя вести. Стереотипы поведения, которые Арнольд Гелен называл «социальными институтами», служат людям, по его мнению, средствами психической «разгрузки», спасающими людей от тягостной неопределенности образа поведения в тех или иных ситуациях.

Заключение. Проблема самоидентификации человека и ответа на вопрос «кто мы?» становится в настоящее время *все более философским* вопросом. В древности мифология и религия давали людям ответы, которые были достаточны для тогдашней социальной жизни. Пока люди жили в общностях, основанных на отношениях родства и свойства, образцы

ведения себя вырабатывались и распространялись в виде молвы, преданий, мифов, живописующих деяния предков, постепенно превращавшихся в героев, демонов и богов. С возникновением более обширных обществ, включающих в себя людей, принадлежащих разным родам и приверженных разным родовым обычаям, родоплеменные мифологические мировоззрения становятся недостаточными для обеспечения общего социального порядка. Монотеистическая религия и философия компенсируют возникающий мировоззренческий разрыв, предлагая некие универсальные (надродовые) образы, идеи, понятия, приемлемые для выходцев из разных родов. В эпоху модерна (нового времени) в общественном сознании развивается процесс «расколдовывания мира». Рационализация общественного и индивидуального сознания ослабляет влияние мифологии и религии, создает предпосылки для роста влияния философского мышления. Таким образом, ответ на вопрос «кто мы?» все более возлагается на философию.

Проблема самоидентификации человека, с самого начала имплицитно маячившая в философском мышлении, принимает эксплицитный характер.

Сегодня наряду с вопросом «что такое человек?» (вообще) все более актуальными становятся вопросы «кто такие *мы*?» (например, русские, чехи) и «кто такой *я*?» (лично). С более развернутыми размышлениями о последних вопросах можно ознакомиться в сопроводительной статье автора к книге А.И. Раскина «Россия, или Четвертый вопрос философии» (Мн., 2010).

Краткая формула (само-) идентификации: *мы меряем иное собой и себя иным*.

Литература

1. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. – Т. 21. – С. 269–317.
2. Ленин, В.И. Материализм и эмпириокритицизм / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – 5-е изд. – М.: Изд-во полит. лит-ры. – Т. 18. – 525 с.
3. Камю, А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство / А. Камю. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
4. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро 1994. – Т. 3: Критика чистого разума. – 741 с.
5. Гегель, Г.В.Ф. Работы разных лет: в 2 т. / Г.В.Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1983. – Т. 2. – С. 378.
6. Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер. – СПб: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 445 с.
7. Карри, Х.Б. Основания математической логики / Х.Б. Карри. – М.: Мир, 1969. – 568 с.
8. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – 550 с.
9. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро 1994. – Т. 8: Статьи. Лекции. Избранные письма. Из рукописного наследия. – 718 с.
10. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – 830 с.
11. Хюбнер, Б. Смысл в бес-СМЫСЛЕННОЕ время: метафизические расчеты, просчеты и сведение счетов / Б. Хюбнер; пер. с нем. А.Б. Демидов. – Минск: Экономпресс, 2006. – 384 с.
12. Плеснер, Х. Ступени органического и человек: введение в философскую антропологию / Х. Плеснер; пер. с нем. – М.: Российская политическая энцикло-педия (РОССПЭН), 2004. – 368 с.
13. Платон. Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.

Поступила в редакцию 27.10.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 130.2:94

Историческая память: проблема образа

© Ростовская О.М.

Республиканский институт высшей школы, Минск

Статья презентует проблему социального феномена исторической памяти, акцентуализируя образ как объект познания, рассматриваемый в соотношении с восприятием и воспоминанием, которые определяются в качестве основных механизмов формирования и воссоздания образов прошлого. Осмысление вопроса базируется на анализе работ ведущих французских теоретиков памяти конца XIX – первой половины XX века А. Бергсона и М. Хальбвакса, оказавших существенное влияние на развитие мнемической проблематики, актуализированной с 1980-х годов и в настоящее время представляющей перспективное исследовательское поле для междисциплинарного поиска, в ходе которого приоритетным видится региональное направление, имеющее в основании социально-философскую концепцию города как места образов исторической памяти. Учитывая последнюю методологическую ориентацию, в данной работе предлагается концептуализация исторической памяти, образа, восприятия и воспоминания.

Ключевые слова: историческая память, образ, восприятие, воспоминание.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 152–157)

Historical memory: problem of an image

© Rastouskaya O.M.

Republican Institute of the Higher School, Minsk

The article presents a problem of the social phenomenon of historical memory, where an image is the object of knowledge considered in the ratio with perception and memoirs, which are defined as the basic mechanisms of the formation and reconstruction of images of the past. The understanding of the problem is based on the analysis of works of leading French theorists of memory of the late XIX - early XX century A. Bergson and M. Halbwachs which made essential impact on the development of the problematic of the memory which became actual since 1980-s and now representing perspective research field for interdisciplinary search in which the regional direction, having in the basis the socially-philosophical concept of a city as a place of images of historical memory, sees priority. Considering last methodological orientation, conceptualization of historical memory, image, perception and memoirs is offered in this paper.

Key words: historical memory, image, perception, memoirs.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 152–157)

Социально-философский анализ исторической памяти в контексте конкретной социокультурной среды города и его исторического образа проектирует теоретико-методологическую основу перспективных социальных и социологических исследований в данной области, что определяет его значимость. Ключевой является проблема концептуализации основных понятий: «историческая память» и «образ».

Ранее анализированные нами подходы позволяют интерпретировать историческую память как форму психического отражения социального Прошлого в виде совокупности конкретных, взаимосвязанных, надындивидуальных образов. Исходя из определения и разделяя мнение современной российской исследовательницы И.М. Савельевой о том, что объектом изучения исторической памяти является, прежде всего,

Адрес для корреспонденции: пр-т Победы, д. 55, корп. 1, кв. 33, 210041, г. Витебск,
e-mail: rosolga@gmail.com – О.М. Ростовская

знание о прошлом, существующее в виде конвенциональных образов [1], мы считаем необходимым рассмотреть вопрос об их возникновении.

Являясь одной из основных проблем философского поиска, осмысление образов памяти имеет продолжительную историю, однако, по-прежнему, оставляет множество лакун. Создаваемые сознанием, мнемические образы значимы только когда материализуются в понятиях в процессе коммуникации, то есть когда вспоминаются и реализуются в воспоминаниях, что подчеркивает их социальный характер, но, то же время, их индивидуальность, как и возможность их образования, обусловлена восприятием. Это объясняет акцентуализацию процессов восприятия и воспоминания.

Теоретической основой наших рассуждений явились, прежде всего, идеи французских исследователей конца XIX – первой половины XX века: философа-интуитивиста и психолога Анри Бергсона и философа, социолога и социального психолога Мориса Хальбвакса. Рассматривая феномен памяти, они анализируют соотношение восприятия и воспоминания, представляя образ памяти или сознания в контексте данных процессов.

Обращение к этим авторам определяется и другими, весьма важными, на наш взгляд, мотивами.

Во-первых, рассматриваемые работы А. Бергсона («Материя и память», «Воспоминание настоящего») и М. Хальбвакса («Коллективная и историческая память», «Социальные рамки памяти», «Коллективная память») создавались в среде взаимовлияния психологии и социологии, обусловившего становление социальной психологии и психологизаторскую тенденцию в социологии и оказавшего существенное воздействие на философские интенции современной теории памяти.

Во-вторых, понятия длительности и памяти, соотносимые А. Бергсоном, фактически, лежат в основе социально-философской проблемы актуализации прошлого в настоящем; а утверждение

философа о независимости памяти от материи в определенной степени фундирует наше предположение о надындивидуальной эссенции исторической памяти.

В-третьих, с 1980–90-х годов и до настоящего времени наблюдается возврат к идейному наследию М. Хальбвакса, в том числе в русле актуализированных мнемических исследований. В концепции основоположника теории коллективной памяти очевидно влияние интуитивизма А. Бергсона и французской психологической школы, но особо важным для нас является его ключевое положение о социальной обусловленности памяти.

Резюмируя вышесказанное, мы полагаем, что формирование исторической памяти обусловлено формированием образов социального прошлого. Его основными механизмами являются восприятие и воспоминание, осмысление которых проводится нами на основе анализа соответствующих идей А. Бергсона и М. Хальбвакса. Исходя из этого, цель данной работы – концептуализация образа исторической памяти через его соотношение с восприятием и воспоминанием.

Материал и методы. Методологическую основу работы, имеющей объектом исследования образ как концепт, базирующий социально-философский анализ феномена исторической памяти, составляет совокупность следующих методов: наблюдение, анализ, синтез, абстрагирование, феноменологический метод познания, системный подход.

Теоретической базой для осмысления образа памяти в контексте таких механизмов его формирования, как восприятие и воспоминание, явились посвященные данной проблематике работы А. Бергсона «Материя и память» и «Воспоминание настоящего» и М. Хальбвакса «Коллективная и историческая

память», «Социальные рамки памяти», «Коллективная память».

Результаты и их обсуждение. Анализ идей Анри Бергсона позволяет выделить следующие положения, существенные для познания феномена исторической памяти:

1) память представляет собой «нечто иное» [2, с. 655], не являясь лишь функцией мозга;

2) восприятие причастно памяти [2, с. 663], и это, вероятно, обусловлено взаимопроникновением и обменом актов восприятия и воспоминания [2, с. 470]. Однако вопрос об их единой природе остается открытым, так как для нас очевидна неоднозначность рассуждений самого А. Бергсона, указывающего на то, что все вокруг раздвоено на восприятие и воспоминание [3, с. 1034];

3) материальный мир представлен совокупностью образов [2, с. 435, 471];

4) есть образы знания, имеющие абсолютное значение, и образы сознания, подверженные индивидуальным изменениям [2, с. 425];

5) настоящее существует постольку, поскольку оно является работой сознания и памяти как единого процесса, в котором «сливается одно с другим», и познается интуитивно [2, с. 473];

6) образы памяти, постоянно смешивающиеся с восприятием настоящего, обогащая настоящее опытом, могут его заменить [2, с. 469];

7) наличие образа в воспоминании определяется стремлением по мере актуализации «жить в образе», который, однако, нужно искать [2, с. 548], а значит, он есть продукт сознательного действия, волевого усилия и даже имеет определенное утилитарное значение, так как, согласно А. Бергсону, только образы прошлого, полезные в настоящем, воспроизводятся в воспоминании [2, с. 553];

8) образ, существуя только в настоящем, есть настоящее; воспоминание, порождающее образ, связывая его с прошлым [2, с. 554], есть подвижная, едва различаемая граница, условно разделяющая прошлое-длительность и

настоящее-мгновение; и следует различать воспоминание образа и образ [3, с. 1032]. У А. Бергсона само воспоминание не является образом, т.е. они соотносимы, но не тождественны; образ существует в настоящем, а с прошлым его связывает именно воспоминание [2, с. 554], в то же время, «чистое настоящее» — неуловимый ход прошедшего [2, с. 564]. Возникает иллюзия, что образы находятся на грани прошлого и настоящего и их природа амбивалентна, но если представить воспоминание как акт, свершившийся в настоящем, как результат процесса воспоминания, то образы воспоминания есть образы настоящего, как и полагает автор. Они всегда актуальны, иначе просто не смогли бы появиться.

Бергсоновские рассуждения о восприятии и воспоминании приводят нас к мысли о том, что история есть совокупность образов и ее нельзя воспринимать иначе как через образы, соотношенные с понятиями, их называющими и характеризующими. И далее, принимая во внимание идею, согласно которой восприятие насыщено воспоминаниями и нет на самом деле иного [2, с. 433], мы можем предположить, что наше восприятие прошлого через образы обусловлено нашими воспоминаниями, воспроизводящими эти образы в процессе воспоминания, которое имело отправную точку, некий мотив, побуждающий нас вспоминать, и, вероятно, опиралось на другие образы и понятия. Но наши воспоминания возможны только благодаря знанию, полученному посредством познания исторического бытия в его рациональном осмыслении, а также интуитивно. В итоге, постижение истории есть не что иное, как перцептивный круг: восприятие исторического обращает нас к воспоминанию, но чтобы вспомнить — надо знать, а получению знания предшествует восприятие. В то же время наблюдается и обратная связь: воспринимая, мы получаем

информацию, преобразующуюся в наше знание о прошлом, которое сохраняем в памяти и при необходимости воспроизводим, вспоминая, и тогда воспоминание исторического представляет нам его образ, благодаря которому возможно целостное восприятие. Соответственно, перцепция является исходной точкой и исторического воспоминания, и исторического знания.

В отличие от А. Бергсона, Морис Хальбвакс анализировал взаимосвязь восприятия и воспоминания в фокусе индивидуального и коллективного, акцентируя внимание на том, что индивидуальное восприятие, которое не может не сопровождаться воспоминанием, так как нет первого без второго, всегда пересекается с восприятием социальным [4, с. 321]. Возможно, такой точкой пересечения может быть исторический образ, аккумулирующий архетипическое конвенциональное знание и экзистенциальное представление.

Рассматривая проблему локализации образов, М. Хальбвакс связывал ее с осознанием момента приобретения воспоминания, указывая на сознательную интеллектуальную деятельность, предполагающую волевое усилие [4, с. 152]. Означает ли это, что требуется мысленно вернуть образ воспоминания из настоящего к его исходной точке (т.е. вернуться в прошлое, вспомнить свое восприятие, зафиксировавшее объект и информацию о нем), чтобы определить свое расположение во времени и пространстве по отношению к воспринятому, сохраненному в памяти и воссоздаваемому посредством воспоминания объекту, который уже не является таковым для нас потому, что в конкретный момент настоящего он есть лишь образ объекта прошлого? Вследствие этого мы фиксируем не только образ прошлого, но и себя по отношению к нему; образ принадлежит нам – он экзистенциален, оставаясь при этом историческим (и в этом смысле, явившимся из социального прошлого и обращенным к нему) и социальным (в смысле его принадлежности к общему и общественно значимому, а также нашей

непосредственной причастности к социуму).

Сам М. Хальбвакс определяет место образа путем «введения в границы» [4, с. 163]. Вероятно, под границами понимается рамка, хотя позиция автора неоднозначна: рамку памяти составляют пространство и время, «словесные конвенции» [4, с. 118], фигуры или образы, понятия [4, с. 218] и даже сами воспоминания, традиции, идеи [4, с. 227], или сама память – это «рамка, образуемая понятиями» [4, с. 337]. Очевидно только то, что для памяти важно наличие рамок, используемых людьми для фиксации и нахождения собственных воспоминаний [4, с. 115], а с их исчезновением или трансформацией то же происходит и с воспоминаниями вследствие тождественности рамки и разворачивающихся в ней событий [4, с. 135]. Поиск предполагает возможность обращения к ориентирам, количество которых определяется приближенностью или удаленностью воспоминания от настоящего [4, с. 328].

С. Зенкин во вступительной статье к книге «Социальные рамки памяти» указывал на гомогенность воспоминаний и рамки в авторской интерпретации, однако это вызывает некоторые сомнения. По определению, рамка должна обрамлять воспоминания. Если они сливаются, образуя неделимое целое, то нет необходимости говорить о рамке вообще. Соответственно, если, невзирая на расплывчатость определения, М. Хальбвакс акцентирует на ней внимание, рамка имеет значение, а потому этот вопрос требует ответа. Мы полагаем, что, если содержимое рамки памяти – само воспоминание, тогда рамка, обрамляющая и сохраняющая его целостность и, в тоже время, содействующая его воссозданию, – это устойчивая конструкция, составляемая временем, пространством, совокупностью понятий, сохранившихся в памяти в виде

знания, а также ощущений и эмоций, повлиявших на восприятие. Тогда воспоминание – это не что иное, как образ, который есть квинтэссенция памяти.

И данное положение соответствует идее М. Хальбвакса, утверждавшего, что воспоминание есть образ, относящийся к прошлому и пребывающий в настоящем [4, с. 52].

Образы исторической памяти, репрезентируемые как социальные символические конструкты, обуславливая формирование исторической памяти, имеют свою специфику. Учитывая, что они возникают в настоящем и принадлежат настоящему, но извлекаются из социального прошлого, мы констатируем неразмыкаемый круг мнемического возвращения, где рамка символизирует путь с множеством универсальных знаков-ориентиров, а образ – перекрестный пункт назначения, указывающий на потенциальный вектор движения. Очевидно, что в ходе социального развития, сопровождающегося сменой исторических эпох, трансформируются образы и меняются рамки памяти. С одной стороны, общество может осознанно и ответственно пересмотреть свою историю, дополняя ее новыми данными на основе современных подходов, понятий, способов восприятия и познания, стереотипов мышления и поведения. Учитывая возможности междисциплинарных связей, это, в результате, способствует расширению исторического горизонта. С другой стороны, закономерно, что определенные исторические периоды актуализируются, отдельные исторические фигуры ретушируются, конвенциональность социального прошлого фундируется противоречиями.

Таким образом, мы рассматриваем восприятие и воспоминание как основные, относительно автономные механизмы, определяющие функционирование памяти в индивидуально-надындивидуальном измерении. Восприятие – предпосылка возникновения образов, а воспоминание – предпосылка их материализации, и, в то

же время, они представляют собой сознательный процесс, обусловленный мышлением, воображением, волей, и результат в виде образов памяти. Если восприятие прошлого в образах воспоминания и восприятие объектов прошлого как перспективных образов является первым следствием второго, то восприятие, как и воспоминание, имеет разные проявления, оно динамично. Следовательно, и образы, как сложные символические конструкции смыслов, подвержены перманентной трансформации.

Заключение. Постигание целостности социального мира в его историческом развитии возможно благодаря наличию феномена исторической памяти как квинтэссенции исторического сознания, представляющего собой срез общественного сознания, сфокусированного на социальном прошлом, воспринимаемом, представляемом, осмысливаемом и оцениваемом в контексте целостной картины мира во взаимосвязи с настоящим и будущим.

Историю и историческое знание можно интерпретировать как социальную унифицированную память, которая, являясь, в сущности, надындивидуальной памятью, представляется матрицей множества индивидуальных исторических воспоминаний, сконструированных из реставрированных или реконструированных образов.

Фактически проблема исторической памяти – это проблема актуализации прошлого в настоящем, соотносимая с вопросом о социокультурной самоидентификации, требующим отдельного социально-философского анализа.

В рамках данной работы поставлен акцент на соотношении механизмов памяти и выявлении ее основания, что создает предпосылку для дальнейшего осмысления мнемической связи прошлого и настоящего в контексте исследования образа города в исторической памяти его жителей.

Подводя итог, отметим, что тождественность восприятия и воспоминания в интерпретациях и А. Бергсона, и М. Хальбвакса неочевидна, как и единство воспоминания и образа. Однако оба констатируют их взаимосвязь через соотнесение с образами.

Все выше сказанное указывает на то, что функционирование памяти обеспечивается, прежде всего, такими механизмами, как восприятие (которое есть процесс и результат создания в сознании представления об объекте) и воспоминание (которое понимается и как процесс реконструкции образа и знания, и как результат в виде образа), формирующими и воссоздающими образы, которые, являясь социокультурными символами, надиндивидуальны, несмотря на то, что их физическим носителем всегда выступает индивид как социальный субъект. Это позволяет интерпретировать образ как порожденное вследствие восприятия и последующего воспоминания эссенциальное отражение в настоящем объекта, имевшего место в прошлом, олицетворяющего социальное конвенциональное прошлое и являющегося

не более чем отпечаток и, одновременно, повествование о себе самом в динамике от прошлого реального бытия к настоящему мгновению, воспроизводящему его бытие через призму своей преходящей актуальности.

Литература

1. Хаттон, П.Х. История как искусство памяти / П.Х. Хаттон // [Электронный ресурс]. – 2004. – Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek/Buks/History/hatt/index.ptp>. – Дата доступа: 09.02.2011.
2. Бергсон, А. Материя и память / А. Бергсон // Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон; пер. А. Баулера. – Минск: Харвест, 1999. – С. 414–668.
3. Бергсон, А. Воспоминание настоящего / А. Бергсон // Творческая эволюция. Материя и память / А. Бергсон; пер. В. Флеровой. – Минск: Харвест, 1999. – С. 1005–1049.
4. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. С.Н. Зенкина. – М.: Новое издательство, 2007. – 348 с.

Поступила в редакцию 28.06.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.3'36'37'

Словаўтваральнае значэнне і словаўтваральная катэгорыя як адзінкі класіфікацыі матываванай лексікі (на матэрыяле адсубстантыўных найменняў асобы)

© Архіпава Н.К.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

На матэрыяле ўсяго корпусу адсубстантыўных асабовых назоўнікаў сучаснай беларускай мовы разглядаюцца асноўныя паняцці тэорыі словаўтварэння – словаўтваральная катэгорыя і адзінка, якую яна выражае, – словаўтваральнае значэнне; вызначаецца характар іх узаемадзеяння. Прапанованае вылучаць словаўтваральныя катэгорыі розных узроўняў: словаўтваральныя катэгорыі ‘першага ўзроўню’ і словаўтваральныя катэгорыі ‘другога ўзроўню’, якія ўтвараюць характар катэгорый больш высокага ўзроўню (‘першага’) і якія можна суадносіць з мінімальнай сэнсавай адзінкай – “семантычная прымета”. Вылучаюцца “семантычныя прыметы” ў словаўтваральных катэгорый мутацыйнага словаўтварэння (назвы асобы паводле прадметнай прыметы, назвы асобы паводле жыхарства і назвы асобы паводле сваяцтва) і абгрунтоўваецца немагчымасць выдзяляць “семантычныя прыметы” у словаўтваральных катэгорый мадыфікацыйнага словаўтварэння (назвы асобы са значэннем падабенства, назвы асобы паводле значэння процілеглага полу: мужчынскасці, назвы асобы са значэннем недаросласці, назвы асобы са значэннем суб’ектыўнай ацэнкі, назвы асобы са значэннем стылістычнай мадыфікацыі).

Ключавыя словы: адсубстантыўныя асабовыя назоўнікі, назвы асобы, семантычная прымета, словаўтваральнае значэнне, словаўтваральная катэгорыя.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 159–165)

Word building meaning and word building category as units of classification of motivated vocabulary (on the material of adsubstantive proper names)

© Arkhipava N.K.

Educational establishment “Vitebsk State University named after P.M. Masharov”, Vitebsk

On the material of the whole body of adsubstantive proper names in modern Belarusian basic notions of the theory of word building – word building category and unit, which it expresses - word building meaning are considered; character of their interconnection is defined. It is offered to distinguish word building categories of different levels: word building categories of the “first level” and word building categories of the “second level”, which make up the character of the higher level category (“first”) and which can be compared with the minimal sense unit – “semantic feature”. “Semantic features” of word building categories of mutation word building (“proper names due to the subject feature”, “proper names due to place of dwelling” and “proper names due to family relations”) are singled out and the impossibility to define “semantic features” of word building categories of modification word building is pointed out (“proper names with the meaning of likeness”, “proper names due to the meaning of the opposite sex: masculinity”, “proper names with the meaning of under age”, “proper names with the meaning of subjective evaluation”, “proper names with the meaning of stylistic modification”).

Key words: adsubstantive proper names, proper names, semantic feature, word building meaning, word building category.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 159–165)

Адрас для карэспандэнцыі: вул. Воінаў-інтэрнацыяналістаў, д. 30, корп. 1, кв. 47, 210032, г. Віцебск, e-mail: arhipova-n@bk.ru – Н.К. Архіпава

У сучаснай дэрываталогіі налічваецца нямала прац, прысвечаных даследаванню персанальных найменняў у беларускай мове. Такая цікавасць да гэтай групы вытворнай лексікі невыпадковая: асабовыя намінацыі займаюць адно з цэнтральных месцаў у лексічнай сістэме мовы. Гэтыя лексічныя адзінкі характарызуюцца “семантычнай дваіснасцю, якая ўзнікае ў выніку таго, што дадзеныя найменні ўстойліва асацыіруюцца з дзеяннямі, учынкамі, паводзінамі іх носьбітаў, яны адлюстроўваюць у сваім значэнні розныя накірункі быцця чалавека” [1, с. 146]. Менавіта яны дакладна і глыбока раскрываюць многія культурна-нацыянальныя, сацыяльна-палітычныя і бытавыя паняцці і ўяўленні народа.

У беларускім мовазнаўстве паслядоўнае вывучэнне словаўтваральных асаблівасцей асабовых назваў пачалося з сярэдзіны дваццатага стагоддзя. Калі ў 50–60-я гады гэта былі фрагментарныя палажэнні ў артыкулах, манаграфіях, дысертацыях, то пачынаючы з 70-х гадоў мінулага стагоддзя, сталі з’яўляцца працы, поўнасцю прысвечаныя аналізу назоўнікаў са значэннем персанальнасці. У распрацоўку праблем утварэння асабовых назваў унеслі ўклад наступныя навукоўцы: Г.А. Арцямёнак, В.А. Бекіш, В.Л. Варановіч, П.В. Вярхоў, М.Р. Гарбачык, У.М. Генкін, Б.І. Касоўскі, С.С. Кацэвіч, С.С. Клундук, М.М. Кру-талевіч, М.Н. Крыўко, А.А. Лукашанец, В.А. Ляшчынская, А.А. Мачалава, М.А. Паўленка, У.Т. Піскун, В.І. Сянкевіч, П.У. Сцяцко, В.Б. Хацкевіч і інш.

Між тым, нельга сказаць, што асноўныя пытанні, звязаныя з утварэннем назоўнікаў са значэннем асобы, разгледжаны з дастатковай ступенню паўнаты і канкрэтнасці. Як правіла, рамкі даследаванняў абмежаваны пэўнымі тыпамі, спосабамі, катэгорыямі. Таму комплекснае вывучэнне назоўнікаў са значэннем асобы з’яўляецца актуальнай праблемай у сучаснай беларускай мове.

У Тлумачальным слоўніку беларускай мовы [2] і Беларуска-рускім слоўніку [3] зафіксавана прыкладна 4250 адназоўніковых асабовых намінацый. Мэта дадзенай працы – правесці іерархічную класіфікацыю асабовых найменняў з пазіцый асноўных паняццяў і адзінак сінхроннага словаўтварэння – словаўтваральнай катэгорыі і словаўтваральнага значэння, як адной з важнейшых характарыстык словаўтваральнага тыпу; вызначыць характар іх узаемадзеяння; вылучыць словаўтваральныя катэгорыі асабовых найменняў розных узроўняў.

Матэрыял і метады. Метады даследавання абумоўлены аб’ектам вывучэння і падпарадкаваны яго асноўнай мэце і задачам. Менавіта гэта паслужыла асновай пры выбары ў якасці галоўнага апісальнага метаду, які базіруецца на адзінстве прыёмаў абагульнення, сістэматызацыі і інтэрпрэтацыі. Аналіз фактычнага матэрыялу ў працы выдзецца з пазіцый фармальных словаўтваральных сродкаў – фармантаў, аднак значнае месца адводзіцца і семантычнаму аспекту даследавання, паколькі словаўтваральная семантыка – асноўны крытэрыі разглядаемага разраду лексікі на словаўтваральныя катэгорыі. Таму на пачатковым этапе даследавання прымяняецца метада дэфініцый, а таксама метада семантычнага паглыблення. Аб’яднанне матываваных назоўнікаў у словаўтваральныя тыпы і словаўтваральныя катэгорыі ажыццяўляецца з дапамогай супастаўляльнага метаду. У даследаванні выкарыстаны прыёмы словаўтваральнага аналізу і колькасных падлікаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. У замежных даследаваннях паняцце словаўтваральнае значэнне закраналася Э. Сепірам яшчэ ў 30-х гадах мінулага стагоддзя, але навуковец аб’ядноўваў гэты від значэння з лексічным і не надаваў яму статус самастойнага. Сваю “самастойнасць” словаўтваральнае

значэнне набыло ў канцы 50-х гадоў. Напрыклад, у рускай мове Б.М. Галавін прапанаваў “вылучаць, побач з граматычным і лексічным значэннямі, трэці сэнсавы слой – значэнні словаўтваральныя” [4, с. 139]. Такую ж пазіцыю займае В.У. Горбань. Яна падкрэслівае, што “словаўтваральнае значэнне ў слове вылучаецца разам з лексічным і граматычным, але толькі ў матываваных словах. У гэтым яго спецыфіка”. “Словаўтваральнае значэнне, займаючы пазіцыю паміж лексічным і граматычным, уступае з ім у адносіны, якія можна ўявіць як адносіны адзінкавага, асаблівага і ўсеагульнага. Ступень абстрагаванасці, абагульненасці павялічваецца ад лексічнага значэння да словаўтваральнага і ад яго да граматычнага” [5, с. 31–32].

Калі пытанне пра наяўнасць словаўтваральнага значэння навукоўцамі сёння не аспрэчваецца, то пытанне яго сутнасці патрабуе ўдакладнення. Існуюць розныя падыходы ў разуменні словаўтваральнага значэння. Нам імпаўнае азначэнне, зафіксаванае ў “Рускай граматыцы” (1980): “Тое агульнае значэнне, якое адрознівае ўсе матываваныя словы дадзенага тыпу ад матывавальных, з’яўляецца словаўтваральным значэннем слоў гэтага тыпу” [6, с. 135]. Не супярэчыць гэтай фармулёўцы і азначэнне “Беларускай граматыкі” (1985): “Словаўтваральнае значэнне – гэта тое агульнае значэнне, якое аб’ядноўвае вытворныя словы ў адзін словаўтваральны тып, адрознівае іх ад сваіх утваральных” [7, с. 211].

У літаратуры па словаўтварэнні ставіцца пытанне, з чым суадносіць словаўтваральнае значэнне ў слове, **што** ў вытворным слове з’яўляецца фармальным выразнікам словаўтваральнага значэння. Адны даследчыкі лічаць, што такім выразнікам выступае афікс, іншыя – мадэль. Мы ж прытрымліваемся меркавання, што словаўтваральнае значэнне нельга звесці ні да значэння афікса, ні да значэння мадэлі. У пацвярджэнне гэтай думкі прывядзем прыклад. Калі дапусціць, што

праз суфікс выражаецца словаўтваральнае значэнне, то як яго вызначыць толькі з улікам значэння суфікса, у словах, напрыклад, на *-нік* (*баечнік, вярочнік, градуснік, кароўнік, маліннік*)? Тое ж можна сказаць пра мадэль. Адну схему адносіны вытворных і ўтваральных маюць, напрыклад, словы *бульдазерыст* і *машыніст*, а належаць яны да розных словаўтваральных мадэлей. Напэўна, сувязь паміж словаўтваральным значэннем і формай яго выражэння не патрэбна разумець адназначна. Мы мяркуем, што словаўтваральнае значэнне ўстанаўліваецца ў выніку супастаўлення вытворнага і ўтваральнага, бо мы заўсёды мысленна шукаем магчымае ўтваральнае, калі вызначаем словаўтваральнае значэнне вытворнага. Напрыклад, лексічнае значэнне слова *машыніст* ‘спецыяліст, рабочы, які працуе на машыне і кіруе ёю’, а словаўтваральнае – “назва асобы паводле прафесіі ў прамысловай вытворчасці” атрымалася шляхам адымання значэння слова *машына* з вытворнага. У выніку гэтай аперацыі застаецца сэнсавая адзінка ‘асоба’, якая выражаецца суфіксам *-іст*, і сэнсавая адзінка ‘прафесія ў прамысловай вытворчасці’, якая фармальнага выражэння не мае. Гэта яшчэ раз падмацоўвае меркаванне навукоўцаў, што словаўтваральнае значэнне займае пазіцыю паміж лексічным і граматычным значэннямі. Шукаючы адказ на пастаўленае пытанне, з чым жа суадносіцца словаўтваральнае значэнне, нам бліжэй думка В.У. Горбань. У сваіх разважаннях яна прыходзіць да высновы, што “словаўтваральнае значэнне суадносіцца з такой адзінкай, як словаўтваральная катэгорыя”, а “абагульненасць, абстрактнасць, што характарызуюць словаўтваральную катэгорыю, робяць яе найбольш удачай для апісання матэрыялу даследавання, бо дазваляе

прадставіць словаўтваральнае значэнне, у якім словаўтваральная катэгорыя знаходзіць сваё канкрэтнае выражэнне, спіскам” [5, с. 44–46]. Сярод айчынных навукоўцаў падобнай думкі прытрымліваецца А.А. Лукашанец. Ён адзначае, што “...у аснову класіфікацыі семантыкі словаўтваральных сродкаў можа быць пакладзена паняцце словаўтваральнай катэгорыі як адзінкі вышэйшай ступені абстрагаванасці ў параўнанні з паняццем словаўтваральнага значэння ў яго найбольш пашыраным разуменні” [8, с. 60]. Мы ў сваім даследаванні будзем браць за аснову сістэму словаўтваральных катэгорый, прапанаваную А.А. Лукашанцам:

- 1) словаўтваральная катэгорыя ‘назвы асобы паводле прадметнай прыметы’;
- 2) словаўтваральная катэгорыя ‘назвы асобы паводле сваяцтва’;
- 3) словаўтваральная катэгорыя ‘назвы асобы паводле жыхарства’;
- 4) словаўтваральная катэгорыя ‘назвы асобы са значэннем падабенства’;
- 5) словаўтваральная катэгорыя ‘назвы асобы паводле значэння процілеглага полу’: 1) жаночасці; 2) мужчынскасці’;
- 6) словаўтваральная катэгорыя ‘назвы асобы са значэннем недаросласці’;
- 7) словаўтваральная катэгорыя ‘назвы асобы са значэннем суб’ектыўнай ацэнкі’;
- 8) словаўтваральная катэгорыя ‘назвы асобы са значэннем стылістычнай мадыфікацыі’ [8, с. 66].

Калі прызнаваць іерархічны характар арганізацыі сістэмы словаўтварэння, мэтазгодна, на нашу думку, вылучаць словаўтваральныя катэгорыі двух узроўняў: словаўтваральныя катэгорыі першага ўзроўню і словаўтваральныя катэгорыі другога ўзроўню. Пэралічаныя намі вышэй катэгорыі, мы будзем адносіць да катэгорый першага ўзроўню, бо кожная з іх “...можа разглядацца як адзінка словаўтваральнай семантыкі больш высокай ступені абстрагаванасці...” [8, с. 61]. Абагульненасць, абстрактнасць, характэрныя словаўтваральнай катэгорыі ‘першага ўзроўню’, робяць яе найбольш удалай адзінкай для апісання матэрыялу, але не адзінай. Для больш глыбокага

пранікнення ў словаўтваральную семантыку вытворнага слова мы лічым неабходным выдзеліць словаўтваральныя катэгорыі другога ўзроўню, якія і ўтвараюць катэгорыі больш высокага (першага) ўзроўню. “Калі ... ведаць ансамбль кампанентаў і адносіны, якія паміж імі існуюць, то вышэйшыя ўзроўні можна вывесці з гэтых кампанентаў” [9, с. 24]. Словаўтваральныя катэгорыі другога ўзроўню можна суадносіць з мінімальнымі сэнсамі, якія, услед за Г.А. Уфімцавай, мы будзем называць “семантычная прымета”. Пад “семантычнай прыметай”, на нашу думку, неабходна разумець “адлюстраванне ў свядомасці носьбітаў мовы розных рыс, якія аб’ектыўна ўласцівы дэнатату або яны яму прыпісваюцца дадзеным моўным асяроддзем і, адпаведна, яны з’яўляюцца аб’ектыўнымі па адносінах да кожнага, хто гаворыць” [10, с. 95].

У словаўтваральнай катэгорыі ‘назвы асобы паводле прадметнай прыметы’ (першы ўзровень) можна вылучыць наступныя семантычныя групы вытворных (другі ўзровень): ‘назва асобы паводле грамадскіх, палітычных, навуковых, рэлігійных і іншых накірункаў, плыняў’ (*антыфашыст, антыфашыстка, апартуніст, апартуністка, атэіст, атэістка, абстракцыяніст, абстракцыяністка, абаліцыяніст, банапартыст, банапартыстка, баптыст, баптыстка* і інш.), ‘назва асобы паводле спецыялізаваанай і іншай працоўнай дзейнасці ў сферы прамысловай вытворчасці’ (*абівальшчыца, абліцоўшчыца, архітэктар, адчэпшчык, адчэпшчыца, алмазчык, башмачнік, башмачніца, буфетчык, буфетчыца, бульдазерыст, бакалейшчык, бакалейшчыца* і інш.), ‘назва асобы ў навуковай сферы’ (*афрыканіст, аэрограф, астэолаг, акіянаўт, батанік, батанічка, біяфізік, біёнік, вулканалаг, географ, геаграфічка, гісторык, гістарычка* і інш.), ‘назва асобы ў сферы медыцыны’ (*анколаг, артрытык, артрытычка,*

акушэрка, акулярыст, ананіст, ананістка, венеролаг, вітамінолаг, вочнік, вушнік, гамеопат, гамеопатка, гінеколаг і інш.), ‘назва асобы ў вайскавай сферы’ (аўтаматчык, аўтаматчыца, авіятар, авіятарка, аднапалчанка, армеец, артылерыст, акупнік, акупніца, арсеналец, батарэец, гвардзеец, грана-тамётчык і інш.), ‘назва асобы ў сферы спорту і турызму’ (акрабатка, атлет, альпініст, альпіністка, аквалангіст, аквалангістка, батутыст, бейсбаліст, бейсбалістка, валеібалістка, гандбаліст, гандбалістка, горналыжніца і інш.), ‘назва асобы ў сферы рэлігіі’ (адзінаверка, адвентыст, адвентыстка, архідыякан, архібіскуп, абатыса, багамолка, бацюшка і інш.), ‘назва асобы ў сферы сельскай гаспадаркі’ (агратэхнік, аграном, аграномка, агароднік, агародніца, бурачнік, бурачніца, вінаградар, гусятнік, гусятніца і інш.), ‘назва асобы ў сферы мастацтва’ (актрыса, акварэліст, акварэлістка, арфіст, арфістка, аркестрант, аркестрантка, быліншчык, баталіст, вадэвіліст, вадэвілістка, гітарыст, гітарыстка і інш.), ‘назва асобы паводле агульных паводзін’ (абармотка, акура-тыстка, актывістка, алкаголік, алкагалічка, альтруіст, альтруістка, балаганшчык, балаганшчыца, баламутка, барахольшчык, барахольшчыца, басячка, gryмаснік, gryмасніца і інш.), ‘назва асобы паводле маўленчых паводзін’ (анекдатыст, анекдатыстка, аратарка, агітатарка, апавяшчальніца, бяседнік, баечнік, баечніца, балабонка, гласатар, гутаршчык, гутаршчыца і інш.), ‘назва асобы паводле сувязі, супастаўлення, падабенства з іншай асобай’ (аднакласніца, аднаклубніца, адрасант, адрасантка, адрасат, адрасатка, бабылька ці бабылка і інш.), ‘назва асобы паводле сацыяльнага становішча, сацыяльнай прыметы’ (акадэмік, арыстакратка, аліментшчык, аліментшчыца, апякунка, апрычнік, архімільянер, буржуй, буржуйка, безбілетнік, безбілетніца, выбаршчык, выбаршчыца і інш.), ‘назва асобы паводле маёмасці’ (абанентка, акцыянер, акцыянерка, багаццейка, банкір, банкірка і інш.).

У словаўтваральнай катэгорыі ‘назвы асобы паводле жыхарства’ (першы ўзровень) мы вылучаем такія “семантычныя прыметы” (другі ўзровень): ‘назва асобы паводле агульнай назвы жыхароў’ (бежанка, грамадзянка, зямляк, зямлячка, імігрант, імігрантка, напасёлка, рэпатрыянт, рэпатрыянтка, суайчыннік, суайчынніца і інш.), ‘назва асобы паводле часовага месцапражывання, месцазнаходжання’ (бяздомнік, бяздомніца, дачнік, дачніца, кватарант, кватарантка, лагернік, лагерніца, санаторнік, санаторніца, пансіянер, пансіянерка і інш.), ‘назва асобы паводле жыхарства на планеце’ (зямлянін, зямлянка, марсіянін, марсіянка), ‘назва асобы паводле жыхарства на кантыненте’ (азіят, азіятка, амерыканец, амерыканка, аўстраліец, аўстралійка, афрыканец, афрыканка, еўрапеец, еўрапейка), ‘назва асобы паводле жыхарства на частцы сушы’ (горац, гаранка, лесавік, лесавічка, стэпавік, стэпавічка, таежнік, таежніца, памаранка і інш.), ‘назва асобы паводле жыхарства на пэўнай тэрыторыі ці мясцовасці’ (камчадал, камчадалка, каўказец, каўказка, сібірак, сібірачка, тыбец, тыбетка і інш.), ‘назва асобы паводле жыхарства ў краіне’ (албанец, албанка, алжырац, алжырка, аргенцінец, аргенцінка, афганец, афганка, украінец, украінка, эстонец, эстонка і інш.), ‘назва асобы паводле жыхарства ў адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінцы’ (абхазец, абхазка, асечін, асечінка, аджарац, аджарка, дагестанец, дагестанка, кашмірац, кашмірка і інш.), ‘назва асобы паводле жыхарства ў населеным пункце’ (гараджанін, гараджанка, селянін, сялянка, скітнік, скітніца, станічнік, станічніца і інш.), ‘назва асобы паводле жыхарства ў прыватных паселішчах’ (абшарнік, абшарніца, фермер, фермерка, хутаранін, хутаранец, хутаранка і інш.), ‘назва асобы як назва жыхара сярод

міфалагічных, казачных істот' (*вадзянік, дамавік, лясун, палявік*).

Некаторыя пералічаныя намі семантычныя прыметы з'яўляюцца ўзаемаперасякальнымі. Адны і тыя ж лексемы могуць адначасова ўключацца ў склад дзвюх семантычных катэгорый другога ўзроўню. Напрыклад, *ісландзец* ('назва асобы паводле жыхарства на пэўнай тэрыторыі (вострава)' і 'назва асобы паводле жыхарства ў краіне'); *аўстраліец* ('назва асобы паводле жыхарства на кантынентце' і 'назва асобы паводле жыхарства ў краіне') і інш.

У словаўтваральнай катэгорыі 'назвы асобы паводле сваяцтва' (першы ўзровень), на нашу думку, можна вылучыць наступныя семантычныя прыметы (другі ўзровень): 'назва асобы паводле роднасці' (*бабка, браценік, баранет, пападзюк, паповіч, пападзянка, папоўна, прадзед, прапраўнучка, паследыш* і інш.), 'назва асобы паводле параднення' (*пасынак, падчарыца ці падчарка, кума, свякроў ці свякруха* і інш.), 'назва асобы паводле афіцыйных сямейных, шлюбных адносін з дадатковай характарыстыкай па сацыяльным становішчы' (*адміра-ліха, атаманіха, баранеса, герцагіня, генераліха, пападдзя* і інш.), 'назва асобы паводле неафіцыйных шлюбных адносін' (*палюбоўнік, палюбоўніца, сужыцель, сужыцелька* і інш.).

Паколькі словаўтваральныя катэгорыі першага ўзроўню 'назвы асобы са значэннем падабенства', 'назвы асобы паводле значэння процілеглага полу: мужчынскасці', 'назвы асобы са значэннем недаросласці', 'назвы асобы са значэннем суб'ектыўнай ацэнкі' і 'назвы асобы са значэннем стылістычнай мадыфікацыі' нешматлікія па колькасці лексем, то выдзяленне ў іх складзе словаўтваральных катэгорый другога ўзроўню, па нашым меркаванні, не ўяўляецца мэтазгодным.

Асобнага разгляду патрабуе словаўтваральная катэгорыя 'назвы асобы паводле значэння процілеглага полу: жаночасці'. Такія назоўнікі спалучаюць адно з **мутацыйных значэнняў**: 'асоба паводле прадметнай прыметы', 'асоба

паводле месцапражывання' ці 'асоба паводле сваяцтва' – 'жанчына ў адносінах да таго, хто названы матывавальным словам' і **мадыфікацыйнае значэнне** 'жаночасці' – 'асоба жаночага полу'. Гэтыя дэрывацыйныя значэнні ўключаюцца ў семантыку матываванага слова паслядоўна на кожным наступным кроку дэрывацыі (*Еўропа* → *еўрапеец* (мутацыйнае значэнне) → *еўрапейка* (мадыфікацыйнае значэнне)). На гэтай падставе жаночыя намінацыі намі разглядаюцца ў словаўтваральных катэгорыях мутацыйнага словаўтварэння.

Заклучэнне. Такім чынам, на матэрыяле адсубстантыўных найменняў асобы намі выяўлены словаўтваральныя катэгорыі двух узроўняў.

Першы ўзровень прадстаўлены мутацыйнымі ('назвы асобы паводле прадметнай прыметы', 'назвы асобы паводле жыхарства', 'назвы асобы паводле сваяцтва') і мадыфікацыйнымі ('назвы асобы са значэннем падабенства', 'назвы асобы паводле значэння процілеглага полу: 1) жаночасці; 2) мужчынскасці', 'назвы асобы са значэннем недаросласці', 'назвы асобы са значэннем суб'ектыўнай ацэнкі', 'назвы асобы са значэннем стылістычнай мадыфікацыі') словаўтваральнымі катэгорыямі, **другі ўзровень** – канкрэтызаванымі ў адпаведнасці са значэннямі словаўтваральных тыпаў катэгорыямі ўнутры катэгорый першага ўзроўню.

Літаратура

1. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 384 с.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск: БелСЭ, 1977. – Т. 1. – 608 с.; 1978. – Т. 2. – 768 с.; 1979. – Т. 3. – 672 с.; 1980. – Т. 4. – 768 с.; 1983. – Т. 5, кн. 1. – 663 с.; 1984. – Т. 5, кн. 2. – 608 с.

3. Беларуская-рускі слоўнік: у 2 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. К.К. Атраховіч (Кандрат Крапіва). – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск: БелСЭ, 1988. – Т. 1. – 813 с.; 1989. – Т. 2. – 748 с.
4. Головин, Б.Н. Словообразовательная типология русских приставочных глаголов / Б.Н. Головин // Славян. языкозн. – М.: АН СССР, 1959. – С. 139–148.
5. Горбань, В.В. Отсубстантивные наименования лица в современном русском языке (словообразовательно-семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01/ В.В. Горбань. – Одесса, 1987. – 209 л.
6. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
7. Беларуская граматыка: у 2 ч. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; рэд. М.В. Бірыла, П.П. Шуба. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985. – Ч. 1: Фаналогія. Арфаэпія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск. – 431 с.
8. Лукашанец, А.А. Словаўтварэнне і граматыка. – Мінск: Права і эканоміка, 2001. – 252 с.
9. Бертуланфи фон Л. История и статус общей теории систем / Бертуланфи фон Л. // Системные исследования: ежегодник. – М., 1973. – С. 21–30.
10. Гак, В.Г. К проблеме гноселогических аспектов семантики слова / В.Г. Гак // Вопросы описания лексико-семантической системы языка: тез. док. – М., 1971. – Ч. 1. – С. 94–96.

Паступіла ў рэдакцыю 05.04.2011 г.

Прынята ў друк 12.12.2011 г.

УДК 821.161.3.0

Поліфанічная прырода рамана М. Гарэцкага “Віленскія камунары” (1931–1932)

© Губская В.М.

Установа адукацыі “Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт”, Мінск

У гэтым артыкуле даследуецца апавядальная структура рамана М. Гарэцкага “Віленскія камунары” (1931–1932). Выказваецца меркаванне пра наяўнасць двойной падзейнасці ў творы – падзеі, якую перажыў сам аўтар, і той, якую стварыў непасрэдна ў рамане. Аналізуецца пазіцыя аўтара, раскрываецца змест вобраза галоўнага героя Мацея Мышкі, вызначаецца наяўнасць “дзвюх свядомасцей” у рамане – “свядомасці героя” і “свядомасці аўтара”, што дазваляе больш глыбока адчуць не толькі галоўную ідэю твора, але і гістарычны кантэкст. У артыкуле падкрэсліваецца ўніверсальнасць стылю М. Гарэцкага. Наяўнасць гэтых асаблівасцей паэтыкі прыводзіць да меркавання аб поліфанічнай прыродзе рамана “Віленскія камунары”. Гэты артыкул сцвярджае аргументаваную неабходнасць адыходу ад традыцыйнага погляду на раман як гістарычны раман-хроніку і абгрунтаваць новую пазіцыю: раман М. Гарэцкага “Віленскія камунары” – поліфанічны раман.

Ключавыя словы: апавядальная структура рамана, двойная падзейнасць твора, праблема “ўласнага аўтарства”, пазіцыя аўтара, змест вобраза галоўнага героя, “свядомасць героя”, “свядомасць аўтара”, поліфанічная прырода рамана “Віленскія камунары”.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 166–173)

The polyphonic nature of the novel by M. Goretski “Vilenskiya Communiary” (1931–1932)

© Gubskaya V.M.

Educational establishment «Belarusian State Economic University», Minsk

This article explores the narrative structure of the novel by M. Goretski “Vilenskiya Communiary” (1931–1932). An assumption is made of the presence of double events in the masterpiece, events which the author himself witnessed and those which he created in the novel. The position of the author is analyzed, the meaning of the image of the central character Mathew is disclosed, presence of “two consciousnesses” is found out – “the consciousness of the hero” and the “consciousness of the author” that allows us to feel deeper not only the main idea of the work but also historical context. The article stresses the universality of M. Goretski’s style. These peculiarities of the poetics result in the idea of the polyphonic nature of the novel “Vilenskiya Communiary”. The article states the argued necessity to deviate from the traditional idea of the novel as a historical novel – chronicle and give grounds for a new position: the novel by M. Goretski. “Vilenskiya Communiary” is a polyphonic novel.

Key words: narrative structure, double events in the masterpiece, problem of “personal authorship”, position of the author, content of the main hero’s image, hero’s consciousness, the author’s consciousness, polyphonic nature of the novel “Vilenskiya Communiary”.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 166–173)

Творчасць М. Гарэцкага даследавалася такімі навукоўцамі, як А. Адамовіч, Д. Бугаёў, М. Мушынскі, І. Чыгрын, Л. Корань, Т. Голуб і інш., у матэрыя-

лах Гарэцкіх чытанняў. Увага надавалася аглядаваму аналізу творчасці пісьменніка, разглядалася ідэйная эвалюцыя яго творчасці, высвятлялася

Адрас для карэспандэнцыі: вул. Шаранговіча, д. 35, кв. 42, г. Мінск,
e-mail: o_gubskaya@mail.ru – В.М. Губская

жанравая спецыфіка яго твораў, рабіліся спробы раскрыць цэнзурныя купюры, якія ў дастатковай ступені замаруджвалі імкненне даследчыкаў стварыць навуковую карціну ідэйна-мастацкага зместу творчасці пісьменніка.

Нягледзячы на тое, што вывучэннем літаратурнай спадчыны М. Гарэцкага ў апошні час займаюцца даволі актыўна (былі абаронены дысертацыі па тэмах “Лексікаграфічная спадчына М. Гарэцкага: моўна-гістарычны кантэкст, фарміраванне лексікону, нармалізатарская практыка” І. Савіцкай (2002), “Гутарковая камунікацыя ў мастацкай прозе М. Гарэцкага: спосабы стылізацыі” Л. Кныш (2006), “Тыпалогія нацыянальнага характару ў творчасці Кнута Гамсуна і Максіма Гарэцкага” В. Уткевіч (2006), “Ідэйна-мастацкая эвалюцыя творчасці М. Гарэцкага” Г. Кажамякіным (2007), “Мастацкае ўвасабленне нацыянальнага характару ў драматургіі Максіма Гарэцкага” А. Шышко (2009)), існуе шэраг проблем, якія патрабуюць высвятлення.

Так, раман М. Гарэцкага “Віленскія камунары” і па сёняшні дзень застаецца адным з самых маладаследаваных у творчай спадчыне пісьменніка. Існуюць розначытання пры вызначэнні жанравай спецыфікі рамана.

Мэта дадзенага артыкула – аналіз наратыўнай структуры рамана “Віленскія камунары”. Задачы – аргументавана адысці ад традыцыйнага погляду як на гістарычны раман-хроніку і абгрунтаваць новую пазіцыю: раман М. Гарэцкага “Віленскія камунары” – поліфанічны раман.

Матэрыял і метады. У рабоце, дзе аб’ектам даследавання выступае апа-вядальная структура рамана М. Гарэцкага “Віленскія камунары”, выкарыстаны канкрэтна-аналітычны і параўнальна-супастаўляльны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Праблема, пастаўленая ў артыкуле, вызначаецца сваёй актуальнасцю: апа-вядальная структура класічнай прозы М. Гарэцкага

разглядаецца ў ім як паз-нака яскравага індывідуальнага стылю.

Выказваецца меркаванне аб наяўнасці двайной падзейнасці ў творы, якая, у сваю чаргу, прыводзіць да праблемы “ўласнага аўтарства”. Аналізуецца пазіцыя аўтара, раскрываецца змест вобраза галоўнага героя рамана Мацея Мышкі, што дазваляе вызначыць наяўнасць “двух свядомасцей” у рамане – “свядомасці героя” і “свядомасці аўтара”, убачыць рысы хранікальнага, апісальнага, авантурна-прыгодніцкага, і разам з тым рэалістычнага пісьма ў тэксце М. Гарэцкага. Наяўнасць гэтых асаблівасцей паэтыкі прыводзіць да думкі пра поліфанічную прыроду рамана “Віленскія камунары”.

Выказваецца меркаванне, што раман “Віленскія камунары” – першы поліфанічны раман класічнай беларускай літаратуры. Паняцце поліфаніі выкарыстоўваецца як тэрмін. Тэрміналагічнае значэнне паняццю надаў М. Бахцін у працах, прысвечаных творчасці Ф. Дастаеўскага.

Аднак задачай было не дастасаваць бахцінскую тэрміналогію да творчасці М. Гарэцкага, а, адштурхнуўшыся ад бахцінскага прачытання тэкстаў Ф. Дастаеўскага, падкрэсліць спецыфіку поліфанічнага гучання ў рамане М. Гарэцкага, дзе круггляд і голас аўтара падаюцца не толькі сінхронна, але і відавочна ў звязцы з кругглядам і голасам персанажа (галоўнага героя “Віленскіх камунараў” Мацея Мышкі). Пры гэтым асноўны акцэнт зроблены на разуменні таго, што аўтар і чытач знаходзяцца ў розных часе і прасторы ў дачыненні да твора.

Аналітычны разгляд тэксту (што традыцыйна вызначаўся як гісторыка-рэвалюцыйны) з новага пункту гледжання, з улікам наратыўнай ускладненасці, дазволіў абгрунтаваць, сцвердзіць іншае, сучаснае вызначэнне жанру “Віленскіх камунараў” – гэта не толькі

гістарычны раман-хроніка, але і поліфанічны раман, бо ў ім назіраюцца рысы хранікальнага, апісальнага, авантурна-прыгодніцкага і разам з тым рэалістычнага пісьма.

Апавядальная (наратыўная) структура рамана М. Гарэцкага “Віленскія камунары” (1931–1932) вызначана “двайной падзейнасцю”. Сярод дастатковай колькасці трактовак гэтага паняцця выдзяляецца думка М. Бахціна: “Перад намі дзве падзеі: падзея, пра якую апавядаецца ў творы, і падзея самога аповеду (у гэтым апошнім мы і самі ўдзельнічаем як слухачы-чытачы); падзеі гэтыя адбываюцца ў розныя часы (розныя і па працягласці) і ў розных месцах, і ў той жа час яны непарыўна аб’яднаны ў адзінай, але складанай падзеі, якую мы можам пазначыць як твор у яго падзейнай паўнаце. <...> Мы ўспрымаем гэтую паўнату ў яе цэласнасці і непадзельнасці, але адначасова разумеем і ўсю розніцу момантаў, якія яе складаюць” [1, с. 403].

Пытанне “двайной падзейнасці” ў мастацкім творы выцякае з праблемы, якую М. Бахцін вызначае як праблему “асабістага аўтарства”. На яго думку, “пазіцыя аўтара рамана ў дачыненні да адлюстраванай рэчаіснасці вельмі складаная і праблематычная ў параўнанні з эпасам, з драмаю, з лірыкай. Агульная праблема “асабістага аўтарства” тут ускладняецца неабходнасцю мець нейкую істотную нявыдуманую маску, якая вызначае як пазіцыю аўтара (як і адкуль ён – прыватны чалавек – бачыць і раскрывае гэта прыватнае жыццё), так і яго пазіцыю ў дачыненні да чытачоў, да публікі (у якасці каго ён выступае з “выкрыццём” жыцця – у якасці судзі, следчага, “сакратара-праакаліста”, палітыка, прапаведніка, блазна і г.д.)” [1, с. 310].

Усведамленне прысутнасці гэтай праблемы (праблемы асабістага аўтарства) ў рамана “Віленскія камунары” дазваляе выказаць меркаванне, што вобраз Мацея Мышкі – гэта і ёсць тая “істотная, нявыдуманая” маска, якая дазваляе зразумець, адкуль сам

пісьменнік “бачыць і раскрывае гэта прыватнае жыццё”. А бачыць ён яго з самай глыбі народа, з таго асяроддзя, якое было блізкім і зразумелым яму, як сялянскаму сыну, хто, як і ўсе абяздоленыя, верыў абяцанням пра знішчэнне несправядлівасці жыцця.

Іншая справа, якую пазіцыю як аўтар-творца ён прымае ў дачыненні да чытача, якой мэты жадае дасягнуць. Тут трэба нагадаць, што ад рэвалюцыі 1917 года да напісання рамана “Віленскія камунары” (1931–1932) прайшло 15 год. За гэты час пісьменнік меў магчымасць пераасэнсаваць гэту значную гістарычную падзею, супаставіць спадзяванні з вынікамі, абяцанні з рэальна дасягнутым, а, самае галоўнае, спазнаць усё гэта праз уласны лёс, што быў не надта літасцівы да М. Гарэцкага (за 15 год пісьменнік быў двойчы арыштаваны: першы раз белапалякамі за пракамуністычную дзейнасць, другі раз камуністамі па падазрэнні ў антысавецкай дзейнасці). Такая школа жыцця ўнесла сур’ёзныя карэктывы ў разуменне М. Гарэцкім сутнасці рэвалюцыйных падзей. Дзеля таго, каб паказаць сапраўдную рэвалюцыю, а не глянцавае яе апісанне, аўтару-творцу і спатрэбіўся вобраз Мацея Мышкі, чалавека, які прадстае перад чытачом часам дзіваком, часам прайдзісветам, а часам нават і героем. Гэта ўдалая знаходка пісьменніка-прафесіянала, бо, па словах М. Бахціна, “раманіст мае патрэбу ў нейкай істотнай фармальна-жанравай масцы, якая вызначыла б як яго пазіцыю, так і пазіцыю для апублікавання жыцця. І вось тут маскі блазна і дурня, канечне, розным чынам трансфармаваныя, і прыходзяць раманістам на дапамогу... Вельмі важны момант пры гэтым – непрамое, пераноснае значэнне вобраза чалавека, суцэльная іншасказальнасць яго” [1, с. 311].

Безумоўна, мы не можам лічыць Мышку ні цалкам блазнам, ні дурнем,

але пэўная шматграннасць вобраза (бо на самой справе дзеяннем Мышкі складана даць адназначную ацэнку) даводзіць чытача да разумення, што пісьменнік уступае з ім у пэўнае сумоўе, стварае нейкую сваю “падзею”, якая ў дастатковай ступені адрозніваецца ад хрэстаматыйнага апісання рэвалюцый гісторыкамі. Уменне ўбачыць наяўнасць гэтай другой “падзеі”, усведамленне “непрамога” значэння вобраза галоўнага героя, разуменне таго, што аўтар і чытач знаходзяцца ў розных часе і прасторы ў дачыненні да твора, і з’яўляецца ключом да правільнага разумення стылю М. Гарэцкага ў “Віленскіх камунарах”.

Праз рух герояў, які часам нагадвае броўнаўскі (можна таму і “мышкавы”), можна ўбачыць праўдзівую гістарычную панараму – што хутчэй за ўсё і было задачай аўтара. А навошта ж уведзены ў твор дзівакі Мышкі, апрыёры актыўныя барацьбіты, калі можна было б ужо ў апрацаванай аўтарам творчай манеры дакументальнага аповеду перадаць змест падзей і пазбегнуць такім чынам розначытання і цэнзарскіх заўваг? Час змяняўся, цэнзура ўзмацнялася, і сам М. Гарэцкі захацеў памяняць стыль дакументальнага аповеду, характэрнага, напрыклад, для “Камароўскай хронікі”.

У рамане “Віленскія камунары” ўзнікае шматузроўневасць тэксту, так званая “двайная падзейнасць”, дзе паралельна з гісторыяй самога рамана, падтэкстава, завуалювана, паказваецца гісторыя сапраўдная. Такім чынам мы можам сачыць за дзвюма падзеямі: падзеямі рамана і падзеямі-фактамі гісторыі. Менавіта такое супастаўленне і выводзіць нас да разумення аўтарскай канцэпцыі.

Маўленне героя выглядае маналагічным толькі фармальна. Чытач увесь час адчувае аўтарскую пазіцыю, чуе інтанацыю самога Максіма Гарэцкага, які “даручае” персанажу расказаць пра перажытае і асэнсаванае ім самім. Пісьменнік фактычна стварае дзве рэальнасці. Першая – пастка для шараговага чытача, другая – тое балючае,

нацыянальна-адраджэнцкае, на чым хацеў акцэнтаваць увагу М. Гарэцкі.

Для прыкладу возьмем эпізод, у якім пошукі нечага новага ў жыцці (а трэба адзначыць, што Мацей Мышка – асоба схільная да самааналізу, чые душэўныя пошукі накіраваны на дасягненне душэўнага камфорту) прыводзяць нашага героя ў Вільню ў Беларускае клуб на Віленскай вуліцы, 29. Канцэрты, спевы, танцы, буфет, маладыя дзяўчаты, зварот на “ты” нават да незнаёмых (так было заведзена на беларускае ладу) – усё гэта вельмі падабалася Мацею. І быццам стала нечакана камфортна, але не дазваляе М. Гарэцкі так проста ўладкавацца ў жыцці свайму герою. Палітычная атмасфера падпільноўвала героя нават у буфце: *«Не разумеў я тады, што гэтакім спосабам уцягвалі беларускія нацыяналісты ў свае сеці “массу”* (вылучана мною. – В.Г.). І спадабаў хадзіць туды – от, каб пагуляць... Правадыроў жа беларускага нацыяналізму: братоў Луцкевічаў, прафесара Іваноўскага і іншых мы там і ў вочы не бачылі. З вядомых людзей давалося мне там бачыць адзін раз Янку Купалу. Ён сарамліва і ціхавата, грудным голасам, прачытаў нам некалькі сваіх вершаў. Здаецца, паскакаў і полечку з нейкаю дзяўчынаю. Выпіў шкляначку гарбаты ў буфце і ціхенька пайшоў з клуба» [3, с. 192]. Такім чынам у рамане ўзнікае тэма беларускага Адраджэння. Мышка агучвае антыбеларускія штампы; М. Гарэцкі ж іранізуе з яго, бо за голасам героя чуецца голас аўтара, чья свядома-адраджэнцкая, адрозная ад Мышкавай, светапоглядная пазіцыя добра вядомая чытачу. А ў выніку пісьменнік паказвае і рэальную гісторыю, і яе ўспрыняцце шараговым чалавекам.

Прага да пошукаў сябе ў жыцці прывяла Мацея да паэзіі. Ён нават напісаў адзін вершык “пад Купалу”, паслаў у “Нашу ніву” і атрымаў у адказ прапанову звярнуцца да прозы.

Пачаў апісваць сваё жыццё – і тут нічога не атрымалася: “Зрабілася сорамна, – падраў, пашматаў, у печ укінуў, юшку адчыніў і сярнічкаю падпаліў. Ляці, маё горкае жыццё, дымам!” [3, с. 193]. Так, ствараючы для свайго героя чарговую камічную сітуацыю, М. Гарэцкі адлюстроўвае хрэстаматыйны напаніўскі перыяд беларускага Адраджэння.

Голас аўтара, удала прыхаваны пад маскай героя рамана, чуецца не толькі ў дачыненні да нацыянальнага пытання. Герой М. Гарэцкага трапляе і ў новае інфармацыйнае поле, у новыя для яго абставіны, назва каторым – вайна. Але ж вайна свядома падаецца ў творы не як тэатральна, бы дэкарацыя для наступнага акту сцэны, героем якой з’яўляецца Мацей. Тут ізноў моцна выяўляецца “двайная падзейнасць”: вайна – безумоўная трагедыя для аўтара, для чытача. Але герой, які знаходзіцца нібы “ўнутры” гістарычнай сітуацыі, не адразу разумее яе маштабы і тым больш сутнасць. Перад непасрэдным апісаннем ваеннай Вільні для паўнаты ўспрыняцця Гарэцкі вуснамі Мышкі знаёміць нас з даваенным горадам: “Перад імперыялістычнай вайною Вільня, гэты старынны, вялікі і прыгожы горад, эканамічны цэнтр цэлага краю і культурны пуп усяе Літвы і Беларусі, была, аднак жа звычайным “губеранскім горадам” царскае Расіі. Шкарлятына, дыфтэрыт, брушны тыфус і нават малярыя не выводзіліся ў Вільні ніколі... Таму што ў яе светлых крыніцах была зараза, на яе вялікіх пляцах кучамі валялася смяццё, у цёмных закутках яе прыгожых садоў звінелі камары, як на балоне, а яе старынныя падворкі і кватэры ў спрадвечных мурах былі самыя брудныя і самыя вільготныя ва ўсім свеце... Калі прыйшла вайна, у горадзе спачатку як быццам нічога не змянілася, толькі што вакзал, вуліцы і ўсюдых усё было забіта салдатамі. Таксама, як і раней, людзі пілі, елі, спалі, жралі, а хто мусіў хадзіць на работу – хадзіў на работу. І кахаліся, і жаніліся, і дзяцей зачыналі...” [3, с. 195]. Ведаючы пра непасрэдны ўдзел

пісьменніка ў ваенных дзеяннях, можна з упэўненасцю сказаць, што такі спосаб перадачы інфармацыі цалкам наўмысны і адпавядае развіццю аўтарскай задумы як з кампазіцыйнага боку, так і з эмацыянальнага: наш герой працягвае для сябе падарожжа, а аўтар – іранічнае апавяданне-назіранне, камічная інтанацыя якога спалучана з трагізмам.

Пры гэтым мы павінны адзначыць, што М. Гарэцкі вонкава не ўмешваецца ў станаўленне Мацея Мышкі як асобы, у фарміраванне яго светапогляднай пазіцыі. Герой ідзе па жыцці сваім шляхам, пераскоквае з месца на месца, назірае і робіць заўвагі – ён самастойны і непасрэдны. Пры гэтым чытача больш цікавіць не тое, *дзе* ён апынецца ў наступны раз, а *як* ён успрыме наступную з’яву жыцця – і ў гэтым заслуга М. Гарэцкага (вылучана мною. – В.Г.). У такой падачы героя М. Гарэцкі наблізіўся да Ф. Дастаеўскага, у якога “рэчаіснасць становіцца элементам яго (героя) (заўв. – В.Г.) самасвядомасці” [2, с. 54].

Такім чынам, навідавоку арыгінальная поліфанічнасць рамана, якая не наўпрост, але па сутнасці стасуецца з адпаведным тэрмінам М. Бахціна. Як вядома, М. Бахцін, вывучаючы паэтыку Ф. Дастаеўскага, меў на ўвазе наступнае: “*Мноства самастойных і нязлітых галасоў, на самой справе з’яўляюцца асноўнай асаблівасцю раманаў Дастаеўскага. <...> Менавіта мноства раўнапраўных свядомасцей з іх светам* зліваюцца тут, захоўваючы сваю нязлітасць, у адзінстве пэўнага быцця” (курсіў Бахціна. – В.Г.) [4, с. 165].

М. Бахцін меў на ўвазе, што Ф. Дастаеўскі адлюстроўваў не толькі лёс героя, а найбольш свядомасць і ўнутраны свет. Герой Ф. Дастаеўскага “не толькі аб’екты аўтарскага слова, але і суб’екты ўласнага непасрэдна значнага слова. Слова героя, таму,

зусім не вычэрпваецца тут звычайнымі характарыстычнымі і сюжэтна-прагматычнымі функцыямі, але і *не служыць выражэннем уласнай ідэалагічнай пазіцыі (як у Байрана, напрыклад). Свядомасць героя дадзена як іншая, чужая свядомасць*, але ў той жа момант, яна не апрадмечваецца, не закрываецца, не становіцца звычайным аб'ектам аўтарскага доследу... Слова героя пра сябе самога і пра свет паўназначна адпаведна аўтарскаму; яно не падпарадкавана аб'ектыўнаму вобразу героя, як адна з яго характарыстык, але і не служыць рупарам аўтарскага голаса. *Яму належыць выключная самастойнасць ў структуры твора, яно гучыць быццам бы побач з аўтарскім словам і асаблівым чынам зліваецца з паўназначнымі ж галасамі іншых герояў* (вылучана мною. – В.Г.) [2, с. 9].

Безумоўна, мы не будзем сцвярджаць, што поліфанія «дастаеўскага» кшталту мае месца ў рамане М. Гарэцкага “Віленскія камунары”, але пэўныя перазовы, сугучча творчай манеры навідавоку.

Нягледзячы на тое, што і аўтар, і галоўны герой рамана Мацей Мышка мелі непасрэднае дачыненне да падзей рэвалюцыі, мы ніяк не можам сцвярджаць, што Мышка – гэта літаратурны вобраз пісьменніка і рэалізатар яго светапогляднай пазіцыі ў творы. Мышка жыве сваім, часам нават не зразумелым чытачу, жыццём; пісьменнік дазваляе герою дзейнічаць самастойна, памыляцца, весці сабе з нейкага пункту гледжання непрыстойна, і пры гэтым ніяк не каментуе ўчынкі героя. Толькі ў атмасферы рамана мы можам адчуць іронію – гэта адзіны адбітак аўтарскіх эмоцый, які адкрыты чытачу. Вось гэта іронія, якая быццам бы суправаджае нас на працягу рамана, і ёсць след другой свядомасці аўтара, і трэба адзначыць, што гэтыя дзве свядомасці аўтаномныя, яны не перасякаюцца. Такая наватарская для беларускай прозы 30-х гг. апавядальная манера – вялікая знаходка беларускага класіка.

Калі задацца пытаннем аб мэце аўтара пры выкарыстанні падобнага падыходу, можна прыйсці да наступнага тлумачэння: Мышка – асоба, якая знаходзілася ў эпіцэнтры нацыянальных і рэвалюцыйных падзей, чалавек, які не пераасэнсоўвае, а дзейнічае ў экстрэмальных абставінах (яму няма часу думаць, што добра, а што дрэнна, што карэктна, а што не, бо для яго стаіць адна задача – выжыць). Ён апавядае нам, як усё адбывалася, з пазіцыі звычайнага бедняка, які некалі «паехаў у пралетарыі»; голас М. Гарэцкага ж (яго свядомасць) прыводзіць нас да разумення таго, якім коштам здабывалася пралетарыямі доўгачаканая свабода і роўнасць. З улікам набытага жыццёвага і гістарычнага вопыту пісьменнік быццам бы ўступае ў сумоўе з чытачом і гаворыць: паглядзіце, а яны ж, гэтыя маладыя і шчырыя рэвалюцыянеры, не ведалі, што рабілася ў кулуарах вялікай палітыкі. Можна сказаць, што голас М. Гарэцкага – гэта голас недалёкай паслярэвалюцыйнай гісторыі, голас Мышкі – голас рэчаіснасці таго часу, голас з масы маладых і даверлівых пралетарыяў.

“Сама эпоха зрабіла магчымым поліфанічны раман (вылучана мною. – В.Г.). Ф. Дастаеўскі быў суб'ектыўна далучаны да гэтай супярэчлівай шматпланнасці свайго часу, ён мяняў станы, пераходзіў з аднаго ў другі, і ў гэтых адносінах суіснуючыя ў аб'ектыўным сацыяльным жыцці планы былі для яго этапамі яго жыццёвага шляху і яго духоўнага станаўлення” [2, с. 43], – такую думку выказаў М. Бахцін у дачыненні да Ф. Дастаеўскага. Вылучаную фразу можна з упэўненасцю аднесці і да аўтара выбітнага ў беларускай літаратуры поліфанічнага рамана “Віленскія камунары”. Само жыццё ўнесла карэктывы ў развіццё рамана як жанра ў беларускай літаратуры: у краіне сталася сітуацыя, пры якой чалавек страціў магчымасць адкрыта

выказваць свае думкі, запатрабаваннем зрабілася двупланавасць існавання, двухсэнсоўнасць выказвання, неабходнасць чытаць паміж радкоў. Усё гэта вяло пісьменніка да стварэння падобнай стылістыкі – так успрыняцце праз “дзве душы” перарасло ў “поліфанічную карціну быцця”. М. Гарэцкі паспрабаваў супаставіць два станы, дзве свядомасці – свядомасць «чалавека непасрэдна з гушчы рэвалюцыйных падзей» Мацея Мышкі і “аналітыка” аўтара – менавіта вынікі такога ўзаемадзеяння і ёсць асноўная структурная каштоўнасць рамана. Прычыну такога “дзялення свядомасцей” трэба шукаць у ідэйна-мастацкіх пошуках, ва ўнутраных супярэчнасцях свядомасці М. Гарэцкага, якія, бяспрэчна, узніклі на працягу жыцця пісьменніка.

У дачыненні да творчасці Ф. Дастаеўскага М. Бахцін пісаў наступнае: “Можна адкрыта сказаць, што з кожнай супярэчнасці ўнутры аднаго чалавека Дастаеўскі імкнецца зрабіць двух людзей, каб драматызаваць гэту супярэчнасць, разгарнуць яе эктэнсіўна”. [2, с. 45.] Пэўную “супярэчнасць” М. Гарэцкі адчуваў у сабе: з аднаго боку ён, сялянскі сын, шчыра вітаў надыход рэвалюцыі: «Няхай жыве камуністычная Беларусь!» (1918); з другога боку, вельмі хутка расчараваўся ў ідэях «інтэрнацыянала», затым канца 1920–1930-х гадоў. Таму і абсалютна натуральным з’яўляецца ўзнікненне двух свядомасцей, якія, нарадзіўшыся з адной (свядомасці самога пісьменніка), выносяць напавярх супярэчнасць ва ўспрыняцці рэвалюцыі, “драматызуюць” яе, “эктэнсіўна разгортваюць”. Паралельнае існаванне гэтых дзвюх свядомасцей, адлюстраваных як свядомасць Мышкі і свядомасць пісьменніка, і надаюць раману М. Гарэцкага “Віленскія камунары” поліфанічнае гучанне, што вызначае героя ў рамане пэўнае месца.

М. Бахцін у разважаннях пра месца героя ў рамане Ф. Дастаеўскага адзначаў: “Побач з самасвядомасцю героя, які ўвабраў у сябе ўвесь прадметны свет, у той жа плоскасці можа быць толькі

другая свядомасць, побач з яго кругаблядам – другі кругабгляд, побач з яго пунктам гледжання на свет – другі пункт гледжання на свет. Усепаглынаючай свядомасці героя аўтар можа супаставіць толькі адзін аб’ектыўны свет – свет другіх раўнапраўных з ім свядомасцей” [2, с. 57]. Так М. Гарэцкі побач са свядомасцю Мышкі ставіць сваю, і ўся розніца паміж імі, якую толькі можа заўважыць чытач, і ёсць тая праўда, якую нельга было пакласці на паперу з прычыны жорсткасці цензуры 1930-х гадоў.

М. Гарэцкі пастаянна падкрэслівае сувязь Мацея Мышкі з гістарычным кантэкстам, накіроўваючы чытача да разважання не столькі над пытаннем: хто ёсць Мацей Мышка, колькі над тым, як Мацей Мышка ўсведамляе сябе ў кантэксце такіх падзей? Такім чынам пісьменнік імкнецца давесці чытача да разумення драматызму і трагізму, звязаных з рэвалюцыяй, дае магчымасць сучасніку ўявіць сябе на месцы новаспечанага пралетарыя і паразважаць над яго ўчынкамі ў канкрэтна-гістарычным кантэксце.

Гарэцкі стварае такую літаратурную прастору, якая дае нам магчымасць быць удзельнікамі складанай літаратурнай падзеі пад назвай “твор”, прыводзіць да разумення таго, што неабходна схіліцца да аналізу не толькі падзей унутры сюжэта, але і вынесці гэтыя падзеі з-за межаў твора, каб увесці ў гістарычны кантэкст.

Спрыяе такой “двайной падзейнасці” незвычайны, сінкрэтычны, “рухомы” жанр рамана “Віленскія камунары”, у якім спалучаюцца рысы пісьма паслядоўна-хранікальнага, апісальнага, своеасаблівай сямейнай сагі, а таксама авантурна-прыгодніцкага, і разам з тым рэалістычнага, з тыповымі вобразамі і сітуацыямі, з сацыяльнай дэтэрмінаванасцю і гістарызмам. Наяўнасць гэтых асаблівасцяў разам з новым для беларускай літаратуры існаваннем у мастацкім творы двух

“свядомас-цяў”, двух “галасоў” і ёсць тая стылёвая поліфанія, якая робіць раман М. Гарэцкага “Віленскія камунары” ўнікальным.

Заклучэнне. М. Гарэцкі стварае такую літаратурную прастору, якая дае нам магчымасць не толькі быць удзельнікамі складанай літаратурнай падзеі пад назвай “твор”, але і прыводзіць да разумення таго, што неабходна схіліцца да аналізу падзей унутры сюжэта, вынесці гэтыя падзеі з-за межаў твора, каб увесці ў гістарычны кантэкст.

Вынікі працы могуць быць выкарыстаны пры далейшым даследаванні творчасці М. Гарэцкага, улічаны пры напісанні вучэбных дапаможнікаў па гісторыі беларускай літаратуры для ўстаноў адукацыі Рэспублікі Беларусь, а

таксама пры вывучэнні гісторыі беларускай культуры.

Літаратура

1. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 502.
2. Бахтин, М. Проблемы творчества Достоевского / М. Бахтин. – Л.: Прибой, 1929. – С. 244.
3. Гарэцкі, М. Віленскія камунары / М. Гарэцкі // 36. тв.: у 4 т. – Мінск: Маст. літ., 1985–1986. – Т. 3. – 1985. – С. 129–345.
4. Магометова, Д.М. Полифония // Бахтинский тезаурус / Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 1997. – С. 180.

Паступіла ў рэдакцыю 21.09.2011 г.

Прынята ў друк 12.12.2011 г.

УДК 821.111

Генезис семантических вариантов мотива странствия в английской поэтической традиции (до эпохи романтизма)

© Забогонская И.Л.

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет», Полоцк

В статье исследуется динамика культурно-исторических и идейно-художественных аспектов эволюции мотива странствия в английской поэтической традиции. Рассмотрены основные семантические варианты репрезентации мотива древнесаксонского периода до эпохи романтизма: мифологическое путешествие героя, рыцарский поход-поиск, физическое и духовное паломничество, изгнание добровольное и карающее, духовное становление. Определена природа базовой формы аллегорического христианского эпоса и его пародийных вариантов – эротического (любовного) паломничества и иронического героического эпоса. Выделены доминантные концепции странствия английского Средневековья, Возрождения, Реставрации, получившие дальнейшее развитие в XVIII в. Особое внимание в статье уделяется ведущей роли христианской доктрины и ее разночтениям (католицизм, протестантизм) в формировании поэтической традиции противопоставления физического и духовного странствий.

Ключевые слова: странствие, путешествие, физическое и духовное паломничества, английская поэтическая традиция, семантический вариант, мотив.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 174–180)

Genesis of “wandering” motif semantic variants in English poetical tradition (till romanticism)

© Zabahonskaya I.L.

Educational establishment “Polotsk State University”, Polotsk

The article dwells upon the dynamics of the evolution of “wandering” motif and its cultural, historical and ideological aspects in English poetical tradition. The motif “wandering” is concerned and its major semantic variants from Old English literature till romanticism: mythological journey of the hero, quest, physical and spiritual pilgrimage, self-exile and “wandering” curse, spiritual progress.

The work deals with the essence of allegoric Christian epic as the basic form and its parodies – erotic (love) pilgrimage and mock-heroic epic (mock-epic). The article is focused on the analysis of the dominant conceptions of wandering in English medieval, Renaissance and Restoration literature which were developed in the XVIII c. Much attention is paid to the predominant influence of Christianity and its variations (Catholicism, Protestantism) on the poetic tradition of the opposition of physical and spiritual wandering.

Key words: wandering, journey, physical and spiritual pilgrimage, English poetical tradition, semantic variant, motif.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 174–180)

Эволюцию мотива странствия можно проследить от шумерской и египетской культур (около 3500 до н.э.), где путешествие героя впервые использовалось в качестве основной повествовательной формы в сакральных мифах и героическом эпосе, откуда, в результате постоянной ассимиляции, эта традиция проникла

Адрес для корреспонденции: ул. Молодежная, д. 85, кв. 80, 211446, г. Новополоцк,
e-mail: irina10076@mail.ru – И.Л. Забогонская

и в остальные индоевропейские литературы. Подробнейший анализ этих и многих других магистральных сюжетов, мотивов и жанров древних литератур Ближнего Востока представлен в фундаментальном исследовании Г.В. Синило [1].

Элевсинские мистерии, греческие мифы, произведения Гомера и Вергилия, Апулея и Данте, средневековые «путеводители» по стадиям умирания «*ars moriendi*» или «Внутреннее путешествие души к Богу» Бонавентуры – все они обогатили набор мотивов эмоциональных, физических и духовных этапов человеческой жизни и смерти и их способов репрезентации в английской литературе, составив тот самый сюжетно-мотивный фонд, черпая из которого многие поколения авторов сами продолжали формирование традиции.

В последние десятилетия в гуманитарной науке ближнего и дальнего зарубежья отмечается особый интерес к проблематике странствия и ее раскрытию в английской культуре и литературе, о чем свидетельствуют российские диссертационные исследования А.А. Беляковой (2005) [2], С.В. Сботовой (2005) [3], Н.В. Черепановой (2006) [4], Л.Б. Лебедевой (2008) [5] и зарубежные монографии Р. Джарвиса (2000) [6], Д. Дайас (2001) [7], Ф. Эдвардса (2005) [8], Г. Тиффани (2006) [9], К. Томпсона (2007) [10].

Представляя несомненную ценность для изучения отдельных аспектов данной проблемы, подобные работы не ставят целью проведение сравнительно-исторического анализа возникновения и развития концепций странствия, их соотносительности с предшествующей литературной традицией. Проблемное поле данного исследования обусловило определение его цели, которая заключается в том, чтобы проследить эволюцию «семантики мотива» (в терминологии С.Ю. Неклюдова, И.В. Силантьева) и основных способов репрезентации странствия в английской поэтической традиции до эпохи романтизма.

Материал и методы. Предметом исследования является динамика культурно-исторических и идейно-художественных аспектов генезиса мотива странствия в английской поэтической традиции. Будучи соединяющим началом (как формальным, так и семантическим) на уровне отдельно взятого художественного произведения, мотив странствия может выполнять аналогичную функцию и по отношению к целому ряду произведений разных эпох и культурных традиций.

Существует связь между мотивом, концепцией и социально-политическим, историческим, автобиографическим контекстами. Соответственно, изменение контекста (в том числе и литературного направления) ведет к изменению доминантной концепции и форм ее реализации в художественном произведении (на уровне жанра, стиля, языка, выбора метрики и художественных средств). Изучение протяженного по времени и неоднородного по структуре процесса генезиса «семантических вариантов» (И.В. Силантьев) мотива странствия не ограничивается сопоставительным анализом его сугубо поэтических репрезентаций. Комплексный подход к проблеме возникновения и становления базовых концепций странствия в английской литературе, типологии возможных вариантов и их влияния на формирование литературной традиции реализован в рамках историко-контекстуального метода.

Результаты и их обсуждение. Сращение историко-контекстуального и междисциплинарного анализа позволяет выделить основные элементы структуры странствия как универсалии (три этапа, кольцевая композиция) и его базовых вариантов (инициация, паломничество, авантюра), проследить эволюцию способов семантизации и функционирования соответствующих

мотивов, характерных для разных исторических эпох и литературных направлений Англии, как в синхронии, так и в диахронии.

Христианская топика стала той самой идейно-художественной доминантой, которая определяла развитие мировоззренческих концепций странствия и их литературных репрезентаций в Англии на протяжении многих веков и продолжает занимать важное, хотя и не главенствующее положение по сей день. Формирование этой традиции началось на самом раннем англосаксонском (450–1066 гг.) этапе развития английской литературы. Модели, метафоры и язык народной героической поэзии приспосабливались к библейской мифологии, становясь неотъемлемой особенностью нового христианского эпоса. Сохранялась традиционная для народно-мифологического эпоса структура мотива странствия как путешествия героя (*hero journey*), а его семантическое поле значительно обогащалось за счет широкого применения аналогического метода толкования мифологических сюжетов.

В контексте евангельских представлений о спасении мира Христом, о мученичестве его апостолов приключения героя-воина англосаксонского эпоса (победа над сказочными чудовищами, чудесные явления) обретали статус новозаветных аллегорий (например, «Беовульф» (*Beowulf*), «Битва при Мальдоне» (*The Battle of Maldon*)).

Обратный характер ассимиляции носила в случае с христианской монастырской поэзией, где библейские варианты мотива странствия приводились в соответствие с канонами национального героического эпоса: ученики Христа, защитники веры, наделялись «нордическими» чертами англосаксонских воинов, их деяния обретали форму битв и героических подвигов («Юдифь» (*Judith*) Кэдомона, «Судьбы апостолов» (*Fata Apostolorum*) Кюневульфа, «Легенда об Андрее» (*Andreas*) и т.д.).

В эпоху Средневековья в английской литературе были сформированы прак-

тически все основные концепции странствия, которые послужили основой для большинства последующих литературных репрезентаций. Главная концепция – паломничество.

Наряду с физическим путешествием по святым местам, доминантным было представление о духовном паломничестве как христианском странствии-изгнании (*exile*) в поисках истинного Небесного Дома. Оно было сопряжено с понятием добровольного изгнания (*self-exile*), которое состояло в отстранении от мира земных желаний и целей. Изгнание Адама из Рая как кара за нарушение божественного закона представляло библейский вариант странствия-проклятия (*wandering curse*), сыгравшего огромную роль в становлении литературных репрезентаций образов Адама, Каина, Агасфера, Сатаны (Люцифер, Мельмот, Старый Мореход). Грехопадение (*fall*) – символ отчуждения в результате отказа от божественной любви и Закона Божьего, в нем человек следует путем Сатаны, падшего ангела, археизгнанника [11,

р. 255] – аналог ложного странствия. Такое странствие отождествлялось с непрерывным движением в физическом пространстве от одной ложной цели к другой и наличием некоей внутренней неудовлетворенности, тоски, беспокойства. Проклятие же состояло в невозможности совершить качественный переход от физического (горизонтального) путешествия к моральному странствию-паломничеству (вертикальному) («Странник» (*The Wanderer*), «Мореплаватель» (*The Seafarer*)).

С приходом куртуазной культуры королевского двора Вильгельма (1066 г.) значительно изменился сам характер английской литературы – от преимущественно клерикальной к собственно светской и светско-дидактической. Мифологическое

путешествие героя-воина (hero journey) древнеанглийских эпосов модифицируется новым, более утонченным вариантом рыцарского похода-поиска (quest) с его особой ролью образа Прекрасной Дамы и любовного странствия. В результате объединения представлений о военных идеалах и куртуазном кодексе светской культуры с христианской доктриной образовалась новая форма религиозной аллегорической поэмы, включавшая разножанровые варианты странствия фольклорных легенд, кельтских мифов, народных героических эпосов, морально-религиозных аллегорий и светских стихотворных рыцарских романов (romance). Этот процесс можно проследить на примере романов Артуровского цикла, значительного для английской традиции «Романа о Розе» Гильома де Лорриса и Жана де Мена, поэмы XIV в. «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь». Эта же традиция оказала огромное влияние на творчество Э. Спенсера, который считал себя приверженцем средневекового рыцарского романа.

Вместе с тем приверженность католической церкви к «очеловеченной» образности, вещности, орнаментализму и ритуалам (к ним относилось и физическое паломничество) подвергалась все более усиливающейся критике со стороны радикально настроенных проповедников, которые усматривали в ней проявление языческого идолопоклонничества (процесс девальвации физического паломничества достиг апофеоза с его полным официальным запретом в протестантском XVII веке).

Это предубеждение положило начало литературной традиции, резко противопоставлявшей физическое и духовное паломничество: в дидактической религиозной аллегории У. Ленгленда «Видение о Петре Пахаре», в изящной сатире форм и ситуаций «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера.

В эпоху Возрождения аллегорический эпос странствий был потеснен метафорической лирикой размышлений о странствиях. Так в английской поэзии у

религиозно-дидактического варианта духовного странствия появился светский аналог – лирическая медитация об идеальной красоте классической гармонии формы и содержания, будь то мечта о неприступной возлюбленной в сонетах Уайетта, Сарри и Сидни или о сельской идиллии в пасторали вроде прозаической «Аркадии» Сидни. На смену естественности звучания акцентного стиха пришла скрупулезно выверенная метрика англоязычных адаптаций греческих и итальянских образцов.

Такое воображаемое странствие «к этике через эстетику» требовало иной образности и иной формы, способных воздействовать на чувства и воображение сведущего в искусстве читателя-аристократа. Поэтому авторы нередко использовали поэтические варианты античных мифов, вписывая их в свой религиозный контекст либо используя в качестве украшения как дань моде.

Актуализация национально-исторического уровня странствия обусловила расширение его семантики до общегосударственной политической сферы. В таком контексте пошаговая интерпретация системы образов на определенном этапе приводила к аллюзиям на события и фигуры современной автору общественно-политической действительности. В светской придворной литературе «елизаветинцев» эта действительность героизировалась, а образ королевы Елизаветы из «монаршего персонажа» хроник и трагедий трансформировался в многослойную аллессию всевозможных добродетелей и благ, Прекрасной Дамы и Богородицы. Наиболее известный пример – «Королева Фей» (*The Faerie Queene*, 1590) Э. Спенсера. Сходный вариант представлен у У. Рели в его адаптации широко распространенной в елизаветинскую эпоху паломнической «Уолсингемской баллады», которую часто называли по

первой строке: «*As You Came from the Holy Land Of Walshingham*» (1593).

Общая тенденция секуляризации сознания, лишившая человека привычных ориентиров и устоявшихся мировоззренческих моделей, привела, по мнению

И.С. Головановой, к формированию ощущения «зыбкости бытия», хаоса и поисков точки опоры [12], что нашло отражение в барочных концепциях странствия, реализованных преимущественно в лирических жанрах, сменивших формы отстраненного христианского эпоса.

Пример тому – исповедальная лирика «метафизиков», которые описывали полную страданий жизнь ищущей истины души при помощи комбинации усложненных поэтических форм и нетрадиционной метафорики. Дж. Донн в стихотворении «О Пути Души» (*On The Progress of the Soul*), Дж. Герберт в «Паломничестве» (*The Pilgrimage*, 1633), Г. Воэн в «Возрождении» (*Regeneration*, 1650) именно благодаря этой сложности сумели вписать многоуровневую религиозно-дидактическую аллегорию в рамки лирической поэзии с ее повышенной эмоциональностью и сосредоточенностью на индивидуальном переживании. Сам термин «паломничество» здесь использовался преимущественно как метафора-концепт или аллегория.

Особую актуальность в этот период приобрел вариант любовного (эротического) паломничества, амбивалентный характер которого (как религиозной аллегории и эротической пародии) позволял авторам «играть» его концептуально разнородными значениями, в некоторых случаях доводя такое противопоставление до антагонизма. Дж. Донн в «Любовном паломничестве» и ряде других произведений представил ренессансную неоплатоническую концепцию любовных отношений в стилистике Соломоновой «Песни песней», когда религиозная символика используется в эротическом контексте, и наоборот – эротические образы выступают в качестве метафор христианских ритуалов и понятий.

Несколько иное развитие варианта эротического паломничества, преимущественно в придворной лирике, предлагали так называемые поэты-«кавалеры», которые эсхатологическим настроениям своей беспокойной эпохи противопоставили эпикурейскую концепцию странствия-погони за сиюминутным любовным удовольствием, придав ему жанровую форму пасторали (Т. Кэрью в «Блаженстве» (*A Rapture*, 1640) и «Пасторальном диалоге»

(*A Pastoral Dialogue*, 1640), Дж. Саклинг в сборнике «*Fragmenta Aurea*» (р. 1646), Р. Лавлейс в стихотворении «Любовь в начале времен» (*Love Made in the First Age*, p. 1659). Еще более «свободная» от рамок условностей и морали концепция странствия как следования естественным инстинктам была реализована в лирике и драме либертинажа (Уичерли, Рочестер) преимущественно в пародийных формах бурлеска, где диссонанс стиля и содержания как нельзя лучше отражал конфликт между видимостью и сущностью.

Период Реставрации в целом характеризуется актуализацией ироикомического жанра, где странствие было призвано проиллюстрировать искусственность, напыщенность, лицемерие современных автору вкусов и нравов как светских, так и религиозных. Пример тому – «героические сатиры» Д. Драйдена «Мак Флекно» (*MacFlecknoe, or a Satyr upon the True-Blew-Protestant Poet*, T.S. 1675) и «Медаль» (*The Medall: A Satyre Against Sedition*, 1682), «Гудибрас» (*Hudibras*, 1663, 1664, 1678) С. Батлера. Лишь в эпоху Просвещения с ее дидактизмом ироикомическая поэма начала постепенно возвращаться к риторическим традициям обличения общечеловеческих пороков популярного в Европе «Корабля дураков» (*Ship of Fools*) (в английском переводе А. Баркляя 1509 г.). Такого рода эволюцию мотива можно проследить между пародийным

«Похищением локона» (1712) и аллегорической «Дунсиадой» (1728) А. Поупа. Следует отметить, что пародия на религиозное странствие в большинстве случаев не была нигилистической, она не отвергала христианские ценности, а, скорее, утверждала их. Смех и легкость не столько противопоставлялись серьезности проблематики, сколько усиливали ее.

В XVIII в. метафорическая концепция паломничества как странствия человеческой жизни не исчезла, хотя ее религиозная составляющая утратила доминирующую роль. Семантизация мотива происходила за счет отличных от традиционных образов и целей, отражая рационально-просветительские тенденции эпохи и, прежде всего, утверждение важнейшей роли реального путешествия как способа познания реального мира.

Объектно-ориентированное «горизонтальное» путешествие в физическом пространстве имело прагматические цели и полностью удовлетворяло ведущим принципам рационализма и скептицизма века Разума. Кроме того, стереотипизация процесса путешествия, его комфортабельность противоречили социокультурной сущности самого понятия, предполагающей познание нового, раздвижение пространства, обязательную непредсказуемость и сопряженность с испытаниями. Как и физическое паломничество к XVII в., к концу XVIII в. «горизонтальное» путешествие, в его наиболее приближенной к туризму форме, значительно девальвировалось, приобрело характер антитезы странствию.

К этому моменту традиционное христианское представление о странствии как «становлении души» («the progress of the soul» Дж. Донна, «pilgrim's progress» Дж. Беньяна) оказалось неразрывно связанным со «становлением [поэтического] гения» («the progress of genius» Дж. Битти), превратившись во взаимообусловленный процесс, когда духовность (в ее религиозном смысле) и поэзия сливались в едином понятии (что

позже продемонстрировал У. Вордсворт в поэме «Прелюдия, или Становление сознания поэта» (*The Prelude; or, Growth of a Poet's Mind*)).

Постоянное применение парадигм и концепций христианской доктрины странствия к светскому контексту обусловило возникновение множества семантических вариантов соответствующего мотива, как синонимичных, так и радикально отличавшихся от базовой концепции. Изменение парадигмы мотива странствия в английской литературе от эпохи к эпохе носило характер не смены и вытеснения, а жанровой и семантической контаминации, ассимиляции предшествовавшей традиции к новому мировоззренческому и социальному контексту. Соответственно, любой автор на любом историческом этапе, обратившись к мотиву странствия, имел дело, прежде всего, с традицией, преодолевая или следуя которой сам становился ее творцом.

Заключение. На протяжении исследуемого периода в английской поэзии определилась характерная тенденция резкого противопоставления физического путешествия (все возможные варианты ложных странствий: бесцельного скитания, авантюрного эротического или военного похода, религиозно-ориентированного католического, торгового, исследовательского и научно-познавательного, развлекательного путешествий) и духовного странствия (мифологический и рыцарский поход-поиск, духовное паломничество, становление души, становление поэтического гения). Выделение такого рода концептуальных оппозиций духовного и физического странствий дает возможность определить основные формы и художественные способы реализации соответствующих мотивов в английской поэтической традиции.

Полученные результаты позволяют осуществить целостную типологическую систематизацию, представляющую как парадигматические, так и синтагматические связи, учитывая при этом не только хронологию появления того или иного варианта, но и допуская анахроничные причинно-следственные отступления. Это делает возможным обращение к тому или иному варианту не только в рамках периода возникновения, но и в момент его актуализации, что обусловлено внутренней логикой анализа литературной традиции.

Литература

1. Синило, Г.В. Древние литературы Ближнего Востока и мир Танаха (Ветхого Завета): учеб. пособие / Г.В. Синило. – М.: Флинта: МПСИ, 2008. – 848 с.
2. Белякова, А.А. Восприятие концепта «путешествие» в динамике его становления в англоязычной культуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.А. Белякова. – М., 2005. – 181 с.
3. Сботова, С.В. Рефлексия темы путешествия (пути) в художественно-философской мысли Западной Европы и России XVIII–XX вв.: автореф. ... дис. канд. культурологии: 24.00.01 / С.В. Сботова; Морд. гос. ун-т им. Н.П. Огарева. – Саранск, 2005. – 18 с.
4. Черепанова, Н.В. Путешествие как феномен культуры: автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09.00.13 / Н.В. Черепанова; Томск. гос. пед. ун-т. – Томск, 2006. – 19 с.
5. Лебедева, Л.Б. Лингвокультурные особенности картины мира Великобритании: (коммуникативное поле «путешествие»): автореф. ... дис. канд. культурологии: 24.00.01 / Л.Б. Лебедева; Гос. акад. славян. культуры. – М., 2008. – 23 с.
6. Jarvis, R. Romantic Writing and Pedestrian Travel / R. Jarvis. – Palgrave Macmillan, 2000. – 246 p.
7. Dyas, D. Pilgrimage in Medieval English Literature, 700 – 1500 / D. Dyas. – Cambridge: D.S. Brewer, 2001. – 288 p.
8. Edwards, Ph. Pilgrimage and Literary Tradition / Ph. Edwards. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – 218 p.
9. Tiffany, G. Love's Pilgrimage: The Holy Journey in English Renaissance Literature / G. Tiffany. – Cranbury: University of Delaware Press, 2006. – 217 p.
10. Thompson, C. The Suffering Traveller and the Romantic Imagination / C. Thompson. – N.Y.: Oxford University Press, 2007. – 299 p.
11. Exile and Pilgrimage // A Dictionary of Biblical Tradition in English Literature / ed. D.L. Jeffrey. – Michigan: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 1992. – P. 254–259.
12. Голованова, И.С. История мировой литературы. Барокко / И.С. Голованова // Голованова И.С.: персональный сайт преподавателя [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://study.irgol.ru/lekcii-po-kursu-istoriya-mirovoj-literatury/9.-barokko.html>. – Дата доступа: 08.08.11.

Поступила в редакцию 14.09.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 811.161.3'37:008

Ключавыя сацыяльныя паняцці “дом”, “сям’я”, “радзіма” ў канцэптасферы носбітаў беларускай мовы (на матэрыяле парэміялагічных адзінак)

© Калесніківа А.А.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

“Дом”, “сям’я”, “радзіма” – гэта ключавыя сацыяльныя паняцці культуры і нацыянальнага менталітэту, духоўныя арыенціры, якія вызначаюць паводзіны чалавека і адлюстроўваюць іерархію яго каштоўнасцей. Лексемы дом, сям’я, радзіма ўваходзяць у першую тысячу самых частотных слоў беларускай мовы, а значыць, з’яўляюцца часткай ядра моўнай свядомасці беларусаў.

У артыкуле сцвярджаецца, што абраныя для аналізу ключавыя сацыяльныя паняцці існуюць ў культуры не ізалявана, а ўзаемазвязана, утвараючы пэўную лагічную сістэму з уласцівымі ёй цэласнасцю і ўпарадкаванасцю. Характар узаемасувязей паміж канцэптамі “дом”, “сям’я”, “радзіма” вызначаецца падчас аналізу парэміялагічных адзінак, якія падвяргаюцца кагнітыўнай інтэрпрэтацыі ў форме абгульнення парэміялагічных сэнсаў (прывядзенне блізкіх сэнсаў да аднаго больш абгульненага). Сэнс парэміі інтэрпрэтуецца як адлюстраванне кагнітыўнай прыметы канцэпту.

Прааналізаваны матэрыял сведчыць пра тое, што ключавыя сацыяльныя паняцці культуры могуць існаваць у выглядзе складаных утварэнняў з перакрываваемымі і напластаванымі элементамі.

Ключавыя словы: кагнітыўная лінгвістыка, кагнітыўная інтэрпрэтацыя парэмій, кагнітыўная прымета, канцэпт, канцэптасфера, карціна свету, ключавое сацыяльнае паняцце.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 181–188)

Key social notions of “home”, “family”, “Motherland” in the concept sphere of Belarusian native speakers (on the basis of paremiological units)

© Kalesnikava A.A.

*Educational establishment “Vitebsk State University named
after P.M. Masharov”, Vitebsk*

“Home”, “family” and “Motherland” are key social notions of a culture and national mentality, they are spiritual landmarks which distinguish man’s conduct and manifest the hierarchy of his values. “The lexemes of home, family and Motherland belong to the first thousand of most frequently used words of the Belarusian language and thus are part of the nucleus of the language consciousness of the Belarusians. The article states that the key social notions, selected for the analysis, exist in culture not in isolation but are interconnected and thus make up a definite logical system with its entity and order. The character of the interconnections between the concepts “home”, “family” and “Motherland” is distinguished during the analysis of paremiological units which are cognitively interpreted in the form of the generation of paremiological senses (drawing close senses to one, more general). The sense of paremia is interpreted as the manifestation of cognitive feature of a concept.

The material analyzed testifies to the fact that key social notions of a culture can exist in the form of complicated structures with the elements of cross- and over-layers.

Key words: cognitive linguistics, cognitive interpretation of paremia, cognitive feature, concept, concept sphere, picture of the world, key social notion.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 179–188)

Адрас для карэспандэнцыі: Маскоўскі пр-т, д. 51, кв. 52, г. Віцебск,
e-mail: alena_kalesnikava@mail.ru – А.А. Калесніківа

Сучасная кагнітыўная лінгвістыка не з’яўляецца аднароднай. У яе межах актыўна развіваецца шэраг асобных напрамкаў: кагнітыўная энцыклапедыстыка, кагнітыўная лексікаграфія, кагнітыўная ананасіялогія, кагнітыўная семасіялогія, лінгвакультуралогія, этна-лінгвістыка, кагнітыўная ананастыка, канцэпталогія, канцэптаграфія, аксіалагічная лексікаграфія і інш. [1]. Безумоўна, усе гэтыя кірункі адрозніваюцца сваімі падыходамі да вызначэння аб’екта даследавання, адзінкамі аналізу, катэга-рыяльным і тэрміналагічным апаратам, выбарам метадаў, разуменнем асноўных задач.

Разам з тым, пералічаныя напрамкі кагнітыўнай лінгвістыкі маюць і цэлы рад агульных характарыстык, што дазваляе аб’яднаць іх у рамках адзінай лінгва-кагнітыўнай парадыхмы. Канчатковай мэтай даследаванняў, якія праводзяцца прадстаўнікамі ўсіх напрамкаў кагні-тыўнай лінгвістыкі, становіцца стварэнне карцін або мадэлей свету таго ці іншага тыпу. Другім агульным момантам у развіцці найноўшых кірункаў кагнітыўнай лінгвістыкі з’яўляецца ўсё шырэйшае выкарыстанне прадстаўнікамі гэтых напрамкаў такой адзінкі аналізу, як канцэпт. Вывучэннем гэтых ментальных утварэнняў плённа займаюцца Ю.С. Сця-панаў, А. Вяжбіцкая, А.С. Кубракова, Р.М. Фрумкіна, У.І. Карасік, В.У. Красных, Н.Ф. Алефірэнка, З.Д. Папова, І.А. Сця-рнін, С.Р. Варкачоў, А.М. Рудэнка, В.А. Маслава і іншыя даследчыкі.

Нягледзячы на вялікую колькасць даследаванняў, прысвечаных вывучэнню моўных канцэптасфер і іх элементаў, многае ў тэорыі канцэптаў яшчэ застаецца недастаткова акрэсленым і з’яўляецца прадметам шматлікіх дыскусій.

Адной з найважнейшых праблем кагнітыўнай лінгвістыкі стала праблема адлюстравання ў свядомасці чалавека цэласнай карціны свету, якая фіксуецца мовай. Чалавек, набываючы вопыт,

трансфармуе яго ў пэўныя канцэпты, яны, лагічна звязваючыся паміж сабой, утвараюць канцэптальную сістэму, што будуюцца, мадыфікуюцца і ўдакладняюцца чалавекам бесперапынна. Апошнія тлумачыцца такой уласцівасцю канцэпту, як здольнасць да зменлівасці ў свядомасці. Канцэпты, з’яўляючыся часткай сістэмы, падпадаюць пад уплыў іншых канцэптаў і самі відазмняюцца. Мянсяцца з часам і колькасць канцэптаў, і аб’ём іх зместу.

“Паслядоўнасць пабудовы канцэп-туальнай сістэмы ў свядомасці адпавядае прынцыпам логікі, з гэтым звязана такая ўласцівасць сістэмы, як яе лагічнасць” [2]. Гэтая ўласцівасць вызначае магчы-масць лагічнага пераходу ад аднаго кан-цэпту да іншага, тлумачэнне адных канцэптаў праз другія, пабудову новых канцэптаў на базе наяўных.

Яшчэ дакагнітыўная семасіялогія выявіла, што семантыка мовы (семантыч-ная прастора мовы) – гэта не набор, не інвентар значэнняў, а складаная іх сістэма, утвораная перасячэннямі і пера-пляценнямі шматлікіх і разнастайных структурных аб’яднанняў і груп, якія “запакаваны” ў ланцугі, цыклы, галі-нуюцца як дрэвы, утвараюць палі з цэнтрам і перыферыяй і г.д. Гэтыя ад-носіны адлюстроўваюць, на наш погляд, узаемасувязі паміж канцэптамі. І па адносінах паміж значэннямі ў семантыч-най прасторы мовы можна меркаваць пра ўзаемаадносіны канцэптаў у нацыя-нальнай канцэптасферы [3].

Тэрмін “канцэптасфера” ўвёў акадэмік Д.С. Ліхачоў. Канцэптасфера, на яго думку, гэта сукупнасць канцэптаў нацыі, утвораная ўсімі патэнцыямі канцэптаў носьбітаў мовы [4].

Паміж канцэптамі існуе сувязь, якая вызначаецца ўзроўнем культуры чала-века, яго прыналежнасцю да пэўнай супольнасці людзей, яго індывідуаль-насцю. Адна канцэптасфера можа спа-лучацца з іншымі: канцэптасфера мовы ў цэлым змяшчае ў сабе канцэптасферу

прадстаўніка канкрэтнай прафесіі, што ў сваю чаргу ўступае ва ўзаемаадносіны з канцэптасферай яго сям’і і індывідуальнай канцэптасферай. Кожная з наступных канцэптасфер адначасова і звужае папярэдняю, і пашырае яе.

Канцэптасфера мае, такім чынам, дастаткова ўпарадкаваны характар. Канцэпты, што ўтвараюць канцэптасферу, па асобных сваіх прыметах уступаюць у сістэмныя адносіны падабенства, адрознення і іерархіі з іншымі канцэптамі.

Аналагам канцэптуальных сувязей у моўнай сістэме служыць агульная сістэмнасць лексікі ў моўнай свядомасці чалавека. Лексіка-семантычнай сістэме мовы, як вядома, уласціва семантычная непарыўнасць, якая абумоўлена тым, што ў мове няма і не можа быць слоў, ізаляваных у семантычных адносінах. Кожнае слова дзясяткамі і сотнямі нітак звязана са значэннямі многіх іншых.

Канкрэтны характар сістэмных адносін канцэптаў патрабуе даследавання, але агульны прынцып сістэмнасці, бясспрэчна, распаўсюджваецца на нацыянальную канцэптасферу, паколькі само мысленне прадугледжвае катэгарызацыю прадметаў думкі, а катэгарызацыя прадугледжвае ўпарадкаванне аб’ектаў.

Адным з актуальных напрамкаў даследавання канцэптаў у сучаснай лінгвістыцы з’яўляецца вывучэнне сістэмы так званых ключавых канцэптаў культуры, пад якімі разумеюцца зашыфраваныя ў словах асаблівасці светаразумення і светаўспрымання, характэрныя для пэўнага грамадства (моўнай супольнасці). На думку А. Вяжбіцкай, любая культура можа вывучацца пры дапамозе “ключавых слоў”. Даследаванне сістэмы ключавых канцэптаў канкрэтнай мовы дае нам каштоўныя звесткі, якія дазваляюць меркаваць пра базавыя сацыяльныя паняцці адпаведнай культуры.

Мэтай нашага даследавання з’яўляецца выяўленне і аналіз

характару ўзаема-сувязей паміж ключавымі сацыяльнымі паняццямі “дом”, “сям’я”, “радзіма”.

Матэрыял і метады. Выбар метадаў даследавання канцэпту абумоўлены задачамі, якія ставіць перад сабой даследчык, а таксама характарам крыніц, што з’яўляюцца матэрыялам для разгляду. Як правіла, у структуры канцэпту вылучаюць і даследуюць змест паняцця (канцэптуальныя прыметы), аб’ём, а таксама этымалогію, сучасныя асацыяцыі, ацэнкі і канатацыі.

У сучасных канцэпталагічных даследаваннях пры аналізе таго ці іншага канцэпту выкарыстоўваецца, як правіла, адразу некалькі крыніц матэрыялу. У большасці прац на пачатковым этапе вывучэння канцэптаў аналізуюцца звесткі з лексікаграфіі. Часта мэтай аналізу дэфініцый лексікаграфічных крыніц з’яўляецца вызначэнне прымет ядра канцэпту. На наступных этапах магчыма далучэнне асацыятыўнага і / або дыскурсіўнага матэрыялу, мэтай чаго можа быць, у прыватнасці, апісанне перыферыяльных пластоў канцэпту.

У нашым даследаванні выкарыстаны аналіз слоўнікавых дэфініцый канцэпту, аналіз сінонімаў і дэрыватаў ключавога слова, аналіз парэмій, у якіх аб’ектываюцца абраныя канцэпты. Кагнітыўная інтэрпрэтацыя парэмій дазваляе вызначыць усю глыбіню і неадназначнасць зместу канцэпту. У выпадку намінацыі праз парэміялагічныя адзінкі чалавек асэнсоўвае і ацэньвае не асобныя прадметы і з’явы рэчаіснасці, а цэлыя падзеі і сітуацыі.

Парэміі падвяргаюцца кагнітыўнай інтэрпрэтацыі ў форме абагульнення парэміялагічных сэнсаў (прывядзенне блізкіх сэнсаў да аднаго больш абагульненага). Потым вызначаецца адносная частата ўжывання тых ці іншых сэнсаў у сабраным матэрыяле. Сэнс парэміі інтэрпрэтуецца як адлюстраванне кагнітыўнай прыметы канцэпту.

Вынікі і іх абмеркаванне. Значная колькасць даследчыкаў падкрэслівае

існаванне ўніверсальных для большасці народаў і культур канцэптаў. Аднак пры аднолькавым наборы такіх адзінак у кожнага народа існуюць своеасаблівыя, толькі яму ўласцівыя суадносіны паміж гэтымі ментальнымі ўтварэннямі.

“Дом”, “сям’я”, “радзіма” – гэта ключавыя сацыяльныя паняцці культуры і нацыянальнага менталітэту, духоўныя арыенціры, якія вызначаюць паводзіны чалавека і адлюстроўваюць іерархію яго каштоўнасцей. Гэтыя паняцці існуюць у любой мове і з’яўляюцца актуальнымі для кожнага чалавека. Акрамя таго, лексемы *дом*, *сям’я*, *радзіма* ўваходзяць у першую тысячу самых частотных слоў беларускай мовы [5], а значыць, з’яўляюцца часткай ядра моўнай свядомасці беларусаў.

У большасці прааналізаваных намі парэміялагічных адзінак лексема *сям’я* ўжываецца ў сваім асноўным, дэнататыўным значэнні ‘група людзей, якая складаецца з мужа, жонкі, дзяцей і іншых сваякоў, якія жывуць разам’ [6]. У такіх парэміях высока цэняцца дружныя адносіны паміж членамі сям’і, сваякамі, што жывуць у згодзе: *Нашто клад, калі ў сям’і лад; Дружная сям’я і ад бога ўкрадзе; З сямейкай ад бога ўкрадзеш; Уся сям’я ўмесце, і душа на месце* [7]; *І ў вераб’я свая сям’я; Калі сям’я ціхая, то маеш шчасце; У нашых Байлюках ціхія сем’і любяць; Добрае на людзі ідзе з добрай сям’і* [8].

Кожны член сям’і выконвае свае абавязкі, павінен многа працаваць і клапаціцца пра агульны дабрабыт: *У таго сям’я, у каго ёсць каму араць, касіць і песню запяваць; У харошай сям’і хто каваль, хто стругаль і няма няўмекі; Сяк-так рабіць, то як сям’ёю (з сям’ёю) на свеце жыць* [8]; *Хоць душу загубі, а із сваей сям’і не вынасі; Сямейка малая – работы ўсім хапае* [7]. Адсюль вынікае, што дастатак у доме, добры ўзровень жыцця, якія ствараюцца намаганнямі працалюбівай сям’і, становяцца ўплываюць на стасункі паміж

яе членамі: *Сям’я гушчу любіць* [8]; *Гушча сям’і не разганяе* [7].

Вельмі цаніліся ў народзе вялікія сем’і: *Лішні чалавек у сям’і не згуба* [7]; *У добрай сям’і ніхто не лішні; У вялікай сям’і цяжкае гора лягчэйшае; І сын пяты ў сям’і (у людскай сям’і) не пракляты; У добрых людзей і хата з дзвюх хат і сям’я з дзвюх сямей* [8]. Хата з дзвюх хат – вялікая, перагароджаная капітальнаю сцяною ці сценкамі. Сям’я з дзвюх сямей – такая сям’я, калі, напрыклад, разам, адной сям’ёй жыве сям’я бацькі і сям’я сына (дачкі) ці сям’я сыноў (дачок).

У парэміялагічнае поле канцэпту могуць уваходзіць і супярэчлівыя ў сваіх значэннях парэміялагічныя адзінкі. Сям’я – гэта святое, бласлаўлёнае царквой і богам: *Сам бог рад, калі ў сям’і лад* [7]. У той жа час царкоўныя служкі, папы і дзякі, якія заўсёды прагнулі лёгкай нажывы, успрымаліся простым народам негатыўна: *Людзі паміраюць – сям’я плача, толькі поп ды дзяк пяе, скача* [8].

Народная мудрасць не магла не заўважыць і негатыўныя з’явы ў сямейных стасунках. Нелады, нязгоду і сваркі ў сям’і прыказкі і прымаўкі асуджаюць: *У сям’і ўсяго бывае; Як дзяжа не месіцца, то сям’я бесіцца* [7]; *У якой сям’і сварацца, там страва нішчымная варыцца* [8].

Здрада свайму мужу ці жонцы лічылася вялікім грахам: *Чужую галубіць – сваю сям’ю згубіць; Пчолка адзін вулей знае і толькі з адною сямейкаю дажывае* [8].

Даволі часта прычынай канфліктаў і варожасці паміж членамі сям’і з’яўляўся адзін чалавек: *Сям’я не без вырадка; І ў харошай сям’і вырадак бывае* [8]; *І ў добрай сям’і вырадак бывае; У балоце не без чорта, а ў сям’і не без вырадка* [7]. Сэнс гэтых парэміялагічных адзінак можа пашырацца, калі ў ролі сям’і выступае калектыў або пэўная група людзей, сярод якіх заўсёды знойдзецца чалавек, што адрозніваецца ад іншых якімі-небудзь блягімі якасцямі.

Асобнае месца ў сабраным матэрыяле займае парэмія “*У вераб’я багатая сям’я; у кожнага верабейкі па тры капейкі*” [9].

Яна ўжываецца не для характарыстыкі сям’і, а ў тых выпадках, калі нехта хваліцца сваім багаццем, раскошай і дабрабытам, якіх на самай справе няма.

Радзіма як ‘месца нараджэння’ [6] і месца спрадвечнага пражывання выклікае ў носьбітаў мовы толькі цёплыя пачуцці, якія становяцца асабліва вострымі, калі суб’ект знаходзіцца па-за межамі роднай краіны: *Хто страціў радзіму, той плача ўсё жыццё* [8]; *Чалавек без Радзімы як салавей без песні* [7].

Любоў да радзімы павінна спалучацца з гонарам і адданасцю. Родны край – гэта тое, што трэба любіць, велічу чаго трэба захапляцца, тое, што павінна быць незалежным і свабодным. Аднак радзіма можа апынуцца ў небяспецы, і калі далейшаму шчасліваму яе лёсу нешта пагражае, трэба без лішніх ваганняў прынесці сябе ў ахвяру і стаць героем: *За Радзіму сваю будзь героем у баю; Хто ўмее любіць Радзіму, той умее ненавідзець ворага; Хто за Радзіму гарой, той сапраўдны герой; Акупантаў біць – народ і Радзіму любіць* [7]; *Смела ідзі ў бой – Радзіма за табой!* [8].

Паводле прааналізаваных парэміялагічных адзінак, любоў да роднага краю, да сваёй Бацькаўшчыны выражаецца таксама ў плённай і добрасумленнай працы на яе карысць: *Ад душы працуеш – Радзіму мацуеш; Хто ўраджае без страт збірае, той багацце Радзімы памнажае; Колас да коласа, а Радзіме сноп; І ў рабоце, як на перадавой, будзь верны Радзіме сваёй; У нашай працы – Радзімы багацце; Хто чэсна працуе на цаліне, той дораг Радзіме ўдвайне* [7].

Але найбольшую цікавасць выклікаюць парэміі, у якіх абраныя для аналізу канцэпты рэалізуюць свае дадатковыя кагнітыўныя прыметы, нібы “прыхаваныя” ў свядомасці моўнікаў.

“Дом” – надзвычай ёмісты касмічны сімвал, своеасаблівая зменшаная мадэль сусвету. Дом сімвалізуе асвоеную чалавекам прастору, дзе ён адчувае сябе ў бяспецы. У значэнні ‘будынак для жылля або для

размяшчэння ўстаноў’ [10] гэта лексема сустракаецца даволі рэдка: *Не пагрукаўшы ў сценку, дамкі (хаткі) не купляюць* [7]; *І вялізны дом з малой цэглы будуць* [8].

У моўнай свядомасці “дом” існуе як метанімічны канцэпт, бо абазначае людзей, што знаходзяцца ў пэўнай прасторы і займаюцца агульнай дзейнасцю. Таму дом – гэта не толькі нейкая жылая прастора, агароджаная ад знешняга, навакольнага свету, не толькі тое месца, дзе прайшло дзяцінства і куды мы вяртаемся з блуканняў і падарожжаў, або проста з вучобы, работы, бібліятэкі ці крамы. Менавіта ён забяспечвае і падтрымлівае сувязь часоў і пакаленняў, з’яўляецца сховішчам сямейных традыцый.

Родны дом – гэта нібы жывая істота, якая заўсёды чакае сваіх насельнікаў, дорыць ім цяпло і падтрымку: *Дома й вуглы памагаюць; У сваім доме і вуглы памагаюць; Дамоўка не вораг; калі ні прыдзеш, заўсёды прыме* [11]. Часам дом выконвае ролю паўнапраўнага члена сям’і: *Без хазяіна і дом сірата* [7].

Дом надзейна ахоўвае сямейныя сакрэты і таямніцы. Выстаўленне інтымных падрабязнасцей з жыцця сям’і напаказ народная мудрасць асуджае: *Сваю гразь (свой бруд) дома апалосквай* [8]; *Не раскажывай нікому, што робіцца ў дому; Што ў маём доме, то ніц да таго нікому; Калі хочаш ведаць, што дома дзеецца, схадзі ў людзі да папытай* [7].

Галоўную ролю ў сям’і, а значыць і ў доме, традыцыйна павінен выконваць мужчына: *Сям’я без галавы – не сям’я* [7]; *Разумны тата робіць сям’і свята; Бяда ў тым доме, дзе куры пяюць, а пеўням волі не даюць; Бедная тая дамова, дзе вала бадае карова* [8]; *Благая тая дамова, дзе вала бадзе карова* [9].

Наяўнасць у сям’і дзяцей мужчынскага полу лічылася вялікай удачай, бо прыходзіў час, калі дзяўчына павінна была пакінуць родны дом і перайсці ў сям’ю мужа, што нярэдка суправаджалася пэўнымі матэрыяльнымі стратамі: *Дзеўка свайму дому вораг; Сын у дом*

грабе, а дачка ў людзі бярэ [7]; *Мый да чашы, потым спяшы – заплаці каму, каб вывез з даму* [8]. Выпадкі неабдуманга і паспешлівага рашэння дзяўчыны пакінуць свой дом у парэміялагічных адзінках асуджаліся: *Хоць за вала, абы дома не была (абы замужам была, толькі б дома не была); Хоць бы за мора плыць, абы дома не быць* [8]; *Хадзі за казла, абы з дому спаўзла* [7]. У той жа час любоў да бацькоўскай хаты магла быць мацнейшай: *Лепей дома на саломе, чым замужам на падушках* [7].

Негатыўна ацэньвалася ў народзе і халасцяцкае жыццё: *Дзе ён, там яго і дом* [7]. Дружная сям’я, добрыя адносіны паміж жонкай і мужам знаходзяць у парэміях поўнае ўхваленне: *У людзях шануюць, але дома начуюць; Якая ні рада, а дадому ісці нада; Дзе ні блудзім, а ўсё дамоў будзем* [7]; *Лепей было ў сваім доме на сухой драбіне, ніж у чужое маладзіцы на белай прыне* [8].

Аналіз парэміялагічных адзінак выяўляе канататыўныя сувязі паміж канцэптамі “дом”, “сям’я”, “радзіма”. У сучасным грамадстве радзіма ўспрымаецца толькі як ‘родная краіна’ або ‘месца нараджэння, узнікнення, паходжання чаго-небудзь’ [6]. Гістарычны слоўнік беларускай мовы вылучае наступныя значэнні слова «родина»: 1) Сям’я, радня; 2) Месца нараджэння [12].

З цёплых пачуццяў да роднага дома, з адчування сваяцкай блізкасці паміж членамі сям’і пачынаецца радзіма. Любоў да месца, дзе чалавек з’явіўся на свет, дзе знаходзяцца яго родны дом і сям’я, пераносіцца спачатку на родны кут (край, старонку) і землякоў, а потым і на родную краіну, дзяржаву і суайчыннікаў, пераўтвараючыся ў своеасаблівую духоўную сувязь, што праходзіць праз усё жыццё чалавека: *Дзе маці нарадзіла, там і радзіма* [11]; *Бацькоў любі, старых паважай, здароўе беражы, Айчыне верна служы* [7].

Паміж чалавекам і месцам яго нараджэння існуе амаль што містычная сувязь. У родны кут імкнуцца ўспаміны, думкі, мары. І нават матэрыяльныя

выгоды і перавагі жыцця ў іншым месцы, у чужой краіне не могуць разарваць гэтай сувязі: *Не ўсякі добры кут – чалавеку бацькаўшчына; Дома хоць няўежна, дык улежна; Усюды добра, а дома лепей; Нідзе так, як дома; У знаёмых не знойдзеш таго, што дома; Дома край (лепшы) як рай; Дома і саломе ядома, на чужыне і гарачы тук стыне* [8]; *Хоць еш крапіву ды салому, але пры дому; У гасцях каша, а дома кулеш, да за кашу лепш; Ля сонца цёпла, ля дома добра; Добра на Дану, а лепш удаму; Усюды добра, а дома лепш за ўсё* [11].

Паводле даўніх народных вераванняў, перарэзаная пупавіна закопвалася блізка каля дома, у якім нарадзіўся чалавек: *Мілы той куток (дамок), айдзе рэзан пупок; Дарагі той куток, дзе завязалі пупок; Мілы той куток, дзе вязаны пупок; Калі б не быў пуп закапаны тут, то жыў бы ў другім месцы* [11]. Магчыма, гэтым тлумачыцца моцная цяга да родных мясцін, жаданне вярнуцца дадому: *Дадому (дахаты) і конь спрытней бяжыць* [8]. З узростам пачуцці становяцца больш вострымі, і кола жыцця імкнецца быць замкнутым, завяршыцца там, дзе пачалося: *Цягне, як з гадамі на бацькаўшчыну; На радзіме і паміраць лягчэй* [8]; *У дамоўцы й паміраць смялей; Прышоў паміраць на сваю лаўку, бо дома смялей* [11].

З’яўляючыся для кожнага чалавека неад’емным спосабам выражэння яго нацыянальнай ідэнтычнасці, канцэпт “радзіма” вымушаны несці на сабе і ўвесь цяжар палітычнай гісторыі краіны. Так, у прааналізаваным матэрыяле, часам у штучна створаных, “псеўдана-родных” парэміях знаходзяць сваё ўвасабленне адгалоскі Вялікай Айчыннай вайны і рэаліі савецкіх часоў: *Па-ленінску жыць – Радзіме служыць; Радзіму любіць – фашыстаў біць* [7]. Адпаведныя кагнітыўныя прыметы выяўляюцца ў кантэкстах з лексмай сям’я: *Багаты калгас – сям’я дружная; У Савецкую армію пайшоў – родную сям’ю знайшоў; Камуністы – самая дружная*

сям'я [7]. Тут ролю сям'і могуць выконваць працоўны калектыў, калгас, армія, партыя ці ўвогуле народ і краіна.

Прааналізаваны матэрыял сведчыць пра тое, што ключавыя сацыяльныя паняцці культуры могуць існаваць у выглядзе складаных утварэнняў з перакрываваемымі і напластаванымі элементамі. Цесная ўзаемасувязь канцэптаў “дом”, “сям'я”, “радзіма” лагічна выпякае з саміх кампанентаў сэнсу лексем. Так, дом – гэта прыдатны для пражывання будынак. Сям'і як групе людзей са сваімі пэўнымі патрэбамі неабходны прытулак. Такім чынам, будынак становіцца жылым, калі ў ім пасяляюцца людзі, а група людзей набывае формы сям'і, між іншым, і па прычыне валодання (пастаяннага ці часовага) жыллём. Лексема *дом* персаніфікуецца, становіцца рэпрэзэнтантам сям'і, якая ў ім пражывае, і з'яўляецца ў такім выпадку сінонімам апошняй. Таму ў камунікатыўным працэсе часта адбываецца атаясамліванне лексем *дом* і *сям'я*, адсюль узнікае выраз “сябраваць дамамі”.

Паняцце “радзіма” як цэнтр асноўных жыццёвых каштоўнасцей, з аднаго боку, уключае ў свой склад разам з іншымі кампанентамі і канкрэтнае жылое памяшканне, дзе нарадзіўся і атрымаў свой першы жыццёвы вопыт чалавек, дзе жывуць блізкія яму людзі, а з другога – атаясамліваецца з паняццем “дом”. Асабліва яскрава тоеснасць лексем *радзіма* і *дом* выяўляецца ў наступных парэміях: *Добра на Дану, а лепш удаму; Как ні харашо на Дану, да не так, як у сваім даму; Усюды добра, а дома лепей; Дома і саломы ядома, а на чужыне і гарачы тук стыне* [11]. У гэтых прыкладах “быць дома” не абазначае фізічную прысутнасць у памяшканні, дзе пражывае чалавек. Такі выраз хутчэй інтэрпрэтуецца як “знаходзіцца на радзіме, у роднай краіне”. У прыведзеных парэміях выразна прасочваецца ідэя вяртання да вытокаў, да сваіх каранёў, да пачатку. Вярнуцца дамоў –

гэта значыць вярнуцца не ў канкрэтны будынак, а на сваю радзіму, на Бацькаўшчыну. Таму ў дадзеных прыкладах лексему *дом* і яе дэрываты можна замяніць лексмай *радзіма* без скажэння сэнсу.

Заклучэнне. Парэміялагічныя адзінкі – гэта застылыя асэнсаванні таго ці іншага канцэпту, якія складаліся на працягу доўгага часу. Аналіз канцэптаў на матэрыяле прыказак і прымавак дазваляе больш глыбока вывучыць найважнейшыя паняцці матэрыяльнай і духоўнай культуры, якія трансляюцца ў моўным увасабленні ад пакалення да пакалення.

Праведзенае даследаванне дазваляе сцвярджаць, што ключавыя сацыяльныя паняцці “дом”, “сям'я”, “радзіма” існуюць у культуры не ізалявана, а ўзаемасувязана, утвараючы пэўную лагічную сістэму, што характарызуецца цэласнасцю і ўпарадкаванасцю. Кожны канцэпт уяўляе сабой частку цэлага, нясе ў сабе адбітак усёй сістэмы. Выяўленыя дадатковыя значэнні, частка якіх прыхавана ў свядомасці, паказваюць, як цесна пераплятаюцца і арганічна ўзаемадапаўняюць адно аднаго розныя канцэпты.

Адштурхоўваючыся ад аналізу аднаго канкрэтнага канцэпту, мы ў прынцыпе можам рэканструяваць пры паслядоўным разгортванні ўсю сістэму канцэптаў пэўнай культуры. Пры такім падыходзе канцэптуальны аналіз можа разглядацца як аналіз адных канцэптаў з дапамогай іншых.

Матэрыялы праведзенага даследавання могуць быць выкарыстаны падчас далейшай распрацоўкі ідэй кагнітыўнай семантыкі, пры супастаўляльным вывучэнні розных канцэптасфер, могуць прымяняцца ў практыцы складання і ўдакладнення тлумачальных слоўнікаў, выкладання лінгвістычных дысцыплін.

Літаратура

1. Щербин, В.К. Славянская концептология и концептография / В.К. Щербин // Мова-знаўства. Літаратуразнаўства. Фалькла-рыстыка:

- XIV Міжнародны з’езд славістаў (Охрид 2008): дакл. бел. дэлегацыі / НАН Беларусі, Беларускі камітэт славістаў. – Мінск: Права і эканоміка, 2008. – С. 233–252.
2. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Мінск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
 3. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2010. – 314 с.
 4. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология; под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
 5. Мажэйка, Н.С. Частотны слоўнік беларускай мовы / Н.С. Мажэйка. – Мінск: Зоркі гор, 2006. – 658 с.
 6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў; пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 1999. – 784 с.
 7. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн.; рэд. А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 2. – 616 с.
 8. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склад. Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
 9. Аксамітаў, А. Прыказкі і прымаўкі: тлумач. слоўн. бел. прыказак і прымавак з арх., кафедр. збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. / А. Аксамітаў. – 2-е выд., дапрац. – Мінск: Беларус. навука, 2002. – 320 с.
 10. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск: БелСЭ, 1978. – Т. 2. – 768 с.
 11. Прыказкі і прымаўкі: у 2 кн. / рэд. А.С. Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 560 с.
 12. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – Вып. 30: Радець – рушаты / склад. І.У. Будзько [і інш.]; пад рэд. А.М. Булыкі. – 496 с.

Паступіла ў рэдакцыю 17.05.2011 г.

Прынята ў друк 12.12.2011 г.

УДК 811.161.3'355

Уплыў сучаснай арфаграфіі на арфаэпію дыктараў і карэспандэнтаў беларускага тэлебачання

© Куліковіч У.І.

Установа адукацыі “Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт”, Мінск

У артыкуле асвятляюцца такія тэарэтычныя пытанні арфаэпіі і арфаграфіі, як неабходнасць адзінства нормаў літаратурнага вымаўлення, практычнае і агульнакультурнае значэнне адзіных арфаэпічных і арфаграфічных нормаў, аб'ектыўны і суб'ектыўны характар арфаэпічнай нормы, уплыў арфаграфіі на вымаўленне. Праводзіцца аналіз найбольш пашыраных адступленняў ад арфаэпічных нормаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы і сучаснай рускай літаратурнай мовы ў маўленні дыктараў і карэспандэнтаў беларускага тэлебачання, указваюцца прычыны выяўленых недакладнасцяў, абумоўленыя змяненнямі ў арфаграфіі і іншымі заканамернасцямі. Матэрыял артыкула адрасаваны выкладчыкам ВНУ і курсаў павышэння кваліфікацыі работнікаў радыё і тэлебачання. Вынікі даследавання дазваляюць аптымізаваць працэс вывучэння і засваення асноўных арфаграфічных і арфаэпічных заканамернасцяў беларускай мовы.

Ключавыя словы: арфаграфічная норма, арфаэпічная норма, аб'ектыўны і суб'ектыўны характар арфаэпічнай нормы, фаналагічная сістэма.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 189–197)

Impact of modern orthography on the orthoepy of Belarusian TV presenters and reporters

© Kulikovich U.I.

Educational establishment “Belarusian State Technological University”, Minsk

The article presents such theoretical issues of orthoepy and orthography as the necessity of the unity of literary speech norms, practical and general cultural meaning of unified orthoepic and orthographic norms, objective and subjective character of the orthoepic norm, influence of orthography on speech. Analysis is made of most wide spread deviations from orthoepic norms of the Belarusian literary language and modern Russian literary language in the speech of Belarusian TV presenters and reporters, reasons of the incorrectness are found out, conditioned by the changes in orthography and other laws. The material of the article is addressed to university teachers and teachers at upgrading courses for radio and TV workers. Results of the study make it possible to optimize the process of learning basic orthoepic and orthographic laws of the Belarusian language.

Key words: orthographic norm, orthoepic norm, objective and subjective character of the orthoepic norm, phonological system.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 189–197)

Арфаэпічныя нормы – гэта захаванне матычныя), яны адносяцца да з'яў патрабаванняў літаратурнага адначасова дынамічных і адносна вымаўлення носьбітамі беларускай ўстойлівых, паколькі абапіраюцца на літаратурнай мовы і тымі, хто яе законы функцыянавання і фаналагічнай вывучае. Як і іншыя нормы сістэмы мовы і на выпрацаваныя ў (арфаграфічныя, лексічныя, грама-

Адрас для карэспандэнцыі: вул. Карастаянавай, д. 3, кв. 27, 220065, г. Мінск,
тэл.: 8-029-6-35-05-19 (Vel.) – У.І. Куліковіч

дстве традыцыйна прынятыя правілы, якія падпадаюць пад змены ў працэсе развіцця вуснага літаратурнага маўлення ў выніку ўплыву на маўленне розных фактараў (экстралінгвістычных і інтэрлінгвістычных).

Мэта артыкула – аналіз уплыву беларускай арфаграфіі 2008 г. на якасць маўлення дыктараў і карэспандэнтаў беларускага тэлебачання.

Для дасягнення мэты ставіліся і вырашаліся наступныя задачы:

1) указаць фактары, якія абумоўліваюць неабходнасць захавання нормаў літаратурнага вымаўлення;

2) раскрыць сутнасць паняццяў аб'ектыўны і суб'ектыўны характар арфаэпічных нормаў;

3) ахарактарызаваць прычыны парушэння арфаэпічных нормаў беларускай літаратурнай мовы на сучасным этапе;

4) устанавіць найбольш тыповыя памылкі ў маўленні дыктараў і карэспандэнтаў беларускага тэлебачання, выкліканыя зменамі ў арфаграфіі, фанетычнай, акцэнтацыйнай інтэрферэнцыяй.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для даследавання паслужылі інфармацыйныя выпускі на Першым нацыянальным тэлеканале БТ з 1 верасня 2010 г. па 1 студзеня 2011 г. – першыя месяцы пасля ўступлення ў дзеянне Закона Рэспублікі Беларусь “Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі” (2008 г.). Асноўным метадам вывучэння і сістэматызацыі сабранага матэрыялу з’яўляецца метада назірання, які, паводле сцверджання многіх вучоных, належыць да найбольш эфектыўных метадаў даследавання.

Вынікі і іх абмеркаванне. Неабходнасць адзінства нормаў літаратурнага вымаўлення абумоўліваецца некалькімі фактарамі, найважнейшыя з якіх – наступныя. (1) Імкненне дасягнуць узаемаразумення паміж моўцам і слухачом. Пры адсутнасці адзіных нормаў камунікацыя ўскладняецца або парушаецца: слухач пачынае звяртаць увагу не на тое, што гавораць, а на тое, як гавораць, г.зн. не на ўнутраны змест

маўлення, а на яго знешняе выражэнне. Вымаўленне, якое адпавядае арфаэпічным нормам, аблягчае і паскарае працэс зносінаў. (2) Імкненне правільна разумець тэкст пры чытанні, паколькі гукавы бок мовы звязаны з правіламі правапісу, якія таксама павінны быць адзінымі. (3) Навучанне адзіным правілам арфаэпіі ў школе, культываванне іх сродкамі масавай інфармацыі (праз друк, радыё, тэлебачанне), тэатрам. (4) Захаванне агульнага культурнага ўзроўню носьбітаў беларускай літаратурнай мовы і іх нацыянальнай адметнасці. (5) Захаванне прэстыжу беларускай літаратурнай мовы ва ўмовах руска-беларускага двухмоўя (неапраўданая варыянтнасць, адсутнасць арфаэпічнай стабільнасці звязваюць і без таго нешматлікае кола яе карыстальнікаў).

Веданне правілаў беларускага літаратурнага вымаўлення мае вялікае практычнае і агульнакультурнае значэнне, на што неаднаразова звярталася ўвага ў навуковай і метадычнай літаратуры. Яно дазваляе: (1) правільна пісаць, паколькі беларускі правапіс у асобных выпадках абапіраецца на літаратурнае вымаўленне; (2) правільна чытаць напісанае або надрукаванае, бо на пісьме перадаюцца не ўсе асаблівасці вымаўлення; (3) дасягнуць аднастайнасці вымаўлення слоў у вуснай мове, што з’яўляецца важным чыннікам дакладнага ўзаемаразумення; (4) прафесійна выкарыстоўваць арфаэпічныя варыянты па прычыне іх сацыяльнай значымасці ў сцэнічным маўленні для сацыяльнай характарыстыкі асобаў.

З усяго сказанага вынікае агульнакультурнае значэнне арфаэпіі, якое заключаецца ў наступным: (1) культура вуснай мовы сведчыць аб узроўні агульнай культуры чалавека; (2) правільнасць і чысціня маўлення маюць важнае значэнне ў галіне эстэтычнага ўздзеяння на слухача.

Таму з асаблівай увагай за сваёй вуснай мовай павінны сачыць усе, хто выкарыстоўвае мову ў якасці сродку зносін.

Характар арфаэпічнай нормы. Сучасныя правілы вымаўлення, як сведчыць маўленчая практыка,носяць розны характар і маюць рознае паходжанне. Так, арфаэпічныя нормы, якія дыктуюцца фаналагічнай сістэмай мовы і заканамернасцямі яе рэалізацыі ў маўленні, прынята называць літаратурнымі нормаўмі, якія маюць *аб'ектыўны характар*, а арфаэпічныя нормы, што ўстанаўліваюцца грамадскай маўленчай практыкай, людзьмі, – літаратурнымі нормаўмі, якія маюць *суб'ектыўны характар*.

Адрозненні паміж аб'ектыўнымі і суб'ектыўнымі нормаўмі вызначаюцца характарам фаналагічнай сістэмы беларускай літаратурнай мовы і заканамернасцямі яе рэалізацыі.

Да *аб'ектыўных арфаэпічных нормаў* адносяцца такія выпадкі вымаўлення, у якіх фаналагічная сістэма дыктуе толькі адну магчымасць яе рэалізацыі, г.зн. толькі адну магчымасць вымаўлення. Напрыклад, законы фаналагічнай сістэмы беларускай мовы прадугледжваюць вымаўленне: *конь* і *кон*, *лес* і *ле[с]* (лезь), *золкі* і *[з'олкі]* (зёлкі). Вымаўленне ў прыведзеных парах слоў толькі цвёрдых ці толькі мяккіх зычных гукаў – парушэнне законаў фаналагічнай сістэмы, што можа прывесці да поўнага непаразумення. Другі прыклад: на канцы слова і перад глухімі не могуць вымаўляцца звонкія зычныя, таксама як не могуць вымаўляцца глухія зычныя перад звонкімі. Неабходна вымаўляць *про[з]ба* (просьба), *дзя[ц]ка* (дзядзька), *гры[д]кі* (грыбкі), *па[т]кінуць* (падкінуць). Вымаўленне ж тыпу *про[с]ба*, *дзя[дз]ка*, *гры[б]кі*, *па[д]кінуць* з'яўляецца парушэннем унутраных сувязей і адносінаў элементаў фаналагічнай сістэмы, выкліканае неадрозненнем глухіх/звонкіх зычных у любой фанетычнай пазіцыі.

Аб'ектыўныя нормы вымаўлення з'яўляюцца ўстойлівымі, паколькі дыктуюцца фаналагічнай сістэмай. Яны не могуць змяняцца за адносна кароткі прамежак часу.

Суб'ектыўнымі фаналагічнымі нормаўмі будуць з'яўляцца такія выпадкі вымаўлення, у якіх законы фаналагічнай сістэмы дапускаюць некалькі магчымасцей яе рэалізацыі, але выбар адпаведнага вымаўлення залежыць ад грамадскай маўленчай практыкі. Напрыклад, калі моўца гаворыць *[з'ім.л'а]*, *[було]*, *[выда]* замест *[з'амл'а]*, *[было]*, *[вада]*, то ён не парушае законаў беларускай фаналагічнай сістэмы – прыцып пазіцыйнай мены націскных і ненаціскных галосных тут захоўваецца. У такім выпадку асоба парушае нормы літаратурнага вымаўлення, устаноўленыя грамадскай маўленчай практыкай. Яшчэ адзін прыклад: фаналагічная сістэма адноль-кава дазваляе вымаўляць у запазычаных словах гук *[э]* і гук *[э']* пад націскам і не пад націскам: у пачатку слова: *эра*, *эватар*, *Эльбрус*, *Еўропа*, *Еўпаторыя*; у сярэдзіне слова: *Кармэн*, *мэбля*, *нетры*, *перспектывы*, *туркмен*; на канцы слоў: *рэзюмэ*, *турнэ*, *суфле*, *атэльэ*, *Фрунзэ*. Таму ні вымаўленні тыпу *Амерыка*, *Еўропа*, *перспектыва*, *канфедэрацыя*, ні вымаўленні *Амэрыка*, *Эўропа*, *пэрспэктыва*, *канфэдэрацыя*, што можна пачуць сёння, не з'яўляюцца аб'ектыўнымі нормаўмі, якія дыктуе фаналагічная сістэма. Нормаўмі на сучасным этапе лічацца падкрэсленыя словы, паколькі яны ўстаноўлены грамадскай маўленчай практыкай і падмацаваны арфаграфіяй. Да рэформы ж правапісу 1933 года нарматыўным лічылася вымаўленне непадкрэсленых слоў.

З гэтага вынікае, што нормы, якія ўстанаўліваюцца грамадствам, могуць мяняцца на працягу развіцця мовы нават за адносна кароткі прамежак часу. У такім выпадку адказнасць за іх

стабільнасць ляжыць толькі на карыстальніках мовы і тых, хто ўкараняе новыя арфаграфічныя правілы, паколькі ў многіх выпадках новае напісанне слова прадугледжвае новае яго вымаўленне.

Асноўныя прычыны парушэння арфаэпічных нормаў. Асноўнымі прычынамі парушэння арфаэпічных нормаў сучаснай беларускай літаратурнай мовы на сучасным этапе засталіся тыя ж, пра якія пісалі на працягу XX ст. М.В. Бірыла [3], І.І. Крамко [5], А.І. Падлужны [1], Ф.М. Янкоўскі [2] і іншыя. Гэта *развіццё мовы, уплыў дыялектнага маўлення, міжмоўная інтэрферэнцыя, выкліканая сітуацыяй білінгвізму, палітарнае чытанне тэксту.*

Развіццё мовы. Мова як самаарганізуючая сістэма знаходзіцца ў пастаянным развіцці, якое залежыць ад сацыяльна-палітычнага і эканамічнага жыцця грамадства. Напрыклад, удакладненні правілаў беларускай арфаграфіі на працягу XX стагоддзя неаднаразова прыводзілі да змянення гучання слоў. Так, пасля рэформы правапісу 1933 года нормай лічылася напісанне *піонер, соцыялізм, большэвік, камунізм*, якое адпавядала тагачаснаму вымаўленню. На сучасным этапе вымаўленне і напісанне такіх слоў іншае: *піянер, сацыялізм, бальшавік, камунізм.*

Закон Рэспублікі Беларусь “Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі” (2008 г.) таксама паўплываў на асобныя правілы вымаўлення. Паводле новых арфаграфічных прадпісанняў, на канцы нязменных запазычаных слоў не пад націскам, а таксама ў фіналях агульных назоўнікаў перад *р, ль* патрэбна пісаць літару *а* і адпаведна вымаўляць гук [a]: *адажыа, імпрэсарыа, трыа, Токіа, Ватэрлоа, Пінокіа; бартар, кратар, камп’ютар, шніцаль.* Да ўступлення ў дзеянне Закона тут пісаліся літары *о, э* і вымаўляліся гукі [o], [э]: *адажыо, імпрэсарыо, трыо, Токіо, Ватэрлоо, Пінокіо; бартэр, кратэр, камп’ютэр, шніцэль.* Паводле даведнікаў і вучэбных дапаможнікаў канца XX ст. прадугледжвалася варыянтнае вымаўленне гукаў у першым складзе перад націскам [э], [э^а], [і] ў словах *дзеяты,*

дзеяты, семнацаты, васемнацаты, пяцьдзесят, шэсцьдзесят. З 1 верасня 2010 г. адзінай арфаэпічнай нормай становіцца вымаўленне ў гэтай пазіцыі гука [a], паколькі замацаваны наступны арфаграфічны запіс указаных слоў: *дзявя-ты, дзясяты, сямнацаты, васямнац-цаты, пяцьдзесят, шэсцьдзесят.*

Уплыў дыялектнага вымаўлення. Вынікам такога ўплыву з’яўляецца захаванне ў вымаўленні гукаў ці спалучэнняў пэўных дыялектных рысаў, якія не супадаюць з фанетычнымі рысамі літаратурнай мовы. Парушэнні такога тыпу назіраюцца ў людзей, якія з дзяцінства карысталіся дыялектнай мовай. Такім уплывам тлумачацца наступныя парушэнні арфаэпічных нормаў, зафіксаваныя акадэмікам М.В. Бірылам [3]:

1) адступленне ад правілаў акання і якання: *в[ы]дзяны* замест *в[а]дзяны*, *н[і]ма* замест *н[я]ма*, *н[ы]га* замест *н[а]га*, *мног[о]* сал[о] замест *мног[а]* сал[а], *в[і]сна* замест *в[а]сна*, *во[с’і]нь* замест *во[се]нь* і інш.; 2) вымаўленне на месцы [a] перад [ў] гука [o]: *наст[о]ўнік, пр[о]ўда, сказ[о]ў, у[з’о]ў* замест *наст[а]ўнік, пр[а]ўда, сказ[а]ў, у[з’а]ў* і інш.; 3) рэдукаванае вымаўленне [с’ц]: *шэ[с’] замест шэ[с’ц’], рада[с’] замест рада[с’ц’]* і інш.; 4) амаль поўны пропуск зычнага [г] у канчатках прыметнікаў і дзеепрыметнікаў: *учараш[н’аа]* замест *учараш[н’ага]*, *вясёл[аа]* замест *вясёл[ага]* і інш.; 5) парушэнне правілаў прыпадабнення звонкіх да глухіх, а таксама глухіх да звонкіх і інш.: *[жэ] цёплае* замест *[жэш] цёплае*, *ра[зк]а[зч]ык* замест *ра[ск]а[шч]ык*; 6) вымаўленне на месцы падоўжаных зычных скарачаных або зусім кароткіх гукаў: *карэ[н’э], га[л’о]* замест *карэ[н’н’э], га[л’л’о]*; 7) памякчэнне [з], [с] перад заднеязычнымі [г], [к], [х]: *[з’]гінуць, [с’]кінуць, [с’]хіліць* замест *[з]гінуць, [с]кінуць, [с]хіліць* і інш.

Сітуацыя білінгвізму (двухмоўя), якая стала прычынай фанетычнай і

акцэнтуючайнай інтэрферэнцыі (ўзаема-пранікнення фанетычных і акцэнтуючых элементаў беларускай мовы ў рускамоўнае маўленне і наадварот). Парушэнне нормаў у такіх выпадках узнікае пры недасканалым валоданні беларускай і рускай мовамі. Яно назіраецца ў маўленні людзей, якія часцей карыстаюцца адной з дзвюх моваў і пераносяць асобныя рысы з рускай мовы ў беларускую і наадварот.

У маўленні карэспандэнтаў, якія вядуць рэпартажы па-руску і па-беларуску найбольш часта сустракаюцца наступныя памылкі, выкліканыя фанетычнай і акцэнтуючай інтэрферэнцыяй.

Пісьмо. г.зн. палітарнае чытанне, паколькі літары не заўсёды абазначаюць тыя гукі, якія трэба вымаўляць. Так, неадрозненне паміж пісьмом і вымаўленнем прыводзіць да чытання, як напісана: [см'эх], [цв'ісц'і] замест [с'м'эх], [ц'в'ісц'і]; [н'этрэба], [б'эзгрошай] замест [н'атрэба], [б'азгрошай]; [гарадск'і], [н'ас'в'іжск'і] замест [гарацк'і], [н'ас'в'іск'і]; [д[з]в'эры, на[д[з]в'эры, нара[д[ж]энне] замест [дз]веры, на[дз]в'эры, нара[дз]энне і інш.

Самымі распаўсюджанымі недакладнасцямі ў вымаўленні гукаў дыктарамі беларускага тэлебачання з'яўляюцца наступныя.

Арфаэпія галосных.

1. Вымаўленне гука [а] замест [э], а таксама гука [а] замест гука [э] ў запазычанай лексіцы і першай частцы лічэбнікаў. Прычына адхілення ад нормы – непадсвядомае перанясенне законаў акання і якання (па аналогіі) на словы, у якіх гэтыя законы не дзейнічаюць: адзін

мільён **пашцьсот пашцьдзісят** шэсь, надвор'е паставі-ла чарговы **рэ'корд**, **цаментны** завод, пяцьсот–**сямсот** тысяч рублёў, час **сярыялаў**, **нярвовасць** на конт лічбы 13 замест нарматыўных **пашць-сот пашцьдзісят** шэсь, надвор'е паставіла чарговы **рэкорд**, **цамент-ны** завод, пяцьсот–**семсот** тысяч рублёў, час **серыялаў**, **нервовасць** на конт лічбы 13.

2. Рэдукцыя гука [а] і вымаўленне яго як [э^а]: добры **вечэ'р**, новы **камп'ютэ'рны** клас замест нарматыўных добры **вечар**, новы **камп'ютарны** клас. Важна ведаць, што ў беларускай мове, у адрозненне ад рускай, рэдукцыя галосных не прыводзіць да поўнай або нават частковай страты асноўнай якасці гука, г.зн., што і не пад націскам галосныя гукі павінны вымаўляцца выразна.

3. Вымаўленне гукаў [і], [э] (уплыў рускага маўлення) на месцы: этымалагічнага [а]; [а] ў першым складзе перад націскам; [э] не ў першым складзе перад націскам: **некалькі дзісяткаў** дамоў, на **дзісяткі** квадратных метраў, да **дваццаці піці** тысяч рублёў, **піцьдзісят** пяць участкаў, гасцініца **пабудавана ў сімідзісятых**, **дзівяноста** працэн-таў узгаранняў, дахі **дзесяткаў** жылых дамоў, чырвоны сігнал **свет-лафора**, **васемнаццаці** верасня, **дваццаць дзевятага** верасня, **дзівя-ты** кіламетр, **пакаранне панесуць пашцьдзісят** восем чыноўнікаў, **вель-кая** колькасць **ДТЗ** замест нарматыўных **некалькі дзісяткаў** дамоў,

№	Рускае маўленне	Беларускае маўленне
1.	Вымаўленне цвёрдых [р] і [ч] на месцы мяккіх [р'] і [ч']: [рэ]сурсы замест [р'э]сурсы, [рэ]льсы замест [р'э]льсы, [чы]тат' замест [ч'и]тат', [чэ]ловок замест [ч'э]ловок.	Вымаўленне мяккіх [р'] і [ч'] на месцы цвёрдых [р] і [ч]: [р'і]нак замест [ры]нак, [р'э]клама замест [рэ]клама, [ч'а]ртар замест [ча]ртар, [ч'э]к замест [чэ]к.
2.	Вымаўленне мяккіх [дз'], [ц'] (дэканне і цеканне) на месцы цвёрдых [д], [т]: [ц'в']ёрдый замест [тв']ёрдый, [дз'в']е замест [дв']е, [дз'в']ерь замест [дв']ерь, очерс[ц'в']еть замест очерс[тв']еть.	Вымаўленне цвёрдых [д], [т] на месцы мяккіх [дз'], [ц'] у славянскай лексіцы: [тв']ёрды замест [ц'в']ёрды, [дв']еры замест [дз'в']еры, [дв']е замест [дз'в']е, с[тв']ярджаць замест с[ц'в']ярджаць.
3.	Вымаўленне цвёрдых [д], [т] на месцы	Вымаўленне мяккіх [дз'], [ц'] (дэканне і

	мяккіх [д'], [т'] у неславянскай лексіцы: [дэ]бет замест [д'е]бет, [дэ]фицит замест [д'е]фицит, гаран[ты]я замест гаран[т'у]я, інвес[ты]цыі замест інвес[т'у]цыі.	цеканне) на месцы цвёрдых [д], [т] у неславянскай лексіцы: ін[дз'е]ксацыя замест ін[дэ]ксацыя, інвес[ц'і]цыі замест інвес[ты]цыі, амар[ц'і]зацыя замест амар[ты]зацыя.
4.	Вымаўленне [ў] на месцы рускага [в] у пазіцыі пасля галосных, у сярэдзіне і канцы слова, а таксама ў пачатку слоў перад зычнымі. Гэта вынік рознага чаргавання ў рускай і беларускай мовах. У рускай мове [в] – [ф], у беларускай – [в] – [ў]: загото[ў]ка кормо[ў] замест загото[ф]ка кормо[ф], [ў]сё [ў] парадке замест [ф]сё [ф] парадке, тракто[ў]ка закона[ў] замест тракто[ф]ка закона[ф].	Вымаўленне [в] на месцы беларускага [ў] у пазіцыі пасля галосных, у сярэдзіне і канцы слова, а таксама ў пачатку слоў перад зычнымі. <i>статак каро[ф]</i> замест <i>статак каро[ў]</i> , <i>новая цэрка[ф]</i> ка замест <i>новая цэрка[ў]</i> ка, [ф]сё [ф] парадку замест [у]сё [ў] парадку. Вымаўленне [л] на месцы [ў] у пазіцыях пасля галосных у сярэдзіне і канцы слова: <i>шо[л]к</i> замест <i>шо[ў]к</i> , <i>прада[л]</i> замест <i>прада[ў]</i> .
5.	Вымаўленне фрыкатыўнага [з] на месцы [г] выбухнога: [з]оворить замест [г]оворить, ценные бума[з]и замест ценные бума[г]и, ле[з]ализация замест ле[г]ализация.	Вымаўленне выбухнога [г] на месцы фрыкатыўнага [з]: [г]ербавы замест [з]ербавы, каштоўная аблі[г]ацыя замест каштоўная аблі[з]ацыя, ле[г]альны замест ле[з]альны.
6.	Вымаўленне [шч] на месцы доўгага мяккага [ш'ш'] або [щ']: су[шч]ность замест су[ш'ш']ность, об[шч]ность замест об[ш'ш']ность, ра[шчо]тный [шчо]т замест ра[щё]тный [щё]т.	Вымаўленне мяккіх [жс'], [ш'], [джс'] на месцы цвёрдых [жс], [ш], [джс]: <i>месца [жс'і]харства</i> , <i>новы [ш'і]нель</i> , <i>прыгожы [джс'і]п</i> замест <i>[жсы]харства</i> , <i>[шы]нель</i> , <i>[джсы]п</i> .
7.	Адсутнасць асіміляцыйнага змякчэння [н] перад [ш]. Вымаўляюць <i>же[ншч]ына</i> замест <i>же[н'ш'ш']ына</i> . А таксама палітарнае вымаўленне [ж'ч'] у слове <i>му[ж'ч']ына</i> замест <i>му[ш'ш']ына</i> .	Вымаўленне [в] у канчатках парадкавых лічэбнікаў, займеннікаў і прыметнікаў замест [з]: <i>перва[в]а</i> , <i>май[в]о</i> , <i>добра[в]а</i> , <i>вясёла[в]а</i> замест <i>перва[з]а</i> , <i>май[з]о</i> , <i>добра[з]а</i> , <i>вясёла[з]а</i> .
8.	Вымаўленне [а] (аканне) у ненаціскных пазіцыях: <i>праздн[а]ваць</i> , <i>[а]тдыхаць</i> , <i>проб[а]ваць</i> варенье, <i>аб[а]немент</i> , <i>аэр[а]флот</i> , <i>[а]бсчитаць</i> , <i>[а]ск[а]рбихь</i> .	Раздзельнае вымаўленне [д] і [з'], а таксама [д] і [жс] замест [дз'], [джс]: <i>[д][з']веры</i> , <i>на[д][з']ея</i> , <i>даж[д][жс]ы</i> замест <i>[дз']веры</i> , <i>на[дз']ея</i> , <i>даж[джс]ы</i> .
9.	“Яканне”: <i>з[я]мельный кодекс больш[и]я</i> персп[я]ктивы, <i>н[я]виданное чудо</i> , <i>л[я]гальный бизнес</i> замест <i>з[е]мельный кодекс больш[и]е</i> персп[е]ктивы, <i>н[е]виданное чудо</i> , <i>л[е]гальный бизнес</i> .	Адсутнасць якання ў славянскай лексіцы: <i>св[е]точные салют</i> , <i>новая б[е]лізна</i> , <i>в[е]лікі[е] перспектывы</i> замест <i>св[я]точные салют</i> , <i>новая б[я]лізна</i> , <i>в[я]лікі[я] перспектывы</i> .
10.	Вымаўленне падоўжаных зычных на месцы спалучэння “мяккі зычны + j”: <i>варе[н'н']е</i> , <i>но[ч'ч']ю</i> , <i>ма[з'з']ю</i> , <i>ста[л'л']ю</i> замест <i>варе[нб']е</i> , <i>но[чб']ю</i> , <i>ма[зб']ю</i> , <i>ста[лб']ю</i> .	Адсутнасць падаўжэння ў словах, дзе яно павінна быць і наяўнасць падаўжэння ў словах, дзе яго не павінна быць: <i>пячэ[нб']е</i> , <i>жы[цб']ё</i> , <i>га[лб']ё</i> , <i>бру[тт]а</i> , <i>то[нн]а</i> замест <i>пячэ[н'н']е</i> , <i>жы[ц'ц']ё</i> , <i>га[л'л']ё</i> , <i>бру[т]а</i> , <i>то[н]а</i> .

на **дзясяткі** квадратных метраў, да дваццаці **пяці** тысяч рублёў, **пяцьдзясят** пяць участкаў, гасцініца пабудавана ў **сямідзясятых**, **дзевяноста** працэнтаў узгаранняў, дахі **дзясяткаў** жылых

дамоў, чырвоны сігнал **святлафора**, **васямнаццатага** верасня, дваццаць **дзвятага** верасня, **дзвяты** кіламетр, пакаранне **панясуць шэсцьдзясят** восем чыноўнікаў, **вялікая** колькасць ДТЗ. У

бела-рускай мове ў адзначаных пазіцыях пішучца літары **я** (е), таму вымаўленне павінна дакладна адлюстроўваць напісанне.

4. Няправільнае ўжыванне і вымаўленне часціцы **не** больш **ні** вернуцца ў рэгіён, працягнецца так **не** доўга, аварыі магло б **ні** быць, ніхто і **ні** чуў, большасць дня яны **не** рухаюцца, гэта нічога **не** значыць; транспарт **не** ходзіць, **ні** толькі днём, але і ноччу, вадзіцель **не** справіўся з кіраваннем замест нарматыўных больш **ня** вернуцца ў рэгіён, працягнецца так **ня** доўга, аварыі магло б **ня** быць, ніхто і **ня** чуў, большасць дня яны **ня** рухаюцца, гэта нічога **ня** значыць; транспарт **ня** ходзіць, **ня** толькі днём, але і ноччу, вадзіцель **ня** справіўся з кіраваннем. Важна ведаць, што ў першым складзе перад націскам у часціцы **не** замест гука [’э] вымаўляецца гук [’а].

5. Вымаўленне гука [о] замест [йо] (у напісанні літара **ё**) пасля галосных **ы, і** ў словах неславянскага паходжання (уплыў рускага маўлення): **мільён** тысяч тон, кубак **чэмпіонаў**, навіны мінскага **рэгіёна**, **сацыяльныя** аб’екты замест нарматыўных **мільён** тысяч тон, кубак **чэмпіёнаў**, навіны мінскага **рэгіёна**, **сацыяльныя** аб’екты.

6. Ужыванне лічэбніка **сто** толькі ў адной склонавай форме. У беларускай мове гэты лічэбнік мае форму **сто** ў назоўным і вінавальным склонах і форму **ста** ва ўсіх астатніх: **звыш сто** сарака пяці замест нарматыўнага **звыш ста** сарака пяці.

7. Вымаўленне гука [э] перад націскным канчаткам **-це** дзеясловаў 2-ой асобы множнага ліку. Прычына памылкі – няправільная пастаноўка націску пры ўтварэнні гэтай формы. Правільна **нясеш – несяце, бярэш – бераце, пападзеш – пападзяце**, а не **пападзеце, бярэце, нясеце**.

Арфаэпія зычных.

1. Вымаўленне гука [в] у пазіцыі пасля галосных перад зычнымі, замест нарматыўнага [ў] (уплыў рускага маўлення): **даба[в]ляюць** кансерванты, **горкая пра[в]да** замест нарматыўнага

дабаўляюць кансерванты, **горкая праўда**.

2. Раздзельнае вымаўленне гукаў [д] [ж] на месцы аднаго гука [дж] (уплыў арфаграфіі): **штармавое папярэ[д]/[ж]анне**, **самыя распаўсю[д]/[ж]аныя** маршруты, **машыны перап[д]/[ж]аюць**, **знесла агаро[д]/[ж]у**, **ура[д]/[ж]айнасць** збожжавых культур, на аператыўным **паса[д]/[ж]энні** замест нарматыўных **штармавое папярэджанне**, **самыя распаўсюджаныя** маршруты, **машыны перап[д]жаюць**, **знесла агароджу**, **ураджайнасць** збожжавых культур, на аператыўным **пасаджэнні**.

3. Вымаўленне падоўжанага гука [ж:] на месцы спалучэння [ждж] (уплыў рускай арфаэпіі, дзе вымаўляюцца – **дрожжы, вожжы**): **чакаюцца дажжы**, лепш **выяжжаць** у выхадныя, **выяжжаючы** з-за аўтобуса замест нарматыўных **чакаюцца дажджы**, лепш **выяжджаць** у выхадныя, **выяжджаючы** з-за аўтобуса.

4. Мяккасць губных на канцы слова, у прыватнасці [м’] у лічэбніках. Варта ведаць, што губныя на канцы слова ў беларускай мове заўсёды цвёрдыя. Мягкае вымаўленне – уплыў рускай арфаэпіі: **сто шэсцьдзясят семь** вадзіцеляў, **дваццаць семь** градусаў цяпла, **намалочана мільён шэсцьсот восемь** тысяч тон збожжа замест нарматыўных **сто шэсцьдзясят сем** вадзіцеляў, **дваццаць сем** градусаў цяпла, **намалочана мільён шэсцьсот восем** тысяч тон збожжа.

5. Адсутнасць асіміляцыйнай мяккасці зычных [з’], [с’] перад усімі мяккімі зычнымі, акрамя [г’], [к’], [х’], якая на пісьме не абазначаецца: **сусветныя** цэны на збожжа, **паспяховая** экспартная культура, **плады не паспелі** развіцца, **сябе забяспечым**, застаецца **пажаранебяспечнай**, **інспектары** прызнаюцца, узровень **уздзеяння**, **пасля** наведвання, **праспект Незалежнасці** замест нарматыўных **сусьветныя** цэны на збожжа, **паспяховая** экспартная культура, **плады не паспелі** развіцца, **сябе за-бясьпечым**, застаецца **пажара-небясьпечнай**, **інспектары** прыз-

наюцца, узровень уздызеяння, пасля наведвання, праспект Незалежнасці.

6. Вымаўленне мяккага [н'] перад ш: у лясках Бярэзіньшчыны, Смаргоньшчыны замест нарматыўнага у лясках Бярэзішчыны, Смаргоншчыны.

7. Вымаўленне гука [й] пасля гука [ы], з якога пачынаецца корань пасля прыстаўкі на зычны: аднамесны нумар абыдзецца ў 25 тысяч рублёў, абыдзецца папярэ[д]/[ж]аннем замест нарматыўных аднамесны нумар абыдзецца ў 25 тысяч рублёў, абыдзецца папярэ[дж]аннем.

8. Адсутнасць гука [г] у канчатках прыметнікаў (уплыў гутарковага вымаўлення): пятніца трынаццатаа, васямнаццатаа кастрычніка замест нарматыўнага пятніца трынаццатага, васямнаццатага кастрычніка.

9. Малая ступень мяккасці гукаў [дз'], [ц'], характэрная для рускага маўлення, у словах тыпу дзеці, дзянькі, людзі, цёпла, цяпер, дзвесце і інш.

Заклучэнне. Захаваўшы адзіны арфаэпічны нормаў беларускай літаратурнай мовы мае на сучасным этапе надзвычай важнае значэнне. Адсутнасць правільнага, узорнага, аднастайнага вымаўлення настаўнікамі, выкладчыкамі ВНУ, работнікамі радыё і тэлебачання адмоўна ўплывае на прэстыж мовы, на выпрацоўку арфаграфічных нормаў і ў чарговы раз пацвярджае думку Я.М. Камароўскага аб неабходнасці стварэння якасных лексікаграфічных даведнікаў: “Да таго часу, пакуль не будуць складзены неабходныя слоўніковыя і іншыя дапаможнікі (слоўнікі-даведнікі аб нормах літаратурнага вымаўлення, арфаграфічны слоўнік-даведнік імён, прозвішчаў і географічных назваў іншамоўнага паходжання і інш.), нельга разлічваць на поўную ліквідацыю арфаграфічнага разнабою” [4, с. 19].

Істотным фактарам устойлівых арфаэпічных недакладнасцяў у маўленні дыктараў Першага нацыянальнага тэлеканала БТ

з’яўляецца ігнараванне арфаграфічным запісам слоў, у тым ліку і тых, дзе адбыліся змены ў напісанні. Прычынамі такога ігнаравання выступаюць:

а) уплыў рускай арфаэпіі і адсутнасць навыкаў вымаўлення гукаў у лексіцы, дзе адбыліся арфаграфічныя змены: камп’ютэр, дзівяты, рэгіён, праўда, дажжы, семь замест камп’ютар, дзявяты, рэгіён, праўда, дажджы, семі.

б) уплыў гутарковай арфаэпіі, у якой дзеля спрашчэння работы маўленчага апарату і эканоміі энергіі дапускаюцца выкідкі або ўстаўкі асобных гукаў (трынаццатаа, абыдзецца замест трынаццатага, абыдзецца); дзеянне законаў акання і якання ў запазычаных словах (сярыял замест серыял); мяккае вымаўленне гука [н'] перад [ш]: Смаргоньшчына замест Смаргоншчына.

На памылковае вымаўленне часціцы не і зычных гукаў у словах уплываюць іншыя фактары: няведанне фанетычных законаў спалучальнасці гукаў і палітарнае чытанне напісанага: [н’э] доўга, па[з]ней, [д]/[з]веры, папярэ[д]/[ж]анне, шча[с]це замест [н’а] доўга, па[з’]ней, [дз’]веры, папярэ[дж]анне, шча[с’]це.

Найбольшая колькасць парушэнняў арфаэпічных нормаў у маўленні карэспандэнтаў выклікана беларуска-рускай фанетычнай і акцэнтацыйнай інтэрферэнцыяй.

Памылак, абумоўленых уплывамі дыялектнага маўлення, не зафіксавана. Гэта сведчыць пра тое, што на сучасным этапе тэрытарыяльныя гаворкі не ўплываюць на якасць вуснай мовы прадстаўнікоў маладога пакалення.

Літаратура

1. Падлужны, А.І. Нормы беларускага літаратурнага вымаўлення // Сучасная беларуская мова: пытанні культуры мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973.
2. Янкоўскі, Ф.М. Беларускае літаратурнае вымаўленне. – 4-е выд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976.
3. Бірыла, М.В. Да пытання аб фарміраванні і важнейшых нормах беларускага літаратурнага вымаўлення // Вес. Акадэміі навук БССР. Сер.

- грамад. навук. – 1958. – № 3. – С. 165–174.
4. Комаровский, Е.М. Белорусское правописание: к вопросу о взаимоотношении между фонетическим и морфологическим принципами в белорусском правописании: автореф. дис. ... канд. филол. наук /
- Е.М. Комаровский; БГУ им. В.И. Ленина, каф. белор. языка. – Минск, 1965.
5. Крамко, І.І. Некалькі заўваг аб культуры мовы беларускага радзё // Аб некаторых асаблівасцях беларускай літаратурнай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1965. – С. 104–106.

Паступіла ў рэдакцыю 05.04.2011 г.

Прынята ў друк 12.12.2011 г.

УДК 81'27

Типы фразеологических единиц в русском и китайском языках

© Ма Лун

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются различные подходы к изучению фразеологии в русском и китайском языках. В русском языке в состав фразеологии в широком смысле входят идиомы, устойчивые словосочетания, пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения, речевые штампы и клише. Фразеологические единицы в китайском языке представлены пятью разрядами: чэньюй (идиомы), гуаньюньюй (фразеологические сочетания), яньюй (пословицы), сехоуэй (недоговорки-иносказания), суюй (поговорки). Характерной чертой китайской фразеологии, в отличие от русской, является наличие недоговорок-иносказаний (сехоуэй).

Ключевые слова: идиомы (чэньюй), фразеологические сочетания (гуаньюньюй), пословицы (яньюй), поговорки (суюй), недоговорки-иносказания (сехоуэй).

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 198–204)

Types of phraseological units in the Russian and Chinese languages

© Ma Long

*Educational establishment "Vitebsk State University
named after P.M. Masherov", Vitebsk*

In the article different approaches to the study of phraseology in Russian and Chinese are considered. The structure of phraseology in the Russian language in a broad sense includes idioms, set phrases, proverbs and sayings, catchwords, speech stamps and a clichés. Phraseological units in the Chinese language are presented by 5 categories: idioms, phraseological phrases, proverbs and reticence, ayings. Characteristic feature of the Chinese phraseology, unlike Russian, is availability of reticence-allegories.

Key words: idioms, set phrases, proverbs and sayings, catchwords, reticence-allegories.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 198–204)

Национальное своеобразие культуры любого народа находит выражение прежде всего в лексике и фразеологии. Во фразеологии, как ни в каком другом разделе лингвистики, отражается «национально-культурная семантика языка, то есть те языковые значения, которые фиксируют и передают от поколения к поколению особенности природы, экономики, общественного устройства, фольклора, художественной

литературы, искусства, науки, быта обычаев народа. Поэтому иностранец, если он хочет усвоить русский язык в полном объеме, должен ознакомиться и с национально-культурной семантикой русского языка» [1, с. 3]. Фразеология составляет наиболее яркую и образную часть словаря любого языка, и поэтому знание его фразеологического богатства и неисчерпаемых выразительных средств становится неотъемлемой чертой владения

Адрес для корреспонденции: e-mail: malong7651@163.com – Ма Лун

тем или иным языком, позволяет иностранцу приобщиться к области народного и литературного красноречия, помогает глубже познать культуру и историю страны изучаемого языка. Однако изучение устойчивых единиц языка достаточно сложно для иностранцев, в частности китайцев, что обусловлено рядом причин. Для решения проблем, возникающих при изучении фразеологии, следует опираться на сравнительно-сопоставительный метод исследования фразеологического материала, учитывать особенности национально-культурной специфики русской фразеологии, что позволит выявить различия между культурами народов, провести исторические параллели, сопоставить особенности образного мышления носителей того или иного языка, а также менталитета народов в целом.

Целью данной статьи является сопоставительный анализ типов фразеологических единиц в русском и китайском языках. В статье предпринята попытка рассмотреть основные разряды фразеологических единиц в русском и китайском языках. Нами поставлены следующие задачи: выявить и описать сходства и различия исследуемых единиц в языках разных типов.

Материал и методы. Материал для статьи был собран в результате изучения более 600 китайских и русских фразеологических единиц со значением «пища». Материал собирали методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского и китайского языков. Исследуемый материал был проанализирован с помощью описательного и сравнительно-сопоставительного методов.

Результаты и их обсуждение. Изучение фразеологии на современном этапе развития лексикологии и лингвокультурологии является перспективной задачей для исследования в силу того, что фразеология подразумевает препарирование языковых единиц на различных уровнях (структурном, исто-

рическом, когнитивном, семантическом). Компаративная фразеология позволяет выявить особенности не только внутриязыкового функционирования фразеологических единиц, но и взаимодействия и взаимодополнения языковых картин мира в целом.

Русский и китайский языки относятся к разным языковым группам, но в каждом из них существует большой пласт фразеологических единиц. Рассмотрим различные подходы к изучению фразеологии в русском и китайском языкознании.

Проблемой изучения фразеологизмов ученые занимались с давних времен. В русском языке изучение фразеологии стимулировалось, с одной стороны, лексикографической практикой, а с другой – работами В.В. Виноградова, в которых были поставлены вопросы об основных понятиях фразеологии, ее объеме и задачах. В 50-е гг. XX в. главное внимание уделялось вопросам сходства и различия фразеологизмов со словом и сочетанием слов; проблематика фразеологии исчерпывалась, в основном, выяснением критериев фразеологичности и уточнением оснований для классификации фразеологизмов.

С конца 50-х годов наметилась тенденция системного подхода к проблемам фразеологии, изучаются вопросы, связанные с описанием фразеологизмов как структурных единиц языка (А.И. Смирницкий, О.С. Ахманова). В 60–70-е годы активно разрабатываются собственно фразеологические методы исследования, основанные на идеях системно-уровневого анализа фактов языка (В.Л. Архангельский, Н.Н. Амосова, В.П. Жуков, А.В. Кунин, М.Т. Таггиев), осуществляется изучение системной организации фразеологического состава (И.И. Чернышева, Н.М. Шанский) и его развития (В.Н. Мокиенко, Ф.Н. Попов, А.И. Федоров). Особое внимание в работах лингвистов

уделяется семантике фразеологизмов и ее номинативному аспекту (В.Н. Телия), фразеоморфизму в его динамике (С.Г. Гаврин, Ю.А. Гвоздарев), признакам сочетаемости слов-компонентов (М.М. Копыленко, З.Д. Попова), сопоставительно-типологическому изучению фразеологического состава (Ю.Ю. Авалиани, Л.И. Ройзензон), а также описанию фразеологизмов в словарях (А.М. Бабкин, А.И. Молотков).

Общее определение фразеологизма было предложено Ш. Балли: «Сочетания, прочно вошедшие в язык, называются фразеологическими оборотами» [1, с. 10]. Исследователи В.Л. Архангельский, С.Г. Гаврин, В.Н. Телия определяют фразеологизм как языковую единицу, для которой характерны такие признаки, как метафоричность, эквивалентность и синонимичность слову. В.В. Виноградов выдвигал в качестве наиболее существенного признака фразеологического оборота его эквивалентность и синонимичность слову [2, с. 238]. Но, по мнению Н.М. Шанского, метафоричность присуща также и многим словам, а эквивалентность — не всем устойчивым сочетаниям. Поэтому включение данных второстепенных и зависимых признаков в определение фразеологизма не совсем корректно. Ученый подчеркивал, что «правильная дефиниция фразеологизма невозможна без учета его отличий от слова и свободного сочетания» [1, с. 12]. В своей работе «Фразеология современного русского языка» Н.М. Шанский дает следующее определение: «Фразеологический оборот — это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т.е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [1, с. 14]. Лингвист полагает, что основным свойством фразеологического оборота является его воспроизводимость, так как «фразеологизмы не создаются в процессе общения, а воспроизводятся как готовые целостные единицы» [1, с. 12].

Языковеды исследовали различные аспекты фразеологии, но до сегод-

няшнего дня нет единого мнения по вопросу об объеме фразеологии, нет единой классификации фразеологизмов русского языка с точки зрения их семантической слитности. В российском языкознании семантическая классификация фразеологизмов, предложенная В.В. Виноградовым, основывается на значениях их компонентов, идиоматичности, мотивированности, наличии или отсутствии внутренней формы и фразеологического образа, выраженности коннотаций и др.

К фразеологизмам примыкают пословицы и поговорки, близкородственные фразеологическим выражениям, в которых план содержания является, главным образом, результатом метафорического переосмысления буквального смысла в целом. При этом пословицы, по мнению исследователей, имеют более высокую степень обобщенности значения, они обычно выражают повторяющиеся жизненные ситуации и содержат сентенцию, нравоучение, рекомендацию, основанную на многовековом опыте народа, например: *куй железо, пока горячо; готовь сани летом, а телегу зимой* и т.п.

Поговорки содержат обобщение меньшей степени типизированности, обычно это обобщение на уровне конкретной типизированной ситуации: *наильно мил не будешь; игра стоит свеч; овчинка выделки не стоит* и т.п.

Крылатые слова и выражения отстоят от идиом далее всех фразеологических единиц. В отличие от пословиц и поговорок, источник их происхождения обычно известен: *«и дым отечества нам сладок и приятен», «счастливые часы не наблюдают»* (А.С. Грибоедов); *«а счастье было так возможно»* (А.С. Пушкин); *«а ларчик просто открывался»* (И.А. Крылов).

Некоторые исследователи в состав фразеологизмов включают также штампы, клише, составные термины и наименования. Таким образом, в русском языке в состав фразеологии в

широком смысле входят идиомы, устойчивые словосочетания, пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения, речевые штампы и клише.

Фразеология – это наследие далекого прошлого, в котором ярко выражен национально-культурный компонент. В китайских фразеологизмах запечатлены такие объекты материальной и духовной культуры, как яшма, нефрит, дракон, известные китайские герои.

Вслед за русскими исследователями, некоторые китайские ученые считают, что как фразеологизмы русского языка, так и фразеологизмы китайского языка характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью. Спорным является вопрос об объеме китайской фразеологии. В настоящее время в китайской лингвистике выделяются, как правило, четыре–пять разрядов фразеологизмов, которые классифицируются преимущественно по их происхождению и стилистической отнесенности, а не по структурно-семантическим признакам. Фразеология китайского языка в широком смысле включает идиомы, поговорки, пословицы, крылатые слова и выражения, речевые штампы и клише, составные термины и наименования. Данной точки зрения придерживаются такие ученые, как Ши Ши (史式), Ма Гофань (马国凡), Ван Дэчунь (王德春) [4, с. 577].

В настоящее время наиболее распространенной в китайском языкознании является классификация фразеологизмов, предложенная Ма Гофанем (马国凡), который выделил пять разрядов фразеологических единиц: чэньюй (成语; буквально «привычное выражение», идиома), гуаньюньюй (惯用语 – фразеологическое сочетание), яньюй (谚语 – пословица), сехоуэй (歇后语 – недоговорка-иносказание), суюй (俗语; буквально «просторечное выражение», поговорка) [3, с. 51].

Важнейший класс в системе фразеологизмов китайского языка образуют устойчивые словосочетания, называемые чэньюй 成语 (cheng yu) – идиомы. Чэньюй «成语» – это готовое устойчивое

словосочетание, построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, имеющее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения [5, с. 287]. Например:

鱼米之乡 *Yu mi zhi xiang* – букв. «место, где ловят рыбу и разводят рис»; «богатый рыбой и рисом»; «богатая деревня»;

画饼充饥 *Hua bing chong ji* – букв. «утолять голод, рисуя пампушку»; «успокаивать себя несбыточными надеждами» [6, с. 196].

Обычно фразеологизмы данного вида делят на чэньюй параллельной конструкции и чэньюй непараллельной конструкции. Чэньюй параллельной конструкции состоят из четырех морфем-слов. Параллельным может быть лексико-семантическое, грамматическое, а также фонетическое (закономерные чередования тонов) построение. Компактная, и вместе с тем монолитная, структура данных конструкций делает их предельно лаконичными, что, в свою очередь, служит одним из факторов, определяющих высокую степень их экспрессивности.

Другую группу фразеологизмов данного класса образуют чэньюй непараллельной конструкции. По морфемному составу они, подобно фразеологизмам первой группы, нередко представляют собой четырехморфемные образования. Однако среди них встречаются также единицы, состоящие из пяти и более морфем.

Чэньюй этой группы, не подчиняясь лексико-грамматическим ограничениям, характерным для чэньюй параллельной конструкции, допускают построения, самые разнообразные по своей синтаксической структуре и лексическому составу.

Чэньюй непараллельной конструкции, в отличие от первой группы, допускают использование служебных слов. Чэньюй непараллельной конструкции не подчиняются лексико-грамматическим ограничительным характеристикам, в них допускается использование служебных слов (союзы, предлоги, отрицательные частицы). Так, довольно часто имеет место одновременное употребление отрицания 不(bu) и союза 而(er), позволяющее выразить противительные отношения. Иногда можно наблюдать употребление двойного отрицания, что повышает экспрессивность фразеологизма:

人为刀俎, 我为鱼肉 *Ren wei dao zhu, wo wei yu rou* – букв. «другие с ножом, а я под ножом». Быть в зависимости от тех, кто может распоряжаться жизнью и смертью.

青黄不接 *Qing huang bu jie* – букв. «новый урожай еще не созрел, а старый уже съеден». Тяжелый период нехватки продовольствия в весенние месяцы [6, с. 763].

Охватывая широчайшие сферы материального быта и духовной жизни китайского народа, чэньюй отражают многочисленные сведения по истории, культуре, этике и эстетике Китая. Они сохранили и донесли до наших дней свою самобытную форму и яркую национальную окраску. Будучи богатейшим источником культурного наследия и исторического прошлого Китая, чэньюй имеют важное познавательное значение.

Привычные выражения гуаньюньюй 惯用语 (*guan yong yu*) – это устойчивые выражения китайского языка, хранящиеся в памяти говорящих; по структуре они напоминают чэньюй [5, с. 834]. Например:

吃醋 *Chi chu* – букв. «пить уксус». Ревновать;

铁饭碗 *Tie fan wan* – букв. «железная пиала риса». Вполне обеспеченное положение.

Следующую группу составляют китайские пословицы яньюй 谚语 (*yan yu*) и поговорки суюй 俗语 (*su yu*), которые воплотили в себя жизненные наблюдения, опыт и мудрость китайского

народа. Народные речения имеют обобщенный характер, выступают на правах целого суждения, характеризуются синтаксической завершенностью. Они функционируют в качестве предложения, часто делятся на две синтагмы. В их составе отсутствуют личные местоимения, иногда встречаются лексические повторы, они всегда экспрессивны, выражают субъективное отношение говорящего:

不图锅巴吃, 不在锅边转 *Bu tu guo ba chi, bu zai guo bian zhuan* – букв. «хочет поджаристую рисовую корку, поэтому гуляет вокруг кастрюли». Предпринял шаги, потому что хочет что-нибудь получить;

癞蛤蟆想吃天鹅肉 *Lai ha ma xiang chi tian e rou* – букв. «размечталась жаба лебединого мяса попробовать»; ср. рус. «нашему теляти да волка задрати». Зариться на то, что кому не по чину;

饥时饭, 渴时浆 *Ji shi fan, ke shi jiang* – букв. «когда голоден – тотчас получил еду; когда испытывает жажду – тотчас получил воду». Когда захотел что-нибудь, сразу удовлетворил свои потребности [6, с. 895].

В китайском языке есть особый тип народных речений сехоуей 歇后语 (*xie hou yu*), который исследователи называют недоговоркой-иносказанием. Недоговорка-иносказание состоит из двух частей: первая представляет собой сравнение, иносказание, загадку, вторая – раскрытие ее смысла, например:

鼻子上挂肉 – 油嘴 *Bi zi shang gua rou – you zui* – букв. «мясо висит на носу – мазать уста маслом». Красноречивый человек;

巴掌心煎鸡蛋 – 巧手 *Ba zhang xin jian ji dan – qiao shou* – букв. «жарить яичницу на ладони – умелые руки». Специалист в какой-нибудь сфере.

Двучленный характер данного типа фразеологизмов предопределяет возможность их употребления в двух формах: полной и усеченной, однако,

вопреки своему названию (речения с усеченной концовкой), они употребляются, главным образом, в полной форме.

Отдельную группу в китайском языке образуют крылатые слова и выражения – лаконичные, отточенные речения, обладающие глубоким смысловым содержанием и большой силой художественного содержания. Выделяют две основные разновидности фразеологических единиц этого типа: гэян 格言 (ge yan) и цисшо 奇说 (qi shuo).

К первой группе относятся гэян 格言 (ge yan) – афоризмы, которые пришли в язык из литературных произведений. Афоризмы часто представляют собой изречения философского характера, поучающие людей, передающие из поколения в поколение накопленный жизненный опыт. Для них характерны полнота и завершенность смыслового содержания, краткость и отточенность словесного выражения:

已所不欲, 勿施于人 *Ji suo bu yu, wu shi yu ren* (не делай другим того, чего не пожелаешь себе);

言者无罪, 闻者足戒 *Yan zhe wu zui, wen zhe zu jie* (говорящему не в укор, слушающему в поучение).

Ко второй группе относятся цисшо 奇说 (qi shuo) – странные речения, парадоксы-суждения, противоречащие обычным представлениям, отражающие глубокое противоречие реальной действительности. Данные выражения имеют краткую формулировку, яркую стилистическую окраску, демонстрируют самобытное мышление:

会浮水的淹死, 会骑马的摔死 *Hui fu shui de yan si, hui qi ma de shuai si* (умеющий плавать тонет, умеющий ездить на лошади разбивается (т.к. чаще других подвергают себя опасности));

不要目的是一种目的 *Bu yao mu di shi yi zhong mu di* (отказ от цели – это своего рода цель).

Фразеология китайского языка широко представлена во всех речевых стилях, и особенно в литературно-художественной

речи. Многие фразеологизмы появились очень давно, в глубокой древности, и дошли до нас, сохранив свою форму. Другие возникли недавно. И те, и другие приняты обществом, всем знакомы и широко употребляются.

С точки зрения экспрессивно-стилистических свойств, фразеологические единицы в китайском языке подразделяются на собственно-выразительные, не связанные с переносным значением, но тем не менее обладающие эмоционально-оценочными и экспрессивными значениями, и фразеологизмы, в основе которых лежат яркие изобразительно-выразительные средства; данные единицы не осознаются в своем прямом значении, употребляются метафорически.

Заключение. Таким образом, фразеологические единицы в китайском языке представлены пятью разрядами: чэньюй, яньюй, гуаньюньюй, сехоуэй, суюй.

Характерной особенностью китайской фразеологии, в отличие от русской, является наличие недоговорок-иносказаний – сехоуэй.

Отдельную группу во фразеологической системе китайского языка составляют афоризмы и суждения-парадоксы, имеющие яркую стилистическую окраску и демонстрирующие самобытность мышления китайского народа.

Изучение фразеологических единиц в русском и китайском языках – многоаспектный и разноплановый труд, включающий в себя знание как историко-культурных реалий, так и лингвистических особенностей. Развитие языка не прекращается, появляются новые фразеологические единицы, в которых отражаются национальное видение мира, обычаи, традиции, многовековая мудрость народа.

Литература

1. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М.

- Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.
2. Виноградов, В.В. Русский язык / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1972. – 639 с.
3. 成语简论 马国凡 辽宁出版社, 1959. (Ма Гофань. Очерки по фразеологии / Ма Гофань. – Ляонин: Издательство Ляонин, 1959. – 51 с.).
4. 汉语成语研究 史式 四川人民出版社, 1979. (Ши Ши. Основы китайской фразеологии / Ши Ши. – Сычуань: Издательство Сычуаньского народа, 1979. – 577 с.).
5. 辞海. 上海: 上海辞书出版社, 1999. (Толковый словарь. – Шанхай: Издательство Шанхай Цышу, 1999. – С. 287, 834).
6. 汉俄成语辞典. 哈尔滨: 哈尔滨外国语学院出版社, 1958. (Китайско-русский фразеологический словарь. – Харбин: Харбинский ин-т иностр. яз., 1958. – С. 196–895).

Поступила в редакцию 25.01.2011 г.

Принята в печать 12.12.2011 г.

УДК 821.161.3.09

Мастацкае ўвасабленне мінулага ў творчасці рускамоўных пісьменнікаў Беларусі апошняй трэці XX стагоддзя

© Навасельцава Г.В.

*Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П.М. Машэрава”, Віцебск*

У артыкуле на прыкладзе твораў Эрнеста Ялугіна, Эдуарда Скобелева, Іллі Клаза аналізуецца спецыфіка адлюстравання мінулага ў творчасці рускамоўных аўтараў Беларусі апошняй трэці XX стагоддзя. Раскрываецца актуальная для гістарычнай прозы праблема эстэтычных суадносін мінулага і аўтарскай сучаснасці ў асэнсаванні айчынай гісторыі, прасочваюцца асноўныя тэндэнцыі выяўлення мастацкай спалучанасці часоў. Рускамоўная лінія гістарычнай прозы Беларусі апошняй трэці XX стагоддзя характарызуецца тым, што праз увядзенне ў мастацкі аповяд аўтарскай сучаснасці рэпрэзентуе нацыянальную адметнасць, раскрывае суб'ектыўны аўтарскі варыянт рамантычнага бачання гісторыі. Рускамоўныя аўтары ўвасабляюць беларускае мінулае праз вобразы вядомых культурна-гістарычных дзеячаў, асэнсоўваюць у значных сацыяльна-гістарычных зрухах, абагульняюць мінулае ў вялікіх гістарычных эпохах.

Ключавыя словы: беларуская літаратура, гістарычная проза, паэтыка гістарычнага пісьма, мастацкае асэнсаванне мінулага, рускамоўныя аўтары Беларусі.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 205–210)

Artistic display of the past in the works of russian writers of Belarus in the last third of the twentieth century

© Navaseltseva G.V.

*Educational establishment “Vitebsk State University
named after P.M. Masherov”, Vitebsk*

In the article on the basis of works by Ernest Yalugin, Eduard Skobelev, Ilya Clasen the specificity of the reflection of the past in the work of Russian authors in Belarus in the last third of the twentieth century is analyzed. Relevant for historical prose problem of aesthetic relationships of the past and the present author's understanding of national history is disclosed; main trends of artistic conjugacy of times are traced. The Russian language line of historical prose in Belarus in last third of the twentieth century was characterized by the fact that through the introduction of modern art story of the author represents the national feature, reveals the author's subjective version of the romantic vision of history. Russian language authors embody the past of Belarus through images of famous cultural and historical figures, feel it in significant social and historical shifts, summarize the past in important historical epochs.

Key words: belarusian literature, historical fiction, poetics of historical writing, artistic interpretation of the past, Russian language writers of Belarus

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 205–210)

Адрас для карэспандэнцыі: Маскоўскі пр-т, д. 66, кв. 1, 210029 г. Віцебск,
e-mail: Novoseltseva70@mail.ru – Г.В. Навасельцава

Рускамоўныя аўтары Беларусі актыўна звярталіся да тэмы мастацкага асэнсавання беларускага мінулага, што было абумоўлена як эстэтычнай задачай увасаблення айчынай гісторыі, так і экстралітаратурнымі фактарамі. Ужо ў сярэдзіне XX стагоддзя актывізавалася неабходнасць паказаць слаўнае мінулае, якое б яшчэ больш яскрава выяўляла подзвіг народа ў Вялікай Айчынай вайне, сцвярджала яго гістарычны гонар. Годнае мінулае пачынае асэнсоўвацца як неад’емны гістарычны шлях да вялікай Перамогі. Яркім узорам мастацкага выяўлення гэтага прынцыпу можна лічыць творы Міколы Садковіча, аўтара рамана «Георгій Скарына» (з Яўгенам Львовым, 1951) і «Аповесці пра яснага Стахора» (1956), які невыпадкова звяртаецца да ўвасаблення мінулага XVI стагоддзя. Прадметам мастацкага адлюстравання становяцца вядомыя культурна-гістарычныя асобы, значныя падзеі айчынай гісторыі, якія не толькі раскрываюць глыбінны змест мінулага, але і рэпрэзентуюць значнасць нацыянальнай гісторыі. Проза пра мінулае заўсёды тым ці іншым чынам праектуецца на аўтарскую сучаснасць, выяўляе мастацкую спалучанасць часоў. У апошняй трэці XX стагоддзя павялічваецца цікавасць рускамоўных аўтараў Беларусі да ўвасаблення айчыннага мінулага, што як з’ява літаратурнага працэсу пакуль не атрымала сістэмнага навуковага даследавання. Вывучэнне такой праблемы дазваліць глыбей раскрыць спецыфічныя рысы нацыянальнай гістарычнай прозы. Мэта дадзенага артыкула – вызначэнне спецыфікі адлюстравання мінулага ў творчасці рускамоўных аўтараў Беларусі апошняй трэці XX стагоддзя.

Матэрыял і метады. Аб’ектам даследавання ў дадзенай працы сталі творы пра айчыннае мінулае рускамоўных пісьменнікаў Беларусі апошняй трэці XX стагоддзя (Эрнеста Ялугіна, Эдуарда Скобелева, Іллі Клаза). Базавымі для даследавання з’яўляюцца прыёмы канкрэтна-гістарычнага і

кампаратыўнага мета-даў, якія дазваляць найбольш выразна выявіць спецыфіку рэпрэзентацыі айчыннага мінулага выбранымі аўтарамі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Не будзе перабольшваннем сказаць, што ў час грамадскіх зрухаў па-новаму раскрываюцца і пераасэнсоўваюцца асноўныя духоўныя каштоўнасці, якія ў рэчышчы нацыянальнай культуры і ўвасабляе вобраз Скарыны. Мікола Садковіч і Яўген Львоў пачалі працу над першакрыніцамі для рамана напрыканцы Вялікай Айчынай вайны. Шэраг дакументальных момантаў так і застаўся нявырашаным аўтарамі, аднак гэта не перашкодзіла ім стварыць шматгранны вобраз вандроўніка і патрыёта, высокасумленнага простага чалавека – Георгія, сына Лукі Скарыны са слаўнага горада Полацка. Аўтарамі працягваецца распачатая Сымонам Хурсікам традыцыя канкрэтна-гістарычнага асэнсавання жыцця вялікага асветніка: паказваецца яго юнацтва ў Полацку, падарожжа ў Кракаў і вучоба ва ўніверсітэце, уплыў вядомага прафесара Глагоўскага і Мікалая Каперніка на асобу Скарыны, жыццё ў Празе і зносіны з «чэшскімі братамі», вучоба ў Падуі, друкарская дзейнасць у Празе і Вільні. Асоба Скарыны рамантызуецца: ён як роўны паводзіць сябе з вяльможнымі князямі, да яго цягнуцца простыя паспалітыя людзі, дзеля якіх Скарына і працуе на ніве навукі і асветы.

Рускамоўная проза пра мінулае характарызуецца некаторымі тыпалагічнымі сыходжаннямі з караткевічаўскай гістарычнай прозай. У прыватнасці, аўтар аповесці “Дзікае паляванне караля Стаха” хоць і не раскрывае падрабязна ўчынкі “мужыцкага караля”, аднак, адчуваецца, згодны з летапісам, які асуджае подлае забойства Стаха: *“Пачакай, Раман. Што ты робіш, Раман? За зямлю сваю хацеў косткі свае скласці гэты чалавек. Што ж ты божае накінаванне сабою замяніць хочаш?”*

Панства свайго табе шкода, а ці падумаў ты, што топчуць волю народа твайго, мову і веру яго, душу яго?» [1, с. 45]. Тыпалагічна блізка апавядае пра волю і веру простага народа, а таксама легендарнага народнага абаронцу летапісец Інакенці («Аповесць пра яснага Стахора» Міколы Садковіча). Чарнец Інакенці паэтызуе вобраз хлопчыка і юнака Стахора, а папростаму Стаха – сына Савы Міцкавіча. Пісьменнік расказвае пра тое, як Стахор царэвіча перамог, як Стахор на родную зямлю ступіў, як Стахор зоркі каваў, што выяўляе Стаха героем-абраннікам, сцвярджае наканаванне яму вялікага прызначэння. Стах падарожнічае разам з бацькам, які становіцца адным са спадзвіжнікаў Севярына Налівайкі. У казацка-сялянскім паўстанні, асуджаным на паражэнне, удзельнічае і Стах – «панам на страх». Аўтар не паказвае значных учынкаў самога героя, аднак словамі летапісца гаворыць пра тое, што будзе новае паўстанне: праз колькі часу ў Магілёве ўспыхнула вялікае паўстанне, што ператварыла на цэлых чатыры гады горад у рэспубліку, і на чале гэтага народнага руху стаяў малодшы Міцкавіч – ясны Стахор.

Гістарычнай прозе ўласцівы суб'ектыўнасць і тэндэнцыйнасць ў асэнсаванні мінулага. Леон Фейхтвангер падкрэсліў непазбежнасць аўтарскага вымыслу ў гістарычным рамане. Пра сябе ён заўважыў: *«Я заўсёды імкнуўся перадаць як мага дакладней вобраз сваёй рэчаіснасці, але я ніколі не цікавіўся тым, наколькі дакладна я ўзнаўляю гістарычныя факты. Наадварот, мне здаралася свядома змяняць гістарычную праўду, калі яна паслабляла ўражанне. <...> Лёгка паказаць, што Гамер, аўтары Бібліі, Шэкспір і шматлікія раманісты, аж да нашага часу, надзвычай бесцырымонна адносіліся да гістарычнай праўды, хоць яны гэту праўду і ведалі» [4, с. 109].* Сур'ёзны раманіст, на думку Л. Фейхтвангера, у гістарычным мінулым шукае сімвал і па мажлівасці дакладнае адлюстраванне сваёй уласнай эпохі, сваіх уласных, сучасных, суб'ектыўных, поглядаў. Пісаць пра сучаснасць на

сучасным матэрыяле дастаткова цяжка: падзеі яшчэ працягваюцца, іх сэнсавая незавершанасць не дазваляе аўтару зрабіць неабходныя высновы. Асвятленне сучаснасці праз гістарычны матэрыял дазваляе мастаку слова дасягнуць большай пераканальнасці, бо сучасны матэрыял вымагае асцярожнасці ў мастацкіх абагульненнях. Пры гэтым само жыццё спараджае такія вобраз гісторыі, які падпарадкоўваецца запатрабаванням сучаснасці і будучыні. Л. Фейхтвангер лічыў, што задача аўтара гістарычных раманаў, як і філосафа, *«заключаецца ў стварэнні натуральнай і выразнай сувязі паміж жыццём і гісторыяй, у плённым выкарыстанні мінулага для сучаснасці і будучыні» [4, с. 110].*

Мастацкае даследаванне сучаснасці праз мінулае патрабуе мастацка-філасофскага асэнсавання, спасціжэння мэты і сэнсу чалавечага быцця ўвогуле. Зварот да гістарычна аддаленых часоў, выяўленне вечнага ў плыні часу вымагаюць шырокага ахопу мінулага. Для гэтага пісьменнікам выкарыстоўваюцца легендарныя і летапісныя крыніцы, пэўныя гістарычныя звесткі. Легендарная або летапісная асоба, набліжаная да сучаснікаў пісьменніка, гераізуецца і паэтызуецца, чалавечыя ўчынкі на гістарычным фоне асэнсоўваюцца як гістарычныя дзеі, ідэйна-эстэтычнай дамінантай асэнсавання мінулага выступае патрыятычны пафас, гераічная тэматыка выяўляецца як нацыянальна арыентаваная.

Стылізацыя пад летапіс выступае прадуктыўным мастацкім сродкам пісьменніцкага ўвасаблення мінулага. Яна плённа выкарыстоўвалася не толькі Уладзімірам Караткевічам, але і яго сучаснікам Эрнестам Ялугіным. У аповесці «Мсціслаўцаў посах» (1971), дзе апавядаецца пра пачатак жыццёвага шляху Пятра Мсціслаўца. У творы раскры-ваецца, як паказвае

ўжо яго назва, «страницы жизни порубежного города Мстиславля, тамошнего люда посполитого и отрока, именем Петрок, коему на роду писано в друкарской справе знатным мастером стать и тем город свой меж иными прославить». Праз асэнсаванне героем звестак з летапісных помнікаў, з кніжнага слова паказваецца станаўленне асобы аднаго з вядомых усходнеславянскіх першадрукароў. Вызначальным момантам для Петрака было знаёмства з «Псалтыром» Францыска Скарыны, пасля чаго малады чалавек адпраўляецца ў Вільню вучыцца ў асветніка. Эрнест Ялугін падрабязна апісвае падзеі з жыцця героя, прасочвае яго творчае і асобаснае сталенне. Сімвалічным увасабленнем памкненняў маладога Петрака, летуценніка і вандроўніка, становіцца бацькоўскі посах – яго верны спадарожнік. Гэты вобраз у творы адначасова сімвалізуе духоўную спадчыну, якую пакіне ў свой час Пётр Мсціславец: *«Таксама пагалоска ходзіць: посах свой Пятрок некаму са мсціслаўскіх перадаў. І не ведае ўжо больш наступнік той ні хаты, ні гаспадара, а толькі айчыну ды волю»* [5, с. 158].

Традыцыю рамантычнага асэнсавання мінулага працягвае Эдуард Скобелеў у рамане “Мирослав, князь дреговичский: (дума о минувшем)” (1979), дзе ўводзіць вобраз невядомага летапісца. Праз гэты вобраз пісьменнік асэнсоўвае амаль тысячагадовую гісторыю славянства, у якой акцэнтуйце ўвагу на “смутном времени”, калі спрадвечнае язычніцтва змянялася хрысціянствам. Прымае разам з новай верай іншую культуру і кіеўскі князь Уладзімір, але дрыгавіцкі князь Міраслаў трымаецца духоўнай спадчыны сваіх продкаў, адмаўляе хрысціянства, не бачыць будучыні свайго народа без шанавання стара-жытных заветаў.

Праз мастацкае параўнанне веравызнанняў і супастаўленне іх адданных носбітаў Эдуард Скобелеў крэатыўна развівае традыцыю мастацкага ўвасаблення мінулага, пачатую Вацлавам Ластоўскім (апавяданне “Часы былі трывожныя”). Ластоўскі спрабаваў

асэнсавачь магчымасць суіснавання нацыянальна-патрыятычных (іх увасабляе старая вера) і маральна-этычных (новая вера) нормаў. Гэты ж канфлікт раскрываецца ў рамане пра Міраслава, князя дрыгавіцкага, які выступае супраць Уладзіміра, спазнае горыч выгнання і трагічна гіне. Летапісец называе Міраслава слаўным асілкам рускай зямлі, які не зведаў ўсёй радасці жыцця, але, зведаўшы шмат гора, не паддаўся нянавісці і падману, што ўзвылічвае перакананага прыхільніка славянскага язычніцтва як хрысціянскага падзвіжніка. Праз асобу летапісца Эдуард Скобелеў ўздываецца ад ўласнагістарычнай тэмы змены веравызнанняў ва ўсходніх славян да філасофскай канцэпцыі жыцця чалавека ўвогуле: *жыві, нібы ты вечны, раіць нашчадку летапісец, толькі тады твае справы атрымаюць плён, толькі тады застануцца ў памяці людской. Праз словы летапісца выяўляецца спалучанасць мінулага і сучаснасці: «Когда дождь и ветер, и сосна, раскачиваясь, скребёт ветвью о ставень, и всё в доме спит, думаю о прежних людех: нечто ведали, о чем утаили. А коли и поведали немногое (из сокровенного), како истолковати гордые их слова, бережящие и боль, и радость, и тоску, и новую надежду?»* [3, с. 310].

Разам з традыцыяй адлюстравання апавядальніка-летапісца ў беларускай прозе пра мінулае выявілася і іншая эстэтычная плынь, звязаная з увядзеннем у гістарычны твор апавядальніка, які па духу блізкі нашаму сучасніку, і праз прызму ўспрымання якога выяўляецца гістарычная адметнасць і каларыт пэўнай эпохі. Уключэнне аўтарскай сучаснасці ў твор пра мінулае прыўносіць ідэйна-зместавую трансфармацыю: пісьменнік імкнецца адысці ад умоўнасці суцэльнага мастацкага палатна, ставіць мастацкую задачу паказаць яго як

незавершанае, што яшчэ можа мець працяг. Такім чынам гісторыя, якая ніколі і нічога не забывае, памятае і герояў і здраднікаў, аб'ектыўна працуе з фактамі, на самай справе па-свойму ацэньвае кожны чалавечы ўчынак: гісторыя апавядае, як з хвіліннай няўпэўненасці нараджаецца здрада, а з высакароднага памкнення – подзвіг.

Менавіта такую гісторыю пра высакароднае памкненне і подзвіг увасабляе ў сваім рамане “Белая Русь” (1977) Ілля Клаз, дзе паказвае народнае паўстанне пінчукоў. Як і Уладзімір Караткевіч, аўтар у вышэйшай ступені кантрастна супастаўляе паўстанцаў і шляхту. Казацкія загоны Багдана Хмяльніцкага прыходзяць на беларускія землі, абуджаюць народныя хваляванні. Адзін з загонаў, які захоплівае і абараняе Пінск, вядзе Антон Нябаба, верны сваёй справе паўстанец. Такім жа паказаны ў творы Гаркуша, казак па духу і беларус па крыві і думках, які марыць пра вызваленне роднага краю ад панскага прыгнёту. Гэтыя героі – духоўныя пабрацімы Рамана Ракутовіча і Юрася Братчыка – спалучаюць якасці народнага змагара і “мужыцкага Хрыста”. Такім жа паказваецца ў творы Іллі Клаза і Алесь Церабень – беглы прыгонны, які становіцца шчырым паўстанцам і змагаром, перакананым прыхільнікам гетмана Хмяльніцкага. Алесь выступае актыўным удзельнікам адлюстраваных падзей і адначасова апавядальнікам, праз успрыманне якога і асэнсоўваецца складаная гістарычная рэчаіснасць сярэдзіны XVII стагоддзя.

Пры ўзнаўленні падзей другой паловы XVIII стагоддзя Эдуард Скобелеў звяртаецца да актуальных і яго пісьменніцкаму часу маральна-этычных пытанняў: сумленнага служэння грамадству і дасягнення асабістай выгоды ад высокага грамадскага становішча (раман з элементам дэтэктыву “Свидетель: (записки капитана Тимкова)” (1986)). Пісьменнік уводзіць у твор вобраз апавядальніка-даследчыка, блізкага нашаму сучасніку: гэта капітан Цімкоў – актыўная і дзейная асоба, якая, аднак,

не губляе разважлівасці ўдумлівага летапісца. Цімкоў становіцца сапраўдным сведкам тагачасных гістарычных падзей і праз яго ацэнку раскрываецца, у прыватнасці, масонскі рух сярод арыстакратаў, кафлікт паміж Кацярынай II і Пятром III, які перарастае ў дзяржаўны пераварот. Прыхільнік Пятра III, Цімкоў не губляе адчужанай аб'ектыўнасці: *«Слушая плеск волн у борту, я смотрел на морские просторы и думал о том, что ни власть Петра, ни власть Ека-терины не могут затронуть самого существенного в жизни сорокамиллионной империи. Цари будут повелевать, казнить и миловать, вести опустошительные войны и принимать новые законы, но вместе с тем – оставаться чем-то необязательным и побочным: они никогда не возвратят человеку ни его поправленного достоинства, ни его упраздненной свободы, не вернут вольности его трудам, не заставят смеяться сирот и не убавят печали страждущих»* [2, с. 269]. Чалавек з яго вартасцямі і недахопамі становіцца прад-метам асэнсавання ў творы, лейтматывам якога становіцца пошук адказу на пытанне пра тое, чаму ж сапраўды рускія людзі заўсёды чужыя ў Расіі. У гэтым пытанні раскрываецца шырокі філасофскі роздум пра лёс чалавека і яго Радзіму, якое шматгранна асэнсоўваецца ў беларускай гістарычнай прозе.

Заклучэнне. У рускамоўнай прозе Беларусі апошняй трэці XX стагоддзя яскрава выяўлена тэма айчыннага мінулага. Пісьменнікамі праз увядзенне ў мастацкі апавяд аўтарскай сучаснасці рэпрэзентуецца нацыянальная адметнасць, раскрываецца суб'ектыўны аўтарскі ва-рыянт рамантычнага бачання гісторыі. Гэта лінія айчынай гістарычнай прозы дазваляе прасачыць дзве адносна ўстойлівыя эстэтычныя тэндэнцыі выяўлення спалучанасці розных часоў. Першая з

іх заключаецца ва ўвядзенні вобраза апавядальніка-летапісца, выразніка філасофска-анталагічнага ідэйнага зместу, што грунтоўна прадстаўлена ў творчай спадчыне як Міколы Садковіча, так і Эрнеста Ялугіна, Эдуарда Скобелева. Другая эстэтычная тэндэнцыя звязана з мастацкім увядзеннем у гістарычны твор апавядальніка-сучасніка і адлюстравана ў мастацкіх палотнах Эдуарда Скобелева, Іллі Клаза. Асцярожнае ўвядзенне ў гістарычны твор сучаснасці і сучасніка выяўляе значнасць для аўтара гістарычнага матэрыялу. Калі Мікола Садковіч і Эрнест Ялугін адлюстроўвалі беларускае мінулае праз рэцэпцыю вобразаў вядомых культурна-гістарычных дзеячаў, то Ілля Клаз бачыць айчынную гісторыю ў значных сацыяльных зрухах, а Эдуард Скобелеў абагульняе мінулае ў вялікіх гістарычных эпохах.

Літаратура

1. Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1987–1991. – Т. 7: Дзікае паляванне караля Стаха: апавесць; Чорны замак Альшанскі: раман. – 1990. – 574 с.
2. Скобелев, Э.М. Свидетель: (Записки капитана Тимкова) / Э.М. Скобелев. – Минск: Маст. літ., 1988. – 303 с.
3. Скобелев, Э. Мирослав, князь Дреговичский / Э. Скобелев. – Тула: Приок. кн. изд-во, 1990. – 335 с.
4. Фейхтвангер, Л. О смысле и бессмыслице исторического романа / Л. Фейхтвангер // Литературный критик. – 1935. – № 9. – С. 106–111.
5. Ялугин, Э. Мстиславцев посох / Э. Ялугин. – Минск: Беларусь, 1971. – 160 с.

Паступіла ў рэдакцыю 05.10.2011 г.

Прынята ў друк 12.12. 2011 г.

УДК 821.111(73)

Мірная і ваенная рэчаіснасць у зборніку Э. Хемінгуэя “Першыя сорок дзевяць апавяданняў”: узаемапранікненне і проціпастаўленне

© Трацяк З.І.

Установа адукацыі “Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт”, Полацк

Зборнік “Першыя сорок дзевяць апавяданняў” – адна са спроб Э. Хемінгуэя абагульніць свае набыткі ў жанры малой прозы. У кнізе спалучыліся апавяданні розных гадоў. Адною з ключавых тэм, што яднае творы, з’яўляецца тэма вайны, якая характарызуе быццё цывілізацыі пасля падзей 1914–1918 гг. Паводле меркаванняў амерыканскага празаіка, вайна ўяўляе сапраўдны кантынум; у сучасным яму свеце баявыя дзеянні не могуць скончыцца простым падпісаннем мірнага дагавору. Вайна пранікае ва ўсе сферы быцця асобы і вызначае яе паводзіны шмат часу пасля абвяшчэння афіцыйнага міру, яна становіцца неад’емнай часткай існавання ўсёй цывілізацыі. Каб перадаць гэтыя назіранні, Э. Хемінгуэй выкарыстоўвае шэраг мастацкіх прыёмаў: дакументалізму, мантажу, проціпастаўлення і інш. Адлюстраванню спецыфічнага аб’екта літаратурнага даследавання спрыяе простая, пазбаўленая залішніх упрыгожванняў, мова пісьменніка.

Ключавыя словы: Першая сусветная вайна, вайна-кантынум, малая проза Э. Хемінгуэя, дакументалізм, мантаж, проціпастаўленне.

(Ученые записки. – 2011. – Том 12. – С. 211–219)

Peace and war reality in “First forty nine stories” by E. Hemingway: interpenetration and opposition

© Tratsiak Z.I.

Educational establishment “Polotsk State University”, Polotsk

The collection “First forty nine stories” is one of E. Hemingway’s attempts to summarize his achievements in the sphere of short story. The book unites works written in different time. One of the key issues is the war theme used to characterize the civilization existence after the events of 1914–1918. In E. Hemingway’s opinion war is a real continuum; in the modern world warfare cannot simply end in a peace treaty. War penetrates into any sphere of human life and determines people’s behaviour long after making official peace. It is an essential component of humanity existence. To prove these observations E. Hemingway uses a number of literary methods: documentary basis, literary montage and contrast. Simple, devoid of any decorations language helps to reproduce a specific sphere of literary investigation.

Key words: World War I, war continuum, short stories by E. Hemingway, documentary basis, literary montage, literary contrast.

(Scientific notes. – 2011. – Vol. 12. – P. 211–219)

Адрас для карэспандэнцыі: вул. Зыгіна, д. 65, кв. 64, 211413, г. Полацк,
e-mail: mlik201rambler.ru – З.І. Трацяк

Даследаванне зборніка “Першыя сорок дзевяць апавяданняў” [1] (First Forty-Nine Stories, 1939) Э. Хемінгуэя замежнымі навукоўцамі пачалося прыкладна напрыканцы 50-х – на пачатку 60-х гг. XX ст. Асобныя праблемы, звязаныя са спецыфікай пабудовы кнігі, былі разгледжаны

Дж. ДэФалька [2], Ф. Янгам [3], М. Уілкінсанам [4] і інш. У савецкім літаратуразнаўстве першыя спробы вывучэння яе звязаны з імем І. Кашкіна [5]. У апошні час замежныя аўтары, што вывучаюць гісторыю развіцця амерыканскага апавядання мінулага стагоддзя, неаднаразова звярталіся да зборніка (К. МакГраф [6], Э. Лід [7]). На сённяшні дзень у айчынным літаратуразнаўстве гэта кніга застаецца практычна не разгледжанай, хаця яна (у адрозненне ад асобных зборнікаў празаіка) дае магчымасць комплексна вывучаць эвалюцыю поглядаў амерыканскага празаіка на катэгорыю “вайна” і змены ў спосабах і прыёмах стварэння твораў малой формы.

Дадзенае даследаванне праводзілася з мэтай выяўлення асноўных шляхоў узаемапраціканнення і проціпастаўлення эпизодаў, што адлюстроўваюць мірную і ваенную рэчаіснасць, у зборніку “Першыя сорок дзесяць апавяданняў” Э. Хемінгуэя.

Матэрыял і метады. Зборнік “Першыя сорок дзесяць апавяданняў” – адна са спроб Э. Хемінгуэя аб’яднаць творы малой формы розных гадоў так, каб яны апавядалі пра незвычайны лёс чалавека на пачатку XX ст. Па задуме празаіка ў кнізе спалучыліся тэксты з папярэдніх зборнікаў “У наш час” (In Our Time, 1925), “Мужчыны без жанчын” (Men Without Women, 1927), “Пераможца не атрымлівае нічога” (Winner Take Nothing, 1933), аповесці “Снягі Кіліманджара” (The Snows of Kilimanjaro, 1936), “Кароткае шчаслівае жыццё Фрэнсіса Макомбера” (The Short Happy Life of Francis Macomber, 1936) і эсэ “Натуральная гісторыя памерлых” (A Natural History of the Dead) з кнігі пра бой быкоў “Смерць пасля поўдня” (Death in the Afternoon, 1932). Разглядаючы матэрыял, што ўвайшоў у зборнік, становіцца відавочным: знакавымі на момант стварэння для пісьменніка былі ўдзел у Першай сусветнай вайне (1914–1918) і грамадзянскай вайне ў Іспаніі (1936–1939). У артыкуле выкарыстаны канкрэтна-аналітычны і параўнальна-гістарычны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. Асоба Э. Хемінгуэя-творцы добра вядома айчынным мастакам слова, літаратуразнаўцам, перакладчыкам, шырокай чытацкай публіцы. Адносіны беларускіх літаратараў да спадчыны амерыканскага празаіка найбольш ёміста былі вызначаны В. Быкавым у кнізе ўспамінаў “Доўгая дарога дадому”. З асобнымі творамі мастака слова можна пазнаёміцца ў перакладах Ю. Гаўрука, В. Небышынца, П. Марціновіча, А. Асташонка і інш. Згодна з праграмай курса англамоўных літаратур, вывучэнне жыццявага і творчага шляху Э. Хемінгуэя (лаўрэата Нобелеўскай прэміі) – абавязковы кампанент адукацыі студэнтаў-філолагаў. Аднак далёка не ўсе творы празаіка знаёмы айчынным літаратуразнаўцам і чытачам. Адным з малавядомых зборнікаў з’яўляецца аб’ект нашага даследавання – “Першыя сорок дзесяць апавяданняў”.

Падзеі 1914–1918 гг. упершыню прымусілі Э. Хемінгуэя па-іншаму адносіцца да таго, што адбывалася ў грамадскім жыцці ў ЗША і Старым свеце. Калі будучы пісьменнік у якасці добраахвотніка (ганаровага лейтэнанта італьянскага Чырвонага Крыжа) трапіў на еўрапейскі тэатр ваенных дзеянняў, ён пагаджаўся са словамі В. Вільсана: “...мы павінны змагацца за ідэі, якія заўсёды былі блізкімі нашаму сэрцу: за дэмакратыю, ... за правы і свабоды малых народаў, за ўсеагульную ўладу права ..., якія прыносяць мір і бяспеку ўсім нацыям і зносяць свет, у рэшце рэшт, свабодным”¹ [8, с. 128]. Погляды тагачаснага амерыканскага прэзідэнта на сусветны мір і ўсеагульную справядлівасць абапіраліся на

¹ (Тут і далей пераклад з замежных моў наш. – З.Т.) ... we shall fight for the things we have always carried nearest our hearts, – for democracy, ... for the rights and liberties of small nations, for a universal domination of right ... as shall bring peace and safety to all nations and make the world itself at last free.

нацыяналістычныя ідэі, былі звязаны з аптымістычным успрыманнем навукова-тэхнічнага прагрэсу і яго вынікаў, хрысціянскай ідэалогіяй, якія ў сукупнасці паспелі страціць папулярнасць у Еўропе за папярэднія гады Вялікай вайны.

Тое, з чым сутыкнуўся Э. Хемінгуэй падчас Першай сусветнай і грэка-турэцкай (1921–1922) войн, Генуэзскай (1922) і Лазанскай (20.11.1922 – 24.7.1923) канфэрэнцый, наведвання Рурскай вобласці (сакавік 1923 г.), а пасля ў Іспаніі, супярэчыла ўзгаданым вышэй грамадскім ідэалам. Жыццё ў ЗША, Канадзе і Еўропе пасля Першай сусветнай вайны ў асноўным прыносіла мастаку слова расчараванне. На гэтым фоне кніга “Першыя сорок дзесяць апавяданняў” набывала асаблівае гучанне, бо была аповедам пра асобу, што некалькі дзесяцігоддзяў практычна “балансавала на мяжы цвярозага розуму і вар’яцтва, рэальнасці і ўяўнасці, і, у рэшце рэшт, жыцця і смерці”² [2, с. 117].

Структура і змест зборніка падпарадкоўваліся галоўнай мэце празаіка: расправесці аб ўзаемадачыненні мірных часоў і перыяду вайны (па меркаванні аўтара, падзеі Першай сусветнай вайны, грэка-турэцкага канфлікту і грамадзянскай вайны ў Іспаніі трэба разглядаць як непарыўнае цэлае, звязанае матывам гвалтоўнай смерці), даследаваць іх уплыў на душэўны стан персанажаў – тыповых прадстаўнікоў тагачаснага грамадства. Ідэя “вайны-кантынуума” ў дадзеным зборніку Э. Хемінгуэя становіцца вынікам доўгатэрміновых назіранняў аўтара, для якога да 1939 г. пацвердзілася думка аб тым, што Вялікая вайна выклікала да жыцця фашызм у Італіі і нацызм у Германіі, існаванне якіх нагадвала аб перспектыве будучай яшчэ больш маштабнай татальнай вайны.

Пабудаваная на *прынцыпах мантажу і проціпастаўлення*, кніга вылучалася

арыгінальным спалучэннем матэрыялу, створанага ў розны час. Адекватнае ўспрыманне зборніка становіцца магчымым пасля аналізу ўзаемасувязей асобных яго частак, што яднаюцца рознымі сродкамі:

– фігурай улюбёнага персанажа Ніка Адамса, надзеленага аўтабіяграфічнымі рысамі; ён паказаны на шляху сталення;

– тэмамі гвалту (падчас баявых дзеянняў, на карыдзе, у грамадскім жыцці ў асноўным пасля 1918 г.), войнаў і ўсеагульнага заняпаду, што яны прынеслі.

Нягледзячы на тое, што ў кнізе няма скразнога сюжэта і агульных для ўсіх частак дзеючых асоб, для яе характарыстыкі можна выкарыстаць азначэнне “фрагментарны раман” (fragmentary novel) [9, с. 51], прапанаванае Д.Г. Лоў-рэнсам. Такім чынам, мазаічная манера апавядання як мага лепш перадае рух часу, раскрывае глыбінныя змены ў светаўспрыманні, звяртае ўвагу на цэлы комплекс праблем чалавечага існавання ў сучасным Э. Хемінгуэю свеце.

Ствараецца ўражанне, што аўтар пачынае рыхтаваць Ніка Адамса да выпрабаванняў вайной з дзяцінства. На першы погляд, падзеі ў апавяданні “Індзейскае паселішча” разгортваюцца не вакол “акопаў, зброі і іншых механізмаў вайны”, а вакол “болю, стогнаў, крыві і, у рэшце рэшт, смерці”, якія, у кантэксце зборніка “мажліва параўнаць з ваенным асяроддзем” [6, с. 28]. У пэўнай ступені падарожжа па вадзе ў паселішча індзейцаў, а пасля праз Атлантычны акіян у Еўропу, нагадвае эпічны паход у іншасвет. Аднак, калі маленькі Нік упершыню накіроўваецца ў невядомае і жудаснае, яму неўласціва пачуццё страху, якое ўзнікае каля індыйкі-парадзіхі. Э. Хемінгуэй падводзіць чытача да высновы, што знешне цывілізаванае

² an individual who is poised on the borderline of sanity and insanity, reality and unreality, and, ultimately, life and death

³ ... trenches, guns, and the other machinery of war, pain, screaming, blood, and, ultimately, death exist there that can be seen as similar to a war-like environment.

быццё чалавека – рэальнасць ўяўная, якая адразу знікае, сутыкнуўшыся з жорсткасцю. Варта заўважыць, што менавіта ў гэтым апавяданні празаік свядома мадэлюе той шаблон, па якім ён пабудуе многія іншыя пазнейшыя літаратурна-мастацкія творы. Звязаны ён “з уздзеяннем на персанажа жорсткасці, фізічнага і псіхалагічнага шоку, ці цяжкага выпрабавання, і потым з факусаваннем на выніках” [3, с. 32].

Непасрэдна падзеям Першай сусветнай вайны ў зборніку прысвечаныя кароткія ўступы ў першым, трэцім, чацвёртым, шостым і сёмым раздзелах, апавяданні “Вельмі кароткая гісторыя” (A Very Short Story), “Салдацкі дом” (Soldier’s Home) са зборніка “У наш час”. У іх аўтар адлюстравыў прамежак часу ад пачатковага этапу вайны ў Бельгіі і Францыі да фінальнай стадыі баявых дзеянняў на італьянскім фронце. Вышэй пералічаныя часткі, узятыя ў сукупнасці, папярэжаюць змест апавяданняў, прысвечаных даваеннаму дзяцінству і юнацтву Ніка Адамса і людскаму існаванню ў Еўропе і ЗША, пачынаючы з 1919 г. Празаік таксама звяртаецца да тэмы Вялікай вайны ў апавяданнях “У чужой краіне” (In Another Country), “На сон” (Now I Lay Me), “Якімі вы не будзеце” (A Way You’ll Never Be) і эсэ “Натуральная гісторыя памерлых”. Акрамя таго, светаадчуванне чалавека, які вярнуўся дадому ў ЗША з вайны падаецца празаікам у апавяданні “На Біг Рывер” (Big Two-Hearted River. Part I. Part II; першапачаткова ўваходзіла ў зборнік “У наш час”). Асаблівасцю гэтага твора было тое, што ў ім няма напамінку аб Вялікай вайне, аб ёй нагадвае спецыфічны пейзаж⁵, думкі і паводзіны пратаганіста – Ніка Адамса.

Першая сусветная вайна ў зборніку разглядаецца як з’ява асабістая: бачна, што і Э. Хемінгуэй, і яго персанажамі не заўсёды ўсведамляецца міжна-цыянальны характар канфлікту, яго маштабнасць і агульначалавечая катастрофічнасць. Большая ўвага надаецца таму, як перажывае вайну пэўная асоба, якую на трываласць выпрабавваюць экстрэмальныя ўмовы надвор’я, спецыфічны псіхафізічны стан, звязаны са знаходжаннем на фронце: месцы непадуладным традыцыйным прычынна-выніковым сувязям, дзе крышталізуецца і дэталізуецца ахоўны механізм страху.

У кароткіх уступах, якія першапачаткова ўваходзілі ў кнігу “У наш час”, мы знаёмімся з пачуццямі і абрыўкамі думак, што асацыятыўна ўзнікалі ў свядомасці аўтара, калі ён звяртаўся да перыяду ўласнага знаходжання на італьянскім фронце (праца амерыканскага празаіка ў італьянскім Чырвоным Крыжы ў чэрвені 1918 г. была перарвана ўжо 8 ліпеня таго ж году), а таксама да пачутых ім аповедаў іншых удзельнікаў баявых аперацый (напрыклад, капітана Э.Э. Дормана-Сміта). Складвалася адчуванне, што “ваенныя” апавяданні і інтэрлюдзі “адлюстроўвалі разгубленасць пісьменніка і яго равеснікаў, раздробленае ўспрыманне рэчаіснасці” [5, с. 55], выкліканыя надзвычайнасцю іх вопыту.

Цікава, што Э. Хемінгуэй праз шмат год пасля заканчэння мабілізацыі і з’яўлення першых чутак аб удзеле амерыканскіх салдатаў у Вялікай вайне стварае абагульнены іранічны

⁴ ... to expose a character to violence, to physical or psychological shock, or severe trial, and then to focus on consequences.

⁵ Апісанне старэлага дашчэнтку невялічкага амерыканскага гарадка нагадвае апакаліптычны малюнак знішчанага ваеннай навалай населенага пункта недзе ў Італіі, так як яго мог бачыць Э. Хемінгуэй: “There was no town, nothing but the rails and the burned-over country. The thirteen saloons that had lined the one street of Seney had not left a trace. The foundations of the Mansion House hotel stuck up above the ground. The stone

was chipped and split by the fire. It was all that was left of the town of Seney. Even the surface had been burned off the ground” [1, с. 186]. (Горада не было, не было нічога апроч рэек і апаленай прасторы. Ад трынаццаці салонаў, што некалі стаялі ў рад на адзінай вуліцы Сэні, не засталася і напамінку. Над зямлёю ўзвышаўся толькі падмурак Гранд-гатэля. Каменні ад агню патрушчыліся і пакрышыліся. Вось і ўсё, што засталася ад горада Сэні. Нават паверхня пераўтварылася ў попел.)

вобраз ідэальнага воіна, што нарадзіўся ў ЗША прыкладна ў 1899 г. (у час, калі можна было яшчэ пачуць успаміны састарэлых удзельнікаў Грамадзянскай вайны), ў апавяданні “Якімі вы не будзеце”. Нік Адамс, галоўны герой гэтага літаратурна-мастацкага твора, – грамадзянін ЗША, што знаходзіцца ў распараджэнні амерыканскага консула, не мае чына ў арміі на радзіме, аднак, верагодна, становіцца “ганаровым лейтэнантам” у італьянскіх вайсковых адзінках, дзе яму даручана распаўсюджваць цыгарэты, шакалад і папштоўкі на перадавой, а пазней недарэчна дэманстравалі амерыканскую форму, каб падбадзёрыць італьянскіх салдат думкай пра прыход дапамогі з-за акіяна. Такую службу нельга назваць гераічнай, аднак Нік ведае пра вайну больш, чым тыя, хто быў абраны ваенным камандваннем ЗША і “быў удвая вышэйшы за яго, здаровы, з чыстым сэрцам, спаў ноччу, ніколі не быў паранены, кантужаны, ці завалены зямлёю, не баяўся нічога, не піў, заставаўся адданым дзяўчынам, што засталіся дома, і ніколі не пакутваў ад блох”⁶ [1, с. 382]. На ўласным прыкладзе герой ведаў, як хутка “ідэальныя” воіны пасталеюць: спазнаюць боль ад ран, пачнуць пакутваць ад кантузій і будуць баяцца страціць жыццё, навучацца “ратаваць” спакутаваную душу за келіхам віна і г.д.

Э. Хемінгуэй падкрэсліваў псіхалагічнае напружанне салдата, народжанае страхам быць забітым непасрэдна ад лініі фронту, непрыдатнымі ўмовамі будзённага існавання, болей. Бачныя і сродкі, пры дапамозе якіх персанажы спрабуюць пераадолець сябе:

– алкагольныя напоі, якія прытуплялі пачуццё страху, прыносячы кароткае па часе збавенне-забыццё (у гэтым зборніку апавяданняў “матыў ап’янення” (the motif of being drunk) становіцца адным з

цэнтральных. Пад ап’яненнем Э. Хемінгуэй разумее своесаблівы стан чалавека (часцей за ўсё – мужчыны), калі адкрываецца яго ўнутраная сутнасць, што можа адначасова быць і жорсткай, і сентыментальнай [10, с. 102], звышрацыянальнай і падуладнай містычным сілам);

– наўмыснае спрашчэнне жахлівага і жорсткага, што адбываецца навокал, да аднаго быццам бы малазначнага эпізоду з жыцця, які хоць і фіксуецца свядомасцю, але вонкава не выклікае ў салдата ніякай рэакцыі, бо ён не імкнецца адразу “дэшыфраваць” усю інфармацыю, атрыманую са знешняга свету. Такое бесстароннае “кінематаграфічнае” ўспрымання вайны з’яўлялася вынікам адсутнасці адэкватных моўных сродкаў для ўваблення чалавекам перажытага. Уся рыторыка мінулых войнаў блякла і страчвала сэнс, у выпадку калі яе выкарыстоўвалі з мэтай адкладзенага па часе аналізу таго, што адбывалася на полі бою падчас Першай сусветнай. Нават праз некалькі год, па назіраннях пражытка, ваенным перажыванням было прасцей прарвацца ў форме начных кашмараў, беспадстаўных страхам ці дэпрэсіі, чым у выглядзе лагічна выкладзеных думак аб вайне;

– канцэнтраванне ўвагі на адным аб’екце на полі бою (барыкада, дрэва, збудаванне), назіранне за якім адцягвае думкі аб неабходнасці забіваць і магчы-масці загінуць: мадыфікацыяй дадзенага спосабу становіцца ўяўны зварот да падзей і перажыванняў мінулага, што зноў і зноў маляўніча і рэалістычна праходзяць перад вачыма салдата на перадавой, засланяючы жорсткасць сусвету;

– малітва-зварот да Бога ў надзвычайнай сітуацыі, якая мела дваіны сэнс: па-першае, яна займала салдата і не дазваляла яго свядомасці ў поўнай меры фіксаваць цяжар яго становішча падчас бою, і, па-другое, малітва была звязаная з бояззю

⁶ Americans twice as large as myself, healthy, with clean hearts, sleep at night, never been wounded, never been blown up, never had their heads caved in, never been scared, don’t drink, faithful to the girls they left behind them, many of them never had crabs ...

страціць Бога (у шырокім сэнсе слова), які падсвядома атаясамліваўся чалавекам з уласнай душой, са стабільнасцю, сусветным парадкам. Калі пагроза фізічнаму існаванню змяншалася ці знікала, персанаж спрабаваў забыцца на свой зварот да вышэйшых сіл, бо ён здаваўся праявай баязлівасці і наіўнасці, сцвярджаў слабасць самога воіна:

– мэтанакіраваныя ўцёкі ў свет фізічных пачуццяў, якія прыносяць уцехі плоці, нават калі для гэтага прыходзілася наведваць брудныя прыфрантавыя дамы цярплівасці, знаходжанне ў якіх да вайны магло б разглядацца персанажам як пагарда да ўласнай асобы;

– іранічнае змяншэнне таго жудаснага, што адбываецца навокал, у прысутнасці іншых людзей, спецыфічны салдацкі гумар.

У мірны час, паводле меркавання Э. Хемінгуэя, сродкамі барацьбы з сабою становяцца паляванне, рыбная лоўля, заняткі спортам, чытанне кніг, уласная творчасць, размовы з сябрамі (у выпадку з Нікам Адамсам), і удзел у карыдзе ці скачках (жакей з апавядання “Мой стары” (My Old Man), матадор Віляльта), рэвалюцыйная дзейнасць (малады змагар у Італіі). Калі ж пакуты чалавека “ў наш час” становіліся нясцерпнымі, прэзакі пакідаў за ім права здзейсніць самагубства (індзеец, стары Педуцы).

Цікава, што амерыканскі пісьменнік не адносіць стан сну да вышэй згаданых сродкаў. Патлумачыць гэты факт можна наступным чынам: чалавек, траўміраваны шматлікімі праявамі смерці (і на вайне, і ў мірны час), становіцца звышадчувальным і пачынае падсвядома праводзіць аналогіі паміж станам сну, калі асоба страчвае кантроль над сабой і становіцца бездапаможнай, і смерцю. Паказальным у дадзеным выпадку з’яўляецца апавяданне “На сон”. Галоўная дзеючая асоба – Нік Адамс – пакутуе на ваенны неўроз, асноўным сімптомам якога быў панічны страх перад станам сну менавіта ўначы. Пратаганіст тлумачыць гэта наступным чынам: “Сапраўды я не жадаў спаць, бо я ўжо шмат часу пражыў, ведаючы, што калі я

заплюшчу вочы ў цемры і дазволю сабе забыцца, мая душа ў рэшце рэшт пакіне цела. Я ведаў аб гэтым ужо даўно, з той самай ночы, калі мяне аглушыла выбухам, і я адчуў, што мая душа вырвалася і адляцела, а потым вярнулася назад”⁷ [1, с. 335]. Цікава, што на непрыемныя адчуванні падсвядома паўплывалі і стан падобны да клінічнай смерці (перажытай самім аўтарам), і яшчэ адзін факт: адразу пасля кантузіі Нік Адамс трапляе ў імпра-візаваны шпіталь у прыфрантавой паласе. Уначы яго хваравіты стан пагаршаецца: ён пачынае прыслухоўвацца да таго, як шаўкавічныя чарвякі ядуць тутавое лісце. У пратаганіста складваецца ўражанне, што яны паступова падбіраюцца да яго (бездапаможнага параненага чалавека, што трапіў у замкнёную цёмную прастору, якая нагадвае труну, выбрацца адкуль немагчыма). Усяго гэтага было больш чым дастаткова, каб кожную наступную ноч займаць сябе думкамі, успамінамі і малітвамі.

У апавяданні “Салдацкі дом”⁸ Э. Хемінгуэй раскрывае думку аб тым,

⁷ I myself did not want to sleep because I had been living for a long time with the knowledge that if I ever shut my eyes in the dark and let myself go, my soul would go out of my body. I had been that way for a long time, ever since I had been blown up at night and felt it go out of me and go off and then come back.

⁸ Дадзены пераклад назвы “Soldier’s Home” на беларускую мову бачыцца найбольш адэкватным, бо ён адсылае чытача да вядомага з часоў Грамадзянскай вайны ў ЗША тэрміна, што выкарыстоўваўся для абазначэння спецыяльнай сацыяльна-медыцынскай установы для абмежаваных у дзеяздольнасці з-за псіхічных праблем ці фізічных калецтваў ветэранаў. Такая адсылка толькі ўзмацняе іранічнае гучанне твора, са зместа якога вынікае, што бацькоўскі дом для Крэбса становіцца менавіта “салдацкім”, дзе можна адпачыць пасля вайны і прыгадаць асаблівасці цывільнага жыцця, аднак заставацца там назаўжды немагчыма: блугапрыстойныя людзі не збіраюцца заўжды матэрыяльна падтрымліваць чалавека, які па незразумелых ім прычынах адмаўляецца працаваць і супакаенне знаходзіць у сузіранні таго, што адбываецца навокал. Калі разглядаць апавяданні “Салдацкі дом” і “На Біг-Рывер” у сукупнасці (не зважаючы на розныя імёны галоўных дзеючых асоб, лёсы якіх, па меркаванні Э. Хемінгуэя, падобныя), то можна зрабіць выснову, што той кропкай у сусвеце, дзе былы салдат можа адчуць аўру бяспекі,

што вышэй пералічаныя сродкі пераадолення сябе на вайне разбураюць унутраны свет былога салдата не менш, чым неабходнасць пад прымусам вайскавай машыны “змяняць сваю асобу: з цывільнага пераўтварацца ў воіна і наадварот”⁹ [7, с. 88]. Абапіраючыся на “прыныш айсберга”, амерыканскі прэзідэнт пакідае паз-за межамі апавядання некаторыя моманты з жыцця галоўнага героя Крэбса. Лаканічна пералічваюцца пяць асноўных ваенных аперацый, у якіх удзельнічаў амерыканскі кантынгент у чэрвені–кастрычніку 1918 г.: бітвы пад Бэло (2 чэрвеня – 7 ліпеня), у Шампані (15–18 ліпеня), пад Суасонам (15 ліпеня – 1 жніўня), Сэн-Міэле (12–16 верасня), у Аргонскім лесе (26 верасня – 1 кастрычніка). Відавочна, што служба патрабавала ад Крэбса забыцца на мірнае жыццё, дзе забойства чалавека прыводзіла да пакарання. За мінімальны тэрмін часу ён навучыўся стрымліваць знешнія праявы страху і адчуванне віны. Пазней наступае згаданы ў творы момант вяртання да забытага цывільнага жыцця, які патрабуе ад Крэбса новага акта прыпадабнення: зараз яму неабходна выкрэсліць са свядомасці знаходжанне на вайне і заняцця добрапрыстойным відам дзейнасці, стварыць сям’ю і прыняць разбураныя вайною каштоўнасці: анахранізмы, якія захаваліся ў ЗША. У такіх умовах малады чалавек хутка выпрацоўвае адмоўныя маральныя імператывы, што пачынаюць кіраваць яго жыццём. Па гэтым апавядання раскіданы наступныя прыклады: “ён не жадаў інтрыг”, “ён не жадаў займацца заляцаннямі”, “ён не жадаў ілгач”¹⁰ і г.д. Такія метамарфозы, што нараджаюць эстэтыку адмаўлення ў свядомасці персанажа, адбываюцца на псіхічным здароў’і ветэрана і выклікаюць пачуццё разгубленасці.

становіцца месца начлегу на прыродзе далёкае ад цывілізацыі.

⁹ Change their identity, from civilian to soldier and back again.

¹⁰ He didn’t want to get into the intrigue. He did not want to have or do any courting. He did not want to tell any more lies.

Сімптоматычна, што ў дачыненні да былога салдата прырода на радзіме выконвае тэрапеўтычную функцыю: яна дапамагае персанажу часткова адысці ад фізічных і духоўных наступстваў вайны. Навакольнае асяроддзе як адзінае, што захавалася амаль нязменным з яго дзяцінства, дазваляе былому салдату прымірыцца з тымі зменамі, што адбыліся ў краіне за час яго знаходжання ў Еўропе. І Ніка Адамса, і героя апавядання “Салдацкі дом” Крэбса ўразіла, што новая эпоха ў гісторыі Злучаных Штатаў звязана з добра ім вядомай па палях бою “механістычнай жорсткасцю” (mechanical brutality) [11, с. 6]. Калі правесці далейшыя аналогіі паміж прыродным асяроддзем і былым франтавіком, можна заўважыць, як яно становіцца “ачышчальнікам раны, нанесенай звыроднай культурай” і функцыянуе як “вобраз асобы, што не распалася ў сацыяльным хаосе”¹¹ [4, с. 58].

Падчас аналізу зборніка становіцца відавочным, што паступова Э. Хемінгуэй падводзіць былога персанажа-салдата да высновы, што “смерць – найлепшыя лекі ад любога ліха”¹² [12, с. 104]. Таму яе неабходна прыняць як “непазбежную рэчаіснасць” (unescapable reality) [12, с. 266] і не падаўляць думкі аб зыходзе ў нябыт. Разважанні апавядальніка ў “Натуральнай гісторыі памерлых” становяцца лагічным вынікам яго сталення ад хлопчыка, які верыць, што жыццё дадзена яму назаўжды, да чалавека, які хоць крыху спрабуе асэнсаваць уласныя назіранні за смерцю на вайне і ў мірным жыцці, да якіх ён столькі часу не мог падступіцца з-за звычайнага пачуцця страху і сораму, бо, як яму здавалася, цікаvasць да смерці не можа быць натуральнай. Зразумела, што гэты аповед з

¹¹ A purifier of the wound of degenerated culture, an image of self which has not disintegrated in social chaos.

¹² Death is a sovereign remedy for all misfortunes.

прычыны надзвычайнай значнасці для пісьменніка не змог прыняць закончанай формы: ён складаецца з розных фрагментаў-успамінаў аб вобразах вайны і смерці на заводзе боепрыпасаў у Мілане, падчас атакі аўстрыйцаў на італьянскім фронце ў 1918 г., у адным са шматлікіх безыменных прыфрантавых шпіталяў.

Паводле ступені натуралізму вышэй узгаданаму эсэ не саступае апавяданне “Альпійская ідылія”. Невялікі па аб’ёме твор прысвечаны жудаснаму і, на першы погляд, не звязанаму з падзеямі Вялікай вайны, здарэнню: у селяніна Олза, які жыве ў аддаленым раёне Альпаў (яго адарванасць ад усяго чалавецтва нагадвае аб адасобленым існаванні салдатаў-акопнікаў), на пачатку зімы памірае жонка, у яго няма магчымасці перавезці цела ў бліжэйшую вёску для пахавання. Аднак самая запамінальная дэталі – гэта абсалютна ўтылітарны падыход да цела, аб якім Олза апавядае так: “Калі яна памерла, я даў знаць абшчыне і паклаў яе ў паветку на дровы. А потым мне спатрэбіліся тыя дровы, на той момант яна ўжо зусім закарчанела, і я прытуліў яе да сцяны. Рот ў яе быў адкрыты, і калі надвячоркам прыходзіў у паветку пілаваць дровы, я вешаў на яе ліхтар”¹³ [1, с. 322].

Э. Хемінгуэй не паведамляе, ці ўдзельнічаў Олза ў Першай сусветнай вайне, хаця такія адносіны маглі на-радзіцца толькі ў выпадку, калі чалавек некаторы час правёў на полі бою не падобнай да ўсіх папярэдніх войнаў. Знаходзячыся ў Італіі, празаік меў магчымасць і асабіста аказацца ў прыфрантавой паласе, і пачуць аповеды іншых аб месцах, дзе зямля знаходзілася пад лагам з трупаў, пахаваць якія не было ні часу, ні чалавечых рэсурсаў. У такіх умовах тыя, хто захаваў жыццё, былі вымушаны зусім па-іншаму адносіцца да забітых: як да элемента ландшафту, які

можна выкарыстаць у адпаведнасці са сваімі запатрабаваннямі. Амерыканскі пісьменнік ведаў, што цела забітага становілася і прыкрыццём ад асколкаў на нічыйнай зямлі, і матэрыялам для стварэння абарончых збудаванняў.

Заклучэнне. Знаёмства са зборнікам апавяданняў прыводзіць да высновы, што Першая сусветная вайна раскраіла гісторыю чалавецтва надвая. Яна прымусіла спачатку Э. Хемінгуэя, а потым яго персанажаў перагледзець адносіны да феномена вайны: ад рамантычна-авантурыскага да расчаравана-трагічнага. Бэссэнсоўная жорсткасць, гвалтоўная смерць, нестабільнасць і алагічнасць быцця ў свеце пасля 1914 г., паводле назіранняў амерыканскага празаіка, займаюць месца спакою, ідэі паступовага пазітыўнага развіцця, веры ў чалавека як рацыянальную істоту. Першая сусветная вайна для аўтара – пачатак эпохі бясконцых войнаў, летапісцам якіх ён становіцца па ўласным жаданні. Са зборніка вынікае ідэя аб існаванні ў творчасці Э. Хемінгуэя ідэі аб татальнай вайне-кантынууме, што закранула не толькі міжнародныя адносіны, але і сямейнае жыццё, сяброўскія пачуцці і т.д.

Літаратура

1. Hemingway, E. First Forty-nine Stories. Second Impression / E. Hemingway. – London: Jonathan Cape, 1946. – 471 p.
2. DeFalco, J.M. The theme of individuation in the short stories of Ernest Hemingway / J.M. DeFalco. – A dissertation in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philology. – University of Florida, 1961. – 222 p.
3. Young, Ph. ‘Big World Out There’: The Nick Adams Stories / Ph. Young // The Short Stories of Ernest Hemingway. Critical essays. Ed. by Jackson J. Benson. – Duke University Press, Durham, North Carolina, 1975. – P. 29–45.
4. Wilkinson, M. Ernest Hemingway and Ivan Turgenev: a Study in the Nature of Literary Influence / M. Wilkinson – A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of

¹³ When she died I made the report to the commune and I put her in the shed across the top of the big wood. When I started to use the big wood she was stiff and I put her up against the wall. Her mouth was open and when I came into the shed at night to cut up the big wood, I hung the lantern from it.

- master of arts, Siman Frazer University, 1984. – 117 p.
5. Кашкин, И. Эрнест Хемингуэй. Критико-биографический очерк / И. Кашкин. – М.: Худож. лит., 1966. – 295 с.
 6. McGrath, C.P. Fighting Tradition: Hemingway's Nick Adams and Shell Shock / C.P. McGrath. – A Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts, Oregon State University, 2007. – 57 p.
 7. Leed, E. Fateful Memories: Industrialized War and Traumatic Neurosis / E. Leed // Journal of Contemporary History. – Volume 35. – Number 1. – January 2000. – PP. 85–100.
 8. Wilson, W. Declaration of War / W. Wilson // A Twentieth-century American Reader. Volume 1. 1900–1945. Edited by Jack Lane and Maurice O'Sullivan. – United States Information Agency, Washington, D.C., 1999. – P. 125–128.
 9. Ernest Hemingway: The Critical Heritage Series. General Editor B.C. Southam. Edited by J. Meyers. – Routledge, London–New York, 1982. – 468 p.
 10. Straumann, H. The fate of Man / American literature in the twentieth century / H. Straumann. – Harper & Row Publishers, New York, 1965. – P. 100–109.
 11. Aintsworth, T.M. Hemingway's Hidden West: Concealment in the Toronto Star Features through A Farewell to Arms / T.M. Aintsworth. – A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of arts, Texas Tech University, 1996. – 110 p.
 12. Hemingway, E. Death in the Afternoon / E. Hemingway. – Charles Scribner's Sons, New York, 1960. – 487 p.

Паступіла ў рэдакцыю 22.09.2011 г.

Прынята ў друк 12.12. 2011 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:
 - индекс УДК;
 - название статьи;
 - фамилия и инициалы автора (авторов);
 - организация, которую он (они) представляет;
 - введение;
 - раздел «Материал и методы»;
 - раздел «Результаты и их обсуждение»;
 - заключение;
 - список использованной литературы.
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается короткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможности применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать

не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.

10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;
 - название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;
 - домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;
 - рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;
 - экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements:
 - UDK index;
 - title of the article;
 - name and initial of the author (authors);
 - institution he (she) represents;
 - introduction;
 - “Material and methods” section;
 - “Findings and their discussion” section;
 - conclusion;
 - list of applied literature.
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.

10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is nauka@vsu.by).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;
 - title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;
 - author's home address, telephone number, e-mail address;
 - recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;
 - expert conclusion on the feasibility of the publication.
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn't mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»**

Сборник научных трудов

Том 12

Компьютерный дизайн

Т.Е. Сафранкова

Корректор

Л.В. Моложавая

Подписано в печать 23.12.2011. Формат 60х84^{1/8}. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 16,21. Тираж 100 экз. Заказ 144.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».
ЛИ № 02330 / 0494385 от 16.03.2009.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.